

Национальная академия наук Таджикистана

**Институт истории, археологии
и этнографии им. А. Дониша**

Национальный музей древностей Таджикистана

**ТАХТИ САНГИН – НАМОДИ ОМЕЗИШИ
ТАМАДДУНИ ШАРҚУ ҒАРБ**

**ТАХТИ-САНГИН КАК ПРИМЕР СИНТЕЗА
ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА**

**TAKHT-I SANGIN AS AN EXAMPLE OF THE
SYNTHESIS OF THE CIVILIZATIONS OF EAST
AND WEST**

Душанбе – 2023

ББК 63.3(4) + 75.07+72
УДК 94+902+7

Под общей редакцией:
д. и. н., профессора
Н. К. Убайдулло

Рекаторы-составители:
д.и. н. Н. Дж. Ходжаева,
А. Н. Одинаев

Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти-Сангин (Душанбе, 4-6 октября 2023 г.) – Душанбе: Дониш, 2023. – 434 с.

Настоящий сборник посвящен 2500-летию одного из известнейших и уникальных памятников Центральной Азии – Тахти-Сангину. Статьи как отечественных, так и зарубежных ученых освещают различные аспекты исследования этого загадочного памятника, в том числе вопросы духовной и материальной жизни населения Тахти-Сангина. В статьях представлены также новые решения спорных вопросов, касающихся хронологии памятника и религиозной жизни тахтисангинцев.

Представленный сборник статей предназначен для молодых ученых, студентов и читателей, интересующихся историей таджикского народа, которые узнают о результатах археологических раскопок на Тахти-Сангине в последние годы, а также получают информацию о новых интересных находках, которые раскрывают некоторые тайны памятника.

ISBN 978-99985-946-9-2

© **Институт истории, археологии и этнографии**
им. А. Дониша

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада» составлен преимущественно из статей, представленных их авторами в качестве докладов на Международный научный симпозиум, посвященный 2500-летию одного из известнейшего археологического памятника Центральной Азии – городища Тахти-Сангин, который состоялся 4-6 октября 2023 г. в столице Республики Таджикистан г. Душанбе и был организован Институтом истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

По решению Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО 11 ноября 2021 г., 2500-летний юбилей городища Тахти-Сангин внесен в перечень «Знаменательных и памятных дат ЮНЕСКО». Данное решение этой важной международной организацией свидетельствует о признании Тахти-Сангина уникальным памятником с многовековой историей.

Тахти-Сангин (тадж. «Каменный трон») – важный памятник истории и культуры Центральной Азии второй половины I тыс. до н.э., расположенный в месте впадения Вахша в Пяндж, где начинается Амударья, одна из крупнейших рек Центральной Азии. Впервые о памятнике упоминается русским ученым второй половины XIX в. Н.А. Маевым, который в 1869 г. посетил Кубодиёнский оазис (ныне Кубудиёнский район, Хатлонская область, Республика Таджикистан). Первое научное описание Тахти-Сангина дает Д.Н. Логофет (1909 г.).

Археологические изыскания на памятнике проводили М.М. Дьяконов (1946, 1950-1951 гг.) и А.М. Мандельштам (1956 г.). Комплексные исследования городища Тахти-Сангин, в основном Храма Окса, проводились Тахтикубадским отрядом (начальник И.Р. Пичикян) Южно-Таджикистанской археологической экспедицией под руководством Б.А. Литвинского с 1975 по 1991 гг., Тахтисангинским отрядом (начальник А.П. Дружинина) с 1998 по 2010 гг., совместной таджикско-французской экспедицией Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана и Французского национального центра научных исследований (CNRS) (руководители Т.У. Худжагелдыев, М. Желен) в 2014 и 2017 гг., археологическим отрядом Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша в 2020 г. (началь-

ник Н.Сайфуллоев) и в 2022-2023 гг. (начальник Т.У. Худжагелдыев). Результаты исследований на памятнике отражены в многочисленных публикациях. В том числе и нескольких монографиях.

Археологические исследования на памятнике показали, что Тахти-Сангин – это древний город, который был основан в ахеменидское время и функционировал в эллинистический, раннекушанский, позднекушанский и кушано-сасанидские периоды. Город состоит из укрепленной цитадели и жилых районов вокруг нее. Его площадь достигает 105 га, из которых 83 га (3000м x 100-450м) – жилые районы. В центре Тахти-Сангина находилась цитадель, на территории которой был раскопан храм Окса – одно из крупнейших сооружений восточной архитектуры. Благодаря своей хорошей сохранности, храм Окса стал эталонным образцом храмов восточного типа в истории архитектуры.

Находки с Тахти-Сангина вписали в историю культуры и искусства Центральной Азии новую яркую главу, обогатив наши знания о монументальной архитектуре древней Бактрии, её религиозных представлениях и т.д. На сегодняшний день на Тахти-Сангине было обнаружено свыше 10 тысяч находок, как целых, так и фрагментированных экземпляров, датируемых от VI в. до н.э. до III в.н.э., среди них – сотни произведений искусства. Многие, из которых не имеют аналогов в центральноазиатском искусстве, и до сего дня не обнаружены ни на одном археологическом объекте.

До сих пор этот уникальный памятник является объектом дискуссий. Исследователи полемизируют о его функциональном назначении, религиозной принадлежности и был ли он посвящен реке Окс. Вопрос о датировке памятника также остаётся открытым. С памятником связывают и местонахождение Амударьинского клада – жемчужины Британского музея.

В связи с этим назрела необходимость собрать ученых различных областей наук, чьи научные интересы касаются Тахти-Сангина, чтобы обсудить возникшие спорные вопросы. Национальная академия наук Таджикистана предоставила возможность исследователям Тахти-Сангина собраться вместе и обсудить волнующие их проблемы.

Настоящий сборник составлен из статей, авторы которых представляют Институт истории, археологии и этнографии и Отдел искусствоведения Национальной академии наук Таджикистана, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Государственный

художественный колледж им. М. Олимова, Худжанский государственный университет им. Академика Б.Г. Гафурова из Таджикистана; Институт Востоковедения Российской академии наук, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Государственный музей искусств народов Востока (Москва) из России; Институт истории искусств Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, Термезский государственный университет из Узбекистана; Институт истории Национальной Академии наук Беларуси; Национальный центр научных исследований из Франции, Лидский университет из Великобритании; Немецкий археологический институт, Свободный университет из Германии; Институт археологии Австрийской академии наук; Карлов университет из Чехии; Лейденский университет из Нидерландов, Римский университет из Италии; Еврейский университет из Израиля; Музей Михо из Японии.

Статьи публикуются на том языке, на котором они были представлены.

Тематика большей части статей весьма обширна и рассматривает различные аспекты исследований Тахти-Сангина. Авторы затрагивают вопросы истории, археологии, нумизматики, эпиграфики, лингвистики, астрономии, искусства, культуры, архитектуры, скульптуры, религии, и т.д.

Проф. Н.К. Убайдулло

TAKHT-I SANGIN: ON THE PRE-HELLENISTIC FINDS

Henri-Paul Francfort

(Paris, France)

At the occasion of the conference on «Takht-i Sangin as an example of the synthesis of the civilizations of East and West», I wish to express my warmest thanks to the National Academy of Sciences of Tajikistan, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, to its directors, and to all my esteemed colleagues. During thirty-three years of cooperation between France and Tajikistan in the field of archaeology, we have learned to appreciate and respect each other, in order to progress in the scientific knowledge of the glorious past of Tadjikistan. Takht-i Sangin is a brilliant example of high level contacts and exchanges that took place in the past, during the period of Antiquity. Old friends and colleagues have excavated, studied and published the exceptional discoveries of Takht-i Sangin, the sanctuary of the Oxus. I shall mention the memory of B. A. Litvinskij and I. Pichikjan, that too early passed away, but also T. Khudzhageldyev, and many others that I cannot all list here; I hope they will forgive me. During my years of excavations at the Hellenistic city of Aï Khanoum in Afghanistan, under the leadership of the late P. Bernard, 100 km away from Takht-i Sangin only, I have learned to focus my interest upon all the discoveries of Takht-i Sangin, and to compare the finds as far as possible. Especially because I have spent many seasons excavating a sanctuary from 1968 to 1973, the large» temple with indented niches» and its sanctuary. Today I propose to continue and improve the comparisons between the two sanctuaries.

Therefore, my aim in the present communication is not about the chronology of the site of Takht-i Sangin, for which it is necessary to deal with the stratigraphy and with the dates of the finds from the Oxus Temple and the surrounding areas, in order to obtain a solid and stable chronological framework. This is already completed, in general, at least for the main periods.

However, the detailed precise chronology of the temple itself is very difficult to figure out, due to the possible changes of its cult, and above all to the continuous modifications carried out during the Hellenistic and Kushan periods of the temple's functioning. During this history of the Hellenistic and Kushan periods, the storage of votive offerings was made in special sacred pits, called *bothroi* by the excavators. Later some loot-

ers pits disturbed some parts of the stratigraphy, making the work of excavation more complicated. Therefore, the dating of the artefacts should be determined, not only on the basis of the chronological stratigraphy and of the sequence of architectural structures of the temple, but also, in great part, on the basis of the types, styles and dates of the numerous finds, after precise comparative studies.

The question of the cult(s) performed at Takht-i Sangin is not absolutely settled. Though it is not the purpose of the present paper, I give a short abstract of the question. B. A. Litvinsky noted that the plan of the temple is oriental. After his analysis, he concluded that the cults of water and fire were characteristic of the Oxus Temple, and that they were Zoroastrian. This is evidenced, he wrote, by the presence of storage of fire's ashes (pits filled with the purest ash), of a well, and a basin for water¹. Moreover, this scholar carried out a comparative analysis of the planning of the Oxus Temple with the fire temples of the Achaemenid period, proposing their direct connection².

However, considering that it was not so simple, P. Bernard, after a detailed analysis of the architecture and the finds, considered that the evidence for a fire temple was not enough clear, and he preferred to retain only the Oxus as the deity to which the temple was dedicated. He was however not excluding *synnaoi* divinities, that is deities sharing in the same time the same sanctuary. Three of four inscriptions in Greek script and language found at Takht-i Sangin, dedications to the deity Oxus, supported his theory³.

On my side, I have collected the evidence for the cults, comparing the architectural layout and the specific identical finds of the Takht-i Sangin and Ai Khanoum temples. I reached the conclusion that both sanctuaries were dedicated to the Oxus deity, a deity of waters and fertility⁴. I shall not repeat here the arguments, but the parallels between the two sanctuaries are striking, in spite of the fact that, unfortunately, no inscription or dedication was discovered at the temple of Ai Khanoum. Just one example. A gilded silver repoussé plaque depicting the Greek goddess Cybele (originating in Anatolia) was discovered at Ai Khanoum temple, and fragments of absolutely identical plaques were excavated at Takht-i

¹ Litvinskij and Pichikjan, 2000, p. 182-183, 199.

² Ibid. P. 200.

³ Bernard, 1994, p. 310-314; I do not include here the bibliography about the Greek inscriptions.

⁴ Francfort A. 2012.

Sangin. This does not mean, of course, that the two temples were dedicated to Cybele, but perhaps that some Greeks considered correct to offer a picture of Cybele in a sanctuary of Oxus, taking into consideration the functional proximity and analogy of the two deities. The interesting links between Bactria, Takht-i Sangin and Seleucid Anatolia were evidenced by P. Bernard, at the time of Seleukos I and Antiochos I his son who was viceroy in Eastern Satrapies, and his mother Apamè¹. But I cannot develop here. One more word about the possible evolution of the cults in both temples. At Aï Khanoum, at the very end of the Hellenistic period, in the final part of the reign of Eukratides I (ca. 180-145 BC), a change in the cult for Zeus may have occurred; a statue of Zeus may have been imposed by the Greek power (?), but it was rapidly completely destroyed. At Takht-i Sangin, after the Hellenistic period, a fire cult could have replaced or completed the original Oxus cult. But I will not enter here in too many details. Let us turn now towards the Pre-Hellenistic, or Achaemenid finds at the Oxus Temple.

The late B. A. Litvinskij, in a book devoted to the finds in the Oxus Temple², wrote a big chapter about Achaemenid objects. I must say here that the Achaemenid artefacts, discovered in a Hellenistic stratigraphical context, are not uncommon at Aï Khanoum too³. At Aï Khanoum, other finds, in stratigraphic context, demonstrate the occupation of the site during the Achaemenid period, on the citadel (Bala Hissar)⁴. This does not prove an important occupation of the totality of the site during the Achaemenid period, but simply a partial occupation and that Achaemenid manufactured artefacts were brought to the site, either during the Achaemenid period, or perhaps later, in the Hellenistic times. Let us now consider the Achaemenid artifacts of Takht-i Sangin, as listed by Litvinskij.

The first item (FIG_01) depicts two panthers symmetrically on a bronze repoussé plaque. This object is especially important because it is in archaic Greek style, and can be dated from an early period, the 6th century BCE, as demonstrated by Litvinskij and Pichikjan⁵.

Among the finds from the Oxus Temple, an inlaid gold plaque depicting a Bactrian leading a camel should be highlighted (FIG_02). It dates

¹ On the links between Takht-i Sangin, Bactria and Anatolia in Seleucid period, see: Bernard, 1987.

² Litvinskij, 2010.

³ Francfort, 1984 ; 2013.

⁴ Francfort, 2018.

⁵ Litvinskij, and Picikjan, 1992, p. 69-84 65 fig., 85 notes; Litvinskij, 2010, p. 60-74, fig. 12-13.

back to the mid-6th – mid-5th centuries BC. Its analogy with the Achaemenid stone reliefs of the Persepolis *apadana* palace, representing Central Asian peoples leading camels (*Camelus bactrianus*) is striking and has been often highlighted¹.

Another Achaemenid object is especially important (FIG_03). It is an ivory scabbard sheath decoration depicting a lion attacking a deer (a spotted deer): the subject is widespread in Iran and Central Asia, but here the style is definitely Achaemenid but totally original, local, Bactrian, dating from a period earlier than the arrival of the Greeks, with its eggs bordering, widespread in Persian art². This exceptional object demonstrates the existence of a specific local Bactrian school of Achaemenid art, with its stylistic peculiarities, differing to some extent from the usual court and prestige art of the Achaemenids. This Bactrian artistic school's prolongation existed also in popular arts at Takht-i Sangin and at Aï Khanoum in stone, with seals, and engraved and inlaid bowls, lids, plaques, and a remarkable rhyton of Achaemenid provincial style³ (FIG_04).

The other objects attributed to the Achaemenid period in the considered publication, could rather better be attributed to the Hellenistic age⁴. However, two remarks are important here. First, as just seen, a special Bactrian school of stone cutting, engraving and inlaying, present among the finds at Takht-i Sangin and Aï Khanoum fits into the Hellenistic period. But it belongs clearly to a local Bactrian artistic tradition finding its origin in the Achaemenid period, if not earlier⁵. Second, another local Central Asian artistic tradition appears at Takht-i Sangin as well as at Aï Khanoum: the steppe art. Such is the golden ornament with inlays, which could be Kushan, but perhaps much earlier⁶. E. Kuz'mina has remarked and studied long time ago the steppe elements in the Oxus Treasure⁷.

That is all for the undoubtedly Achaemenid artefacts recovered in the Oxus temple during the excavations. Of course, they could have been brought there after the Achaemenid period, during the Hellenistic age. However, the discovery of Achaemenid pottery in excavations, and also on surface (FIG_05; FIG_06) is a good evidence for an occupation of the

¹ Litvinskij, 2010, p. 74-87, color illustration N° 15;

² Litvinskij and. Pichik'jan 1981, 3, p. 87-110; Litvinskij, 2010, p. 88-105, fig. 16-17.

³ Druzhinina, 2004; Francfort, 2013.

⁴ Francfort, 2020; Simpson and Sax, Margaret 2022.

⁵ Francfort, 2013.

⁶ Litvinskij, 2010, p. 273-275, colour ill. N° 27.

⁷ Kuz'mina, 1977.

sanctuary and town in Achaemenid period. Especially that beside some ordinary terracotta table ware, some of these potteries are fragments of big storage jars, necessarily used on the spot and manufactured in the vicinity if not right on site. The chronological sequence elaborated by A. Drujinina, extending beyond the walls of the sanctuary and city of Takht-i Sangin provides also, with the first period, Period-I, the possibility for Achaemenid occupation of this area¹ (FIG_07).

The fact that the Oxus Temple was originally associated with the cult of water and the very important local deity, the Oxus² (FIG_09) is also supported by the presence of a well³. A number of large stone basins, identical to those found in the sanctuary of Ai Khanoum confirm the importance of water in this sanctuary⁴. The find of clay forms for casting large bronze basins dedicated to the Oxus participate to the same ritual activity devoted to a cult of water. The situation of the sanctuary at the proximity of the confluence of the Vakhsh and Panj rivers is also meaningful in a local perspective for a possible pre-Hellenistic origin.

In connection with these observations, the case of the Hellenistic city of Ai Khanoum, situated at the confluence of the Kokcha and the Panj, and of its big sanctuary (the «temple with indented niches» probably also dedicated to the Oxus deity) is very similar. A number of potteries, stratigraphical layers and artefacts of Achaemenid date were recovered during the process of excavations, however without clearly delineated Achaemenid period strata, such as Achaemenid bronze plaques in the temple with indented niches (FIG_08). An exception is in the citadel where Achaemenid layers and walls were excavated and identified. However, the analysis of a big bell-shaped stone basis of column, testifies of an important Achaemenid administrative building, of which the location is unknown, and therefore an important Achaemenid settlement⁵. At Takht-i Sangin, a basis of column in the shape of torus on a plinth was discovered during the 2019 season in an ancient stratigraphic layer of the sanctuary by the Tajik-French expedition (T. Khudzhageldiyev and M. Gelin). Such shape of base has been used for centuries dur-

¹ Drujinina, 2016.

² Bernard, 2015.

³ Druzhinina, 2013, p. 149-153; 157-159; Druzhinina, 2013; Druzhinina, Inagaki and Khudzhageldiev, 2010; Druzhinina, Khudzhageldiyev, and Inagaki, H., 2011; Drujinina and Lindström, 2013; Druzhinina, Khudzhageldiev, and Inagaki, 2016; Bernard, 2015,.

⁴ Drujinina and Lindström, 2013.

⁵ Francfort, 2018.

ing the Achaemenid, Hellenistic and Kushan periods. However, there are criteria to discriminate their time of manufacture. Achaemenid bases are manufactured with a flat metal chisel (no use of teeth chisel, no wheel turning) and the torus is carved separately from the base (they are all in one piece of stone Kushan times). This is precisely the case of the Takht-i Sangin temple base: it is most probably Achaemenid. Therefore, it indicates perhaps an important Achaemenid building of 5th century BC, just on the spot or in a close neighborhood.

Fragments of ceramics belonging to the Achaemenid period, discovered in excavation, could confirm that the dating of the temple does not belong to the end of the 4th century BC, but rather to the beginning of the 5th BC, but this requires confirmation¹. However, as at Aï Khanoum (with the exception of the citadel), no definitely dated Achaemenid stratigraphical layer is associated with these potsherds and the columns basis. We must conclude that the important Achaemenid settlement was perhaps not located on the place of the city and sanctuary as they are, but somewhere in the neighborhood. Here, as we will see now, the picture of the pair Aï Khanoum (Hellenistic) / Kohna Kala (Achaemenis) compares very well with the pair Takht-i Sangin (Hellenistic) / Takht-i Kobad (probably Achaemenid).

Let us now consider the artifacts of the Oxus Treasure² in the British Museum, dated from the 7/6th to 4th centuries BC, without the coins associated, of which we will not speak here³. It must be particularly emphasized here.

In this regard, it has been sometimes suggested that the origin of the Oxus Treasure was the Oxus Temple of Takht-i Sangin. Let us consider the question in some details. After his analyses, the critics of O. M. Muscarella about its authenticity, and the discovery of another Bactrian Treasure (Mir Zakah 2), John Curtis, after examining the British archives, concluded that its origin, or at least the origin of the majority of its components was at Takht-i Kuvad (or Kobad).⁴ The idea of a temple treasure, made of votive deposits and ex-voto is still valid, with cult representations and by comparison for instance with the Mir Zakah 2 treas-

¹ Drujinina, 2016, p. 53-119, fig 16.

² Dalton, 1964. LXXVI, 75, XL; Zejmal, 1979.

³ Litvinskij, 2010, p. 40-44.

⁴ Curtis, 1997; Curtis, 2004; Curtis, 2005, especially p. 43-44.

ure now in the Miho Museum in Japan¹, which was originally taught to be a second part of the Oxus Treasure². But this theory has been discussed by Curtis and others, and it is not any more considered as valid³. For some time also, there was almost no doubt that the items of the Oxus Treasure itself belonged to the ensemble of the Takht-i Sangin Oxus Temple⁴, but after all analyses and excavations, including laboratory analyses, this theory was rejected, and the perspective changed and enlarged, in favor of Takht-i Kobad⁵. However, quite early, Paul Bernard, studying the question in details, wrote also that a discovery at Takht-i Kobad was the most probable. This scholar, after his investigations, follows and praises the conclusions of T. I. and E. V. Zejmal who also studied all the possible documents from the Russian archives⁶. Bernard finally clearly states: «The Oxus Treasure does not comes from the sanctuary of Takht-i Sangin, but from a temple situated at Takht-i Kobad»⁷. Beside this, an important fact is that Takht-i Kobad is located exactly at an important ferry place for crossing the Oxus, vis à vis Khisht-Tepe on the Afghan side, the site from which comes the monetary Qunduz hoard⁸. The main site in this area of the lower Qunduz river, in pre-Kushan times, was not Qala-i Zal, not yet existing (it was constructed later by the Kushans), but Khisht-Tepe, a high site on which surface were found Graeco-Bactrian pottery by Afghano-French archaeological survey, and, on the neighboring Kulugh Tepe, architectural terracotta fragments, tiles and antefixes⁹.

Therefore, it seems now more probable, after the excavations, all researches, and all reflexion and considerations that we must consider not only the two sites separated and isolated, but the settlement and occupation history of a larger territory, including Takht-i Sangin and encom-

¹ Inagaki, 2002.

² Pichikyan, 1997, and two papers published in *Vestnik Drevnej Istorii*, 1998, 1, p. 92-107; 1998, 2, p. 160-186.

³ Bopearachchi and Flandrin, 2005.

⁴ Pitschikjan, 1992.

⁵ Curtis, 2012; Curtis, Searight, and Cowell, 2003; Mongiatti, Meeks, and Simpson, 2010; Mongiatti, Meeks, and Simpson, 2017; Armbruster, 2010.

⁶ Zejmal, E. V., 1979, *Amudarinskij klad. Katalog vystavki*, Léningrad, Iskusstvo, p. 10-15.

⁷ Bernard, 1994.

⁸ Curiel and Fussman, 1965.

⁹ Gardin, 1998, p. 86-88, site n°505, fig. 12.1 p. 305; 13.3; Graeco-Bactrian architectural elements from neighbouring Kulugh Tepe: Lyonnet, B., 1997, p. 146-147 (unfortunately not illustrated).

passing the neighboring Takht-i Kobad together¹. The Oxus Treasure gathers not only Achaemenid artefacts, and art objects, but also possibly Median and certainly archaic Greek, pointing in this case to an early date possibly for the offerings to the deity Oxus (Vakhshu)². The case of offerings and votive objects deposited in sanctuaries of waters is well known in the Iranian world in general. This has been the subject of many studies, and the cult of waters is widespread³. According to Dr N. Khodzhaeva, comparative analysis of the objects from the Oxus Treasure and the finds from the Oxus Temple with the «Avesta», shows that for a long time, perhaps more than one century, all of them were offerings to the goddess Anahita, Arəduuī sura⁴. We may add, however, that since Anahita is never attested in Bactria, neither by texts, inscriptions or coins (except by a unique late Kushano-Sassanian coin in a private collection, without origin), we must consider the possibility that the name of the Bactrian Anahita was simply «Wakhshu», i. e. the Oxus.

In spite of the fact that the Seleucid and Graeco-Bactrian kings' architectural activity, by destructions and constructions, almost obliterated the original local Bactrian Achaemenid sanctuary, it is not any more possible to ignore the remains of the presence of this local sanctuary since the 6th-5th century BCE. On the site itself, occupation remains have been found dating from the Bronze Age (kurgan burials) and even from Neolithic (in a sounding in the temple). The Achaemenid, and perhaps earlier remains discovered at Takht-i Sangin, even in the absence of spectacular architecture of pre-Hellenistic times (at least for the moment), must prevent us from focusing exclusively on Greek/Kushan elements, and discarding or ignoring the earlier extremely important period and culture of Central Asia in Tajikistan. More important, we should now consider Takht-i Sangin and its remarkable remains in connection with Takht-i Kobad, as being one and the same group of ancient settlement. Could it be possible that at some moment in history, the sanctuary of the Oxus was in part transferred from Takht-i Kobad to Takht-i Sangin in construction, at the time of Antiochos I, as king or as vice-king the first for instance? The Greeks often have transferred the sites, after the conquest of Alexander the Great, for instance from Babylon to Seleucia on the Tigris, or from

¹ Fraser, Llewellyn-Jones, and Bishop-Wright, 2023.

² Boardman, 2003; Boardman, J., 2005; Stronach, 1998 [2001].

³ Huff, 2011; Kreyenbroek, 2011; Overlaet, 2011; Rose, 2011.

⁴ Khodzhaeva, 2017; Khojaeva, 2013.

Kohna-Qala (a place of ferry on the Oxus) to Aï Khanoum in spite of some Early presence of Achaemenid remains on this last site. Such transfers do not necessarily imply the destruction or annihilation of the original settlement. To verify this hypothesis, a stratigraphical sounding or excavations would be necessary on the mound of Takht-i Kobad, as well as the resuming of researches at Takht-i Sangin, in the sanctuary and in the city.

BIBLIOGRAPHY

Armbruster B. Technological Aspects of Selected Objects in the Oxus Treasure // The World of Achaemenid Persia. History, Art and Society in Iran and the Ancient Near East. J. Curtis et S. J. Simpson (ed.). London: I. B. Tauris, P. 397-408.

Bernard, P., 1987, «Le Marsyas d'Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane», *Studia Iranica*, 16, p. 103-115 (= Opera Selecta de Paul Bernard, Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, tome 60, Paris, 2022, vol. 2, p. 179-189).

Bernard, P., 1994, «Le temple du dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas?», *Studia Iranica*, 23, p. 81-121, p. 85-114 (= Opera Selecta de Paul Bernard, Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, tome 60, Paris, 2022, vol. 2, p. 310-314).

Bernard, P., 2015, «Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikistan, ou l'esprit de l'escalier», in: *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin II*, vol. II, V. Schiltz (ed.), Paris, CNRS éditions, p. 53-70 (= Opera selecta de Paul Bernard, Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, tome 60, Paris, 2022, vol. 2, p. 703-720).

Boardman, J., 2003, «The Oxus Treasure scabbard in London: a closer look», in: *Central'naja Azija istochniki, istorija, kul'tura. Tezisy dokladov konferencii, posvjashchennoj 80-letiju Eleny A. Davidovich i B. A. Litvinskikogo, T.K. Mkrtychev, T.G. Alpatkina, S.B. Bolelov, et O.N. Inevatkina (Dir.)*, Moscou, RAN Institut Vostokovedenija, Gos Muzej Vostoka, p. 33.

Boardman, J., 2005, «The Oxus treasure scabbard in London: a closer look», in: *Central'naja Azija. Istochniki istorija kul'tura*, E. V. Antonova and T. K. Mkrtychev (eds), Moscou, Vostochnaja Literatura RAN, p. 205-214.

Bopearachchi, O., and Flandrin, Ph., 2005, *Le portrait d'Alexandre le Grand. Histoire d'une découverte pour l'humanité*, Monaco, Editions du rocher.

Curiel, R., and Fussman, G., 1965, *Le trésor monétaire de Qunduz*, Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, vol. XX, Paris, Klincksieck.

Curtis, J., 1997, «Franks and the Oxus Treasure», in: *A. W. Franks. Nineteenth-century collecting and the British Museum*, M. Caygill and J. F. Cherry (eds), Londres, British Museum Press, p. 230-249.

Curtis, J., 2005, «The Oxus Treasure and Ancient Bactria», *Bulletin of the Miho Museum*, 5, p. 37-54.

Curtis, J., 2012, *The Oxus Treasure*, Londres, The British Museum Press.

Curtis, J., Searight, M., and Cowell, M. R., 2003, «The gold plaques of the Oxus Treasure: manufacture, decoration, and meaning», in: *Culture through objects. Ancient Near Eastern Studies in Honour of P.R.S. Moorey*, T. Potts, M. Roaf, and D. Stein (eds), Oxford, Griffith Institute, p. 219-247.

Curtis, John, 2004, «The Oxus Treasure in the British Museum», *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 10 (3), p. 293-338.

Dalton, O. M., 1964, *The Treasure of the Oxus with other examples of early oriental metalwork*, édition 3^e édition, Londres, The British Museum.

Drujinina, A., 2016, «The Structure of the urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity», Bulletin of Miho Museum, 16, p. 53-120.

Drujinina, A., and Lindström, G., 2013, «Kultgefäße im Oxos-Tempel -v zur Frage der Kultkontinuität im unruhigen 2. Jh. v. Chr.», in: Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zur antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium 30.9-2.10.2009 in Mannheim, (Archäologie in Iran und Turan, vol. 14), G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, et M. Tellenbach (eds), Darmstadt, Verlag Philipp von Zabern, p. 171-186.

Druzhinina, A.P., 2004, «A Stone Pyxis Lid Decorated with a Zoomorphic Frieze from the Tahti-Sangin Fort: a New Find from Ancient Bactria», Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia, 19, p. 98-105.

Druzhinina, A.P., 2013, «Arkheologicheskie issledovanija gorodishcha Takht-i-Sangin v 2010 godu», Arkheologicheskie Raboty v Tadjikistane, XXXVI, p. 143-180.

Druzhinina, A.P., Inagaki, H., and Khudzhageldiev, T. U., 2010, «Rezultaty arkheologicheskikh issledovanij na gorodishche Takhti-Sangin v 2008 g» Arkheologicheskie Raboty v Tadjikistane, XXXIV, p. 191-216.

Druzhinina, A.P., Khudzhageldiev, T. U., et Inagaki, H., 2016, «Otchet o raskopkakh na gorodishche Takhti-Sangin v 2009-2010 gg. Raboty na ploshchadi khrama Oksa s raskopkakh n°17 i 18», Arkheologicheskie Raboty v Tadjikistane, XXXVIII, p. 280-316.

Druzhinina, A.P., Khudzhageldiyev, T. U., and Inagaki, H., 2011, «The results of the archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008», Bulletin of the Miho Museum, 11, p. 13-30.

Francfort, H.-P., 1984, Fouilles d'Aï Khanoum III Le sanctuaire du temple à niches indentées 2. Les trouvailles, (Mém. D. A. F. A., vol. XXVII), Paris, de Boccard.

Francfort, H.-P., 2012, «Aï Khanoum 'Temple with Indented Niches and Takht-i Sangin 'Oxus Temple' in Historical Cultural Perspective: Outline of a Hypothesis about the Cults», Parthica, 14, p. 109-136.

Francfort, H.-P., 2013, L'art oublié des lapidaires de la Bactriane aux époques achéménide et hellénistique (Persika, vol. 17), Paris, de Boccard.

Francfort, H.-P., 2018, «Bases de colonne campaniformes d'Asie centrale», in: L'Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Boucharlat, (Acta Iranica, vol. 58), S. Gondet and E. Haerincq (eds), Leuven, Paris, Bristol, Peeters, p. 167-178.

Francfort, H.-P., 2020, «Sur quelques vestiges et indices nouveaux de l'hellénisme dans les arts entre la Bactriane et le Gandhāra (130 av. J.-C.-100 apr. J.-C. environ)», Journal des Savants, (janvier-juin), p. 3-114.

Fraser, James, Llewellyn-Jones, L., and Bishop-Wright, H. C., (eds), 2023, Luxury and power. Persia to Greece, London, The British Museum.

Gardin, J.-C., 1998, Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Volume 3 Description des sites et notes de synthèse, Mém. MAFAC, vol. IX, Paris, E. R. C.

Huff, D., 2011, «Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran», Archäologische Mitteilungen aus Iran, 42, p. 79-112.

Inagaki, H., 2002, «Treasures of Ancient Bactria» Miho Museum.

Khodzhaeva, N. D., 2017, Istoricheskaja geografija Central'noj Azii v doislamskij period (Историческая География Центральной Азии В Доисламский Период), Dushambe, Donish.

Khojaeva, N. D., 2013, «The Oxus Temple: Localization of the Avestan Vahvi Dāityā», Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia, 41 (1), p. 114-120.

Kreyenbroek, P. G., 2011, «Some remarks on water and caves in pre-Islamic Iranian religions», Archäologische Mitteilungen aus Iran, 42, p. 157-163.

Kuz'mina, E. E., 1977, «Les relations entre la Bactriane et l'Iran du VIIIe au IVe siècle BC», in: Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique, J. Deshayes (ed.), Paris, CNRS, p. 201-214.

Litvinskij, B. A. and Pichik'jan, I. R., «Nozhny akinaka iz Baktrii», V.D.I., 1981, 3, p. 87-110 (translation.: Litvinskii, B. A., and Pichikian, I. R., 1982, «An Akinak Scabbard from Bactria», Soviet Anthropology and Archeology, 21 (1-2), p. 139-182).

Litvinskij, B. A., 2010, Khram Oksa (Juzhnyj Tadžikistan). Iskusstvo, khudozhestvennoe remeslo, muzykal'nye instrumenty, vol. 3, Moscou, Vostochnaja literatura RAN.

Litvinskij, B. A., and Pichikjan, I. R., 2000, Ellinisticheskij Khram Oksa v Baktrii (Juzhnyj Tadžikistan). Raskopki, arkhitektura. Religioznaja zhizn', vol. 1, Moscou, Vostochnaja literatura RAN.

Litvinskij, B. A., and Picikjan, I. R., 1992, «Pantherae Antecedentes. A Corinthian Motif in Bactria», East-and-West, 42 (1), p. 69-84 65 fig., 85 notes.

Lyonnet, B., 1997, Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Volume 2 Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe, Mém. MAFAC, vol. VIII, Paris, E. R. C.

Mongiatti, A., Meeks, N., and Simpson, S. J., 2010, «A gold four-horse model chariot from the Oxus Treasure: a fine illustration of Achaemenid goldwork», British Museum Research Journal, 3, p. 27-38.

Mongiatti, A., Meeks, N., and Simpson, S. J., 2017, «A gold four-horse model chariot from the Oxus Treasure in the British Museum», Akhbori osorkhai milli Tochikistan, 2, p. 105-123.

Overlaet, B., 2011, «Chale Ghar (Kashan Area) and votives, favissae and cave deposits in pre-Islamic and Islamic traditions», Archäologische Mitteilungen aus Iran, 42, p. 113-140.

Pichikyan, I. R., 1997, «Rebirth of the Oxus treasure: second part of the Oxus treasure from the Miho Museum collection», Ancient Civilizations, 4 (4), p. 307-383.

Pitschikjan, I. R., 1992, Oxos-Schatz und Oxos-Tempel: achämenidische Kunst in Mittelasien, Antike in der Moderne, Berlin, Akademie Verlag.

Rose, J., 2011, «In praise of good waters: continuity and purpose in Zoroastrian lay rituals», Archäologische Mitteilungen aus Iran, 42, p. 141-156.

Simpson, St John, et Sax, Margaret, 2022, «New Light on a Class of Inlaid Finials from Bactria and Mesopotamia», Parthica, 24, p. 81-90.

Stronach, David, 1998 [2001], «On the date of the Oxus Gold Scabbard and other Achaemenid matters», Bulletin-of-the-Asia-Institute, 12, p. 231-248.

Zeimal, E. V., 1979, Amudarinskij klad. Katalog vystavki

TAKHT-I SANGIN: ON THE PRE-HELLENISTIC FINDS

The article reviews briefly the questions of the chronology and of the pre-Hellenistic discoveries of the sanctuary and city of Takht-i Sangin, in relation with the finds of the Ai Khanoum excavations and with the material of the Oxus Treasure in the British Museum. It concludes about the importance of the pre-Hellenistic period, and about the necessity to consider and study Takht-i Sangin together with Takht-i Kobad, as a joint occupational area where great sanctuaries dedicated to the deity Oxus functioned, from the Achaemenid period at least.

Keywords: *Takht-i Sangin, Takht-i Kobad, Ai Khanoum, Oxus Treasure, Achaemenid period, dating, finds, Ardi Sura Anahita, deity, Wakhshu, Oxus.*

ТАХТИ-САНГИН: К НАХОДКАМ ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В статье кратко рассматриваются вопросы хронологии и доэллинистических находок святилища и города Тахти-Сангин в связи с находками из Ай-Ханума и предметами клада Окса из Британского музея. Автор заключает о важности доэллинистического периода, а также о необходимости рассматривать и изучать Тахти-Сангин вместе с Тахти-Кобадом, как совместную оккупационную территорию, где действовали святилища, посвященные божеству Оксу, начиная, по меньшей мере, с периода Ахеменидов.

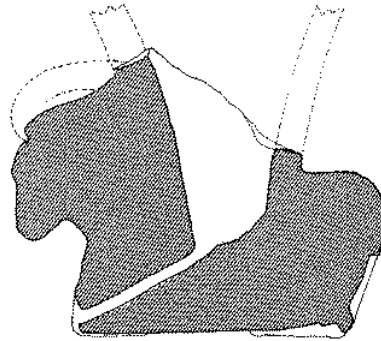
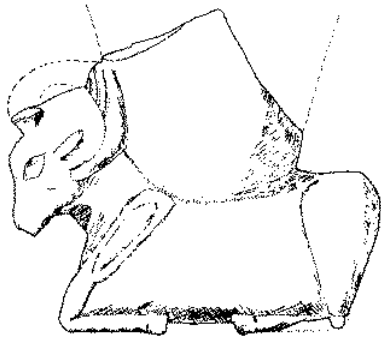
Ключевые слова: *Тахти-Сангин, Тахти-Кубад, Ай-Ханум, Сокровища Окса, Ахеменидский период, датировка, находки, Ардвисура Анахита, божество, Вахшу, Окс.*

Illustrations





Rhyton 0.742





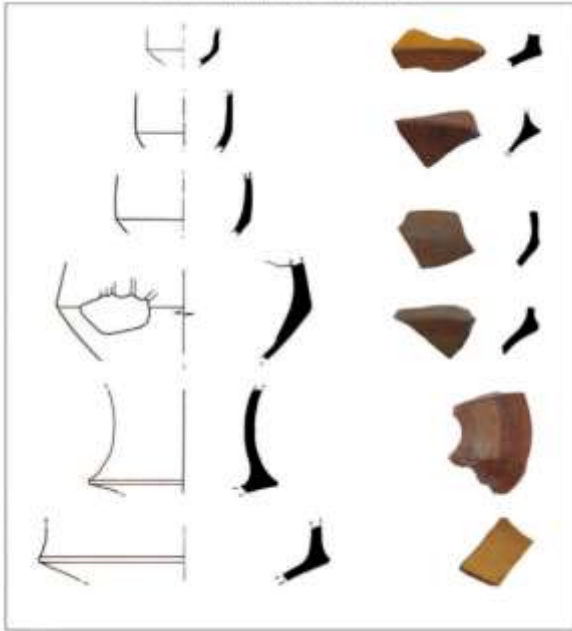
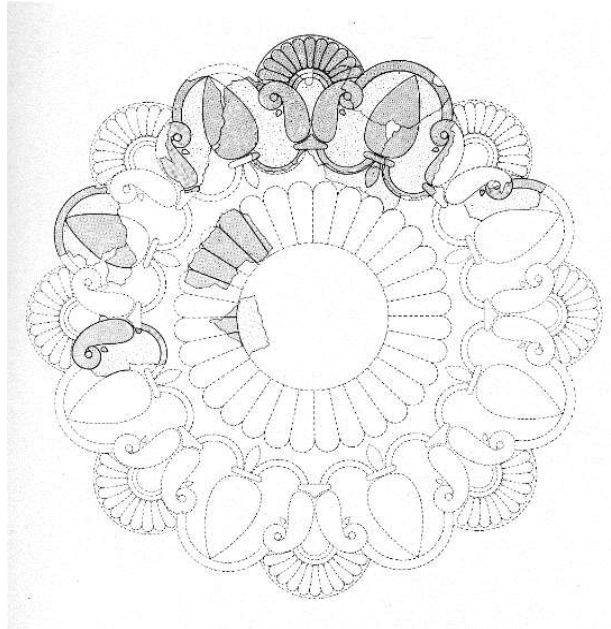


Fig. 16. Tablet (see Table 1, length, column 1, Table 2, length 1).



Captions

1. Panthers. Bronze plaque. Takht-i Sangin. After Litvinskij, 2010, fig. 12.
2. Man leading a camel. Gold enamelled. Takht-i Sangin. After Zaleski, V., (ed.), 2021, *Tadjikistan. Au pays des fleuves d'or.*, Paris, Musée National des Arts Asiatiques – Guimet, fig. p. 49.
3. Lion attacking a deer. Takht-i Sangin. After Zaleski, V., (ed.), 2021, *Tadjikistan. Au pays des fleuves d'or.*, Paris, Musée National des Arts Asiatiques – Guimet, fig. p. 48, cat. N°13
4. (a and b). Stone rhyton. Ai Khanoum. After Francfort, 1984, pl. 15, pl. XIV.
5. (a, b, c) Achaemenid pottery on surface. Takht-i Sangin. Tajik-French archaeological expedition.
6. Achaemenid pottery on surface. Takht-i Sangin. Tajik-French archaeological expedition.
7. Achaemenid potsherds. After Druzhinina, 2016, fig. 16.
8. Achaemenid bronze plaque. Ai Khanoum, temple with indented niches. After Francfort, 1984, pl. 21, n°29b.
9. Marsyas playing *auloi* and dedication to Oxus. Takht-i Sangin. After Zaleski, V., (ed.), 2021, *Tadjikistan. Au pays des fleuves d'or.*, Paris, Musée National des Arts Asiatiques – Guimet, fig. cat. N°44.

About the author: Henri-Paul Francfort, Professor, Director of Research, National Center for Scientific Research, Paris Member of the Academy of Inscriptions and Bells Lettres (Paris) Foreign Member of the National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: henri-paul.francfort@cnrs.fr

Сведения об авторе: Анри-Поль Франкфор – профессор, директор по исследованиям Национального центра научных исследований (Париж), член Академии надписей и изящной словесности (Париж), иностранный член Национальной академии наук Таджикистана. E-mail: henri-paul.francfort@cnrs.fr

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ОБЪЕКТЫ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХРАМА ОКСА

Анжелина Дружинина
(Берлин, Германия)

На правом берегу реки Амударьи, на территории Кубодиенского района находится знаменитая местность Тахти Кобад с крепостью Тахти-Кобад (Тахти Куват) и городищем Тахти-Сангин. Использованию этой местности в отдельные исторические периоды способствовало его выгодное географическое положение. Так, здесь располагалась переправа через Амударью, ведущая из Кундуза в Кобадиянский оазис, дальше в Гиссар и в Китай. Эта старая караванная дорога из Кобадиянского оазиса в сторону крепости Тахти-Кувад на Амударье прослеживается и сегодня по южному склону хребта в урочище Тахти-Кувад. Через переправу на Амударье можно было добраться до переправы через Вахш на месте слияния рек Вахша и Пянджа или двигаться по старой дороге вдоль правого берега Вахша на север, в сторону Вахшской и Яванской долины.

Само городище Тахти-Сангин и его цитадель (рис. 1), занимает в местности Тахти Кувад выгодную стратегическую позицию, держа под контролем весь участок от места слияния двух рек Вахша и Пянджа до реки Кундуз. На цитадели городища Тахти-Сангин на сегодняшний день обнаружены слои и находки шести исторических периодов: ахеменидского, эллинистического, раннекушанского, позднекушанского и кушано-сасанидского, а также одного доисторического периода: неолитического.

Определение культа храма

На цитадели городища было раскопано монументальное сооружение, которое И. Р. Пичикян определил, как культовое здание храма Окса (рис. 2).

В определении культа раскопанного храма сыграли большую роль посвятительные надписи, найденные при раскопках И. Р. Пичикяна, а также автора данной статьи.

Первая надпись на древнегреческом языке с именем Окс была обнаружена на каменном постаменте с бронзовой фигуркой Силена Марсия. Надпись гласит: «По обету посвятил Атросок Оксу». Эта посвятельная надпись божееству Оксу отнесена к первой половине II в. до н.э.¹. Считается, что сама статуэтка старше надписи и ее можно датировать второй половиной III в. до н.э.².

Вторая надпись прочерчена на венчике каменной чаши-периррхантерион и прочитывается как два раза повторённое имя Окса.³ В первом случае, как попытка передачи греческими буквами бактрийского имени Окс – Вахш (по-бактрийски ОАХрО), а во втором – его греческой передачи⁴. Эта посвятельная надпись отнесена также к первой половине II в. до н.э. Такие чаши в храме Окса могли использоваться и для ритуальных омовений или возлияний, и как подставки для бронзовых сосудов с огнем на алтарях.

Третья, полностью сохранившаяся надпись на форме из глины была обнаружена на одном из уровней засыпанного в древности колодца на площади храма⁵. Эта надпись на древнегреческом языке гласит: «Оксу по (божественному) указанию посвятил Сиромоис, [сын] Немискоса, МОЛРПАЛРЭС (?), бронзовый сосуд (котел) из 7 талантов [бронзы]»⁶. Датировка формы временем не позднее третьей четверти II в. до н.э. определена автором данной работы по месту находки самой формы, а также по керамике из заполнения слоёв находки и над ней.

Четвертая надпись тоже на литейной форме сохранилась только в трех фрагментах. Два из них дают возможность прочесть слово в виде имени ΝΔΑΜΕΙΡΟΥ, второй элемент которого ΜΕΙΡΟ соответствует имени иранского божества Митры⁷.

¹ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. С. 94; 102.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. 3. С. 194.

³ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. С. 243, 259.

⁴ Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина, С. 110-129.

⁵ Дружинина А.П., Худжагельдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. С. 114-119; *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie*. P. 274-276.

⁶ Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи, С. 227; Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина, С. 110-129.

⁷ Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина, С. 120.

Пятая надпись из девяти плохо сохранившихся фрагментов от литейной формы могла быть только предположительно прочитана из-за ее фрагментарности. В середине надписи также читается часть имени Окса¹.

Таким образом, четыре обнаруженные в храме посвященные надписи указывают на то, что жители древнего города на берегу реки Амударья почитали в своём храме божество Окса, связанного с водой и с этой рекой.

Датировка строительства храма

На цитадели городища Тахти-Сангин при раскопках И. Р. Пичикяна было раскопано монументальное здание храма. Первоначальные стены всего здания были сложены из квадратного кирпича (50-52 x 50-52 x 13 см), затем они много раз ремонтировались или достраивались кирпичами (38-45x38-45x10-12). Здание храма и площадь перед ним украшали алтари и постаменты из обработанных блоков известняка и глины, каменные чаши и различные архитектурные элементы. На площади храма располагались колодцы. Там был раскопан самый древний из всех колодец с лестницей из 20 реконструируемых ступеней и с верхним перекрытием, не закрывающим круглое устье колодца, что указывает на то, что на площади первоначально существовало сооружение типа «прорицалища» (рис. 2б, объект 18).

Строительство самого храма было отнесено И.Р. Пичикяном ко времени завоевания Бактрии Александром Македонским. Эту дату он обосновывал как наличием ахеменидских элементов в архитектуре храма и обилием подношений ахеменидского времени здесь, так и ранней датировкой единственной, обнаруженной при раскопках северного атешгаха каменной капители, которую он также датировал временем Александра Македонского. Более позднюю дату возведения храма: начало III в. до н.э., предложили затем П. Бернар и Б.А. Литвинский².

Исследования храма в 2000-е годы позволили автору данной работы вновь вернуться к вопросу датировки строительства храма. Определение времени строительства удалось связать с новыми датирующими элементами, которыми являются кера-

¹ Там же, С. 120.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. 3. С. 14.

мические фрагменты, найденные как в растворе между крупноформатными кирпичами здания – в восточной стене центрального зала храма и в её глиняной обмазке, так и под кирпичным полом на материке в коридоре №9, и в южном атешгахе храма под кирпичным полом на материке. Именно в штукатурке, покрывающей кирпичи, и в конструкциях из этих кирпичей были найдены профилированные цилиндрикоконические фрагменты керамики. По профилю этих фрагментов, по цвету черепка в изломе темно-терракотового цвета и по их особенно превосходному качеству изготовления, эта керамика может быть отнесена к типу столовой парадной посуды ахеменидского времени (рис. 3). Эти фрагменты отличаются цветом и качеством от керамики позднеахеменидского периода и датируются рубежом V-IV в. до н.э. Эта дата может являться для здания храма указанием, как на время его строительства, так и на время, непосредственно после его строительства. Определение исторических событий в рамках ахеменидского периода истории Бактрии, которые могли привести к строительству именно в это время такого монументального и непровинциального сооружения, пока остаётся открытым.

Как известно по историческим источникам, у царя Ксеркса I в армии служили отряды бактрийцев. Он активно укреплял и подчинял ахеменидские территории в Средней Азии. Именно Ксеркс I разорил святилище Апполона в Дидимах в Малой Азии и переселил жреческий род Бранхидов оттуда после 479 г. до н.э. к берегам далекого Окса¹.

В любом случае появление храма и нового города жреческого рода Бранхидов рядом с рекой Окс в Бактрии должно было сильно повлиять на развитие вокруг этой реки и других культовых центров. Таким образом, именно вторая половина V в. до н.э. может рассматриваться как важный период развития религиозной жизни этого региона Бактрии. Это подтверждается и историческими фактами политики Артаксеркса I, при котором во второй половине V в. до н.э. происходит укрепление и расцвет восточноиранских сатрапий. При Артаксерксе II в первой половине IV в. до н.э. сама Бактрия получает власть, как над Парфией, так и над Хорезмом, что конечно могло способствовать расцвету любого культового центра на берегах реки Амударьи, объединяющей Бактрию и Хорезм в единое целое.

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистические периоды. С. 292.

Основной строительный материал – крупноформатный сырцовый кирпич

Теперь обратимся к отдельным строительным элементам храма Окса, которые подтверждают датировку его строительства ахеменидским временем.

Здание храма, окруженное собственной обводной высокой стеной, первоначально представляло собой сооружение в виде самостоятельного укрепления, возведенное на конусе выноса, и являлось отдельно стоящим парадным сооружением на берегу Вахша-Окса. Такие отдельно стоящие парадные сооружения известны для ахеменидского времени в Северном Афганистане по раскопкам В.И. Сарияниди¹.

Одним из важных датирующих элементов для храма Окса являются его крупноформатные сырцовые кирпичи размерами 50-52 x 50-52 x 12-14 см, из которых было построено основное здание храма². Высокое качество сырцовых кирпичей серо-коричневого цвета (50x50x14 см), строго регулярные кладка, чистая перевязка в полкирпича по всем поверхностям и фасадам, наличие знаков на нижней постели кирпичей в виде линий, точек, сделанных пальцами или прочерченных окружностей. Все эти характеристики сильно отличают эти первоначальные кладки кирпичей основного здания от всех последующих за ними ремонтов и перестроек.

Уже следующие по времени кладки стен восточного фасада храма, а также стена ограды площади храма не имеют ни такого аккуратного исполнения, ни такого хорошего качества изготовления сырцового кирпича. Между кирпичами и в кирпичах уже встречаются комки глины, а позже появляются еще и угли, а также небольшие кости животных, хотя знаки на нижних постелях кирпичей часто остаются прежними.

Размер кирпичей храма Окса кажется не совсем типичным для Бактрии в ахеменидское время, так как здесь часто употреблялись в строительстве и более мелкие кирпичи (например, на Калаи Мир в Кобадияне или на Алтын 10 в Дашли оазисе). Однако подобный формат кирпича (51x51x12 см) известен для это-

¹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 122-127.

² Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1984 г. С. 266.

го времени за пределами Бактрии и прежде всего в культовых строениях¹.

Из крупноформатных сырцовых кирпичей, подобных по качеству кладки самого здания храма, был выложен только частично сохранившийся один из первоначальных полов храма. Остатки этого пола сохранились только в отдельных помещениях храма, например, между коридорами №1 и № 2², в двух атешгахах храма (рис. 4а), в коридоре № 6, под северной стеной «башни» № 4 (рис. 4б), под стеной кушанского времени на участке входа в айван храма (рис. 5) и на востоке коридора №9. Наличие такого пола из крупноформатных кирпичей в храме только на небольших участках, говорит как об очень длительном использовании этих полов, так и о том, что в эллинистическое время по какой-то причине эти полы не перекрываются другими полами при ремонте, а снимаются из-за стёртости, рыхлости отдельных высохших кирпичей и их повреждений. Они остаются только на некоторых участках на своем исходном месте, где на них сверху уже имеются другие строительные элементы или конструкции. Говорить о том, что эти кирпичи одного из первоначальных полов позже, в эллинистическое время, были сняты при поисках под ними каких-либо хранилищ или тайников пока невозможно из-за отсутствия новых широких исследований этого вопроса.

Необходимо отметить еще один факт, связанный со временем непосредственно после строительства здания храма. Только на небольших участках удалось зафиксировать остатки самого первого пола храма в виде тонкой обмазки глины темно-коричневого цвета на утрамбованной поверхности материка. Остатки этого пола были найдены, например, под полом из кирпичей в южном и северном атешгахах.

Первые штукатурки в храме

Надо отметить то, что указание И.Р. Пичикяна на перестройки и на чистое использование помещений с полом на материке имеют под собой очень надежную фактическую основу.

¹ См. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т. 1. С. 137-141.

² Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти Сангина (раскопки 1981 года) в Кобаданском районе. С. 265.

Как показали новые исследования с уровнем пола на материке связаны как минимум четыре различные штукатурки, которые удалось четко проследить на участке восточной стены в коридоре №1 (рис. 2, объект 19), за останцом ботроса №1, в юго-западном углу северного атешгаха (рис. 2, объект 16), а также в айванном помещении за постаментом у входа в южный атешгах. Непосредственно на стене здания из кирпичей были зафиксированы две очень хорошие аккуратные штукатурки – серая и коричневая – из плотной глины, толщиной до 2 см каждая. Штукатурки заканчивались прямо на стыке с материком и не выкруживались на него. Это указывает на возможность того, что к ним были приставлены кирпичи и выкружка на пол не имела необходимости. Далее, на этих двух штукатурках обнаружена обмазка из глины серого цвета, а сверху на ней слой глиняного раствора зелено-коричневого цвета, выкруживающийся на уровень материка. То есть последняя обмазка должна соответствовать времени уже после снятия кирпичей и времени обычного глиняного пола на материке. Именно этот период с обычным глиняным полом, который в публикациях называется полом №1, прослеживается на участках центрального зала и в коридорах в виде прослойки толщиной до 8 см над материком и был датирован И.Р. Пичикияном и Б.А. Литвинским эллинистическим временем.¹ Находки из словоной кости и камня, а также золотые пластины, которые в храме изначально И.Р. Пичикиян относил к ахеменидскому времени, могут быть связаны с временем функционирования первых двух штукатурок и полов из кирпичей.

Базы колонн

Базы колонн из белого мраморовидного известняка являются очень важным архитектурным элементом интерьера храма Окса. В храме и на площади храма было обнаружено всего 20 торовидных баз колонн и три отдельных постамента от них (рис. ба-в). При этом 17 штук имеют одинаковые типологические параметры (постаменты и отдельные от них торы), но разные метрические данные.

¹ Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1, С. 54.

Четыре торовидные базы первого строительного периода из центрального зала и восемь торовидных баз из айванного зала¹ имеют постамент-плинт со сторонами длиной 0,99-1,0 м и диаметром тора 0,79-0,81 м. При этом для айванного зала имеются некоторые отклонения в размерах. Четыре торовидные базы южного портика площади и одна сохранившаяся база северного портика имеют постамент-плинт со сторонами длиной 0,78-0,80 м и диаметром тора 0,60-0,66 м. Их внешний вид и профиль совпадал с базами в центральном зале и в айване, но они имеют технически другую обработку внешней поверхности тора.

У остальных трёх торовидных баз более поздних строительных периодов тор выбит в одном камне с плинтсом, и внешняя поверхность имеет неаккуратное качество обработки. Качество самого камня низкое, пропорции нарушены, торы низкие, обработка внешней поверхности неаккуратная.

Основные исследования торовидных баз обобщены и проанализированы И.Р. Пичиняном и Б.А. Литвинским². Здесь важен только основной вывод исследователей о том, что базы со съемными торами должны быть датированы по аналогиям промежуточным периодом между ахеменидскими базами Западного Ирана VI-IV до н. э. и эллинистической архитектурой Ай Ханум III в до н. э. (где торы выбиты вместе с постаментами из одного камня). Б.А. Литвинский датирует базы концом IV – самым началом III в до н. э. и то только условно и все базы вместе³.

Учитывая то, что в храме Окса имеется три группы торовидных баз с совершенно различной обработкой поверхности нельзя датировать все эти базы условно таким коротким временным отрезком.

Первая группа торовидных баз из центрального зала и из айвана – это самая качественная по изготовлению группа, с особой полированной глянцевой поверхностью у баз из центрального зала. Именно она относится ко времени строительства храма Окса и может быть датирована самой ранней датой по находкам из храма и керамике – рубеж V-IV вв. до н.э. Базы с площади

¹ Две торовидные базы под стеной кушанского времени исследованы ещё не полностью.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1, С. 141-153.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1, С. 141.

храма сделаны как очень качественная копия этой первой группы, но по обработке поверхности торцов относятся уже к более позднему времени и по технике исполнения соотносятся больше с алтарями в портиках на площади храма и суфой-клине вдоль восточной стороны площади храма.

Интересно отметить, что такие же торовидные базы малых размеров использовались и в домах города Оксиана вокруг храма Окса (дом Р, комната 2)¹. Датировка по С14 показала,² что использование этого помещения относится к последней трети IV-III в.в. до н. э.

Алтарь или постамент в айване

В айванном помещении храма Окса при раскопках была обнаружена каменная конструкция, которая по своему профилю определена И.Р. Пичикяном как алтарь, напоминающий алтарь, посвященный Атросоком Оксу³.

Эта конструкция была обнаружена в разрушенном виде. Все части её были тщательно исследованы как И.Р. Пичиняном, так и автором данной работы (рис. 7-9). Конструкция из профилированных каменных блоков в собранном виде имела длину стороны до 1,50 м.

Верхний блок, по определению И.Р. Пичикяна, имел специфическую лунку для возлияния. При дальнейшем исследовании этой конструкции автору данной работы удалось обнаружить и собрать верхний блок почти полностью из четырех отдельных фрагментов (рис. 7б). При сборке была восстановлена лицевая верхняя обработанная мелкими стежками поверхность блока. Удалось установить, что вытянутая полусферическая воронка находилась на нижней стороне верхнего блока и не являлась на последних этапах использования сооружения лункой для возлияния. Скорее всего, она служила резервуаром для установки сосуда внутри неё или укрепления, например, кожаного мешка для приношений монет или других драгоценных металлов или камней. Эти подарки могли закладываться туда жрецами или при-

¹ Дружинина 2010, С. 216, рис. 11. 8,9; С. 201-203.

² Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (С14). С. 219., TiS 34.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1, С. 115.

хожанами после поклонения статуе, установленной в последние этапы его использования на креплениях в двух дубельных отверстиях (глубиной 12 см, длиной 32 см, шириной 13-18 см) на этом блоке (рис. 8б). Такое сквозное круглое отверстие диаметром до 7 см посредине лунки внутри блока могло использоваться для целей подношения еще и до того, как на нем в эллинистическое время установили статую. Из этого следует, что этот объект, называемый ранее центральным алтарём в айване, являлся здесь, в айване, постаментом статуи, возможная миниатюрная копия которой известна нам как фигурка Силена Марсия, уже упомянутая выше.

Первое, что обратило на себя внимание при исследовании постамента в айване, это совершенно различная степень сохранности его блоков. Внешние восточная и западная стороны вновь собранной во время исследования конструкции сохранились намного лучше, чем внешние южная и северная стороны (на плане рисунок нижний справа). Профилированные части здесь выглядят (и уже выглядели так плохо на фотографиях 1981 года) очень потёртыми и разбитыми. На них едва можно увидеть остатки прежней профилировки, которая сохранилась, например, очень хорошо на других двух сторонах постамента.

Конструкция из каменных блоков стояла в айване на слое щебня. Непосредственно под блоками постамента в айване был расчищен тонкий слой гипса и под ним слой пахсы (или остатков раствора от кирпичей), в котором было найдено две косточки козы и маленький бронзовый гвоздь. Этот факт, прежде всего, указывает на установку данного постамента в айване не сразу после строительства здания храма, а в последующие периоды его существования. Наличие косточек в полах айвана, например, соответствует полам, как минимум, третьего или четвертого периода жизни храма в атешихах (помещения №5 и 7), в которых также найдены многочисленные косточки. Надо отметить, что косточки коз и овец (более 20 шт.) были найдены и в гипсово-гравийном растворе, который скреплял блоки постамента между собой. Кости не были поломаны и были специально примешаны в раствор перед его заливкой.

Установлено три различных вида обработки блоков конструкции разными видами насечек. Глубокие мелкие, большие грубые и едва различимые чёточки на поверхности камня в ви-

де тонкой паутины. Именно такой техникой обработаны все внешние поверхности блоков постамента. Только три конструкции из 14 зафиксированных во всем храме, включая базы колонн, имеют такую же высококачественную форму обработки лицевой поверхности блоков, как и конструкция в айване, что говорит о другой более ранней датировке их изготовления.

Об этом свидетельствует и несоответствие различных пиროнов и креплений в блоках, щель в 16 см между блоками на северной стороне конструкции, а также замурованный внутри конструкции блок с внешней гладкой лицевой поверхностью (рис. 9).

Все вышперечисленное даёт основание предполагать, что эта конструкция в первоначальном виде имела другие размеры и другое, более большее место для её функционирования, например, на площади храма, где обнаружены также блоки с особой обработкой поверхностей.

Резервуар для воды «ванна» в айване храма

Особый объект в виде резервуара из каменных блоков был исследован в айванном помещении храма (рис. 10). Он состоит из трёх блоков, общие реконструируемые размеры которых 2,2x2 м. Место расположения резервуара в последний период его использования в айване храма определяется по найденному у западной стены помещения блоку, который стоял *in situ*. Внутренняя поверхность резервуара, исходя из насечек на нем, была покрыта, скорее всего, гипсом. Вода из резервуара могла выпускаться после её использования в культовых действиях через щель между двумя большими блоками.

Обработка верхней поверхности каменных блоков похожа частично на обработку поверхности баз колонн центрального зала, хотя внутренняя обработка резервуара и его нижней поверхности является очень «подозрительной» и нуждается в дополнительном исследовании. Возможно, только предположить, что внутренняя поверхность первоначального резервуара расширялась при использовании этих блоков в более поздний период в других конструкциях в айванном помещении храма.

Таким образом, в работе удалось коротко представить только небольшой ряд архитектурных элементов, которые могут

быть отнесены к первоначальному зданию храма Окса. Это и крупноформатные сырцовые кирпичи превосходного качества изготовления, и остатки первоначальных полов храма (глиняная обмазка и выкладка из сырцовых кирпичей), и первые штукатурки стен храма, и базы колонн с полированной внешней поверхностью, постамент-алтарь в айванном зале храма, а также резервуар для воды из каменных блоков. Все эти элементы, включая фрагменты превосходной по качеству столовой керамики и произведений искусства из слоновой кости, и золота, являются отпечатком величественного и на сегодня единственного в своем роде храма ахеменидского времени на реке Амударье. Через реку или божество этой реки храм соединил далекие области Центральной Азии в единое культурное целое на долгие столетия, начиная с ахеменидского времени.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 226–240.
- Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. // АРТ. – 2000. – Вып. XXVII. – С. 240-261.
- Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. – 2016. – Вып. XXXVI. – С.149-162.
- Дружинина А.П., Худжагельдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храма № 17 и № 18 // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII. – С. 107-136.
- Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагельдыев Т.У., Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 291–216.
- Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории. – 2011. №4. С. 110-129.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. – 528 с.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории. – 1985. – № 4. – С. 84–116.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Восточная литература, 2000. – 503 с.
- Пичикян И.Р. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. – 1983. – Вып. XVII. - С. 95-104.
- Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти Сангина (раскопки 1981 года) в Кобадиянском районе. // АРТ. – 1988. – Вып. XXI. – С. 264-276.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистические периоды. М.: Восточная

литература, 1991. – 343с.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1984 г. // АРТ. – 1993. – Вып. XXIV. – С. 256-272.

Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг. М.: Наука, 1977. – 167с.

Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012. P. 196-199, 274-276. Litvinskij, V. A., Pičikjan, I. R.: Taxt-i Sangîn. Der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur // Archäologie in Iran und Turan. 4 – Mainz: Verlag von Zabern, 2002. – 124 S.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ОБЪЕКТЫ АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХРАМА ОКСА

В статье по результатам археологических исследований на Тахти-Сангине в 1998-2010 гг. представлены новые материалы, позволяющие пересмотреть датировку строительства храма Окса. Автор приводит небольшой ряд архитектурных элементов, которые могут быть отнесены к первоначальному зданию храма Окса. Это и крупноформатные сырцовые кирпичи превосходного качества изготовления, и остатки первоначальных полов храма (глиняная обмазка и выкладка из сырцовых кирпичей), и первые штукатурки стен храма, и базы колонн с полированной внешней поверхностью, постамент-алтарь в айванном зале храма, а также резервуар для воды из каменных блоков. Все эти элементы, включая фрагменты превосходной по качеству столовой керамики и произведений искусства из слоновой кости, и золота, являются отпечатком величественного и на сегодня единственного в своем роде храма ахеменидского времени на реке Амударье.

BUILDING ELEMENTS AND OBJECTS OF ACHAEMENID TIME FROM THE TEMPLE OF THE OXUS

The article presents new materials based on the results of archaeological research at Takht-i Sangin in 1998-2010, which make it possible to revise the dating of the construction of the temple of the Oxus. The author gives a small number of architectural elements that can be attributed to the original building of the temple of the Oxus. These are large-format raw bricks of first-class workmanship, and the remains of the original floors of the temple (clay coating and laying out of raw bricks), and the first plasters of the walls of the temple, and the bases of columns with a polished outer surface, the pedestal-altar in the ayvannoy hall of the temple, as well as a water tank made of stone blocks. All these elements, including fragments of excellent quality table ceramics and works of art made of ivory and gold, are the imprint of the majestic and today the only one of its kind temple of the Achaemenid period on the Amu Darya River.

Иллюстрации

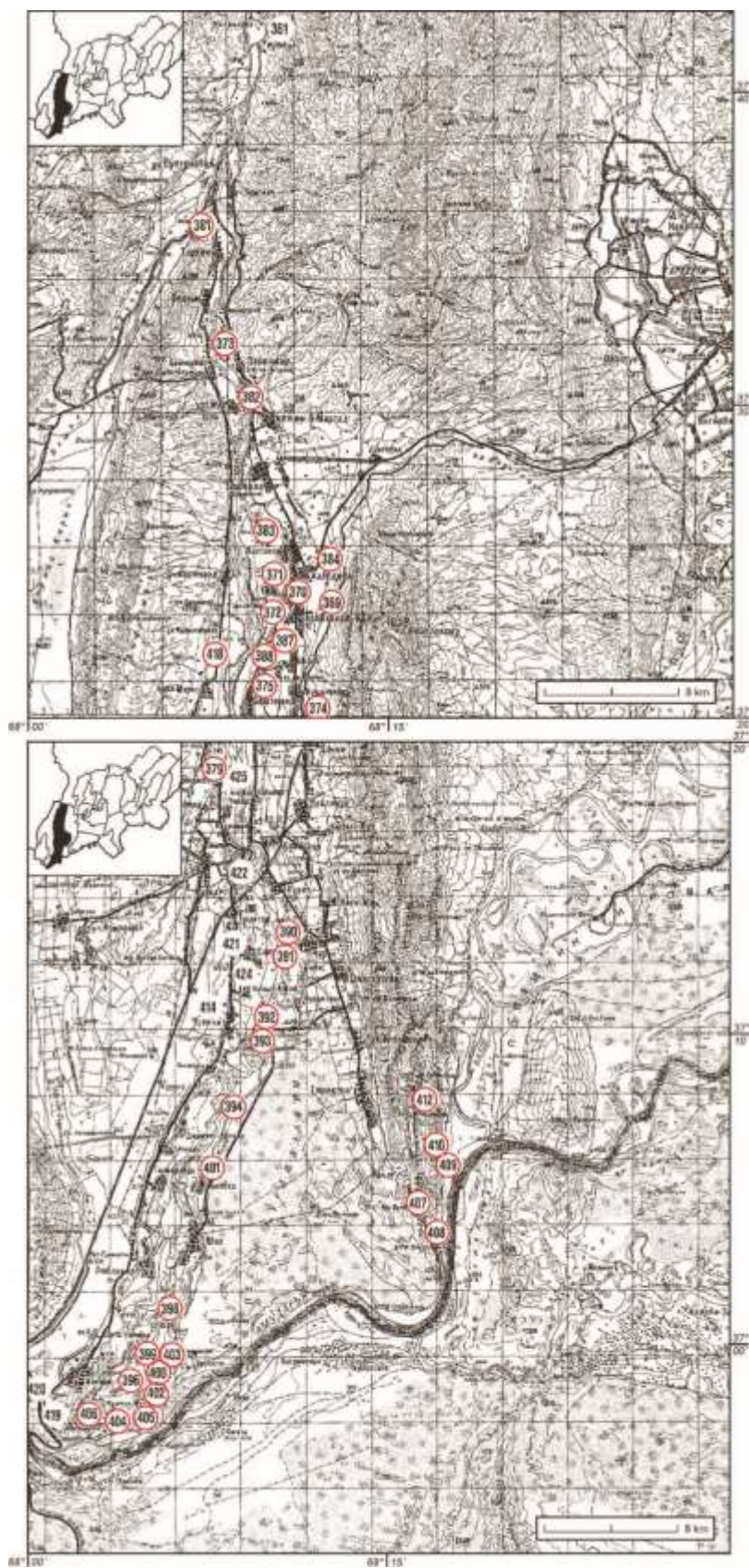


Рис. 1. Кубодиенский оазис. Карта археологических памятников. На берегу Амударьи между городищами Тахти Кобад (№408) и Тахти-Сангин № 409 местность Тахти-Кобад.



Рис. 2а Городище Тахти-Сангин. Цитадель и храм Окса. Вид с северо-запада.

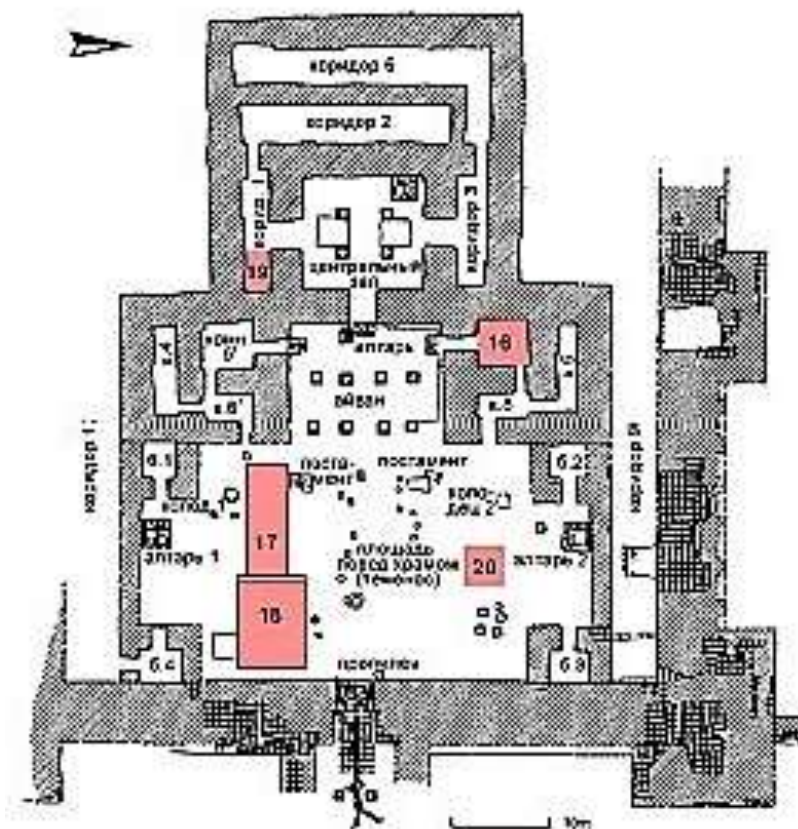


Рис. 2б. Храм Окса. План с раскопами 2004-2010 гг.

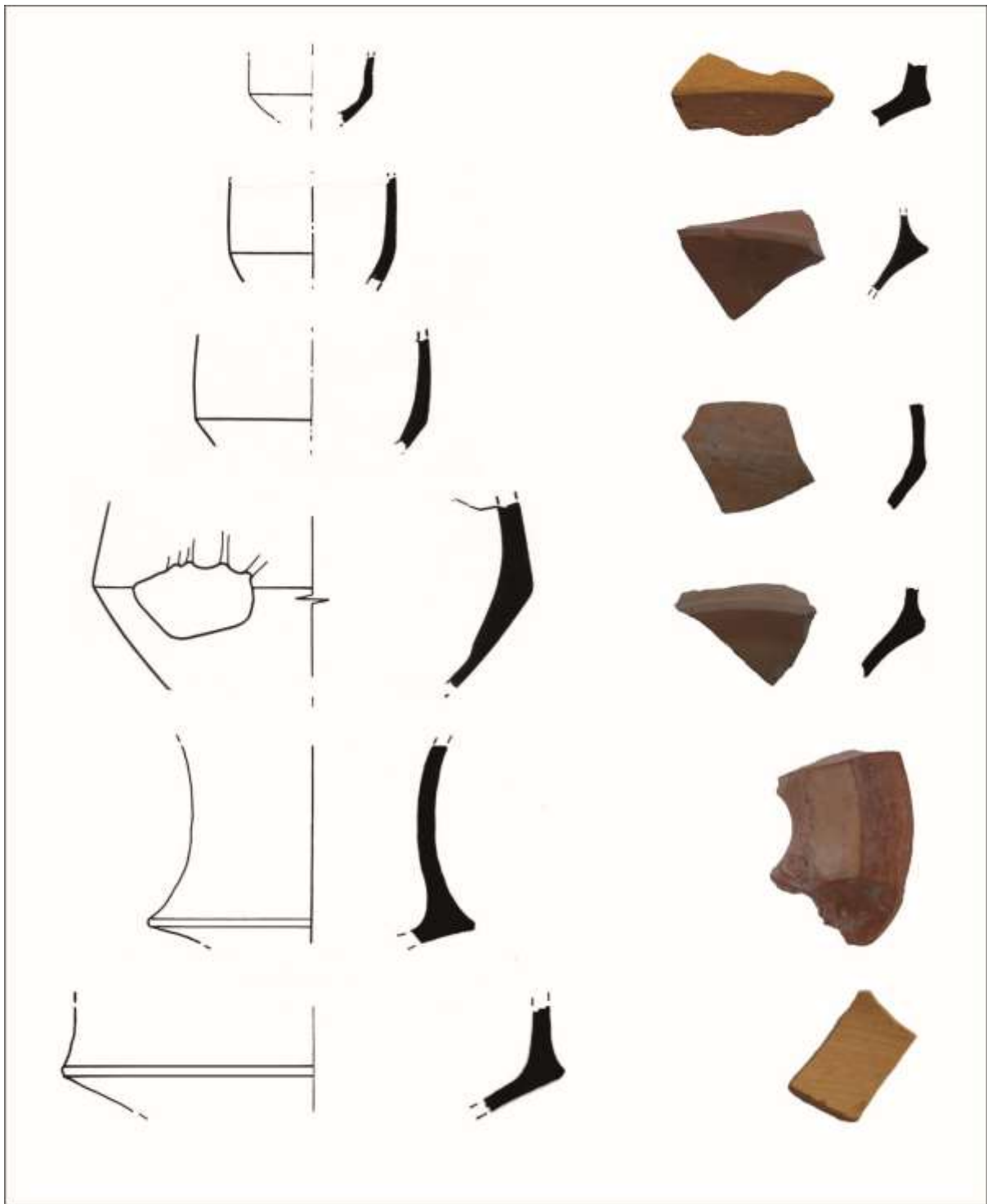


Рис. 3. Храм Окса. Керамические фрагменты ахеменидского времени.



Рис. 4а. Храм Окса. Остатки полов из крупноформатных сырцовых кирпичей в северном атешгахе.



Рис. 4б. Храм Окса. Остатки полов из крупноформатных сырцовых кирпичей, на площади храма под стеной раннекушанского времени на участке южного портика.

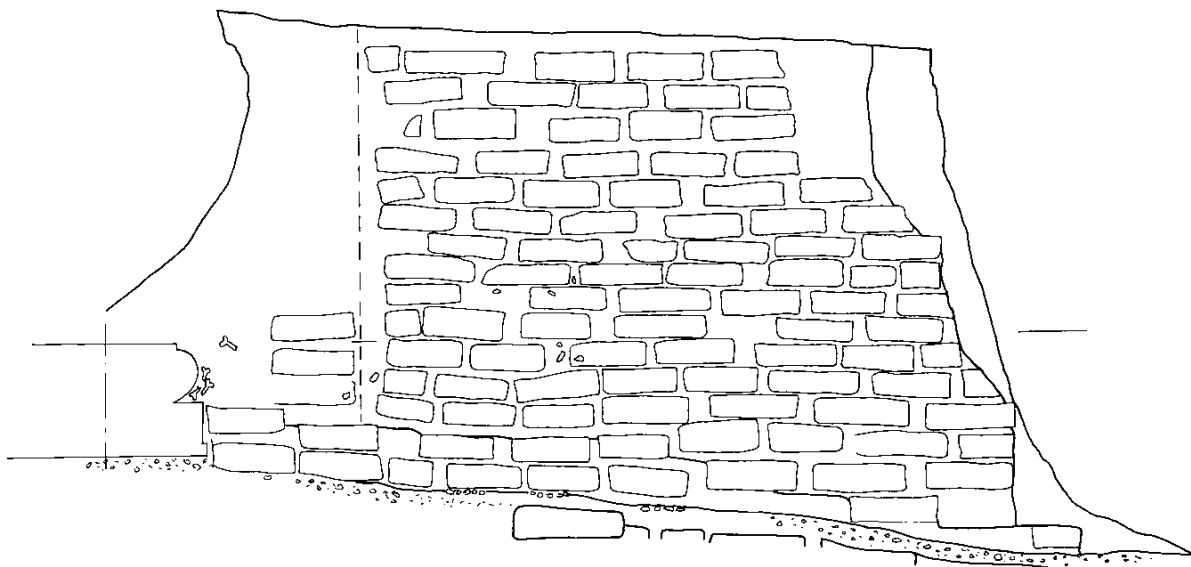


Рис. 5а. Храм Окса. Профиль восточной стены айванного зала. Остатки полов из крупноформатных сырцовых кирпичей внизу под стеной кушанского времени (архитектор Т. Худжагелдиев).



Рис. 5б. Храм Окса. Айванный зал. Остатки конструкции и полов из крупноформатных сырцовых кирпичей под восточной стеной кушанского времени.



Рис. 6а. Храм Окса. База колонны в центральном зале (фото С. Науменко 1979 г.).



Рис. 6б. Храм Окса. База колонны в айванном зале.



Рис. 6в. Храм Окса. База колонны на площади храма. Южный портик.



Рис. 7а. Храм Окса. Алтарь-постамент в айванном зале храма. Вид с востока (фото С. Смильгина 2004 г.).

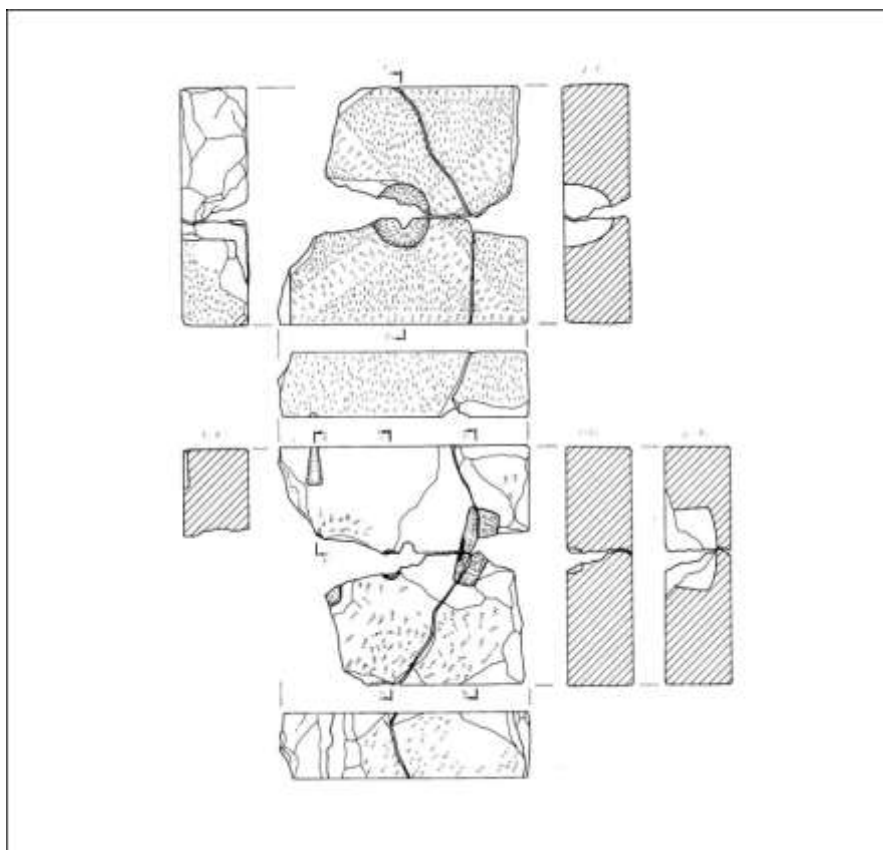


Рис. 7б. Храм Окса. Алтарь-постамент из айванного зала храма. План верхнего блока и расположения лунки и дюбельных отверстий (художник А. Салиев).



Рис. 8а. Храм Окса. Алтарь-постамент из айванного зала храма. Фрагмент верхнего блока с лункой на нижней поверхности.



Рис. 8б. Храм Окса. Алтарь-постамент из айванного зала храма. Верхний блок из фрагментов с дюбельным отверстием на верхней поверхности.

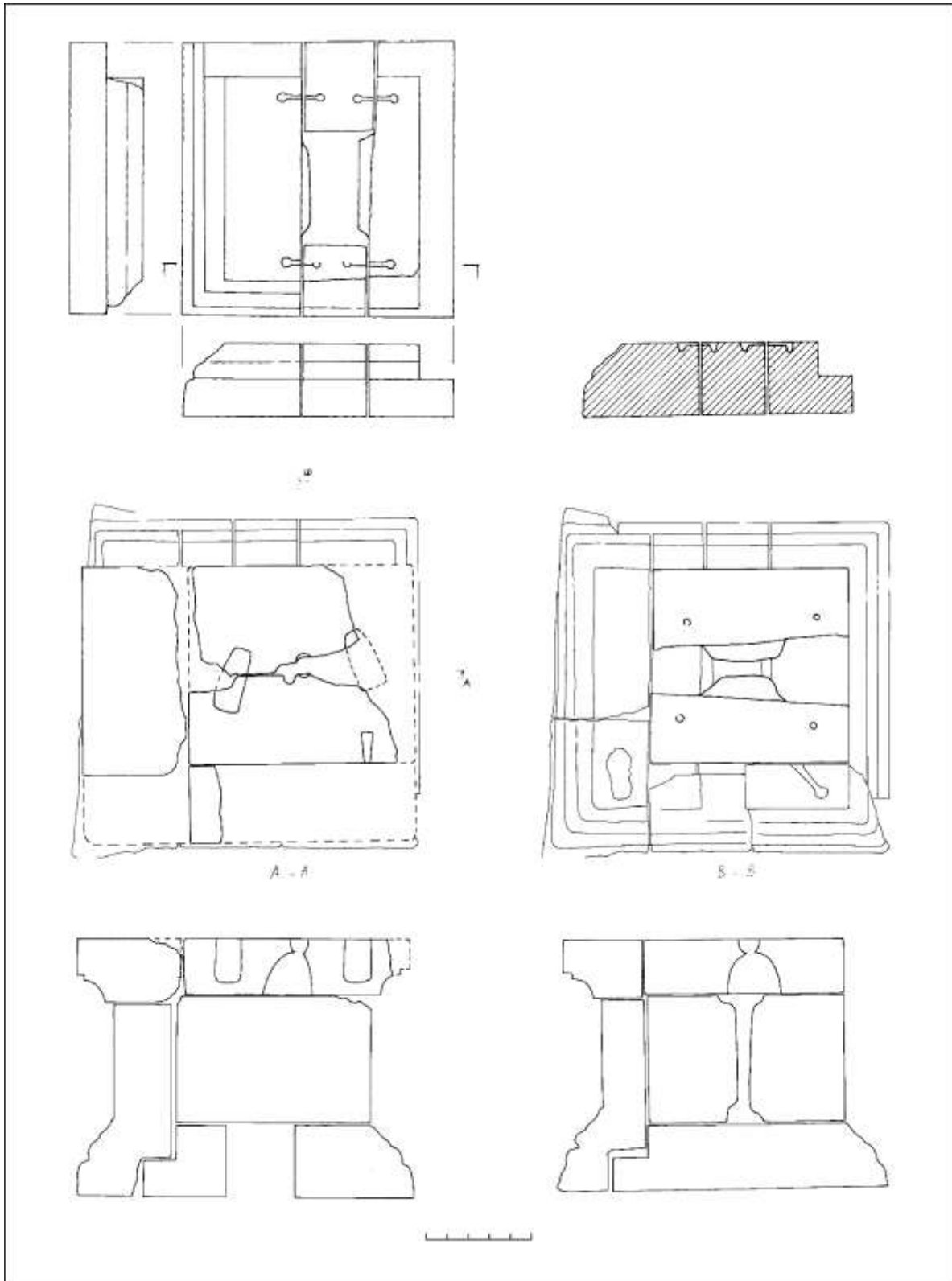


Рис. 9. Храм Окса. Алтарь-постамент из айванного зала храма. План расположения блоков (художник А. Салиев).



Рис. 10а. Храм Окса. Блоки каменного резервуара из айванного зала.

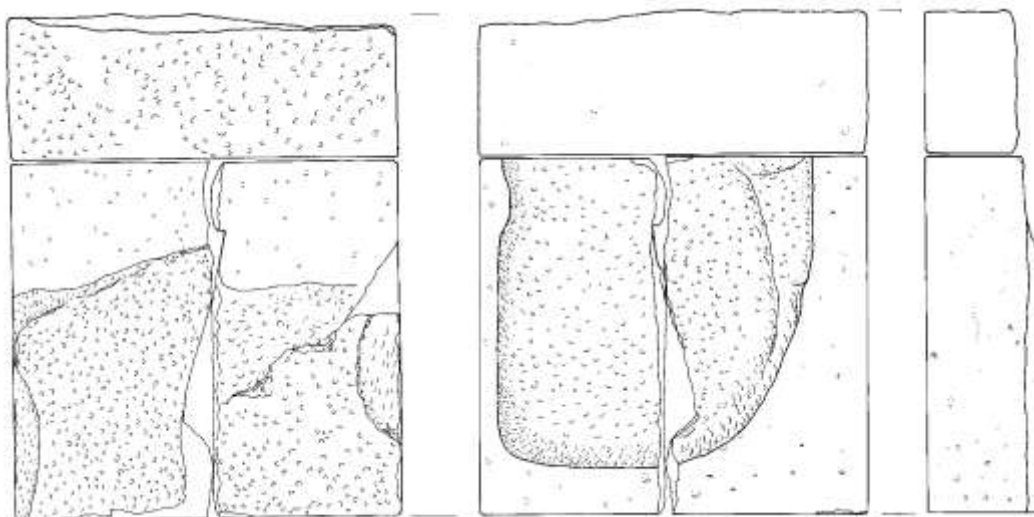


Рис. 10б. Храм Окса. Каменный резервуар из айванного зала. План сторон (художник А.Салиев).

Сведения об авторе: Дружинина Анжелина Павловна – Д-р фил. Фрай Университет, Берлин. Научный сотрудник архива “Bild des Orients” (Берлин, Германия). E-mail: anjelinad@gmx.de

About the author: Drujinina Anjelina Pavlovna, Dr. phil., FU Berlin. Researcher at the archive “Bild des Orients” (Berlin, Germany). E-mail: anjelinad@gmx.de

ТАХТИ-САНГИН: ОБРАЗ НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Лариса Додхудоева
(Душанбе, Таджикистан)

*Культура только в глазах другой культуры
раскрывает себя полнее и глубже.*

*М.Бахтин*¹

Наследие Тахти-Сангина наряду с другими памятниками древности и средневековья, несомненно, оказало важное влияние на современную культуру таджиков, поскольку его реликвии сопровождают национальную историю от самых ее истоков. Согласно утверждению З.Г. Минц, символы этнокультуры, а также те или иные их значения в перспективе дальнейшей истории оказываются, как правило, лишь переведёнными из разряда ее актуальных компонентов в разряд «потенциальных»². Подобные процессы происходили и в культуре таджиков на протяжении столетий. Так, в определенные периоды исламская (с IX в.) и советская (с XX в.) обрядность, эстетика и образность становились востребованными.

После обретения страной политической независимости в конце XXв. произошел процесс смены ценностей, и ныне актуализация смыслов культурного наследия становится весьма своевременной и востребованной. В свою очередь материальная ценность древних памятников в эпоху глобализационных преобразований и мощных транскультурных процессов стала наделяться особой значимостью, что роднит их с предметами сакральными³.

Известный антрополог А.Д. Смит утверждает, что тот, кто хочет определить особый характер этнической идентичности народа, должен рассмотреть природу (форму и содержание) его мифов, символов, историческую память, которые формируют комплекс «миф-символ» на основе механизмов их распространения (или утраты). Символы, постоянные напоминания об общем наследии и

¹ Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 506

² Минц З.Г. Несколько дополнительных замечаний к проблеме: «Символ в культуре» // Актуальные проблемы семиотики культуры. Тарту, 1987. С. 96.

³ Дмитриев П. Потенциал музейного предмета в этнографических реконструкциях // Историческая этнография: Сб. научных статей: Вып. 5. / Под ред. И. И. Верняева, А. Г. Новожилова. СПб, 2014. С. 84.

судьбе, ассоциируются с системой памяти и ценностей, позволяя говорить о «этнических категориях» и «этнических формах», которые отличают определенную общность людей и внутренне связывают их¹.

Архетипы этнокультуры таджиков, в частности наследие Тахти-Сангина, не утратили со временем своей востребованности и отражают особую преемственность в таджикской культуре. При этом магия, ритуал, символ, миф остаются значимыми не только для прошлого, но и реального настоящего, что служит одним из важных механизмов преемственности.

В науке уже сложилась определенная исследовательская традиция, в контексте которой многие ученые стремятся особое внимание уделить проблемам бытования, сохранения и трансляции нематериального культурного наследия, его некоего кода в современной среде, ведь образы наследия цитируются, тиражируются в современной визуальной культуре, логотипах, широко используются в брендинге, моде, рекламе и т.д.²

В силу этих причин в настоящее время возникла необходимость в осмыслении традиций наследия Тахти-Сангина в формах этнографической реконструкции, анализа современной визуальной культуры, но это направление пока не получило окончательного оформления в науке.

Пророческими оказались слова известного этнолога, таджиковеда М.С. Андреева, который указывал на необходимость «проследить многие явления как материальной, так и духовной культуры вдоль всей Амударьи, от верховьев этой великой реки, до ее низовьев». ³ Наследие Тахти-Сангина находится именно в зоне древнего Окса. Более того «этнокультурная преемственность древних бактрийцев и современных южных таджиков (коренное население за-

¹ . Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1999.P. 28.

² Анималистическая вселенная казахской культуры в диаграмме эпох / Отв. за вып: Султанова М. Э., Шайгозова Ж.Н. Астана: КазНИИК, 2017; *Painting The Persian Book of Kings - Ancient Text and Modern Image*.Shahnama Catalogue .Foreword by Ch. Melville. , M. Milz (Ed.). Cambridge, 2010; Tsareva E. The Compartment Group of Middle Amu Darya Pile Rugs and the Bactrian Carpet Making Tradition// *Oriental Carpet &Textile Studies Y11 Selected papers from ICOC X, Istanbul 2007*.Suffolk, 2011.P.183-190. Tsareva E. The Compartment Group of Middle Amu Darya Pile Rugs and the Bactrian Carpet Making Tradition// *Oriental Carpet &Textile Studies Y11 Selected papers from ICOC X, Istanbul 2007*. Suffolk, 2011. P. 183-190.

³ Пещерева Е.М. Некоторые сведения о таджикском жилище привахшских районов // *Этнография Таджикистана* / Отв. ред. Б.А. Литвинский-Душанбе. 1985.С.6.

падной Ферганы) уже не требует доказательств, поскольку она установлена многочисленными археолого-этнографическими исследованиями». ¹

Дискуссионные точки зрения существуют относительно проблемы принадлежности памятников Амударьинского клада (клада Окса) из Британского музея в Лондоне и бактрийской коллекции из Мир Захака в Михо музее (Япония) к наследию Тахти-Сангина². Мы не видим причин разрыва, как в аналогиях, так и в преемственности визуальных традиций. Ведь в одном ареале Бактрии, независимо от того был ли набор артефактов в каждом случае преднамеренным или случайным, были сохранены близкие по значимости памятники. Словом, все три уникальные коллекции представляют собой устойчивые социально-культурные феномены, которые позволяют нашим современникам провести реконструкцию древних традиций и освоить предшествующий культурный опыт.

По мысли Л. Чвырь, исторические превращения персонажей древних, доисламских культов и религий в героев народной среднеазиатской мусульманской мифологии можно считать закономерностью, типичным способом «включения архаичных (по происхождению) неисламских персонажей в повседневный мусульманский контекст»³. Остановимся лишь на единичных примерах подобной включенности архаических образов и характера ритуально-обрядовой практики в современный контекст жизни таджиков.

Подобный процесс, например, отражен в народных представлениях, связанных с рекой Вахш (древним Оксом), образ которого был обожествлен в памятниках Тахти-Сангина. До настоящего времени местное население относится к нему с крайним почтением.

¹ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков//Домусульманские верования и обряды в Средней Азии.М., 1975. С. 50-78

² Пичикян И. Р. Возрождение Большого клада Окса. Первая часть клада Окса из коллекции *Михо музея*. // Вестник древней истории.1998, № 1.С. 92-107; Он же. Р.Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея. II// Вестник древней истории.1998, № 2.С.161-186; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Предисловие М.Б. Пиотровского. Каталог выставки. Л: Искусство. 1979; Кошеленко Г.А., Р.М. Мунчаев, В.А. Гаибов. Археология Афганистана в дни мира и дни войны // М.: ИА РАН. 2014; Коровчинский И.Н. Иерархия культовых объектов в храме Окса в Тахти Сангине//Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012, № 4; С. 37-45; Ртвеладзе В. Два Амударьинских клада или Большой клад Окса? // Bulletin of Miho museum.vol. 20.2020.С.8-12

³ Чвырь Л.А. Очерки культурного синтеза в Туркестане I-II тыс. н.э. М.Нестор-История, 2018 .С.86.

Местные жители, как и тысячелетия назад, считают воды реки целебными в связи с тем, что в ней содержится золото (золотоносный песок). Согласно преданиям, подводный мир реки заселен сверхъестественными существами: водяными людьми *одами оби*, водяными собаками *саги оби*, водяными мышами *муши оби*¹.

Примеры благотворной семантики барана и бараньего руна в индоевропейских традициях многочисленны. Их можно найти и среди памятников Тахти-сангина. Согласно древнегреческой традиции, баран был атрибутивным животным бога Аполлона, а напиток бессмертия *сома* приобретал свои чудесные, дарующие жизнь и благо качества, именно пройдя через фильтр из бараньего руна².

Священный знак – корону с рогами барана – носили скифские правители и персидские цари, а также Александр Македонский – двурогий *Зулкарнай*, чтобы подчеркнуть свое божественное происхождение и связь с высшими небесами. Этот код в форме орнаментального мотива широко отражен в народном искусстве Таджикистана. Так, у таджиков в оформлении жилищ по всему бассейну Амударьи, Дарваза, вышитых изделий различных районов страны используется декоративный спиралевидный мотив из рогов *кушкорак*.³

Сохранились обряды, иногда фрагментарно, связанные с символом тюльпана, одно из изображений которого украшает навершие жезла из Тахти-Сангина⁴. Семантику цветка изобретательно и детально разобрала известный исследователь В.Ю. Крюкова,⁵ которая связала его образ на древнем артефакте с ежегодным праздником тюльпанов *лола* (10-20 апреля) и воскресающим божеством, описанным Е.М. Пещеревой.⁶ Праздник тюльпанов имел широкий ареал

¹ Неменова Р.Л. Народные представления, связанные с рекой Вахш // Этнография Таджикистана. / Отв. ред. Б.А. Литвинский. Душанбе. С.100.

² Михайлин В. М. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.130.

³ Пещерева Е.М. Некоторые сведения о таджикском жилище привахшских районов // Этнография Таджикистана / Отв. ред. Б.А. Литвинский-Душанбе. 1985. С.4-9; Мухиддинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления // Советская этнография. М., 1964. С.108-115.

⁴ Древности Таджикистана. Душанбе, 1985. С.84.

⁵ Крюкова В.Ю. Тюльпаны и богини // Рахмат-наме. Сб. статей к 70-летию Р.Р.Рахимова. / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб: СЭ РАН, 2008. С. 150-167.

⁶ Пещерева Е.М. Некоторые сведения о таджикском жилище привахшских районов // Этнография Таджикистана / Отв. ред. Б.А. Литвинский-Душанбе. 1985. С.4-9; Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в селе Исфара Кокандского уезда // В.В. Бартольд туркестанские друзья ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С.374-384.

распространения, поскольку во многих местах Таджикистана существует топоним *Лолазор* (Тюльпанное поле) в значении «женские (или молодежные) гуляния».¹

Многие исследователи связывают этот праздник с соблюдаемым и поныне ритуалом поминания умирающего и воскресающего синкретического божества (Сиявуша в доисламский период или Хусейна – после принятия ислама). По обилию тюльпанов на бактрийских и маргианских вещах, связанных с отправлением культа, можно судить не только о том, насколько важен был для их религиозной жизни акт почитания некой богини плодородия в пору цветения этих цветов, но и о том, какое значение придавали утверждению этого праздника жрецы².

Появление тюльпана в различных изделиях, артефактах, в монументальных конструкциях, дизайне площадей и массовых зрелищ в Таджикистане свидетельствует о тяготении современных и народных мастеров к мифологической, аллегорической значимости цветка, хотя порой они придают своим произведениям западно-восточную окраску.

Дерево в зороастризме воспринималось как живое существо, наделенное душой. Оно выступало в качестве тотема, рассматривалось как носитель оплодотворяющей силы природы. Согласно положениям зороастризма, в дереве находилось божество огня Агни (Атар), «словно зародыш, прекрасно помещенный в беременных женах»³. К одним из лучших изображений древа жизни в текстильном искусстве принадлежит орнамент шелковой абровой (ткани *алочи*, изготовленный мастером Б. Саидовым из Каратага в середине XX в.

О символе божества Агни, укрытом среди стволов и пышной кроны, в этом образце Б.Саидова напоминают, словно светящиеся внутри дерева огненные вспышки и исходящие от него красочные блики, охватывающие ствол дерева кольцом и повторяющие его силуэт.

¹ Сухарева. О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.)// Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки /Отв. Ред. В.Н. Басилов. М: Наука,1986 С.31-47.

² Крюкова В.Ю. Там же, с. 167.

³ Литвинский Б. А. *Семантика древних верований и обрядов памирцев* // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 106.

Не менее важным в ритуально-обрядовой практике современных таджиков остается женский обряд почитания святой Биби-сешанбе (госпожа вторник), в котором сочетаются мусульманские и доисламские черты. В настоящее время это древнее божество воспринимают сугубо мусульманской святой. Однако ее образ, возможно, происходит, как и других благих, демонических божеств фольклорного пантеона *албасты*, *момохо*, *мушкилкушод* от древней грозной богини, а сам ритуал, восходит к индоевропейской древности.¹

Заключительный эпизод обряда – нанесение ритуального отпечатка руки святой, который является женским знаком и связан с великими богинями. Он – знак присутствия божества и символ жертвоприношения. Известно, что в Бадахшане в дни Навруза женщины, уповая на божий промысел, обмазывают бобовой мукой свою правую руку и оставляют ее отпечаток *даст-и Фотима* (*рука Фатимы*), на центральном главном столбе комнаты *чида*, который олицетворяет собой бога-творца Муртазо-Али. Символ ладони означает солнце, а исходящие из нее пять божественных лучей – неизменные атрибуты верховного бога арийцев Варуны (трансформировавшегося в Иране в великого бога зороастризма Ахурамазду, а в Индии – великого бога индуизма Шиву).²

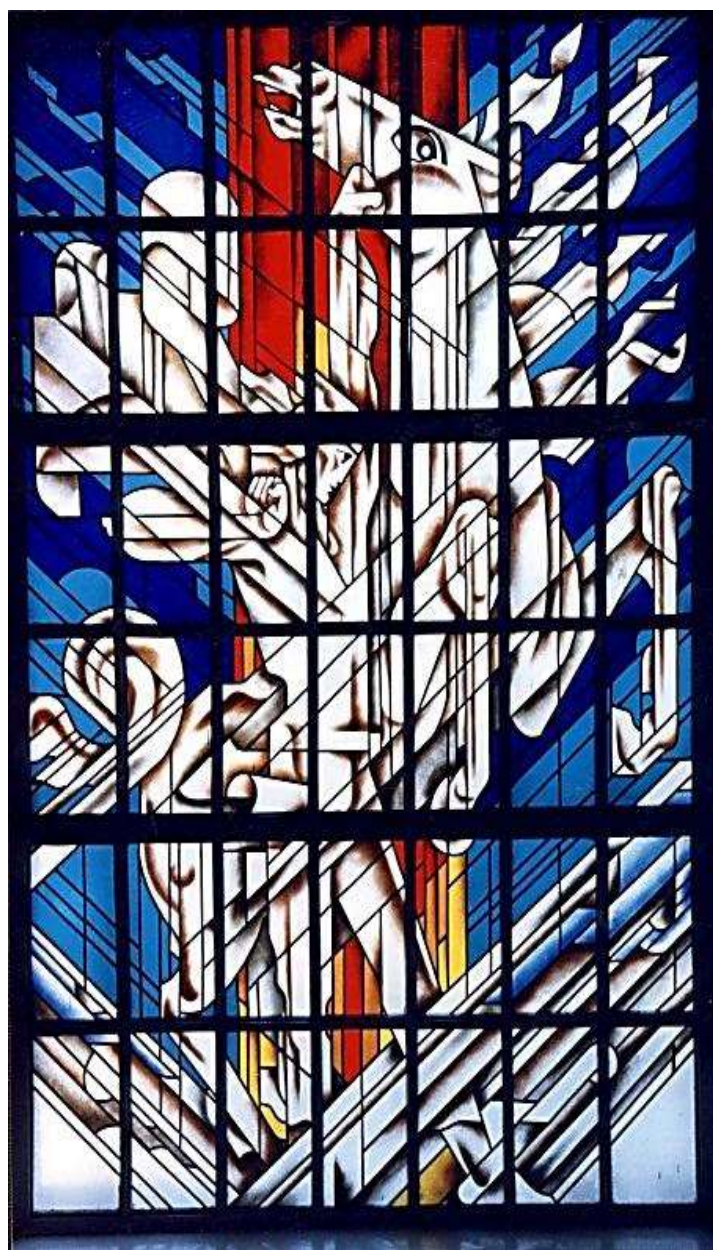
Современные народные мастера изготавливают немало различных локальных видов флейты *ная*, который по-прежнему остается культовым инструментом и звучит на народных праздниках в селе и в городе. Так, учитель музыки, артист, певец Рахим Гадоев из Нуробадского района, любимый им най создает из тутового и абрикосового деревьев. По его признанию, звучание этого инструмента позволяет ему выразить дух свободы.

¹ Чвырь Л.А. Там же, с. 34.

² Чвырь Л.А. Там же, с. 35.



Рахим Гадоев и его най. Деда Хакими поён Нуробадского района. 2023г.



Н.Нарзибеков. Витраж «Покорение Вахша». 1984 г.

Народные мастера Таджикистана в своих изделиях и ритуально-обрядовой практике при помощи культовых образов и древних символов как бы воспроизводят «фоновое культурное знание» (определение К. Юнга), которое выражается в сакрализации архетипов, в том числе и отдельных памятников Тахти-Сангина. Созданные ими образцы призваны защитить, уберечь людей от невзгод и злоключений, маркируют пространство при обрядовой церемонии. Вслед за известным исследователем Е.В. Антоновой, можно было бы сказать, что все созданные народными мастерами вещи, неотделимы от мира

и представляют не его отображение, а сам этот мир.¹ По-прежнему человек пытается окружить себя надежными, имеющими «семантический статус вещами» (термин А.К. Байбурина) несмотря на то, что иногда высокие архаические символы в творчестве мастеров интерпретируются посредством лубочной, народной иконографии.

В какой бы сфере не творили таджикские живописцы, скульпторы, графики и в каком бы стиле они не работали, тематический арсенал Тахти-Сангина можно без труда проследить в отдельных их произведениях. Изобретательность в создании фьюжн, «выгрузке» древних элементов в новые, современные эстетические и смысловые структуры служит основой синкретизма архаичных символов и концептуальных образов таджикских мастеров.

Река Вахш, древний Окс, была особо почитаема в древности и средневековье, о чем свидетельствуют памятники Тахти-Сангина. В настоящее время она остается объектом изображения многих мастеров, неким древним кодом, который с каждым произведением обретает новые образные характеристики и интерпретации. Ярким примером в этом смысле является витраж из монтированных свинцом тонких цветных стекол, украшающий столичный отель «Вахш».



Р. Батуралиев. Александр Македонский. Худжанд. 2008 г.

Сюжеты, связанные с Александром Македонским и эпохой эллинизма, не нашли широкого отражения в искусстве Таджикистана. Цикл из девяти панно в технике флорентийской мозаики в Истори-

¹ Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С.20.

ко-культурном музее в крепости Худжанда является редким примером художественного воплощения образа греческого царя. Монументалист Р. Батуралиев (исполнитель Дж. Джураев) достаточно подробно представили пантеон греческих богов, путь македонского царя на Восток, его сражения и основание города Александрии Эсхаты (Александрии Крайней), которая располагалась, как считают исследователи, на территории современного Худжанда. Не удивительно, что академический, героизированный стиль композиций, как и их содержание, были навеяны образцами классического западно-европейского искусства.

В годы независимости самые кардинальные изменения произошли именно в визуальной культуре Таджикистана, поскольку в этой области сформировался совершенно новый вид творчества – актуальное искусство, т.н. «contemporary art», а, следовательно, и новое мышление. Стали широко использоваться современные технологии, информативные системы, среди которых особое место заняли электронные ресурсы. В актуальном искусстве СНГ, по утверждению американского критика В. Булата, традиция как изначальная точка, должна иметь статус конфликта, напряжения, динамики, а сам западный авангард непременно здесь обязан быть «посажен» на традицию, взрасти на ней, поскольку она развита многими поколениями, воплотивших в ней свою этническую и культурную самоидентификацию.¹

Достаточно лаконичным решением темы зороастризма является фотоинсталляция «Знаки Заратуштры», подготовленная совместно казахским мастером Е.Мельдибековым и таджикским художником Дж. Холиковым для выставки «Параллель» проекта «Стартер»². Четыре фигуры на четырех фотографиях (знаковое число стихий в зороастризме !!) представляют равноконечный крест, квадрат, круг и свастику. И каждый фетиш соответствует разным символам зороастризма и воплощает главный культ огня – солнца *гулхан*. Такие фигуры легко можно распознать в образцах современных таджикских ремесленников.

¹ Bulat V. Different kinds of invasion // Invasion. Orheiul Vechi. Moldova, 2002. P. 12.

² Параллель. Текст Л. Додхудоева, дизайн С.Шарипов, Дж. Холиков, фото Дж. Холиков, А. Румянцев. Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству в Таджикистане. Государственный художественный колледж им. М. Олимова. Душанбе, 2006. С. 48.

Разным символам зороастризма воплощает главный Просветленный образ четверорукой богини Анахиты представленной в росписи Зиёратшо Довутова в чайхоне «Хуррамшахр» в Хатлоне 2008-2009 гг. В этом произведении Ардвисура Анахита, как образ воплощенной красоты, дарует людям праздник, ведь связана она была с искусством, музыкой, артистизмом.

В древности мастера часто использовали изображение переплетенных или же витых тел, чтобы указать на высшие, спиритуалистические силы, овладевшие ими. Этот способ изобретательно использовал и Ф. Ходжаев в своей работе «Анахита». Этот способ изобретательно использовал и Ф. Ходжаев.¹ Экспрессия, переданная им через наклон головы богини, которая показана в трех ракурсах (профиль-анфас-профиль), сложный, спиралевидный поворот ее тела, а также ее сдержанность и молчание словно воплощают магическое значение образа.



Е. Мельдибеков, Дж. Холиков.
Знаки Заратустры. Фотоинсталляция. 2005 г.

¹ Фаррух Ходжаев. Любовь к жизни Душанбе, 2020. С.24.



З. Довутов. Анахита 2008-2009гг. Ф. Ходжаев. Анахита. 2008 г.

Работы «Миф» 1995 г. (бронза), «Ориёно»1997 г. (бронза, камень) А. Бикасиёна являются оригинальным воспроизведением древних восточных легенд о сотворении мира и появлении Арианы.¹ Каждая фигура включает в себя целый спектр фантастических видений, красочных реликвий, навеянных символикой и образностью артефактов Тахти-Сангина, клада Окса и бактрийской коллекции Михо музея.



А. Бикасиён. Ориёно.1997г. А. Бикасиён. Последнее мгновение. 1999 г.

¹ Суруш-2000. /Ред Н. Нарзибеков, текст Л. Додхудоева. Душанбе, 2000.С.22,23.

Важную роль в культе бога умирающей и воскресающей природы играл конь, а его сказочный персонаж *аспи оби* фигурирует повсеместно в Центральной Азии. Древнейшие ритуальные захоронения коней и коня иносказательно представлена в ряде произведений таджикских многочисленны изображения лошади зафиксированы в Тахти-Сангине.

Сакральная значимость коня в его внешних характеристиках – силе, мощи, красоте движений – широко представлена в работах таджикских мастеров. В таких работах акцент нередко перенесен с мифологического значения и ритуала на общекультурную значимость и ценность изображаемого (миниатюра О. Камалова «Пойга»)¹.

Неким исключением среди них может считаться живописное полотно Л.Ирисметовой «Бег свободных лошадей» 2003г., в котором помимо стремительно несущихся животных представлен череп лошади². Здесь он выступает как бы неким напоминанием о том, что участь лошадей решена. Ведь жертвоприношению коней предшествовал обряд выпуска их на свободу на какой-то заранее определенный срок³.



О. Камалов. Пойга.2010г. Л. Ирисметова. Бег свободных лошадей. 2003г.

¹ Мино. Современное искусство Таджикистана / Рук. проекта И. Айни, текст Л. Додхудоева. Душанбе, 2011. С.20.

² Таджикское искусство. Душанбе, 2002. С. 35.

³ Иванов В.В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *asva* – конь // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 34.

Интерпретация древней ипостаси горного барана *кушкора*, *архара*, козла *нахчира*, отличается выразительной семантической и иконографической особенностью, как в народном искусстве, так и изобразительном. В керамической композиции Ф. Ходжаева «Кишт» (Посев) фигуры нахчириров, объединенные друг с другом рогами, сливаясь, образуют эмблематическое изображение в виде Мирового дерева¹. Подобное решение было весьма характерным приемом в искусстве древности, в частности в памятниках Тахти-Сангина. «Райские аркады» в виде рогов *нахчириров* указывают на неземную локализацию происходящего действия. Здесь фарн/хварна как сакральная категория изначально материализовалась в образе горного барана/козла, который воплощал одновременно благословение и жертву².

Образ горного барана сконструирован совершенно в другом ключе в перформансе «Архары» 2005г. (У. Джапаров, В. Турсунов и др.) Впечатляющее событие совершается в аскетичной природной среде, наполненной потенциальной человеческой энергией и не синхронизированным движением группы участников перформанса.³



¹ Фаррух Ходжаев. С. 64.

² Анималистическая вселенная С.111; Литвинский Б. А. Ук.соч.С. 105.

³ Параллель. Текст Л. Додхудоева дизайн С. Шарипов, Дж. Холиков, фото Дж. Холиков, А. Румянцев. Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству в Таджикистане. Государственный художественный колледж им. М. Олимова. Душанбе, 2006. С.84.



Ф. Ходжаева Кишт (Посев). 2009г.
У. Джапаров, В. Турсунов. Перфоманс «Архары». 2005г.

Проведенный анализ артефактов современной визуальной культуры Таджикистана позволил определить предпочтения современных таджикских мастеров в области образной системы эпохи древности. На основе рассмотренных выше немногочисленных примеров можно прийти к заключению, что архаические верования, мифы, символы, анималистические образы способны воплотить не только исконные смыслы, но и современный образный концепт.

С одной стороны, произведения XX-начала XXI веков овеяны определенной романтической аурой артефактов Тахти-Сангина, Амударьинского клада и бактрийского клада из Метрополитенского музея. С другой, возможности современного искусства позволяют значительно расширить границы канона и представить в новом свете классические памятники древности, придать новые смыслы символам, а главное – сохранить традиции этнокультуры таджиков.

В определенные исторические периоды развития этнокультура таджиков порой утрачивала исконные традиции, так как приоритет сохранялся за интернациональной культурой, исламской или советской обрядностью, идеологией этноплюрализма. В этом случае традиции не редко подвергались десакрализации и частичной коррек-

тировке. В результате в материальной и духовной культуре таджиков более жизнеспособными оказались так называемые вторичные элементы этнической культуры, которые не были напрямую связаны с идеологической и политической подоплекой, а относились в основном к истории и культуре повседневности, которая продолжала отражать этничность таджиков. Именно в этой области были сохранены пережитки архаических верований и ритуально-обрядовой практики древности и средневековья.

Одновременно западная культура с присущей ей академической школой оставалась и остается важной частью культурной памяти таджикского этноса. Вытесняемое временами различными идейными понятиями, тематикой наследие древности продолжало существовать в народной и визуальной культуре, выполняя как бы охранительную роль истоков этнокультуры таджиков. В итоге благодаря диффузионным процессам, архаические пласты и модернистские тенденции в современной культуре Таджикистана активно взаимодействуют.

Таким образом, образ наследия Тахти-Сангина остается важным ресурсом формирования идентичности таджикского этноса. Раскрытие же его особенностей и их изучение является неременным условием в деле сохранения этнокультуры таджиков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анималистическая вселенная казахской культуры в диаграмме эпох / Отв. за вып: Султанова М. Э., Шайгозова Ж.Н. – Астана: КазНИИК, 2017.
2. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: опыт реконструкции мировосприятия. – М., 1984.
3. Бахтин М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
4. Дмитриев П. Потенциал музейного предмета в этнографических реконструкциях // Историческая этнография: Сб. научных статей: Вып. 5. /Под ред.И. И. Верняева, А. Г. Новожилова. – СПб., 2014. – С. 83-85.
5. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.
6. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Предисловие М.Б. Пиотровского. – Каталог выставки. – Л: Искусство. 1979.
7. Иванов. В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva-конь // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. – М.,1974. –С. 30-45.
8. Коровчинский И.Н. Иерархия культовых объектов в храме Окса в Тахти Сангине // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 4. – С. 37-45.

9. Кошеленко Г.А., Р.М. Мунчаев, В.А. Гаилов. Археология Афганистана в дни мира и дни войны // М.: ИА РАН. 2014.
10. Крюкова В.Ю. Тюльпаны и богини //Рахмат-наме. Сб. статей к 70-летию Р.Р.Рахимова /Отв. ред. М.Е. Резван. – СПб: СЭ РАН, 2008. – С. 150-167.
11. Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 90-121.
12. Мино. Современное искусство Таджикистана / Рук. проекта И. Айни, текст Л. Додхудоева. – Душанбе, 2011.
13. Минц З.Г. Несколько дополнительных замечаний к проблеме: «Символ в культуре» // Актуальные проблемы семиотики культуры. – Тарту, 1987. – С. 90-102.
14. Михайлин В. М. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
15. Мухиддинов И. Стенные росписи жилищ в селении Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления // Советская этнография. – М., 1964. – С.108-115.
16. Неменова Р.Л. Народные представления, связанные с рекой Вахш // Этнография Таджикистана / Отв. ред Б.А. Литвинский. – Душанбе. – С. 98-106.
17. Параллель. Текст Л. Додхудоева, дизайн С. Шарипов, Дж. Холиков, фото Дж. Холиков, А. Румянцев. Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству в Таджикистане. Государственный художественный колледж им. М. Олимова. – Душанбе, 2006.
18. Пещерева Е.М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник. – М., 1963. – С. 42-51.
19. Пещерева Е.М. Некоторые сведения о таджикском жилище привахшских районов // Этнография Таджикистана / Отв. ред. Б.А. Литвинский-Душанбе. – 1985. – С. 4-9.
20. Пещерева Е.М. Праздник тюльпана (лола) в селе. Исфара Кокандского уезда // В.В. Бартольд туркестанские друзья ученики и почитатели. – Ташкент, 1927. – С. 374-384.
21. Пичикян И. Р. Возрождение Большого клада Окса. Первая часть клада Окса из коллекции Михо музея. // Вестник древней истории. – 1998. – №1. – С. 92-107.
22. Пичикян И. Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея. // Вестник древней истории. – 1998. – №2. – С.161-186.
23. Ртвеладзе Э. В. Два Амударьинских клада или Большой клад Окса? // Bulletin of Miho museum. 2020. Vol. 20. – С. 8-12.
24. Суруш-2000 / Ред Н. Нарзибеков, текст Л. Додхудоева. – Душанбе, 2000.
25. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С. 50-78.
26. Сухарева. О.А. Празднества цветов у равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / Отв. Ред. В.Н. Басилов. – М.: Наука, 1986. – С. 31-47.
27. Таджикское искусство. – Душанбе, 2002.
- 28 Фаррух Ходжаев. Любовь к жизни. – Душанбе, 2020.
29. Чвырь Л.А. Очерки культурного синтеза в Туркестане I-II тыс. н.э. – М.: Нестор-История, 2018.
30. Bulat V. Different kinds of invasion. // Invasion. – Orheiul Vechi. – Moldova, 2002.
31. Painting The Persian Book of Kings - Ancient Text and Modern Image. Shahnama Catalogue. Foreword by Ch. Melville. , M. Milz (Ed.). – Cambridge, 2010.
32. Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford, 1999.
33. Tsareva E. The Compartment Group of Middle Amu Darya Pile Rugs and the Bactrian Carpet Making Tradition // Oriental Carpet & Textile Studies Y11 Selected papers from ICOC X. – Istanbul 2007. – Suffolk, 2011. – P.183-190.

TAKHTI-SANGIN: THE IMAGE OF HERITAGE AND PROBLEMS OF CULTURAL CONTINUITY

This publication is based on the results of a conceptual project dedicated to the analysis, preservation and transmission of the spiritual and material values of Takhti-Sangin through the image of the heritage that exists in Tajikistan in 20-early 21 centuries.

Key words: Tajikistan, Takhti-Sangin, heritage, culture, value, concept, project, result

ТАХТИ-САНГИН: ОБРАЗ НАСЛЕДИЯ И ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Данная публикация основана на результатах концептуального проекта, посвященного анализу, сохранению и передаче духовных и материальных ценностей Тахти-Сангина через образ наследия, существующего в Таджикистане в XX – начале XXI века.

***Ключевые слова:** Таджикистан, Тахти-Сангин, наследие, культура, ценность, концепция, проект, результат.*

Сведения об авторе: Додхудоева Лариса Назаровна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии и антропологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 918 61 95 84; e-mail: lorasdo-do@rambler.ru

About the author: Dodkhudoeva Larisa Nazarovna, Doctor of History, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan; Тел.: (+992) 918 61 95 84; e-mail: lorasdo-do@rambler.ru

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ДАТИРОВКИ ТАХТИ-САНГИНА

Наргис Ходжаева
(Душанбе, Таджикистан)

В 1998 г., после шестилетнего перерыва возобновились археологические исследования на Тахти-Сангине, которые уже насчитывают 18 полевых сезонов. Благодаря возобновлению работ на памятнике в истории его изучения открылась новая страница. Теперь раскопки проводились не только в храме, но и на территории города. Археологический материал, полученный в этот период, позволил по-новому взглянуть на датировку Тахти-Сангина, так как среди новых находок важными оказались находки ахеменидского периода. Так, в 2008 г. в храме, а в 2010 г. – на территории самого городища были обнаружены фрагменты ахеменидской керамики (рис. 1)¹. В 2017 г. результатом совместной таджикско-французской экспедиции явилось обнаружение на территории западнее храма Окса еще одной торовидной базы колонны² (рис. 2), которая по всем признакам относится к ахеменидскому периоду.

Появление нового материала обязывает нас вновь провести анализ археологического материала Тахти-Сангина и представить некоторые доводы, которые, на наш взгляд, являются основанием для определения новой датировки основания памятника.

На принадлежность храма к ахеменидскому периоду указывали Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, отмечая, что «в процессе раскопок на Тахти-Сангине перед нами предстал архитектурный комплекс, имевший много признаков культового сооружения... Так как это единственное сооружение такого рода, раскопанное полностью, храм Окса стал эталонным для ахеменидской и эллинистической

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 144, 147; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16

² Желен М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М.Блан) // АРТ. 2022. Вып. XLII. С. 153-154, рис. 5.

зороастрийской культовой архитектуры»¹. Более того, Б.А. Литвинский пишет: «Как мне представляется, вполне вероятно, место для храма у слияния Вахша и Пянджа и образования Амударьи (совокупность этих рек носила в древности название Окс), где соединялись важнейшие речные потоки Бактрии и как бы рождалась и распределялась вода, персонифицировавшаяся в образе божества Воды и родственных божеств, было выбрано еще и потому, что здесь, несомненно, располагалось пока еще не найденное, более раннее святилище, построенное в ахеменидское время и посвященное великой реке Оксу. Многочисленность вотивов ахеменидского времени в хранилищах храма Окса, который там датируется эллинистическим временем, скорее всего, указывает на то, что эта группа вотивов накапливалась в более раннем храме»². Таким образом, оба ученых подвергли сомнению свои же установленные датировки начала функционирования памятника концом IV – началом III вв. до н.э.³ Свои сомнения Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян не могли веско аргументировать, так как на время приостановления раскопок в 1991 г. они не имели достаточно фактологического материала. Поэтому вопрос о датировке памятника остался открытым.

К такому выводу оба ученых пришли, прежде всего, в результате определения планировки храма, а также на основании некоторых особенностей строительных конструкций, функционального назначения помещений и находок ахеменидского периода. Так, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечают, что композиция храма огня – чисто восточная. Культы воды и огня являющиеся характерными для храма Окса – зороастрийские. Об этом свидетельствует наличие двух атешгахов – хранилищ огня, ям, заполненных чистойшей золой, колодца, бассейна для воды⁴. Более того, выводы ученых подтверди-

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 187. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2000.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 368.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 183; Пичикян И.Р. С. 188. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1985 г. (фасад храма Окса) // АРТ. 1994. Вып. XXV (1985 г.). С. 188; Он же. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). М., 1991. С. 275.

⁴ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С. 144-148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие темено-

лись археологическими исследованиями Тахтисангинского отряда под руководством А.П. Дружининой. Аргументом подтверждения их предположения являются обнаруженный на площади перед храмом Окса колодец культового назначения со ступенчатым спуском, резервуаром для воды и площадки с костями жертвенных животных¹.

И.Р. Пичикян отмечает, что восточная по типу планировка храма Окса (т.е. четырехугольный зал, обводной коридор, наличие атешгахов и колонный айван) могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной объемно-композиционной практики строительства культовых зданий. Конкретно – храмов огня. Во всяком случае, заказ требовал, чтобы храм был построен по восточным стандартам, следовательно, он проектировался или иранцем, или греком, хорошо знающим восточные традиции и имеющим соответствующий опыт².

Здесь мы не можем согласиться с точкой зрения ученого, так как полагаем, что архитектором храма Окса был именно бактриец, приверженец зороастрийских верований. На наш взгляд, по поводу датировки храма Окса и его религиозной принадлежности точно высказался Ф.Грене, отмечая, что храм Окса имеет «первостепенную важность для истории иранской религиозной архитектуры: фактически он представлял собой наиболее ранний, бесспорный образец храма огня, который функционировал в соответствии с зороастрийскими регуляциями»³. Тем самым, храм Окса может претендовать на титул одного из самых древнейших храмов огня в иранском мире.

О том, что храм Окса является архаичным свидетельствует и функциональное назначение его помещений. И.Р. Пичикян отмечает, что приайванные комплексы помещений храма Окса выделяются

са храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 226-228; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 187.

¹ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI (2010 г.). С. 149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчеты о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII (2012). С. 280-316.

² Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С. 148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия). С. 228.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Leiden -New York-Kobenhavn-Köln: E.J. Brill, 1991. P. 178.

своими функциями поддержания огня и обслуживания главного в них помещения с алтарем-жертвенником, на котором поддерживался «вечный огонь». Расположение комнат в этих комплексах было спланировано так, что взгляд «постороннего не мог проникнуть в атешгахи. «Тамбурная» система расположения комнат в приайванных квадратных комплексах помещений с глубокими, не совпадающими по оси дверными проемами предотвращала сквозняки и предохраняла атешгахи от ветров, сильных в этом районе.

Длинные Г-образные коридоры служили сокровищницами, содержащими посвященные божеству предметы, а основные общественные церемонии проходили в крытом восьмиколонном айване и на площади перед алтарями¹.

Следует отметить, что Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян² провели сравнительный анализ планировки храма Окса с храмами огня ахеменидского периода (храм в Кухи-Хваджа, храм около Суз и храм огня на нижней террасе Персеполя), указав на их непосредственную связь. Ученые установили их следующие общие характерные особенности:

1. Ядром всех упомянутых храмов служит квадратный четырехколонный зал;
2. Обведение центрального зала обводными коридорами;
3. Наличие крытого колонного айвана;
4. Наличие площади – двора перед храмом;
5. Наличие атешгахов.

Что касается строительных конструкций храма Окса, то они также были традиционно восточными. Очень архаично выглядят монументальные стены храма около 3,4 м. Сырцовый кирпич (50x50x14 см), из которого были первоначально сложены стены

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С.150-151; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 229-230; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 202-203.

² Pichikyan I.R. The Fire-Temple at Persepolis (Composition, Dating, Attribution) // The International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. M., 1989. No 16. P.55-73; Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). С. 150-151; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 230-231; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 202-204, 209-240, табл. 58.

храма, также традиционно ахеменидского стандарта. Все стены связаны впереплет, что свидетельствует о единовременной застройке¹. Хотя Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну оппонируют некоторые ученые², мы считаем, что их точка зрения вполне обоснованная.

Следует обратить также внимание на тот факт, что по времени храм в Кухи-Хваджа (VI-V вв. до н.э.), храм около Суз (V-IV вв. до н.э.) и храм на нижней террасе Персеполя (конец V-IV вв. до н.э.) начали функционировать в один и тот же период – не позже конца V в. до н.э. Таким образом, Храм Окса, имея общие характерные архитектурные особенности с упомянутыми иранскими храмами огня, строился с этими храмами по одному «типовому проекту», который использовался в иранском мире в ахеменидский период. Отсюда следует, что храм Окса начал функционировать одновременно с этими храмами.

При определении датировки начала функционирования храма Окса важным оказалось исследование, проведенное А.П. Дружининой, которая еще раз вернулась к изучению предвратного алтаря из айвана, раскопанного отрядом И.Р. Пичикяна в 1981 г.³. Ученая обратила внимание на то, что «по форме этот алтарь напоминает алтарь, посвященный храму Атросоком» и, что он «наиболее древний из всех открытых в айване алтарей»⁴.

А.П. Дружинина провела анализ технических особенностей поверхностей блоков, из которых состоит алтарь, а также углублений для зажимов и его профиля, которые оказались характерными для ахеменидского периода. Ученая также отмечает, что расположение блоков по разные стороны алтаря привели к очень твердому убеждению, что алтарь, который был обнаружен в айване храма Окса,

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). С. 148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия). С. 228-229.

² Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie centrale à l'époque hellénistique: état de la question // *Études de Lettres: revue de la faculté des lettres de l'Université de Lausanne*. 1992. No 4. P. 100-124. См. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://doi.org/10.5169/seals-870449> (Дата доступа: 31/07/2023); Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы // *Вестник МГОУ. Серия "История и политические науки"*. 2012. № 5. С. 46-50; Он же. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня // *Новое прошлое / The New Past*. 2017. № 4. С. 49-73.

³ Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе) // *АРТ*. 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 268-269.

⁴ Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе). С. 269.

был построен из повторно использованных блоков более древнего периода, вероятно, из другого алтаря больших размеров, который изначально не стоял в айване храма, так как для этого не было достаточно места¹. Вполне вероятно, что до строительства храма алтарь из айвана мог стоять или на открытом месте, что подтверждает сведения Геродота о том, что персы совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам в «неоскверненном месте (Геродот, I. 131-132)² и Страбона о том, что персидские обычаи одинаковы у этих народностей, у мидян и у многих других племен. ... Жертвы они приносят преимущественно огню и воде. Совершают они жертвы в очищенном по обряду месте после молитв, приведя жертвенное животное, обвитое венком» (Страбон, XV. 13-14)³.

Таким образом, местное население сначала проводило свои религиозные ритуалы на открытом месте, принося жертвоприношения, вознося их на алтарь. Потом был воздвигнут храм, куда и перенесли этот алтарь. Или же, как предполагал Б.А. Литвинский⁴, этот алтарь стоял в более древнем храме, который находился в другом месте.

Особого внимания заслуживает рассмотрение причин строительства храма в месте, где Вахш впадает в Пяндж, образуя Амударью. Его месторасположение было идеально для вычисления времени наступления весеннего и осеннего равноденствия. В эти дни древние иранцы – бактрийцы, празднуют Навруз и Мехргон, одни из главных зороастрийских праздников. Кроме Ардвисуры Анахиты – богини плодородия, важно было обращаться также к Митре – солнечному божееству, Вертрагне – богу ветра и Тиштрии – богу дождя, от которых зависит земледельческий цикл. Культ огня и культ воды, связанные с этими божеествами авестийского пантеона, одинаково почитались в этом храме. Для проведения ритуалов и обрядов, связанных с почитанием зороастрийских культов и божееств, а также для вычисления дней равноденствия требовалось специальное сооруже-

¹ Автор благодарит А.П. Дружинину за предоставленную информацию. Результаты новых исследований А.П. Дружининой изложены в статье настоящего сборника.

² Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.

³ Страбон. География в 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 943 с.

⁴ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3.: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 39, 455.

ние. Именно таким святилищем служил храм Окса. Это еще один аргумент, дающий основание для более ранней датировки, Тахти-Сангина.

Находки из Тахти-Сангина также могут служить аргументом для иной датировки памятника. Важно отметить, что большинство находок, обнаруженных на памятнике, представлены вотивными предметами и храмовым сокровищем, в основном ахеменидского облика. Среди них разнообразные приношения, миниатюрные алтари, курильницы, глиняные статуи, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины с изображением донаторов и посвященных в храм животных (верблюдов и лошадей), фрагменты оружия. Из огромного количества находок следует выделить бронзовую штампованную пластину с изображением пантер, сидящих друг против друга (рис. 3), датированную VI в. до н.э.¹. Заметим, что изображение это выполнено в архаичном стиле и характерно для раннеахеменидского времени.

Важными находками являются также ножны акинака (рис. 4) и золотая пластина (рис. 5). Тахтисангинские ножны акинака выполненные из слоновой кости с изображением на ней льва, нападающего на оленя, Б.А. Литвинский датирует рубежом VI – V вв. до н.э.². Подобные изделия были широко распространены в Иране и Центральной Азии. Сам сюжет и стиль артефакта идентичны изделиям художественной школы Ахеменидов.

Золотая пластина с изображением бактрийца, ведущего верблюда (рис. 5), датируемая в пределах VI – середины V вв. до н.э.,³ по нашему мнению, воспроизводит пророка Заратуштру⁴. Таким образом, упомянутые три артефакта из храма Окса датируются более ранним периодом, предшествующим приходу греков в Бактрию.

¹ Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ // АРТ. 1993. Вып. XXIV (1984 г.). С. 255, 263; Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Pantherae Antesedentes. A Corinthian Motif in Bactria B.A. // East-and-West. 1992. Vol. 42 (1). P. 69-84, note 85, fig. 65; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 60-74, рис. 12.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 135; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. Cat. 13.

³ Литвинский Б.А. Там же, с. 87; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques. Paris, 2021. P. 48.

⁴ См. Глава 3. С.

И.Р. Пичикян считает, что это трофеи, принесенные македонцами из сокровищниц ахеменидских столиц и иранских храмов¹.

Особо следует подчеркнуть сходство артефактов из храма Окса с предметами Амударьинского клада из Британского музея, которые, как полагают отдельные ученые, происходят из храма Окса. Сейчас это предположение ни у кого, не вызывает сомнения². Немаловажным фактом является то, что в Амударьинском кладе помимо артефактов ахеменидского периода имеются также предметы мидийского и ассирийского, а также архаического греческого искусства. Это свидетельствует о существовавшей здесь традиции приношения даров божееству Вахшу/Оксу в более ранний период³.

Анализируя находки ахеменидского времени, следует остановиться также на наконечниках стрел. Так, в храме Окса было обнаружено их несколько тысяч. Среди них оказались более пятидесяти⁴ бронзовых двухперых и трехперых втульчатых наконечников стрел, рассеянных по матерiku и на площади храма. Б.А. Литвинский⁵ провел их классификацию, сравнив с наконечниками стрел скифо-сарматского мира, с памятников Средней Азии (Уйгарак, Дингильдже, Кайраккум, Андемин, Тегермансу, Мерв, Пшарт и др.) Афганистана (Нади-Али) и Ирана (Суз I, Персеполь). Ученый определил девять типов стрел ахеменидского периода, датировка которых варьирует от VII до IV вв. до н.э. Б.А. Литвинский пришел к следующему выводу: «Все типы тахтисангинских наконечников принадлежат к числу слабо представленных в Персеполе, за исключением первого (б) из описанных трехлопастных наконечников, который принадлежит к одному из двух наиболее распространенных в

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С. 279.

² Curtis J. The Oxus Treasure and Ancient Bactria // Bulletin of the Miho Museum. 2005. Vol. 5. P. 43-44.

³ Boardman J. The Oxus Treasure scabbard in London: A Closer Look // Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (Москва, 3-5 апреля 2003 г.). Под. ред. Т.К. Мкртычева, Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелова и О.Н. Иневаткина. М.: ИВ РАН, Гос. Музей Востока, 2003. С. 33.

⁴ Пичикян И.Р. Клад Окса и Храм Окса // Советское Востоковедение: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 40.

⁵ Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Под. Ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 153-157.

Персеполе типов»¹. Согласно проведенной Б.А. Литвинским классификации, практически все типы бронзовых втульчатых наконечников стабильно употреблялись на обширной территории в VI-V вв. до н.э., о чем свидетельствуют приведенные ученым памятники, в том числе и Тахти-Сангин.

Проведенный нами сравнительный анализ предметов Амударьинского клада и находок из храма Окса с «Авестой»² показал, что указанные артефакты являлись подношениями богине Ардвисуре в храме Окса, которые ей приносились в течение длительного времени, возможно, не одно столетие. Среди находок особенно следует выделить золотую пластину с изображением, по-нашему мнению, Заратуштры, ведущего верблюда (рис.12б). Этот предмет ахеменидского искусства относится к VI-V вв. до н.э. – периоду, когда зороастрийские верования уже господствовали не только в Бактрии, но и во всей Ахеменидской империи. Заметим, что сюжет на тахтисангинской пластине – распространенная в ахеменидском искусстве иконографическая схема. Нет никаких сомнений в том, что это изображение идентично композициям на каменных рельефах во дворце ахеменидских царей в Персеполе (рис. 6)³, где пять представителей народов Центральной Азии приносят в дар верблюдов (*Camelus bactrianus*)⁴.

Наличие находок ахеменидского времени в храме Окса может вызвать вполне аргументированное суждение о том, что они могли быть принесены в храм в постахеменидский период, то есть в эпоху эллинизма. И это совершенно справедливое замечание. Однако археологические исследования на памятнике последних двадцати пяти лет представили новые находки, которые могут дать ответы на интересные нас вопросы. Так, в растворе между кирпичами в восточной стене центрального зала храма Окса и в ее глиняной обмазке, а также под кирпичным полом на материке в коридоре № 9 и

¹ Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина. С. 156.

² Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. СПб.: «Журнал Невы», «Летний Сад». 1998. 480 с.; TITUS TEXT COLLECTION. Электронный ресурс: <http://titus.unifrankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm>

³ Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis: Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin: Gebr. Mann, 1966. Taf. 22.

⁴ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 74-87.

южном атешгахе храма обнаружены фрагменты ахеменидской керамики (рис. 1)¹. Вполне возможно, что эта керамика – фрагменты посуды, которая была произведена на территории самого Тахти-Сангина. Цилиндроконическому профилю керамических фрагментов и их темно-терракотовому цвету А.П. Дружинина находит параллели среди изделий керамики комплекса Яз III и датирует её концом V – началом IV вв. до н.э.².

В 2004, 2006-2010 гг. на площади перед храмом Окса был обнаружен и раскопан колодец культового назначения со ступенчатым спуском. Наличие в нем ступенек и резервуара, а также площадки с костями жертвенных животных³ являются еще одним подтверждением того, что это сооружение связано с культом воды и божества Окса, одного из главнейших божеств древней Бактрии⁴. Расположение храма на месте слияния Вахша и Пянджа, где с точностью можно было вычислить дни весеннего и осеннего равноденствия, также является важным фактом в пользу его доэллинистического возведения. Таким образом, исследования последних лет на памятнике свидетельствуют о том, что храм Окса первоначально был зороастрийским.

Обратим внимание на тот факт, что на противоположном берегу Амударьи на слиянии рек Кокча и Пяндж расположен эллинистический город Айханум. При раскопках памятника было обнаружено большое святилище (“храм с углубленными нишами”)⁵, которое ве-

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 144, 147; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16.

² Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

³ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. 36 (2010 г.). С. 149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжгельдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII (2012). С. 280-316.

⁴ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Leiden-New York-Kobenhavn-Köln: E.J. Brill, 1991. Vol. III. P. 179-181; Francfort H.-P. Ai Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // Parthica. 2012. Issue 14. P. 124, 131.

⁵ Bernard P. Quatrième campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1969. P. 313-355; Idem. Campagne de fouilles 1969 a Ai Khanoum en Afghanistan // CRAI. 1970. P. 301-349; Idem. La campagne des fouilles de 1970 a A i Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1971. P. 385-483 и др.

роятно, также посвящено божеству Окса¹, и очень напоминает храм Окса на Тахти-Сангине. В процессе раскопок были обнаружены также гончарные изделия, стратиграфические слои и артефакты ахеменидской эпохи. Однако четко очерченный слой ахеменидского периода отсутствовал, пока не обнаружили большую колоколообразную базу колонны, свидетельствующую о наличии на территории городища важного административного здания Ахеменидов и, следовательно, важного поселения Ахеменидов².

Аналогичный случай произошел с Тахти-Сангином. Имелись предметы искусства, керамика, кирпич ахеменидского времени, но не хватало аргументированных фактов. Сезон 2017 г. совместной таджикско-французской экспедиции (Т. Худжагелдиев и М. Желен) оказался на редкость удачным. Археологи обнаружили в древнем стратиграфическом слое торообразную базу (рис. 2) колонны на постаменте³. Все детали ордера⁴ сделаны из мелкозернистого мраморовидного белого известняка. Такой тип базы колонн использовался на протяжении веков в ахеменидский, эллинистический и кушанский периоды. Однако существуют критерии для определения времени их изготовления. Так, базы колонн ахеменидского времени⁵ изготавливались с помощью плоского металлического долота. При этом зубья долота не использовались, а колесо не поворачивалось. Важно отметить, что тор в этот период вырезался отдельно от базы. Именно к такой форме принадлежит база колонны из храма Окса. В

¹ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. P. 179-181.

² Francfort H.-P. Ai Khanoum “temple à niches indentées” (temple with indented niches) » and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // Parthica, 2012. P. 110-113; Francfort H.-P. Bases de colonne campaniformes d'Asie centrale // L'Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Boucharlat (Acta Iranica, S. Gondet et E. Haerincq (eds.). Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2018. P. 167-176.

³ Желен М. Тахти Сангин, 2017. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М.Блан) // АРТ. 2022. Вып. XLII. С. 153-154, рис. 5.

⁴ Архитектурный ордер (лат. ordo – строй, порядок) – тип архитектурной композиции состоящей из вертикальных (колонны, пилястры) и горизонтальных (антаблемент) элементов. Включает в себя систему пропорций, предписывает состав и форму элементов, а также их взаиморасположение. архитектурный ордер имеет триадную структуру: все его части, большие и малые, делятся на три: постамент (стереобат), несущая часть (колонна) и несомая (антаблемент). Колонна делится на три части: база, фуст, капитель. Антаблемент также делится на три части (снизу-вверх): архитрав, фриз, карниз. База имеет плинт, торус (вал), трохилус (выкружка).

⁵ Schmidt E.F. Persepolis I. Structures. Reliefs. Inscriptions. T.3. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. Table 119, 122, fig. 75-79.

эллинистический же и кушанский периоды они оба производились из одного куска камня, то есть база была цельной¹.

Отряд И.Р. Пичикяна также находил торовидные базы². Проведя сравнительный анализ баз из Тахти-Сангина, с базами из памятников ахеменидского мира Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян пришли к важному выводу, что тахтисангинские базы примыкают к одной группе ахеменидских баз V-IV вв. до н.э., являясь их закономерным развитием³. Однако следует отметить, что база, обнаруженная в 2017 г., находилась в более раннем слое. Это дает нам основание предположить, что база этой колонны относится к ахеменидскому периоду и, вполне вероятно, к V в. до н.э.

Несмотря на то, что строительная деятельность селевкидских и греко-бактрийских царей, путем разрушения и возведения, почти уничтожила на Тахти-Сангине первоначальное местное бактрийское святилище, мы не можем больше игнорировать наличие здесь остатков храма, функционирующего в V в. до н.э. А это значит, что в это время город Тахти-Сангин уже существовал. Важно также отметить, что в древности на строительство подобного сооружения требовался не один год, а возможно и не одно десятилетие. Строительство же самого города, вероятнее всего, началось раньше, чем возведение храма Окса.

Заметим, что на территории Тахти-Сангина были обнаружены курганные захоронения, относящиеся к бронзовому веку⁴ и даже к неолиту⁵ (в пещере и храме). Это свидетельствует о том, что терри-

¹ Bernard P. Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie centrale découverts à Aï Khanoum // Syria. Paris, 1968. T. 45. No 1-2. P. 128, fig. 8a, 10; Idem. Campagne de fouilles 1969 a Aï Khanoum en Afghanistan // CRAI. 1970. P. 333, 337, fig. 28-29.

² Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. 148; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 141-153.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 153.

⁴ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка». Душанбе: Дониш, 1989. С. 14; Она же. Новый могильник вахшской культуры // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983). С. 165-176; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 47.

⁵ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 131-142; Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-173; Он же. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С.

тория городища была заселена намного раньше его функционирования.

Следует отметить, что такое монументальное сооружение, как храм Окса, мог быть построен только в большом городе. Так, проведя тщательный анализ планировки и строительных конструкций храма, И.Р. Пичикян приходит к важному выводу о том, что «восточная по типу планировка храма Окса могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной практики строительства культовых зданий. Конкретно храмов огня... Такое монументальное сооружение могло быть осуществлено при очень широких строительных работах, требующего большого количества людских ресурсов и финансовых затрат, значительно превышающих возможности маленького города»¹.

Таким образом, по вопросу о новой датировке Тахти-Сангина мы высказали свою точку зрения, с той или иной полнотой, подкрепленной фактами. Находки ахеменидского и, возможно, более раннего периода, обнаруженные на памятнике, даже при отсутствии впечатляющей архитектуры доэллинистического времени (по крайней мере, на данный момент), свидетельствуют о том, что мы не должны сосредоточиться исключительно на материалах эллинистического и кушанского периодов и игнорировать более ранний чрезвычайно важный период и культуру Центральной Азии на территории Таджикистана. Насколько наша точка зрения справедлива – рассудит время и новые археологические исследования на городище Тахти-Сангин. Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. Изд. 2-е, исправл. – СПб.: «Журнал “Нева”, «Летний Сад», 1998. – 480 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. Изд. 2-е, исправл. – СПб.: «Журнал “Нева”, «Летний Сад», 1998. – 480 с.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2004. – Вып. XXIX. – С. 224-236.

53; Он же. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 82-90.

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С.148.

Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.) / А. Дружинина // АРТ. – 2012. – Вып. XXXV. – С. 323-368.

Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году / А. Дружинина // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С. 143-180.

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчеты о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев, Х. Инагаки // АРТ. – 2016. Вып. XXXVIII (2012). – С. 280-316.

Желен М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М.Блан) / М. Желен // АРТ. – 2022. – Вып. XLII. – С. 153-162.

Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культуры / И.Н. Коровчинский // Вестник МГОУ. Серия “История и политические науки”. – 2012. – № 5. – С. 46-50

Коровчинский И.Н. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня / И.Н. Коровчинский // Новое прошлое / The New Past. – 2017. – № 4. – С. 49-73.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 503 с.

Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина / Б.А. Литвинский // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Под. Ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. – М.: Наука, 1984. – С. 153-157.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3.: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты / Б.А. Литвинский. – М.: Издательская фирма Вост. лит., 2010. – 664 С.

Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе) / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1988. – Вып. XXI (1981 г.). – С. 264-277.

Пичикян И.Р. Клад Окса и Храм Окса // Советское Востоковедение.: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 35-43.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1993. – Вып. XXIV (1984 г.). – С. 255-272.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1985 г. (фасад храма Окса) / И.Р. Пичикян // АРТ. 1994. – Вып. XXV (1985 г.). – С. 255-272.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды) / И.Р. Пичикян. – М., 1991. – 343 с.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) / И.Р. Пичикян // АРТ. 2008. – Вып. XXXII (2006 г.). – С. 226-237.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка» / Л.Т. Пьянкова. – Душанбе: Дониш, 1989. – 253 с.

Пьянкова Л.Т. Новый могильник вахшской культуры / Л.Т. Пьянкова // АРТ. – 1991. – Вып. XXIII (1983). – С. 165-176.

Страбон. География в 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1964. – 943 с.

Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2004. – Вып. XXIX. – С. 161-173

Худжагелдыев Т.У. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2005. – Вып. XXX. – С. 53-76.

Худжагелдыев Т.У. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С. 82-90.

Bernard P. Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie centrale découverts à Aï Khanoum / P. Bernard // Syria. – Paris, 1968. – Т. 45. – No 1-2. – P. 313-355.

Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Afghanistan) / P. Bernard // CRAI. – 1969. – P. 313-355.

Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan / P. Bernard // CRAI. – 1970. – P. 301-349.

P. Bernard P. La campagne des fouilles de 1970 à Aï Khanoum (Afghanistan) / P. Bernard // CRAI. – 1971. – P. 385-483

Boardman J. The Oxus Treasure scabbard in London: A Closer Look // Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (Москва, 3-5 апреля 2003 г.). Под. ред. Т.К. Мкртычева, Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелова и О.Н. Иневаткина. – М.: ИВ РАН, Гос.Музей Востока, 2003. – С. 33-34.

Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. / M. Boyce, F. Grenet. – Leiden - New York-Kobenhavn-Köln: E.J. Brill, 1991. – 596 p.

Curtis J. The Oxus Treasure and Ancient Bactria / J. Curtis // Bulletin of the Miho Museum. 2005. – Vol. 5. – P. 37-54.

Francfort H.-P. Aï Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults / H.-P. Francfort // Parthica. – 2012. – Issue 14. – P. 109-136.

Francfort H.-P. Bases de colonne campaniformes d'Asie centrale // *L'Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Boucharlat* (Acta Iranica, S. Gondet et E. Haerinck (eds.) / H.-P. Francfort. – Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2018. – P. 167-176.

Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity / Drujinina A.P. // Bulletin of MIHO Museum. – 2016. – Vol. 16. – P. 53-119.

B.A. Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Pantherae Antecedentes. A Corinthian Motif in Bactria B.A. / B.A. Litvinskij B.A., I. R. Pičikjan // East-and-West. – 1992. – Vol. 42 (1). – P. 69-84.

Pichikyan I.R. The Fire-Temple at Persepolis (Composition, Dating, Attribution) / I.R. Pichikyan // The International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. – M., 1989. – No 16. – P.55-73.

Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie centrale à l'époque hellénistique: état de la question / C. Rapin // Études de Lettres: revue de la faculté des lettres de l'Université de Lausanne. 1992. – No 4. – P. 100-124. См. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://doi.org/10.5169/seals-870449> (Дата доступа: 31/07/2023).

Schmidt E.F. Persepolis I. Structures. Reliefs. Inscriptions. T.3 / E.F. Schmidt. – Chicago: The University of Chicago Press, 1953. – 297 p.

Tadjikistan au pays des fleuves d'or. – Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. – 287 p.

TITUS TEXT COLLECTION. Электронный ресурс: <http://titus.unifrankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm>

Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis: Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe / G. Walser. – Berlin: Gebr. Mann, 1966. – 112 s.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ДАТИРОВКИ ТАХТИ-САНГИНА

В связи с появлением нового археологического материала с Тахти-Сангина возникла необходимость пересмотреть вопрос о датировке памятника. Обнаруженные недавно керамика и торовидная база ахеменидского периода дает основание вновь вернуться к вопросу о датировке Тахти-Сангина. Обращаясь к планировке храма Окса и причинам его строительства в месте слияния Вахша и Пянджа, откуда берет начало Амударья, а также к семантическому анализу находок с Тахти-Сангина автор приходит к заключе-

нию, что время основания города Тахти-Сангин приходится на начало V в до н.э. Сравнительный анализ планировки Храма Окса с храмами в Сузах, Кухи-Хваджа и в Персеполе свидетельствует о единовременном строительстве всех этих храмов.

Ключевые слова: Тахти-Сангин, храм Окса, датировка, керамика, торовидная база, находки, Амударьинский клад, семантика, зороастрийский храм, планировка.

A NEW LOOK AT THE PROBLEM OF THE DATING OF TAKHTI-SANGIN

Due to the appearance of new archaeological material from Takht-i Sangin, it became necessary to reconsider the issue of dating the site. Recently discovered ceramics and torus column bases of the Achaemenid period give reason to revisit the question of the dating of Takht-i Sangin. Referring to the layout of the temple of the Oxus and the reasons for its construction at the confluence of the Vakhš and Panj, from where the Amu Darya originates, as well as to the semantic analysis of the finds from Takht-i Sangin, the author comes to the conclusion that the time of the foundation of the city of Takht-i Sangin falls at the beginning of the 5th century BC. A comparative analysis of the layout of the Temple of the Oxus with the temples in Susa, Kuhi Khwaja and Persepolis testifies to the simultaneous construction of all these temples.

Keywords: Takht-i Sangin, temple of the Oxus, dating, ceramics, torus column base, finds, Oxus treasure, semantics, Zoroastrian temple, layout.

Иллюстрации

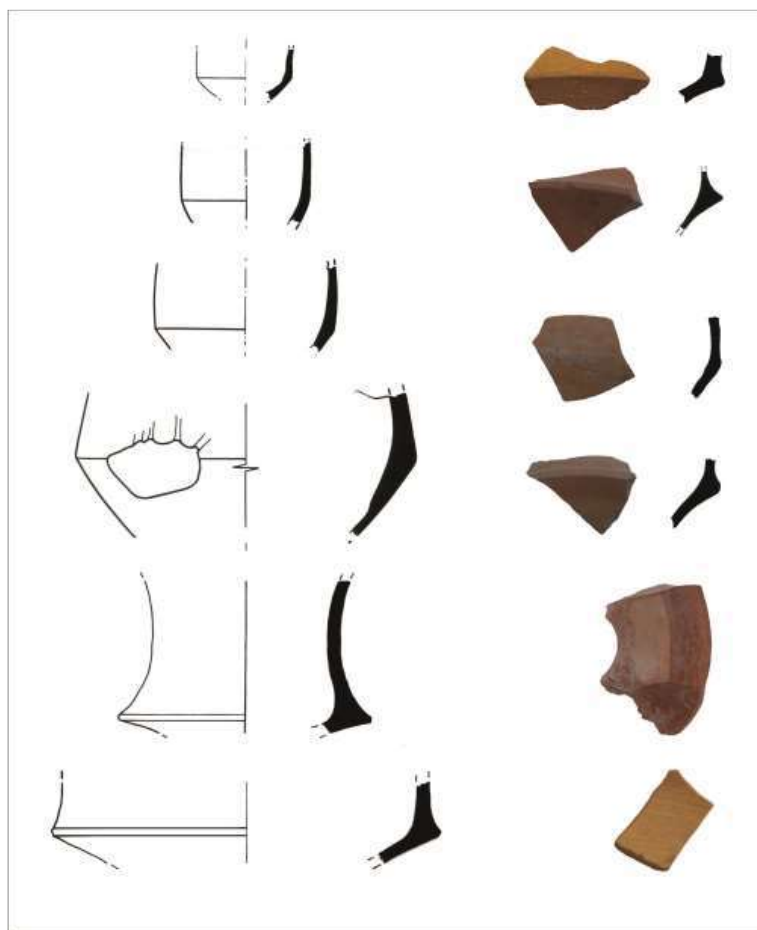


Рис. 1. Фрагменты керамики ахеменидского периода (Drujinina A.P. 2016. Fig. 16).



Рис. 2. Торевидная база колонны. Фото Т.У. Худжагелдыева.

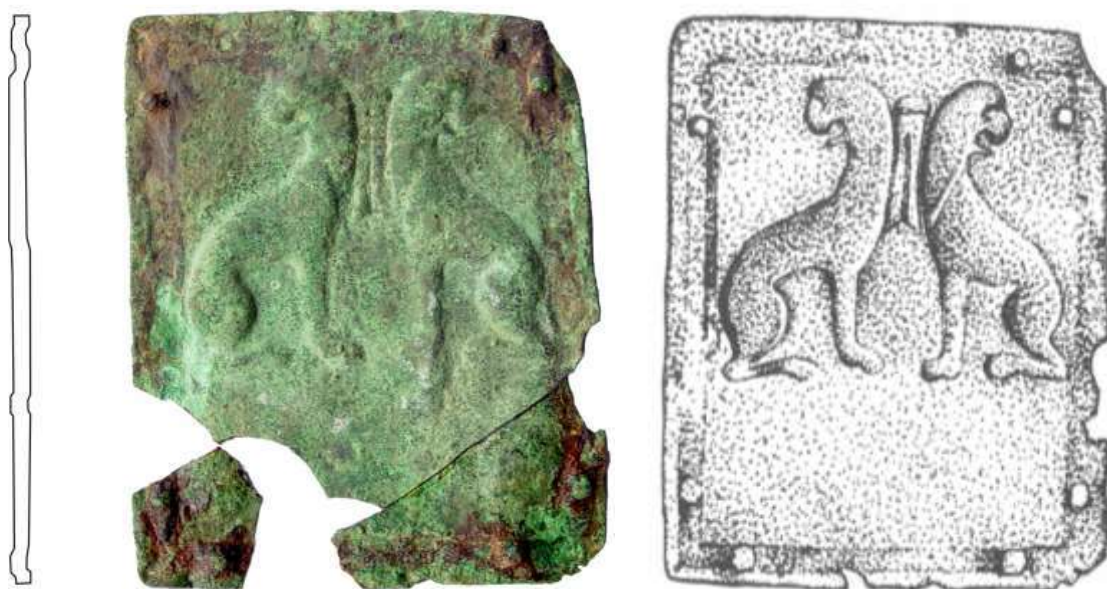


Рис. 3. Бронзовая пластина с изображением противостоящих пантер (Литвинский Б.А. 2010. Рис 12.).



Рис. 4. Ножны акинака из Тахти-Сангина (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 12).



Рис. 5. Золотая пластина с изображением бактрийца, ведущего верблюда (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 13) .



Рис. 6. Изображения на барельефах дворца Ападана в Персеполе с изображением представителей Бактрии. (Открытый ресурс).

Сведения об авторе: Ходжаева Наргис Джомиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

About the author: **Khojaeva Nargis Jomievna**, Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Ancient, Mediaeval and New History of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, Tajikistan National Academy of Sciences. Tel.: (+992) 918 64 91 85; E-mail: rangha@mail.ru

ФРАГМЕНТ КУШАНСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ НАДПИСИ ИЗ ТАХТИ САНГИНА

Павел Лурье
(Санкт-Петербург, Россия)

Обстоятельства находки и процесс исследования

В конце лета 2022 г. благодаря любезности археолога Т. У. Худжагелдиева, руководившего раскопками Тахти-Сангина, я получил фотографию фрагмента монументальной надписи на камне с этого памятника (Ил. 1: *а*).¹ Тогда же он был предварительно определен как часть бактрийской монументальной надписи, видимо, кушанского времени. В августе 2023 года в Душанбе Т. У. Худжагелдиев рассказал обстоятельства находки и показал мне саму надпись, была проведена автопсия и сделана серия фотографий. Позднее Е. П. Буклаева в программе Agisoft Photoscan сделала 3D модель надписи, которая приводится в настоящей статье, как и моя прорисовка (Ил. 1: *б, в, г*).

Надпись глубоко прорезана по розоватому мраморовидному известняку, размеры фрагмента 21 см (высота) x 13,5 см (ширина) на 6 см (толщина). Обработана лицевая часть и верхняя грань, остальные грани не сохранились, с тыльной стороны камень не обработан. На лицевой стороне слева, вверху и в нескольких других местах поверхность утрачена, на лицевой стороне внизу имеется копоть, переходящая на сколы. Сохранились знаки трех строк, десять знаков полностью и три - частично, верхняя строка отстоит от верха камня, возможно, там располагалась еще одна строка, полностью утраченная.

Камень был найден в кладке стены хозяйственного помещения на цитадели Тахти-Сангина, к востоку от Храма Окса, примерно в 100 м к западу от Амударьи, в 70 - 80 см над греко-бактрийским слоем. В заполнении имелась керамика кушанского времени. После находки этой надписи археологи внимательно изучали прочие камни кладки, но других фрагментов пока найдено не было (устное сообщение Т. У. Худжагелдиева).

¹ Кроме того, считаю своим приятным долгом поблагодарить Н. Д. Ходжаеву, А. И. Иванчика и Н. Симс-Уильямса за помощь в подготовке заметки и ценные консультации. Разумеется, вся ответственность за написанное ниже лежит на авторе.

Палеография надписи и ее определение как бактрийской кушанского времени

Надпись начертана лапидарным (монументальным) греческим письмом. Это письмо на территории исторической Бактрии использовалось сначала (с III в. до н. э.) для греческого языка, а с I в. н. э. применялось для записи иранского бактрийского.

В Храме Окса на Тахти-Сангине к настоящему времени найдены пять греческих надписей (включая фрагменты надписей на формах для котла)¹ и ни одной бактрийской (не считая монетных легенд), однако хорошо известно, что храм, как и городище, продолжал функционировать, перестраивался и при Кушанах, так что находка бактрийской надписи кушанского времени тут вполне вероятна.

Прочтение одного четырехбуквенного бактрийского слова (см. ниже) само по себе не определяет надпись как бактрийскую. Автор (не будучи специалистом по греческой эпиграфике), не видит в этом небольшом фрагменте греческих слов, но не видит и знаков или их последовательностей, которые были бы явно негреческими.

Для определения языка надписи целесообразнее обратиться к палеографии, особенностям написания букв надписи, особенно *беты* и, в меньшей степени, *омикрона*; написание остальных знаков вполне стандартно. Квадратный *омикрон* встречается в греческой надписи на мозаике из Суз и в формах для котлов с Тахти², но в целом круглая форма буквы на востоке эллинского мира очевидно преобладает. Среди бактрийских надписей квадратный *омикрон* встречается чаще: такая форма буквы доминирует в надписи из Дашти Навура и недавно найденной надписи из Алмоси в Таджикистане (обе времени Вимы Такто, рубеж I – II вв. н. э.), надписи из Дильберджина, на серебряной пиксиде десятого года Канишки, на стенной надписи Сурх-коталья. Квадратный *омикрон* чередуется с круглым в версии *b* и, особенно, *a* Большой Сурх-котальской надписи.

¹ См.: Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110-131; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. London: SOAS, 2012. No 95-96 bis, P. 196-200, 274-275.

² Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. London: SOAS, 2012. P. 77, 199-200.

В других надписях лапидарным письмом кушанского времени – раб-такской, версии М Большой Сурх-котальской, Айртамской, а также на монетах – преимущественно круглый *омикрон*, часто меньше других букв; ромбический *омикрон* можно увидеть в надписи Ананды из Кара-тепе и на новонайденной голове Будды из Фархора. В посткушанское время, когда все надписи делаются курсивом, квадратный *омикрон* исчезает. А. И. Иванчик¹ считает квадратную форму букв приметой позднего периода бытования греческого на Востоке, тем элементом, который позднее проник в бактрийское письмо.

Еще более примечательна высокая *бета*, в 2,5 раза выше прочих букв, выходящая на полкорпуса ниже строки и на корпус выше. В большинстве лапидарных греческих надписей «Дальнего Востока»² *бета* не выше остальных букв строки, но иногда (в отдельных надписях из Суз, Гиркании, Арахосии) немного выступает³. В бактрийских же надписях *бета* в полтора – два раза выше строчных букв, может выступать как снизу, так и сверху строки, или даже и сверху, и снизу (Ил. 2); высокая *бета* сохраняется до последних надписей бактрийским курсивом.

Таким образом, палеографически надпись бактрийская и должна относиться ко времени кушанов, вероятно, времени Канишки и Хувишки (т. е. конец 127 – 186 гг. н. э., согласно принятой ныне дате первого года Канишки), когда все лапидарные бактрийские надписи на архитектурных деталях и были начертаны.

Чтение надписи; кушанские тексты, повествующие о водоснабжении

Транслитерировать надпись можно следующим образом

1.](B)OΣ(I./N)[⁴
2.]IABOI(O/Σ)[
3.](.)N(O/Σ)[

¹ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 121-125.

² Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie central. P. 56, 65, 157, 171.

³ Это, разумеется, не касается курсивных надписей, где *бета* высокая, как, например, в пергаментах из Авромана (Rougemont, 2012. P. 151 – 153); вероятно, высокая бактрийская *бета* была заимствована из греческого курсива.

⁴ Не вполне ясно, являются ли линии справа от вертикальной хвосты частью буквы (в этом случае *ню*) или разрушением.

Если в первой и третьей строке целых слов не сохранилось, то во второй бросается в глаза последовательность $\alpha\beta\omicron$. На первый взгляд, это самый распространенный бактрийский предлог (древнеиранское **abi*), указывающий направление или прямое дополнение¹. *Йота* после него – распространенная бактрийская частица, которую определяют, как артикль, указательное местоимение или изафет (в мужском роде). Последовательность $\alpha\beta\omicron \iota$ известно, например: $\alpha\beta\omicron \iota \upsilon\nu\delta\omicron \varphi\rho\alpha\upsilon\delta\alpha\zeta\omicron$ «провозглашен в Индии»², в позднейших документах она стянулась в $\alpha\beta\iota\omicron$ ³.

Однако мне неизвестны случаи, когда частица ι^4 также *предшествует* предлогу $\alpha\beta\omicron$. Едва ли эта *йота* является концом предыдущего слова – в подавляющем большинстве случаев слово заканчивается на графический *омикрон*. Соответственно, мы должны искать иное чтение этой последовательности, а именно омограф предлога $\alpha\beta\omicron$: в бактрийском хорошо отмечено слово $\alpha\beta\omicron$, $\alpha\beta\beta\omicron$ «вода» (древнеиранское **āp-*). В бактрийских документах IV – VIII вв. оно часто «срачивается» с частицей $\iota(\alpha)$, что дает написание $\iota\alpha\beta\omicron$, $\iota\alpha\beta\beta\omicron$.⁵

Итак, единственное читаемое значимое слово во фрагменте надписи – $\iota\alpha\beta\omicron \iota$ «вода, которая...». Упоминание воды в надписи находит весьма многочисленные параллели. Это в первую очередь Большая надпись Сурх-котала, в которой повествуется об иссушении святилища, его захвата «врагами» и реставрации водоснабжения памятника. В четвертой строке сильно фрагментированной надписи из Айртама Н. Симс-Уильямс видит $\dots\alpha\beta\alpha\beta\sigma\alpha \tau\iota\delta\iota (\varphi\omicron\delta.)\alpha (\alpha\lambda\dots)\nu\omicron \kappa\alpha\nu\delta\omicron$ “...was without water. Then(?) (the?) Sh. Dug a canal”⁶.

¹ Sims-Williams N. Bactrian Documents from Norther Afghanistan II: Letters and Budhist texts. London: Nour, 2007. P. 185.

² Sims-Williams N. The Bactrian inscription of Rabatak: a new reading // Bulletin of the Asia Institute. 2004 [2008]. No 18. P. 53-68.

³ Sims-Williams N. Bactrian Documents from Norther Afghanistan II: Letters and Budhist texts. London: Nour, 2007. P. 185.

⁴ А. И. Иванчик обратил внимание, что это может быть элемент полуутраченной буквы типа *ni* или *tau*. Мне кажется, что округлый верх выбитой буквы сохранился и не имеет связей.

⁵ Sims-Williams N. Bactrian Documents from Norther Afghanistan II: Letters and Budhist texts. London: Nour, 2007. P. 182. Написание с двойной *бетой*, видимо, служило для смысловоразличения с омографичным предлогом $\alpha\beta\omicron$.

Ср. также термин *yāb* «канал», известный в хорезмийском (Benzing 1983. S. 696) и, как заимствование, в туркменском, узбекском, кашмирском и др. языках. Отсюда же, вероятно, таджикское *ёбон* «равнина, поле» и куда более известный антоним *биёбон* «пустыня».

⁶ Sims-Williams N. Bactrian ownership inscriptions // Bulletin of the Asia Institute. 1993/1994. Vol. 7. P. 173-179.

Среди монументальных надписей индийским письмом кхароштри кушанского времени также известно 17 единиц, в которых говорится о строительстве колодцев (*kua* < санскрит *kirā-*) или резервуаров (*papa* < *prapā*) частными лицами, их компаньонами или чиновниками¹. Создание колодцев и систем водоснабжения считалось важным благотворительным актом, который должен был быть отмечен надписью у самого сооружения. Это было характерно как для Северо-Западной Индии, так и для Бактрии. Название канала Караланг в Вахшской долине, на котором стоят памятники кушанского и более позднего времени, также указывает на участие высокого чиновника – *карапрауо* в обустройстве ирригации северо-восточной Бактрии². Этот же титул носил Нукунзук, обустроивший водоснабжение Сурх-котала.

Выводы

Итак, находка фрагмента бактрийской монументальной надписи, во-первых, указывает на высокий, возможно, государственный патронаж цитадели Тахти-Сангина (и Храма Окса на нем) в эпоху Кушан. Находка отбитого фрагмента надписи в стене хозяйственного помещения, казалось бы, должна говорить о том, что к моменту его постройки надпись была разбита и никакого пиетета к ней не испытывали; казалось бы, такое могло иметь место лишь в пост-кушанское время (которое вообще на памятнике представлено слабо)³. Впрочем, это суждение можно оспорить: при постройке Сурх-котала блоки версий А и В Большой надписи, как и блоки надписи на стене (*Parietal*) были встроены в монументальную лестницу в со-

¹ Falk H. The Pious Donation of Wells in Gandhara // Essays on Asian Art, History, Epigraphy and Culture in Honour of Gourishwar Bhattacharya. G. Mevissen and A. Banerji (ed.) New Delhi: Kaveri Books. P. 23-36; Bracey R. The Limits of Kushan Power and the Limits of Evidence // The Limits of Empire in Ancient Afghanistan. R. Payne and R. King (ed.) Wiesbaden: Harrasowitz, 2020. 125-128.

² Зеймаль Т.И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 37-57.

³ См. Литвинский, Пичикян, 2000. С. 182. Подражания кушанским монетам имеются преимущественно среди подъемного материала городища (Е. В. Зеймаль там же. С. 393, 399, 400), позднейших монет на городище, как будто, нет. Доклад А. П. Керзума и В. Г. Шкоды «Свято место пусто не бывает» о поздних слоях Храма Окса не был, сколь мне известно, опубликован ввиду скоропостижной смерти одного из авторов.

вершенном беспорядке¹. Таким образом, хозяйственную постройку мы можем датировать временем Великих Кушан или позднее.

Если верно наше чтение *αβο* «вода» в надписи, надо предполагать, что ее создание было связано с постройкой какого-то гидротехнического сооружения на Тахти-Сангине. А. П. Дружинина указывает на наличие бассейна – хауза в шурфе северной части Цитадели, который был обустроен позднее греко-бактрийского времени², на каменный затвор для воды, на засыпку рва в кушанское время³.

Археологи, работающие на памятнике, смогут более основательно судить о реалиях, зафиксированных в тексте. Они же, будем надеяться, смогут найти и другие фрагменты этой надписи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. – 1971. – Вып. X. – С. 37 – 57.
- Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории. – 2011. № 4. С. 110 – 131.
- Ртвеладзе Э. В. Айртм: династийный храм царя Хувишки // Вестник древней истории. 2018. – № 2 (78). – С. 365 – 388.
- Benveniste É. Inscriptions de Bactriane // Journal Asiatique. 1961. No. 249. P. 113–52.
- Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1983.
- Bracey R. The Limits of Kushan Power and the Limits of Evidence // The Limits of Empire in Ancient Afghanistan. R. Payne and R. King (ed.). – Wiesbaden: Harrassowitz, 2020 – P. 113 – 155.
- Davary J.Gh. Baktrisch. Ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine. Heidelberg: Groos, 1982.
- Druzhinina, A. P. The Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of the Miho Museum. – 2016. – No. 16. – P. 1 – 49.
- Falk H. (2009) The Pious Donation of Wells in Gandhara // Essays on Asian Art, History, Epigraphy and Culture in Honour of Gourishwar Bhattacharya. G. Mevissen and A. Banerji (ed.) – New Delhi: Kaveri Books, 2009. – P. 23 – 36.
- Rougemont G. (2012). Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale // Corpus inscriptionum iranicae. – London: Corpus inscriptionum iranicae, 2012. – Pt. II. – Vol I.
- Sims-Williams N. Bactrian ownership inscriptions // Bulletin of the Asia Institute. – 1993[94]. – No. 7. – P. 173–179.
- Sims-Williams N. (2007) Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist texts. – London: Nour, 2007.
- Sims-Williams N. (2008) The Bactrian inscription of Rabatak: a new reading // Bulletin of the Asia Institute – 2004 [2008]. – No. 18. – P. 53-68.

¹ Benveniste É. Inscriptions de Bactriane // Journal Asiatique. 1961. No. 249. P. 24.

² Druzhinina A. P. The Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of the Miho Museum. 2016. No. 16. P. 24.

³ Druzhinina A. P. The Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 18, 20.

ФРАГМЕНТ КУШАНСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ НАДПИСИ ИЗ ТАХТИ САНГИНА

В статье рассматривается фрагмент монументальной надписи, обнаруженной в каменной кладке хранилища на цитадели Тахти-Сангина к востоку от храма Окса в слое кушанского периода. Во-первых, мы установили, что надпись – не на греческом, а на бактрийском языке кушанского периода (основной признак – высокая бетаверсия). Это первая кушанская надпись из Тахти-Сангина, в отличие от пяти известных греческих. Кушанский период в этом месте и в храме Окса хорошо документирован. Сохранились небольшие фрагменты из трех строк, и только для второй строки можно предложить осмысленное прочтение: *ιαβο ι* «вода, которая...». В данном случае в фрагменте надписи говорится о каком-то водохозяйственном сооружении в этом месте. Аналогичным образом, бактрийская надпись в большом Сурх-Котале и, возможно, фрагмент надписи в Айртаме говорят об управлении водными ресурсами, как и многие надписи на колодцах Харошти кушанского периода.

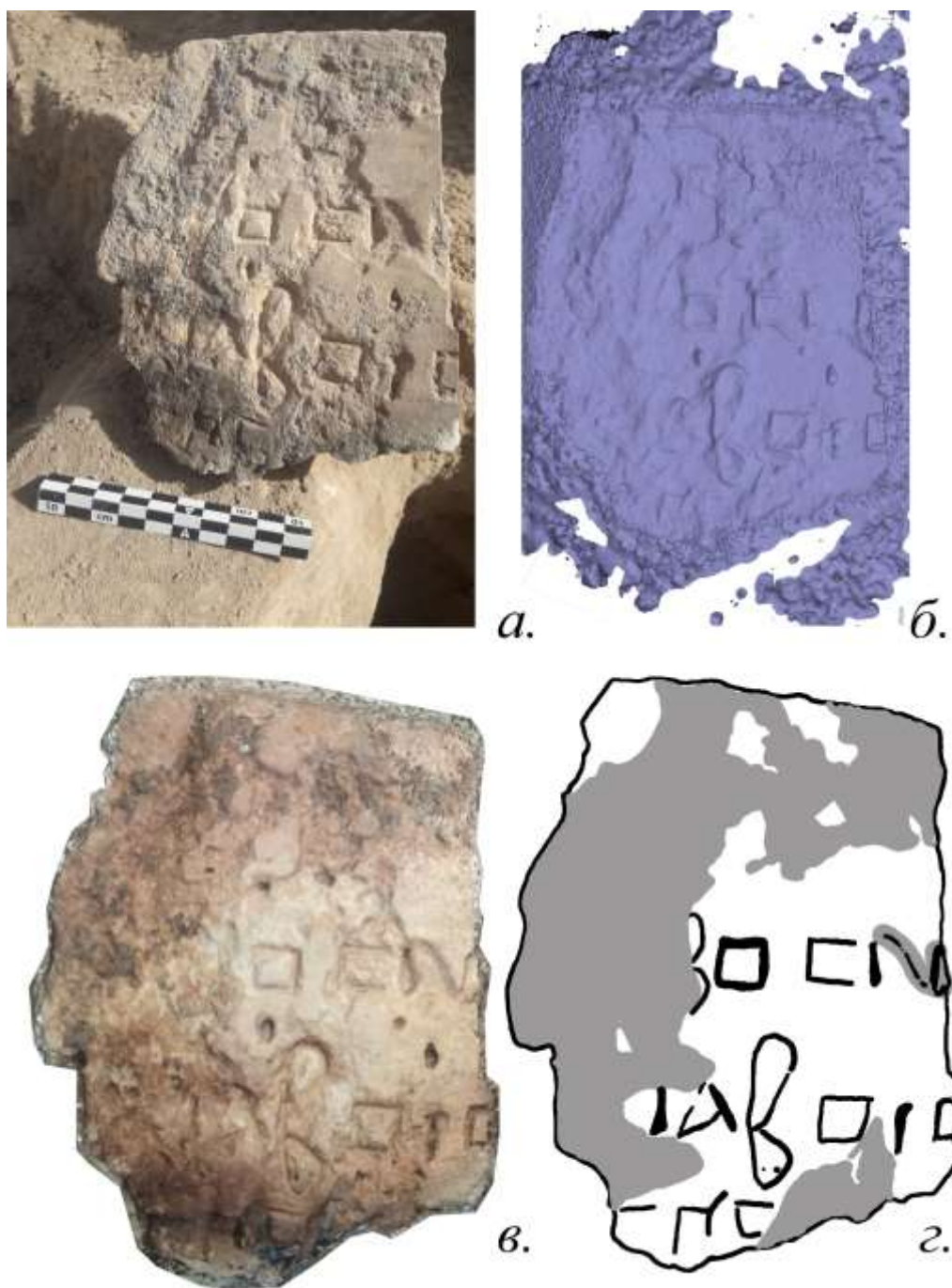
Ключевые слова: Тахти-Сангин, Храм Окса, Бактрия, надпись, фрагмент, Кушанский период, бактрийский язык, гидросооружение.

A FRAGMENT OF THE KUSHAN MONUMENTAL INSCRIPTIONS FROM TAKHT-I SANGIN

This short paper examines the fragment of monumental inscriptions that was discovered in the masonry of a store facility on the citadel of Takht-i Sangin to the east of Oxus temple in the Kushan period layer. First, we establish that the inscription is not Greek, but Bactrian of Kushan period (the high *beta* is the main reason for that). It is the first Kushan inscription from Takht-i Sangin unlike five Greek ones known; however, the Kushan period on the site and in the temple of the Oxus is well documented. Small parts of three lines have survived, and only for the second line a meaningful reading can be proposed: *ιαβο ι* “the water that...”. In this case, the fragmented inscription spoke of some water management construction on the site; likewise, the Big Surkh Kotal Bactrian inscription and perhaps the fragmented Ayrтам one speaks of water management as do many Kharoshthi well inscriptions of Kushan period.

Keywords: Takht-i Sangin, temple of the Oxus, Bactria, inscription, fragment, Kushan period, Bactrian language, water construction.

Иллюстрации



1. Фрагмент надписи из Тахти Сангина. *а.* Фотография Т. У. Худжагелдиева в процессе раскопок; *б.* Фотомодель в рельефе, компьютерная обработка Е. П. Буклаевой; *в.* Фотомодель с текстурами, компьютерная обработка Е. П. Буклаевой; *г.* Прорисовка автора.



2. Знаки $a\beta o$ в монументальных кушанских надписях бактрийским письмом: *а.* Дашти-Навур, стр. 5; *б.* Рабатак, стр. 4; *в.* Пиксида Нукунзука, стр. 3; *г.* Большая надпись Сурх-коталья, версия М стр. 6; *д.* Большая надпись Сурх-коталья, версия А, стр. 8; *е.* Большая надпись Сурх-коталья, версия В, стр. 9; *ж.* Сурх-коталь, неоконченная надпись; *з.* Сурх-коталь, Надпись на блоках стены (*inscr. parietal*), *б;* *и.* Надпись из Дилберджина 3,1; *к.* Надпись из Айртама, 4; *л.* Надпись из Тахти Сангина *а, г, д, е, ж, з, и* – по Davary, 1982; *б.* – по Sims-Williams, 2008. С. 54; *в.* – прорисовка по Sims-Williams, 2015. С. 256; *к.* – прорисовка по Ртвеладзе, 2018; *л.* – прорисовка автора.

Сведения об авторе: Лурье Павел Борисович – кандидат исторических наук, заведующий сектором Средней Азии, Кавказа и Крыма Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия). Тел.: (+7) 911 935 03 32. E-mail: pavlvslvria@gmail.com

About the author: Lurje Pavel Borisovich, Candidate of Philological Sciences, Head of the Central Asia, Caucasus and Crimea Sector of the Department of the East, State Hermitage (st. Petersburg, Russia) Tel.: (+7) 911 935 03 32. E-mail: pavlvslvria@gmail.com

THE DEFENCE OF TAKHT-I SANGIN

Mathilde Gelin
(Nanterre, France)

The Takht-i Sangin site is notable for the numerous remains of buildings on the surface over a vast area (83 hectares). From 1998 onwards, research¹, which until then had focused on the large sanctuary on the Oxus, was diversified to include the urban area. The entire urban area was then surveyed, as well as the outskirts of the town, and the chronological results, based on the study of the pottery and supported by C14 dating², show that their occupation is mainly from the Graeco-Bactrian period (middle of 3rd to second half of 2nd century BC: periods 4 to 7, see Table 1). However, earlier settlements dating back to the Seleucid period (late 4th-mid 3rd century BC: periods 2 to 4) were discovered in areas of limited extent (trenches Town South 3, Town North 1, 2, 4, see fig. 1) not far from the citadel, on which the sanctuary is located.

In 2013, from the very first fieldwork carried out by the French-Tajik mission³, we focused on the various steps in the creation and development of the city, as well as on determining the extension of the Seleucid foundation. In this context, the study of defensive systems—exploitation of the relief and fortifications—plays a major role in understanding these steps, the walls in particular indicating the urban limits and their evolu-

¹ Field research carried out from 1978 to 1991 by the Soviet archaeological mission led by B. Litvinsky and I. Pitchikian (see, in particular, *Эллинистический храм Окса в Бактрии [Южный Таджикистан]*), then carried out from 1998 to 2010 by the Tajik mission of the Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography in Dushanbe, led by A. Drujinina (see the results in *ART* from 2000 to 2016 and in *Bulletin of Miho Museum* from 2006 to 2016).

² For the agglomeration, these relate to the City South2 trench (the one shown to the south of the citadel on our map, fig. 1); the results are presented in Kuvabara 2010.

Eight areas were excavated to the south of the sanctuary, five to the north and three in the area immediately north of the site. Surveys by foot extended into the valleys of the Kafirnigan to the west and north-west, and the Vakhsh to the east and north-east. All of these studies are set out in Drujinina 2012, which is reprinted in English and supplemented by a periodisation in Drujinina 2016. In order not to confuse the reader, we have used the nomenclature and periodisation of the Tajik mission for our descriptions.

³ The French-Tajik mission in Southern Tajikistan (directed by M. Gelin and Acad. Y. Yakubov, then M. Gelin with A. Karaev and T. Filimonova) was created in 2015, but began in 2013 with the French archaeological mission in Central Asia (directed by H.-P. Francfort), which launched our work at Takht-i Sangin. We would like to sincerely thank Mr H.-P. Francfort for the trust he placed in us.

tion. Our visits to the site were of very limited duration¹, making it impossible to complete our study, but we present here the results of our reflections².

Natural defence: protection by the relief

The city, set at the foot of a rocky ridge to the west and on the banks of the Amu Darya to the east, appears to be naturally protected by these two major relief components. The Aktau mountain range, which runs north-south, rises to the south-west of Dushanbe and disappears at its junction with the Amu Darya, 6500 m south of the citadel of Takht-i Sangin. It is made up of several parallel rocky ridges: at Takht-i Sangin, there are two of them, stretching 2 km east-west and rising 220-470 m above the town. The river, which today reaches a width of around 280 m at the level of the citadel (up to 800 m with its small meanders), flows in a bed over 1300 m wide, reflecting its many movements and overflows. Small islands appear depending on the season, and the right bank is covered in vegetation. The course of the Vakhsh, which is currently around 200 m wide, follows a north-south defile between two rocky areas (including the Aktau to the west), around 2500 m wide to the east and west, for almost 9 km before it joins the Pandj. Similarly, the Pandj follows an east-west defile some 6200 m long before its junction with the Vakhsh, but narrower, 230-520 m wide north-south³.

Exploiting the relief for defence purposes is one of the characteristics of Greek military strategy which, although it may have been used in all periods, was a systematic practice of the Seleucids to guide their choice of locations for the future cities and strongholds they founded.

¹ Due to circumstances beyond our control, we were able to stay only briefly at Takht-i Sangin (a visit in 2013 – two days; excavations in 2014 – two weeks; excavations in 2017 – one week) and could not return there subsequently. The short duration of our time on site was partly compensated for by very quick and easy access to field data, targeting areas that were both informative and easily accessible: sections caused by the bulldozing of a track through the site (walls 526 and 705; northern rampart of the citadel); sections of a large crevasse created naturally by water runoff in the stone base on which the citadel (and the Temple of Oxus) rests; finally, we could begin excavating the south-western corner tower of the citadel, the only one that was both accessible and not excavated by our predecessors.

² Our sincere thanks go to Mrs A. Drujinina for the discussions we had on the fortifications of Takht-i Sangin; our reflections partly concur with her own conclusions and also point to other avenues. We would also like to thank Mr J.-M. Gelin for his critical review of this text, and Mrs N. Khodjaeva for her involvement in organising this symposium.

³ River widths were measured in March.

At Takht-i Sangin, on the summit of the ridge overlooking the town, to date not only has no wall or tower been found that could be associated with a system of protection for the town below, but also, despite the height, the site remains accessible in several places, either via the beds of the seasonal streams that flow into the town, or via various points where the relief drops¹. These passages are not very easy and were probably seldom used for everyday purposes, but they are still accessible to assailants. The western ridge could have been crossed by a low altitude passage some 350 m south of the citadel, which would probably have provided access to the thalweg opposite the citadel. In any case, at around 3200 m to the south of the citadel, the difference in height between the two ridges is small enough to allow passage and ends a further 3300 m to the south: a simple bypass was therefore possible, providing direct access to the southern part of the site. The mountain could even have been a point of weakness for the town, as any attacker who managed to reach it would have found himself in a dominant position.

In addition, the study that we carried out in 2017 on the crevasses opened up in the stone accumulation immediately to the west of the citadel at the foot of the thalweg² shows that the Greco-Bactrian buildings that once stood there have been covered by rockfalls. Similarly, excavations by the Tajik mission in an area to the south of the citadel showed that mudflows had invaded and covered the dwellings during the Greco-Bactrian period³. The mountain was therefore a risk of instability and a source of real danger.

On the eastern side, we were not allowed access to the riverbank. However, the river, known for its impetuosity, could also represent a danger, as evidenced by the erosion of the shoreline. The construction of small dykes also testifies to the need for the inhabitants to protect themselves from the risk of flooding⁴. In a non-rainy season, enemies would probably have been able to stand on boats to launch an attack, or on the islands.

For these reasons, the importance of the natural protection provided by the mountain and the river, although real, needs to be qualified.

¹ Two thalwegs located about 1300 m south of the sanctuary and facing it; a sort of cirque 550 m south of the sanctuary; an accessible slope about 700 m north of the sanctuary; see fig 1.

² Gelin, Blanc 2022, p. 153-154, fig. 1 à 5.

³ Drujinina 2012, p. 350. However, we have to qualify this statement because we do not know exactly whether these flows came from the mountain.

⁴ Drujinina, Khudjagueliev, Inagaki 2016, p. 280; Drujinina 2012, p. 371.

Built defence. The ramparts

The inner walls. The urban area is barred from south to north by five long walls parallel to the slope, that we interpret as elements of one or more defensive systems (fig. 1 and 2). In general, their exact date is not known: it is not impossible that some of them, such as the North2 and North3 walls, were built after the ancient town. However, as no late re-occupation has been discovered to date, they are generally associated with the Antique period. Running east-west and relatively straight, they join the foot of the rocky ridge, from where they probably ran all the way to the river (today they have largely been destroyed at their eastern end by the construction of tracks and barriers for border purposes). They range in thickness from 2 m to just over 3 m and variable lengths (from around 60 m to 350 m)¹, depending on the size of the terrace between the mountains and the river on which the site is located. They are all particularly visible, either because they form a mound or because lines of stones and earth mark out their course.

Approximately 1820 m from the citadel, wall n°157 is the most southerly: it can only be seen from the ground line of its facing, which is made of pebbles with a filling of rubble and earth, over a length of approximately 60 m and a width of 2.80 to 3 m. It continues to the east, its facings visible on the modern trackway.

Wall n°161, around 1790 m south of the citadel, appears as a low embankment made of boulders, which extends eastwards beyond the track, for a total retained length of around 40 m and a width of around 3 m.

Wall n°526/557² (fieldwork F2 in Gelin 2015 and Gelin, Blanc 2022), some 430 m south of the citadel, is the longest of these probable ramparts, of 350 m. Although it looks like a mound of earth scattered with boulders (fig. 3), at its base it is built with faces of unworked blocks and a filling of boulders and earth. At its junction with the modern track, where we excavated it, the wall is preserved to a height of 0.90 m and an original thickness of 2.10 m. The accumulation of earth on either side, forming a mound more than 12 m wide, testifies to the melting of a crude earth superstructure: we can therefore suggest that this rampart comprised a stone socle and a crude earth elevation (either pakhsa or mud bricks). The segment of the wall close to the track runs slightly different-

¹ Respectively walls n°157 and n°526/557.

² N°526 for the part west of the track, n°557 to the east.

ly from the axis of the western part of the wall, indicating a slight change in direction, although it is not known whether this represents a condition that occurred when the wall was built or whether it is the result of repair work. At the foot of the south face of the wall, a depression approximately 2 m deep from the top of the preserved wall and at least 8 m wide to the south, runs along its entire length.

To the north, around 550-560 m from the citadel, wall n°705/711¹ (site F1 in Gelin, Blanc 2022) also takes the form of a mound of earth and boulders, at least 170 m long and around 3 m wide. Our initial cleaning of this wall revealed only late constructions made of boulder facings filled with earth². At 60 m from the rocky crest, a protuberance doubles the width of the wall, but it is impossible to determine its nature at this stage, which we associate more with a late construction that may have encroached on the long wall. A depression runs parallel to the wall along its north face, approximately 1.60 m deep and at least 4 m wide (towards the north).

The Wall North2 (at around 1080 m from citadel), 115 m long and 2 to 3 m wide, appears to be a boulders levee. Its facings are partially visible and are made of unworked blocks of various sizes, the largest reaching up to 0.90 m. The small amount of earth visible on either side of the masonry suggests that the original elevation was probably not made of unbaked earth.

Finally, beyond the town, around 2530 m from the citadel, there is a sixth wall, called Wall North3, 200 m long and around 2 m wide; the mound it forms is made of boulders and earth. For 150 m from the rocky ridge, its course is slightly curvilinear (convex towards the south), then becomes rectilinear and turns towards the north-east. The area it borders with the wall North2 contains no settlements³, but does contain two thalwegs, one of which is particularly large⁴.

The citadel. The citadel, covering nearly 4 hectares (167 m from the north-west tower to the south-west tower, 238 m from east to west⁵), comprises two lines of defence, one immediately around the temple, the

¹ N°705 for the part west of the track, n°711 to the east.

² The excavation of this wall (P.-M. Blanc) could not be completed.

³ The Tajik mission located possible stone and earth quarries in this area, as well as a necropolis. Drujinina 2012, p. 367-368.

⁴ The rocky ridge opens out through the thalweg to a width of around 120 m north-south.

⁵ Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, p. 49; the eastern boundary is beyond the frontier line.

other at the edge of the relief. The temple rampart¹ (around 85 x 100 m) is made of mud bricks and is almost 7 m thick. It includes solid towers at all four corners, three others are usually restored at the centre of the west, north and south curtain walls² (only the north and north-east towers have been fully excavated, and part of the south-east and north-west towers). In the centre of the eastern curtain wall, a door opens into the temple. This first line probably represents the surface area occupied by the sanctuary at a given point in its existence.

The second line of defence (fig. 4) is difficult to read in several places, particularly due to the spread of spoil from the previous excavations, which overhangs it. The entrance has not been clearly located, although it is presumed to be in the centre of the western rampart, where previous excavators seem to have uncovered towers that could have framed a passageway³. The fortifications are made up of curtain walls built partly from boulders linked by earth, as can be seen on the western rampart and the south-western tower, and partly from solid earth with a few stones, as can be seen in the section on the northern rampart. These variations are probably the result of rebuilding or repair work depending on the period of occupation of the citadel. According to the previous excavators, the preserved height of the curtains was 6 m and their thickness, as seen in the section cut for the purposes of the modern track on the northern rampart, reached a maximum of just over 6 m: at this point, two parallel masonries (M1 and M5) of solid earth with a few stones were revealed, separated by 2 m of earth, possible remains of a corridor⁴. In addition, here at least three stages of construction and two of destruction or partial levelling have been identified. The citadel walls also include two corner towers to the north-west and south-west, and former excavators restored two of them on the eastern side as well⁵, to which we could not have access and which has also been partly eroded by the river. A 3 m deep moat surrounded the citadel; after Pitchikian and Litvinsky, «in ancient

¹ See the restitution presented at this address <https://www.artefacts-berlin.de/portfolio-item/the-oxus-temple-3d-visualisation/>.

² Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, pl. 13.

³ On site we mainly see excavated spoil with no clear indication of a wall line. Excavations of Pitchikian and Litvinsky included these two 'towers', but we could not find any information about them.

⁴ Gelin, Blanc 2022, p. 154-155 and fig. 6 to 9.

⁵ Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, pl. 13.

times it was filled with water»¹, the origin of which they place to the north of the citadel. It is difficult to establish the reliability of this hypothesis outside periods of major flooding because, as we shall see, the substratum here seems to be particularly porous.

Towers?

In their current state, the inner walls of the town show no obvious signs of the presence of towers², even if two protuberances may be candidates, although it is difficult to interpret them as they stand. One can be seen on wall 705, around 65 m from the mountain ridge, and the other on the southern face of wall 526, 230 m from the base of the mountain. The Tajik mission excavated the latter and uncovered stone masonry n°544 (fig. 5), including a north-south wall located few metres from the rampart, which she interpreted as a tower³.

In the case of these two constructions on walls 526 and 705, however, it is difficult to establish with certainty whether they are located in the depressions parallel to the walls, which we interpret as moats associated with these inner walls (see the profile drawn up by R. Schwerdtner, fig. 6), or between the moats and the walls. Only cross-sections of the ditches up to the long walls would provide an answer to this question, both through the precise position of these «towers» in relation to the moats (if they are in the location of the moats, they are later and probably not directly linked to the walls) and through their stratigraphic link with the walls and moats.

It is delicate to attribute the presence or absence of towers to one period or another, because in the Seleucid and Graeco-Bactrian periods they were commonly used, particularly when the curtain walls barred a flat space or were perpendicular to the slopes of the relief, both of these patterns being present at Takht-i Sangin. In these cases, there are many towers at regular intervals⁴. By comparison, on a fortress built on a steep

¹ Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, p. 49.

² Hypothesis based on visual observation; only by stripping the walls could their existence be verified.

³ Drujinina 2012, p. 347 mentions it (tower n°544) but without details. What we have seen (partly covered with earth) does not allow us to support nor contradict this hypothesis.

⁴ Whatever the size of the stronghold: ramparts on flat land or laid out perpendicular to the slope, for example in Seleucid Syria at Dura-Europos on the Euphrates (western wall, towers spaced 50 m apart), Cyrrhus (first southern wall, towers or setbacks every 55 m), Apamea on the Euphra-

slope, itself defensive, such as Uzundara in Uzbekistan dating from Euthydemus I, the towers are mainly located at the angles formed between the curtain walls or along their course, leaving long stretches of sometimes more than 240 m without any¹. At Takht-i Sangin, if more towers had existed on the long walls, it is likely that several would still be visible, and their apparent absence does not lead us to favour a Seleucid creation in which towers were systematically installed.

At the citadel, the outer rampart is a special case because, as we have said, there are corner towers to the north-west and south-west and probable towers flanking a gate on the western rampart. The eastern side has been partly eroded by the river and it is not known, although it may be assumed, whether there were towers at the corners. According to the reconstructions made by the former excavators, the «inner rampart» comprised seven towers².

Interpretation essays

An initial urban core. As we have already said³, the large size of the town in its current state, as well as the multiplicity and disparity of the walls, seem to rule out the creation of the town in a single time, and point more to successive advances in urbanisation. This hypothesis is reinforced by the findings of the Tajik mission, which identified: occupation from the Seleucid period on the citadel and in nearby areas; Graeco-Bactrian occupation throughout the town and citadel; occupation from the Kushan period on the citadel and probably in the northern part of the town, whereas this was absent from the southern part⁴.

We assume that the two walls 526/557 and 705/711 could have been fortifications with moats (the depressions along the two walls) and that they would represent the limits of an initial settlement grouped around the citadel⁵. Such an area, which would have covered around 43 hectares, had the advantage of offering only one access point from the mountain, via the seasonal stream opposite the sanctuary. The cirque to the south of

tes (herringbone or zig-zag wall, towers spaced 45 m apart); Greco-Bactrian Afghanistan at Ai Khanoum (northern rampart, towers spaced 30 m apart).

¹ Rtveldze, Dvurechenskaya et alii.

² Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, pl. 13.

³ Gelin 2015, p. 40.

⁴ Drujinina 2012, p. 336, 370; Drujinina 2016, p. 2, 40.

⁵ Gelin 2015, p. 43; interpretation shared by Drujinina 2012, p. 371; Drujinina 2016, p. 40 et 48.

wall n°526 and the gentle slope to the north of wall n°705, which, as we have noted, are possible access points from the ridge towards the town, are both excluded from this first barrier of ramparts: provided that passage from the thalweg facing the citadel was defended, occupation between these two walls would appear to be relatively protected.

It is about 200 m north and south from the citadel, also in this area surrounded by these two ramparts, that the Tajik mission discovered remains dating from the Seleucid period. In addition, pottery shards from the Achaemenid period, found during surveys¹, point to a possible occupation at this time on the site or in the immediate vicinity, which could have encouraged the Seleucids to settle there. We could therefore assume that the Seleucid foundation was located between these two walls, preceding the Graeco-Bactrian buildings established there.

However, in the area from the thalweg to the citadel, the strong run-off carrying stones down by the course of the seasonal torrent is an obstacle to such an installation, and we have seen that constructions from the Graeco-Bactrian period had been buried (fig. 7)² and nothing had come after them. We will see it below, but it seems that the Seleucids were aware of this risk and, probably, they did not occupy this sector. In addition, although we have no doubt about the defensive nature of walls 526/557 and 705/711, we can also wonder whether they were also built to try to contain the spread of materials carried down the mountain by the torrents. They seem to be far away from the central ravine opposite the citadel to play a role in containing its flow, but they are close to the thalweg to the north of wall n°705/711 and the cirque to the south of wall n°526/557, these two openings in the mountainous relief being possible passages to pour out debris. In this case, we can assume that the urban area limited by our two walls would have been preserved from it, but the interest of this protection seems superfluous since there is nothing likely to slow down the run-off of the central thalweg in this zone. Only the citadel is protected against run-off, and it is mainly the height where it is located that protects it.

Furthermore, the technique used to build the wall 526/557 (fig. 3) does not evoke that usually used by the Seleucid Greco-Macedonian, even if it is not easy to estimate how these occupants would have adapted to the materials and techniques available for such a construction. Moreo-

¹ Gelin 2015, p. 42.

² Gelin, Blanc 2022, p. 154-155.

ver, excavation of wall 526/557 showed that it did not predate the Graeco-Bactrian period, as pottery from this period was found associated with its foundation¹. If, therefore, a first city existed within the limits of these enclosure walls, it was not a Seleucid creation, which must be sought elsewhere.

Strengthened access from the south?

At the southern end of the site, the two walls 157 and 161 are approximately 30 m from each other but, in the absence of targeted excavations, their state of preservation makes it impossible to determine whether they functioned at the same time or whether they were built one after the other. They block off the town at the point where the passage between the mountain and the river is at its narrowest. If they were built at the same time, this double wall could have been used to reinforce the defence (wall 157 could then be interpreted as an outwork) against incoming traffic from the south and west since, as we have said, at the mouth of the Kafirnigan valley, the rocky ridge can be bypassed just 1.2 km to the south of wall 157, and a small thalweg ends 220 m away. Finally, a possible passenger parking area for police control purposes could have been set up between these two walls.

The main reason for the existence of this succession of walls running the length of the town's on north-south axis is probably to control passageways, both for regional traffic and for pilgrims on their way to the sanctuary². The fact that their openings are not visible in this state³ suggests that any gates were located to the east, close to the river along which access to the town could have been made. The flooding of the river and modern works have taken their toll on these remains, preventing

¹ Gelin 2015, p. 44; Gelin 2019, p. 147. Ceramic dated by T. Khudjagueldiev. It should be noted, however, that our excavations took place on a section of the wall that follows a slight change of direction, as mentioned above, in relation to the western part of the wall: it cannot be ruled out that this could be the result of a reconstruction or repair, in the Graeco-Bactrian period, of a Seleucid wall. This is only a hypothesis that has not been substantiated in the field, in the absence of further excavations.

² On the interpretation of the existence of a pilgrimage, see Bernard 2015, p. 55.

³ Observations based on visual observation and in the absence of any stripping of the walls. To the south of wall no. 526, close to its section no. 557, between the modern trackway and the river bank, the presence of a few cut blocks leads A. Drujinina that a gate might have been located there (Drujinina 2012, p. 347). What we have seen does not allow us to support nor contradict this hypothesis.

us from verifying this hypothesis, which nevertheless seems to be supported by the fact that no permanent path seems to have existed from the rocky ridge, which would have justified openings on the western parts of these walls.

The citadel. In addition to the date of origin of the sanctuary, which is associated with the early Seleucid period¹, and the citadel's strategic location in the centre of the town, along the Amu Darya and facing a breakthrough in the mountain, the entire mound on which the Temple of the Oxus stands is particularly noteworthy for its state of preservation. Neither the mountain's run-off nor the river's floods have destroyed it (fig. 7) even if the eastern part is partly eroded, and the archaeological remains have stayed relatively intact², despite the fact that the building materials used to build the ramparts and other buildings include crude earth (mud bricks, mortar), which is particularly fragile when exposed to humidity. This mound is made up of a debris fan of material carried down from the mountain by the occasional torrent facing the citadel. It is 2 m thick at the citadel and rests on fluvial clayey silts³. It is made up of alternating accumulations⁴ of stones of various sizes and gravel, forming a drain that allows the summit to be completely isolated from water run-off and overflows; it was also not affected by the mudflow that spread to the south. This is a «useful» natural relief that was perfectly exploited by the first founders, a practice in keeping with the habits of the Seleucid military. This fact supports the hypothesis that this mound was chosen for the first Seleucid foundation⁵. In addition, the particular shape of the southern line of the citadel, which protrudes southwards towards the river bank, probably corresponds to the original shape of the debris fan⁶. This means that the mound would have been fully exploited and protect-

¹ In Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 1, p. 183, Pitchikian attributed it to Alexander the Great, Litvinsky to the end of the 4th century and the beginning of the 3rd century.

² Victims of natural erosion from the summits, but well maintained at the base in the areas protected by rockfalls: the temple walls were preserved to a height of at least 5 m at the time they were excavated.

³ After Drujinina, Khudjagueldiev, Inagaki 2016, results of the soundings 17 and 18; see also fig. 7 and 8

⁴ Which we particularly observed in 2017 to the west of the citadel, see Gelin, Blanc 2022.

⁵ A. Drujinina hypothesises that it was located on the north-eastern part of the mound (Drujinina 2016, p. 20) on the eastern zone, covered by a modern concrete platform and which the Franco-Tajik mission was not allowed to explore.

⁶ Opinion shared by A. Drujinina 2012, p. 353; the author extends this assumption to the eastern edge of the citadel.

ed throughout its original extension, thanks to this isolating and natural pebble bed.

In this way, the Seleucids would have known that this place protected them from the various flows of water and would have been aware of its formation; in this hypothesis, it is conceivable that, in the area between the thalweg and the citadel, the accumulation of rocky materials of all sizes at times linked to variations in torrential flows was a known process for them. We might therefore wonder whether they had settled in this sector, where the accumulations could have been the greatest¹. Subsequently, it can be considered that the later occupants did not necessarily perceive this risk, since the Graeco-Bactrian buildings established in the area in question were built on a layer of earth (fig. 7) hiding the underlying stony layers; was it the result of a mudflow from the mountain?

Lastly, it is located at a good distance from the mountain in front of it (at least 150 m), where only powerful line weapons, positioned on the summits, would have been able to reach it. From this point of view, we can suppose that the Seleucids' main adversaries in the region preferred to use lighter weapons, for example of the type found in the excavations at the Temple of Oxus², which placed the occupants of the citadel in a relatively protected position.

From now on, based on the assumption that the Seleucid foundation was laid only on the debris fan, we began a study of the northern rampart in order to determine the chronology of the various fortifications enclosing the citadel and to check whether the earliest walls were indeed from the Seleucid period. Unfortunately, due to lack of time, we could not complete the work and only studied the constructions on the upper levels³, which probably belong to the Kushan period and cannot be considered with certainty to represent the layout of the Seleucid citadel.

It therefore remains to confirm the exact limits of the first foundation of Takht-i Sangin, that we localise on the current citadel of the city, for part or on the whole surface. In this case, it would be of limited dimensions (the citadel in its last state extends over an area of about 4 Ha)

¹ As we have noted, this is to be confronted with future excavations.

² For types of weaponry, see Bopearachchi, Vigouroux-Sachs 2001, and for the weapons found in the Temple of Oxus and presented by R. Pitchikian, see Litvinsky, Pitchikian 2000-2001, vol. 2, part I.

³ Security reasons kept us away from Takht-i Sangin. For the results of this study, see Gelin, Blanc 2022.

which would correspond more to a stronghold, whose vocation would then have been that of regional control by the soldiers, than to a city. The religious aspect brought by the sanctuary, although important, does not pose a brake to include the foundation of Takht-i Sangin in the category of fortresses. If we consider the Seleucid foundation of Ikaros-Failaka island in Kuwait, we see that a defensive establishment and a temple were not incompatible in Seleucid times, even if in terms of size the two strongholds are different. Takht-i Sangin may have originally been a Seleucid fortified settlement intended to control the crossing point joining the Vakhsh and Kafirnigan valleys along the Amu Darya, avoiding the mountain. Its development in Greco-Bactrian times shows that the importance of the sanctuary, the city and probably, the flow of people, had increased.

BIBLIOGRAPHY

Bernard P. Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikistan, ou l'esprit de l'escalier / P. Bernard // Schiltz V. De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin 2. – Paris, 2015. . 53-70.

Bopearachchi O., Vigouroux-Sachs C. Armures et armes des Indo-Scythes d'après leurs émissions monétaires et les données archéologiques / O. Bopearachchi, C. Vigouroux-Sachs // Topoi. 2011. – No 11/1. – P. 321-355.

Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd-Tadžikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 / A. Drujinina // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2001. No. 33. – P. 257-282.

Дружинина А. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // Археологические работы в Таджикистане / А. Дружинина // 2012. – Вып. XXXV. – P. 335-382.

Drujinina A. The structure of the urban site Takht-i Sangin and its vicinity / Drujinina // Bulletin of Miho Museum. – 2016. – Vol. 16. – P. 1-49.

Дружинина А., Худжагелдиев Т., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах №17 и №18 / А. Дружинина, Т. Худжагелдиев. Х. Инагаки // Археологические работы в Таджикистане. – 2016. – Вып. XXXVIII. – P. 280-316.

Gelin M. Nouvelles recherches à Takht-i Sangin // Проблемы истории, филологии, культуры. – 205. – Вып. 47-1. – P. 32-45 et pl. 1-2. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03010484v2/document>

Gelin M. Исследования на городище Тахти-Сангин // Археологические работы в Таджикистане. – 2019. – Вып. XL. – P. 140-163. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03286383/document>

Gelin M., Blanc P.-M. Тахти Сангин 2017. Предварительный отчет // Археологические работы в Таджикистане. – 2022. XLII. – P. 153-162.

Gelin M., Drujinina A. Takht-i Sangin / M. Gelin, A. Drujinina // Catalogue d'exposition Tadjikistan, au pays des fleuves d'or. – Paris-Gand, Musée Guimet-Éditions Snoeck, 2021. – p. 78-79.

Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (с¹⁴) образцов из раскопов на городище Тахти Сангин / Я. Кувабара // Археологические работы в Таджикистане. – 2010. XXXIV. – Р. 218-226.

Leriche P. Les remparts et les monuments associés. Fouilles d'Aï Khanoum V / P. Leriche. – Paris, 1986.

Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки.

Архитектура. Религиозная жизнь / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 503 с.

Ртвеладзе Э. В., Двуреченская Н. Д., Горин А. Н., Шейко К. А. Монетные находки из крепости Узундара Э. В. Ртвеладзе, Н. Д. Двуреченская, А.Н. Горин, К.А. Шейко / // Краткие сообщения Института Археологии. – М., 2014. – Вып. 233. – Р. 151-161.

THE DEFENCE OF TAKHT-I SANGIN

This outline of the defence of Takht-i Sangin, whether it is provided by the relief or it is built, proposes to characterise its defensive practices and constructions, in order to contribute to a better understanding of the extension of the urban settlement and to the location and nature of the first Seleucid foundation. We conclude that it was probably a stronghold, a fortress, and that the extension of the city took place mainly during the Graeco-Bactrian period. The hypotheses presented here will need to be verified in the field, but are based on our observations and excavations during our stays at the site, as well as on the publications of B. Litvinsky and I. Pitchikian, and A. Drujinina.

Keywords: *Takht-i Sangin, Hellenistic period, Seleucid, Greco-Bactrian, natural defence system, built defence system, fortifications, inner walls, citadel, urban space evolution.*

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ТАХТИ-САНГИНА

Данное описание оборонительной системы Тахти-Сангина, независимо от того, обеспечена ли она рельефом или построена, предлагает охарактеризовать ее систему обороны и конструкции, чтобы способствовать лучшему пониманию расширения городского поселения, местоположения и характер первого фундамента, основанного Селевкидами. Исследование показало, что, вероятнее всего, сначала это был или опорный пункт, или крепость и что расширение города происходило главным образом в греко-бактрийский период. Представленные в статье гипотезы основаны на наших наблюдениях и раскопках на Тахти-Сангине, а также на публикациях Б. Литвинского, И. Пичикяна и А. Дружининой, но они требуют подтверждения дальнейшими раскопками на памятнике.

Ключевые слова: *Тахти-Сангин, эллинистический период, Селевкиды, греко-бактрийская система, естественная оборонительная система, построенная оборонительная система, укрепления, внутренние стены, цитадель, эволюция городского пространства.*

Table 1
Chronology

Established by the Tajik mission after the pottery
(Drujinina A., « The structure of the urban site Takht-i Sangin and its vicinity », *Bulletin of Miho Museum* 16, 2016, p. 39-40).

Takht-i Sangin 1	end 5 th – beginning 4 th century BC
Takht-i Sangin 2	2 nd half/end 4 th century BC
Takht-i Sangin 3	beginning 3 rd century
Takht-i Sangin 4	middle 3 rd century BC
Takht-i Sangin 5	second half 3 rd century BC
Takht-i Sangin 6	first half 2 nd century BC
Takht-i Sangin 7	third quarter/second half 2 nd century BC

Illustration





WALL 157



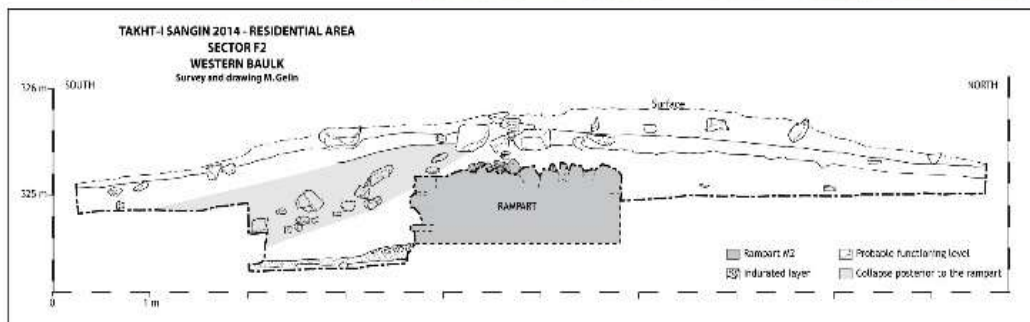
WALL 705



WALL NORTH2



WALL NORTH3



сороқиде Тажик - Сибгир

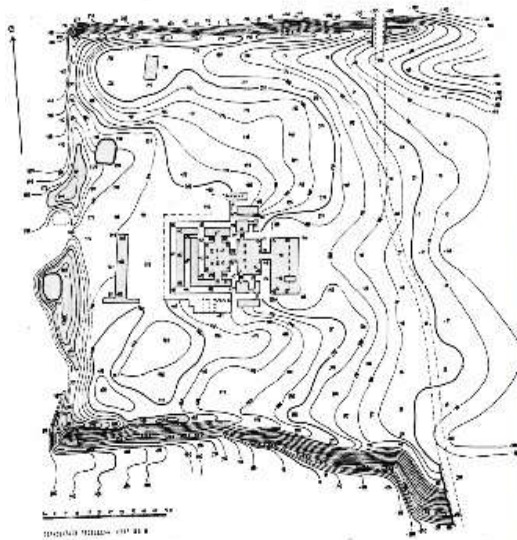
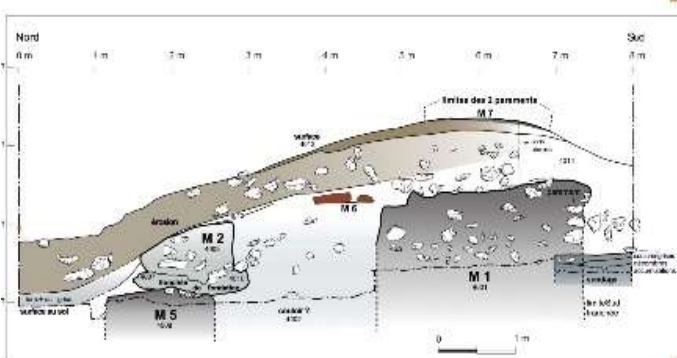


Таблица 11



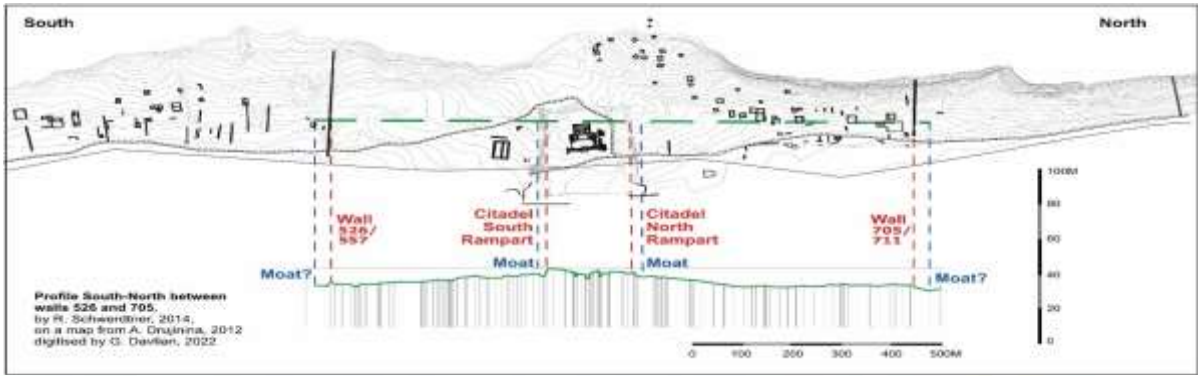


WALL 544 IN FRONT OF WALL 526



CITADEL, SOUTH-WEST TOWER





Captions

III. 1: Map of Takht-i Sangin. The wide arrows indicate possible direct access from the mountain to the town. Relief curves are shown every 5 m on the archaeological site and every 10 m on the mountain (altitudes according to Soviet military maps). North is on the right. Scheme by M. Gelin © MAFTTM, 2023, based on plans by M.I. Gafurov, R. Schwerdtner, N. Bolbolov, G. Davtian.

III. 2: Walls 157, North2 and North3 looking west, photos M. Gelin 2013 © MAFTTM; wall 705 is looking east, photo P.-M. Blanc 2013 © MAFTTM.

III. 3: Wall 526. Top: northern part, looking north-west; below, the wall looking east; below, the southern face of the wall, looking north, at the section created for the needs of the modern track; below, section of the wall. Photos and drawing by M. Gelin © MAFTTM.

III. 4: Citadel, fortifications. Top left: topographical plan surveyed by the Litvinsky-Pitchikian mission (Litvinsky-Pitchikian 2000-2001, vol. 1, pl. 11) showing the relief of the walls and the possible towers of the western rampart; right: western rampart looking south; centre: southern rampart partly covered by modern excavation spoil and flanked by a moat; bottom: northern rampart looking east and section to the east (walls M1 and M5 are contemporary). Photos M. Gelin, drawing M. Gelin, digitising by R. Douaud © MAFTTM.

III. 5: Towers. Top: wall 544 against wall 526, interpreted by the Tajik mission as a tower, looking north; centre, south-western corner tower of the citadel, looking east; bottom, inner face of the south wall of the south-western tower. Photos M. Gelin © MAFTTM.

III. 6: Profile of the area enclosed by the two walls 526 and 705, created by R. Schwerdtner in 2014 © MAFAC, based on a plan published by A. Drujinina in 2012 and digitised by G. Davtian © MAFTTM.

III. 7: Above, view of the site looking north: in the background, we can see that the citadel extends eastwards into the floodplain, and that, established on the debris fan, it has resisted to fluvial erosion and to water from the mountain; below, the mouth of the thalweg facing the citadel, looking west; below, the area where the rocky material deposited between the mountain and the citadel, looking south-east; below left, an example of the layers of boulders and gravels that allow the substrate to be porous; right, detail of a layer deposited by run-off from the mountain west of the citadel, covering a wall dating from the Graeco-Bactrian period. Photos M. Gelin, P.-M. Blanc © MAFTTM.

About the author: Gelin Mathilde, PhD in Archaeology, Researcher in the French National Centre for Scientific Research. E-mail: mathilde.gelin@cnrs.fr

Сведения об авторе: Желен Матильда – доктор археологии, научный сотрудник Национального центра научных исследований Франции, директор Французско-Таджикской археологической миссии в Южном Таджикистане. E-mail: mathilde.gelin@cnrs.fr

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ БАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА. (ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Сергей Болелов
(Москва, Россия)

В настоящее время, в результате широкомасштабных археологических раскопок на территории Южного Таджикистана и Южного Узбекистана, накоплен огромный материал по истории материальной культуры Кушанской Бактрии. Значительную долю в этой совокупности артефактов занимают коллекции керамики различных памятников, насчитывающие сотни тысяч предметов. Несмотря на огромное количество, как целых, так и фрагментированных сосудов, до сих пор пока не опубликовано ни одной обобщающей работы, посвященной классификации и типологии кушанской керамики. В тоже время керамические комплексы отдельных ключевых памятников этого периода опубликованы, к сожалению, не все (например, керамических комплекс из раскопок Яванского городища). В тоже время следует признать, что, несмотря на высокий уровень стандартизации керамического производства Северной Бактрии в первые века н.э., до сих пор не выработано единого подхода к системе классификации, не определены критерии выделения типов керамических сосудов. Задачей данной статьи, в первую очередь, является постановка проблемы и предложение путей решения этой давно уже обсуждаемой, и безусловно, требующий решения задачи.

Первой специальной работой, которая была посвящена бактрийской керамике кушанского времени, является статья М.И. Вязьмитиной, опубликованная в 1945 году¹ Статья по большей части носила описательный характер. Вся керамика Айртама, полученная в результате раскопок по функциональному назначению на эмпирическом уровне была разделена на три группы. К первой группе относятся сосуды хозяйственного назначения, куда входит тарная, кухонная и собственно хозяйственная посуда; вторую группу составляют столовые сосуды, а третью «сосуды культового назначения».

¹ Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени кушанов. // Труды АН Уз ССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II. Ташкент, 1945. С. 35-64.

М.И. Вязьмитина перечисляет лишь формы, которые входили в упомянутые группы, и не пытается выделить типы сосудов и выявить различия в пропорциях, характеризующих ту или иную форму. Единственным дискретным признаком, который учитывался при отнесении сосуда к той или иной группе, является качество глины, из которой изготовлены сосуды¹. При этом не рассматривался состав примесей характерных для той или иной группы посуды. Несмотря на сугубо эмпирический подход, статью М.И. Вязьмитиной следует считать первой, и надо сказать весьма удачной для своего времени, попыткой классифицировать керамику Бактрии кушанского времени. Безусловно, как заслугу автора следует признать, публикацию химического, механического и минералогического анализа керамики Айртама, что позволило ей сделать вывод о том, что для различных по функциональному назначению сосудов, использовались отличные по составу глиняные массы². Пожалуй, это первый опыт использования естественно-научных методов в изучении керамики Средней Азии.

Значительным шагом в изучении бактрийской керамики явилась публикация результатов работ Таджикской археологической экспедиции в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян). На нескольких городищах Кобадияна были получены стратифицированные керамические комплексы, ставшие фактологической базой для предложенной М.М. Дьяконовым периодизации древней культуры Северной Бактрии³. Было выделено пять последовательно сменяющих друг друга исторических этапов (Кобадиян I – V), каждому из которых соответствует выделенный по стратиграфическим данным керамический комплекс. К кушанскому периоду были отнесены комплексы Кобадиян II – IV. Подробный типологический анализ керамики не проводился, и автор ограничился лишь поверхностным описанием отдельных характерных форм и особенностей технологии и декора сосудов. Так, например, для раннекушанского керамического комплекса (Кобадиян II- III) было отмечено большое количество серо-глиняной керамики (восстановительный обжиг) и, в том

¹ Вязьмитина. Ук. Соч. С. 44-45.

² Вязьмитина. Ук. Соч. С. 39.

³ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950-1951 гг.). // Труды Таджикской археологической экспедиции. Том. II. МИА № 37. М.-Л., 1953. С. 253-294.

числе, со штампованным орнаментом, что не характерно как для более раннего комплекса Кобадиян I, так и более поздних керамических комплексов. То, что автор не уделяет должного внимания параметрическим и морфологическим признакам керамических сосудов, объясняется, прежде всего, недостаточно представительной выборкой и небольшим количеством целых сосудов, а также тем, что перед ним, прежде всего, стояла задача разработать периодизацию древней истории Северной Бактрии по археологическим данным и определить даты выделенных этапов с привлечением аналогий и нумизматических данных. Кроме того, следует признать, что в то время, когда статья была написана, типологический метод еще не был достаточно разработан. Тем не менее, статья М.М. Дьяконова, в которой была представлена так называемая «кобадианская хронологическая колонка», несмотря на критические замечания¹, оказала значительное влияние на более поздние работы по бактрийской археологии.

В последующем вышло несколько капитальных исследований и отдельных статей по археологии греко-бактрийского и кушанского периодов Северной Бактрии, которых в той или иной степени рассматривались керамические комплексы различных периодов. Однако типологического анализа керамического материала в этих работах не проводилось. Типичным исследованием такого рода является монография Г.А. Пугаченковой, в которой в основном рассматриваются проблемы художественной культуры Северной Бактрии по материалам раскопок дворца Халчаяна², где подробно рассматриваются архитектура, предметы художественной культуры Древней Бактрии, но, весьма поверхностно, описывается керамика и бытовой инвентарь. Автор ограничивается визуальным анализом отдельных форм сосудов, которые, по ее мнению, наиболее характерны для каждого, выделенного по стратиграфическим данным, керамического комплекса и определяют время его бытования.

В 60-х годах на территории Северной Бактрии интенсивно изучались курганные могильники. Результаты раскопок были опубликованы в двух монографиях³, где подробно описывается погребаль-

¹ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии М., 1983. С. 28-29.

² Пугаченкова Г.А., 1966 – Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент.

³ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА №136. М., 1966; Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. М., 1975.

ный обряд и инвентарь, в том числе вооружение. В то же время не была предложена сколько-нибудь объективно разработанная система классификации керамики. Выделение категорий и типов сосудов было сделано на основании визуального анализа¹. В определенной степени это было оправдано тем, что выборка состояла в основном из целых сосудов, и типы выделялись эмпирически, без строгого учета соотношений параметров. В результате все столовые сосуды на ножке или высоком поддоне, вне зависимости от соотношений линейных параметров резервуара, были названы бокалами и разделены на типы. В одних случаях сосуды выделялись исключительно по зрительно-ассоциативному восприятию формы резервуара – «бокалы с колоколовидным туловом» и бокалы с «рюмкообразным туловом», в других случаях использовались термины, принятые в геометрии – «бокалы цилиндроконическим туловом»². При этом не ясно, по каким критериям различались, например, «бокалы с цилиндроконическим» туловом и «бокалы с выпукло-коническим» туловом. По такому же принципу выделялись типы столовой посуды в Аруктаусском и Коккумском могильнике. Также не приводятся параметрические показатели, по которым в комплексе выделяются кувшины с «шаровидным» или «яйцевидным» туловом³. Подобный подход представляется весьма субъективным, так как отнесение того или иного сосуда к конкретному типу зависело от индивидуального зрительного восприятия исследователем формы сосуда.

Позднее, классификация А.М. Мандельштама частично была использована при обработке керамического материала из раскопок городища Тепай-Шах. Авторы, отмечая излишнюю субъективность исследователя при выделении некоторых типов столовой посуды, тем не менее, пользуются разработанной им терминологией при выделении типов, не предлагая при этом объективных критериев, на основании которых эти типы разделяются. Вся классификация столовой посуды построена на различиях по морфологическим признакам, которые определяются в результате визуального анализа. Нет, например, четких критериев между понятиями «более широкий» и «менее широкий», или «вытянутый» и «не вытянутый». Кроме того,

¹Мандельштам А.М. 1975. Ук. соч. С.44-48, 109-114; Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984. С. 64-77.

²Мандельштам А.М. 1975. Ук. соч. С. 110-111.

³Мандельштам А.М. 1966. Ук. соч. С. 88-97.

в предложенной классификации присутствует некоторая путаница в терминах. Так, вслед за А.М. Мандельштамом исследователи считают, что все без исключения бокалы имеют «ножку», в то же время у «бокалов» 1 типа (цилиндроконические) дисковидное основание не имеет «стебля» и является, строго говоря, высоким усеченно-коническим поддоном. Также, иногда не совсем ясно, чем тип отличается от варианта. Так, например, бокалы подразделяются на 4 типа, в то же время тип 3 («колоколовидные с подкосом») определяются как вариант типа 2 («колоколовидные»)¹.

В 1969 году, в левобережной части Бактрии (северный Афганистан) начала свои работы Советско-Афганская археологическая экспедиция. Особенно интенсивно изучались памятники эпохи античности. Основным объектом было городище Дильберджин, кроме того раскапывались античные городища Емши-тепе и Джагат-тепе, а также в ходе разведочных маршрутов нанесены на карту многочисленные памятники античной эпохи Балхского оазиса². В результате широкомасштабных работ получен огромный археологический материал, опубликованный в трех выпусках материалов САЭ, нескольких выпусках материалов раскопок городища Дильберджин и в многочисленных статьях³. В тоже время, к сожалению, нет ни одной специальной обобщающей работы, посвященной керамике, полученной в результате раскопок. Чаще всего она рассматривается в статьях публикационного плана попутно, и авторы ограничиваются описанием отдельных, наиболее характерных форм⁴. В большинстве статей весь массив керамики на интуитивном уровне разделялся на формы, при этом параметрические критерии не учитывались, так же, как и внутри выделенных форм не выделяются типы и вариан-

¹ Литвинский Б.А., Седов А.В., 1983. Тепай-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии М., 1983. С. 138-142.

² Кругликова И.Т. Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции. // КСИА, вып. 180, М., 1984; Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969-1976 гг. // ПИФК, вып. XV, Москва-Магнитогорск, 2005. С. 304-437.

³ Библиографию см. подробно: Кругликова, 1984. Ук. соч. С.51-52; Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК. Вып. XIV, Москва-Магнитогорск, 2004. С. 550-552.

⁴ Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970-1973 гг.). Часть 2. М., 1977. С. 26-24, 94-97; Кругликова И.Т. Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974-1977 // ПИФК, вып. VII, Москва-Магнитогорск, 1999. С. 6-60; Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.). // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып. 2. М., 1979. С. 63-93.

ты¹. Пожалуй, единственным исключением является статья Ш.Р. Пидаева, целиком посвященная керамическому комплексу Джагат-тепе. В статье подробно рассматриваются относительно разновременные керамические комплексы, выделенные по стратиграфическим данным. В каждом комплексе, на эмпирическом уровне, в основном с учетом морфологических признаков, выделяются формы сосудов, однако параметрические характеристики не приводятся, на том же интуитивном уровне выделяются и типы сосудов².

В 60-х – 70-х годах на городище Старый Термез велись широко-масштабные раскопки буддийского культового центра Кара-тепе, в результате которых был получен многочисленный комплекс керамики. Большая часть его была опубликована в 1975 году³. К сожалению, в довольно большой по объему статье автор не предложил сколько-нибудь объективной системы описания и классификации керамики, но ограничился последовательным визуальным описанием форм по морфологическим признакам с приведением линейных параметров, при этом типы и варианты сосудов не выделялись.

Наряду с вышеперечисленными, как представляется, наиболее заметными работами в 70-х – 80-х годах прошлого столетия, в бактрийской археологии не раз предлагались системы классификации керамики, основанные на различных принципах. В основу классификации эллинистической керамики, Ай-Ханум, которая является одной из первых детальных классификаций продукции бактрийских гончаров, были положены исключительно технологические и морфологические признаки сосудов. При этом сосуды не подразделялись по функциональному назначению⁴. Позднее, эту же систему использовала Б. Лионне для классификации всей бактрийской керамики эпохи античности. В предложенной классификации типы сосудов, характерные для определенных хронологических периодов, выделялись исключительно по морфологическим признакам, что представляется вполне правомерным, однако при определении вре-

¹ Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. 1977. Ук. Соч. С. 52-55.

² Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. Вып.3, М., 1984.

³ Сычева Н.С. Керамика Кара-тепе // Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975. С. 88-148.

⁴ Gardin J.C. Les Céramiques. // MDAFA, Tome XXI. Paris, 1973. С. 122-127.

менных рамок бытования того или иного типа сосудов совершенно не учитывались данные стратиграфии¹.

В середине 70-х годов прошлого столетия была предложена, как казалось автору, унифицированная терминология или, по словам автора, «номенклатурная схема основных форм керамики кушанского времени» по материалам городищ северной Бактрии, имевшихся в то время². В основу была положена исключительно морфология, соотношения параметров сосудов учитывались не всегда. Функциональное назначение сосудов не рассматривалось, также игнорировались технологические признаки. Весь массив керамики был разделен на две основные группы: закрытые и открытые формы, которые на интуитивном уровне подразделялись на типы. Следует отметить, что критерии, по которым выделяются формы, не всегда ясны. Например, основным признаком, отличающим чашу от миски, признается наличие поддона. В то же время миски типа А имеют дисковидный поддон и, насколько об этом можно судить по рисунку, по соотношению основных параметров не отличаются от чаш типа А³. Также некоторая путаница присутствует при выделении типов сосудов. В одном случае основным типобразующим признаком является «гофрированный» венчик – тагора типа Б; в другом – коническая форма тулова – тагора типа В. В этом случае неясно, почему тагора с коническим туловом не может иметь «гофрированный» венчик? В другом случае основным критерием выделения типа горшка типа В является наличие ножек⁴. Список несоответствий в предложенной терминологии, которая, в общем, претендует на классификацию, можно было бы продолжить.

Позднее тем же исследователем была обработана многочисленная и представительная коллекция керамики из раскопок городища Дальверзин-тепе. Весь массив по стратиграфическим данным был разделен на четыре разновременных комплекса: греко-бактрийский, юэджийско-кушанский, кушано-бактрийский и поздне-кушанский или кушано-сасанидский⁵. Следует заметить, что названия комплек-

¹ Lyonnet V. Céramique et peuplement du Chalcolitique à la conquête Arabe. Paris, 1997. 172-213.

² Некрасова Е.Г. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии. // Древняя Бактрия, Ленинград, 1974. С. 88-92.

³ Некрасова Е.Г. 1974. Там же, с. 90, рис.2; 17,10

⁴ Некрасова Е.Г. 1974. Там же, с. 84.

⁵ Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе. // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, изд-во «Фан», 1978. С. 143-161.

сов не всегда корректны. Так, например, термины «Греко-бактрийский» и «кушано-бактрийский» содержат как этноним, так и топоним, тогда как термин «юэджийско-кушанский» содержит два этнонима. Как кажется, правомернее было бы назвать этот комплекс и, соответственно, период «юэджийско-бактрийским», также, как и самый поздний по времени комплекс, можно назвать «поздним кушано-бактрийским». В предложенной классификации каждый комплекс рассматривался отдельно. По мнению исследователей памятника, при характеристике античной керамики среднеазиатских городищ (почему только городищ? – Б.С.) основной задачей является выделение ведущего состава посудных форм и их основных вариантов, при этом авторы отрицают эффективность «простого арифметического подсчета черепков» и надо полагать процентного соотношения различных типов и вариантов форм сосудов в слоях¹. Однако без этого трудно проследить процесс эволюции форм, а, кроме того, определить, например, период максимального распространения определенной группы керамики, например, серо-глиняной посуды. На Дальверзин-тепе она присутствует как в юэджийско-бактрийском, так и в кушано-бактрийском комплексе, и неясно, где ее больше. Этот вопрос является принципиальным, так как, например, на Кампыртепа серо-глиняная керамика определенных форм была распространена только в юэджийско-бактрийский период², а в кушано-бактрийском комплексе она практически не встречается³. На это же обстоятельство ранее обратил внимание еще М.М. Дьяконов (см. выше).

В предложенной классификации керамики Дальверзинтепа, сосуды не разделяются по функциональному назначению. Судя по публикации, в систему описания были включены параметрические признаки и их соотношения. Как видно, опять же из публикации, морфологические признаки, впрочем, также, как технологические и декоративные, не были формализованы. Так как иерархия признаков не проводилась, и не четко определено, какие признаки являются формообразующими, типобразующими и вариантообразующими-

¹ Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А., 1978. Там же, с. 143.

² Мкртычев Т.К. Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа. // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. МТЭ, вып. 5. Ташкент, 2006. С. 54-55.

³ Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000-2002 гг). // МТЭ, вып. 6. Елец, 2006. С. 47.

ми, такое понятие как тип в классификации отсутствует. Формы подразделяются на варианты.

Выделенные интуитивно формы не характеризуются всесторонне; даются лишь линейные параметры и их соотношения, при этом непонятны критерии, по которым эти формы выделяются. Так, например, в юэджийско-бактрийском комплексе по своим пропорциям практически идентичны тарелки и чаши, а фиалы, как следует из текста, отличаются от чаш «высоким качеством выделки, тонкостью сечения и изяществом профиля», в то же время пропорции и линейные параметры у этих сосудов, так же, как и у «ваз», в общем, одинаковы¹. По сути, все вышеперечисленные выше формы являются различными типами одной формы – чаши. Так же не понятно, по каким критериям кубки отличаются от бокалов, так как пропорции у них зачастую одинаковы. Так, в юэджийско-бактрийском комплексе кубок варианта «в» и бокалы имеют одинаковые пропорции – 5:4. Как можно понять по тексту, при промерах высоты этих сосудов учитывалась высота поддона или ножки, но, как показывает практика, достоверным параметрическим признаком, который можно считать формообразующим, является соотношение высоты и максимального диаметра резервуара, без учета общей высоты сосуда с ножкой или поддоном². Список неточностей можно было бы продолжить, например, не всегда четко определяются морфологические признаки, верхний край открытых форм и кубков называется венчиком, но характеристики его не приводятся и т.д. Тогда как венчиком сосуда можно считать только намеренно оформленный и рельефно выделенный (валик, профилированный или не профилированный, манжет, утолщенный прямоугольный или подтреугольный в сечении) верхний край сосуда.

Можно сказать, что в данной классификации наиболее ярко отразился «искусствоведческий» подход к анализу керамических комплексов, когда четкие формализованные определения дискретных признаков, особенно морфологических, подменяется визуальным описанием, например, «стенки полого отходят от дна и немного

¹ Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. 1978. Там же, с. 146.

² Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000-2001 гг.). //Археологические исследования Кампыртепа. МТЭ, вып 3. Ташкент 2002. С. 47; Болелов С.Б. Керамика. // Калалы-гыр 2. Культурный центр в Древнем Хорезме IV-II вв. до н.э. М., 2004. С.120-121.

приостраются у края» или «стенки резервуара округляются, плавно поднимаются вверх и у края немного отгибаются наружу или внутрь»? (по сути два разных варианта типа сосуда – Б.С.).

В начале 90-х годов было опубликовано несколько статей, посвященных анализу и эволюции отдельных форм или групп сосудов. Типичным примером такой публикации является статья Ш.Р. Пидаева, в которой рассматривается характерный комплекс серо-глиняной керамики Мирзакул-тепе, датированный юэджийско-бактрийским периодом¹.

Весь массив серо-глиняной керамики, вне зависимости от функционального назначения, а в эту группу входит как столовая, так и хозяйственная посуда, разделяется на формы, выделенные эмпирически, без учета соотношений параметров, которые, в свою очередь, подразделяются на варианты. Автор не прибегает к формализованному анализу сосуда и ограничивается визуальным описанием. В результате остается непонятным, чем, например, отличаются чаши 1 варианта от чаш 3 варианта; вряд ли «более резкий перегиб стенок в нижней части» можно считать вариантообразующим признаком. Также непонятно чем тарелки отличаются от чаш и мисок².

Еще одна статья того же автора, опубликованная ранее, посвящена эволюции двух керамических форм по материалам шурфов на городище Старый Термез с привлечением материалов других памятников³. Объектом исследования послужили цилиндрикоконические кубки и «столовые тагора». Последний термин вызывает некоторые возражения. Как представляется, тагора – это определенный тип хозяйственной посуды с четким функциональным назначением – глиняный таз сравнительно большого диаметра, а ту форму, которая послужила объектом исследования, лучше назвать «столовой миской»⁴. К сожалению, каких-либо четких дискретных, как морфологических, так и параметрических характеристик форм сосудов не приводится, описание форм дано на эмпирическом уровне. По этой причине динамика развития форм, на протяжении почти пяти-сот лет описана на интуитивном уровне. Не определены четкие кри-

¹ Пидаев Ш.Р. Серо-глиняная керамика Мирзакул-тепа // ИМКУ, вып.25, Ташкент. 1991. С. 88-97.

² Пидаев Ш.Р., 1991. Там же, с. 90-92, рис. 3: 5-12.

³ Пидаев Ш.Р., 1989 – Эволюция двух форм керамики северной Бактрии. // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент.

⁴ Болелов С.Б. 2002. Там же, с. 43, 53.

терии формы, как морфологические, так и параметрические, для каждого конкретного хронологического периода.

В последующие годы было опубликовано довольно много работ, в которых в научный оборот вводились новые материалы кушанского времени, однако ни одна из них не претендует на объективную всестороннюю характеристику керамического комплекса. Одной из таких работ является публикация керамического материала нижних слоев Душанбинского городища¹. Весь, надо заметить, весьма немногочисленный и сильно фрагментированный керамический комплекс, по основному технологическому признаку был подразделен на две группы: лепные сосуды и керамика, изготовленная на гончарном круге, без разделения сосудов по функциональному назначению. В этом случае тарная – хумы, изготовленные вручную методом ленточного налепа, и кухонная посуда, сформованная, зачастую, от руки из глины с обильными минеральными примесями, включены в одну группу, а во вторую – различные по своему функциональному назначению подгруппы столовой и хозяйственной керамики. Типы сосудов, в большинстве случаев определяются по форме сечения венчика, что нельзя считать типобразующим признаком, в лучшем случае он является вариантообразующим. При этом вызывают возражения некоторые термины и определения, введенные автором, например, «навесовидный (?) венчик», также нельзя считать приемлемыми такие определения как, например, «кубковидные чаши», т.е. это определение сочетает в себе признаки двух различных форм. Такая ситуация обычно складывается в том случае, когда четко не определены критерии, по которым выделяется форма, другими словами в алгоритме классификации отсутствует иерархия признаков.

Как видно из краткого и далеко не полного обзора работ, посвященных бактрийской керамике кушанского периода, задача создания наиболее объективной и по возможности универсальной классификации этой, самой многочисленной составляющей археологического комплекса, в настоящее время остается нерешенной. В то же время в последние годы в результате раскопок памятников кушанского времени на территории Северной Бактрии получены весьма многочисленные, хорошо стратифицированные и четко да-

¹ Абдуллаев А.Л. Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001-2003 годов). // АРТ., вып. XXX. Душанбе, 2005.

тированные по нумизматическим материалам керамические комплексы, которые могут послужить той базой, на основе которой такая классификация может быть создана.

Одним из таких памятников является крепость Кампыртепа, которая, в настоящее время является наиболее изученным памятником кушанского времени на территории Бактрии. Раскопки здесь были начаты под руководством Э.В. Ртвеладзе в 1982 году, и продолжаются, с небольшими перерывами, по сей день. За более чем двадцатилетний период раскопано 4/5 площади укрепленной части городища, погребальные и культовые постройки в городской округе, а также гончарная мастерская в юго-восточной части пригородной зоны¹. Наиболее ранней частью памятника является цитадель, где толщина культурных слоев достигает почти 12 м. Здесь получены наиболее ранние археологические комплексы – конец IV- III вв. до н.э.². Культурные слои этого времени последовательно перекрываются более поздними культурными напластованиями, что позволило разработать относительную периодизацию Кампыртепа на протяжении всего времени его существования³. В результате исследований получен огромный археологический материал, включающий в себя керамические комплексы, соответствующие всем периодам существования памятника на протяжении чуть менее 500 лет (конец IV в. до н.э.- середина II в. н.э.).

На Кампыртепа раскопаны однослойные объекты, на которых выявлены стерильные керамические комплексы, соответствующие

¹ Ртвеладзе Э.В., 2001 - К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001. С. 3-11; Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа. // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001. С. 15-17.

² Восковский А.А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа. // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент, 2003. С. 48-50; Ртвеладзе Э.В. Нижний слой Кампыртепа последней четверти IV в. до н.э. // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент, 2003. С. 153-157; Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа. // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. ТАЭ, вып.5. Ташкент 2006. С.21-42; Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. 2006. Там же, с. 43-66.

³ Ртвеладзе Э.В. Предисловие // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2002. С. 4; Ртвеладзе Э.В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002-2005 гг. // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. ТАЭ, вып.5. Ташкент. С. 3-8; Болелов С.Б. История Кампыртепа по археологическим данным. // Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001 – 2010 гг. Москва - Санкт-Петербург, 2018. С. 8-23.

отдельным этапам жизни городища, которые можно датировать в узких хронологических границах, иногда в пределах полувека, что дает основание считать эти комплексы эталонными.

При раскопках гончарной мастерской к востоку от укрепленной части городища получен комплекс керамики, который по набору форм, типологическим признакам и аналогиям, а также по нумизматическим данным можно датировать III в. до н.э., наиболее вероятно, первой его половиной¹. Застройка северной части «нижнего города» Кампыртепа началась не ранее периода правления Вимы Такто («Сотер Мегас»), а основной период жизни приходится на время правления Канишки. Таким образом, комплекс керамики, полученный в результате раскопок жилых кварталов Кампыртепа можно датировать концом I – первой половиной II н.э.² Наличие столь узко датированных, и при этом весьма многочисленных комплексов, дает уникальную возможность детально проследить эволюцию керамических форм на протяжении всего существования городища и, при наличии достаточно представительной в количественном отношении выборки, составить дробную не только типологическую, но и хронологическую классификацию керамики северной Бактрии эпохи античности.

¹ Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии. // Средняя Азия. История. Археология. Культура. М., 2000. С. 99-102; Болелов С.Б. 2001. Там же, с. 15-31; Сверчков Л.М., Восковский А.А. 2006. Ук. соч. С. 27; Сверчков Л.М., 2006 - Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол). // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. ТАЭ, вып.5. Ташкент.

² По мнению А.Н. Горина *terminus ante quem* для начала возведения «нижнего города» является 127 г. н.э. (начальная дата правления Канишки) (Горин, 2010, с.42-43), то есть активная жизнь в кварталах продолжалась не более 23 лет, так как начало запустения крепости датируется 151 г. н.э. по монете Хувишки (151-190 гг. н.э.), найденной в позднем захоронении в одной из башен (Ртвеладзе, 2001, с. 82). Решающим аргументом этого заключения, по мнению исследователя, являются находки монет Канишки в кладке стен. Однако следует заметить, что монеты были найдены не в растворе, а в швах между кирпичами и могли попасть туда в период функционирования помещения. Например, в пом. 20б на уровне пола и в промазке между кирпичами найдено 11 монет Канишки и 5 монет Вимы Кадфиза. Вряд ли они попали в стену в период строительства. Более существенной для датировки начального этапа строительства кварталов «Нижнего Города» Кампыртепа кажется находка монеты Вимы Кадфиза (110-126 гг. н.э.) в нивелировочном слое под цоколем западной стены пом 2а. (Кампыртепа, 2018, с. 118). На основании этого факта, вполне резонно, на мой взгляд, несколько расширить период активной жизни жилых кварталов Кампыртепа.

Керамический комплекс «Нижнего города» Кампыртепа, насчитывает тысячи фрагментов керамических сосудов и датируется концом I – серединой II вв. н.э. Таким образом, в результате анализа комплекса фиксируется набор форм и типов сосудов, бытовавших именно в этот временной отрезок, ограниченный концом правления Канишки. Этот комплекс можно считать эталонным для территории северо-западной части Правобережной Бактрии этого периода времени. В процессе обработки этого весьма представительного комплекса, возможно, как кажется, разработать и предложить достаточно объективную классификацию и типологию керамики конкретного хронологического периода (в данном случае конец I – середина II вв. н.э.), которая в дальнейшем может послужить отправной точкой для создания, насколько это возможно, универсальной классификации керамики Северной Бактрии античного периода.

Первоочередной задачей при создании любой классификации является разработка достаточно унифицированной системы описания, включающей в себя три основных блока признаков: технологические, морфологические и декоративные.

К технологическим признакам относится характеристика формовочной массы (отсутствие или наличие примесей и их составе), способ изготовления сосуда и связанные с ним особенности формовки. Например, использование подкладных вогнутых дисков в процессе изготовления нижней части сосуда, подрезка сосуда ножом, дополнительное обтачивание и моделирование на гончарном круге дна и придонной части сосуда и т.д. Этот же блок признаков включает в себя характеристики обработки внешней поверхности сосуда (способы ангобирования, наличие или отсутствие ангоба¹ и т.д.). Кроме того, к технологическим признакам относится характеристика режима обжига (костровой, горновой в окислительной или восстановительной среде, который определяется по цвету черепка в изломе).

Второй блок включает в себя морфологические признаки, имеющие как количественные, так и качественные значения. Количе-

¹ В блоке технологических признаков учитываются только способы обработки поверхности, использовавшиеся в процессе изготовления формы на первом этапе – до обжига. К таковым относятся метод ангобирования – ангоб-обмазка или ангоб-полива, а также характеристики механической обработки поверхности – затирка, заглаживание, лощение. Различные виды лощения (зеркальное, сетчатое, полосчатое, арочное), которые в большинстве случаев являются элементами декора, также, как и способы, и виды орнаментации учитываются в блоке декоративных признаков.

ственное выражение имеют параметрические линейные признаки и их соотношения, при помощи которых описывается форма, или часть формы сосуда¹.

Признаки, имеющие качественное значение характеризуют отдельные элементы формы – вид венчика, форма дна, абрис и форму сечения ручки².

В третьем блоке объединены признаки, характеризующие декоративное оформление посуды. При этом учитываются не только виды, но и способы орнаментации³.

После формализованного описания всего массива выборки, в чем собственно заключается начальный этап обработки любой керамической коллекции, свойства и характеристики каждого объекта выражаются рядом цифровых значений. Каждое из них является значением одного из признаков. На следующей стадии исследования, на основании полученных данных проводится классификация выборки, выявляются группы, отделы, формы, типы и варианты. Эта операция проводится методом последовательного отбора.

На первом этапе учитываются технологические признаки, форма и размеры сосудов, которые являются группообразующими. К таким относятся, в первую очередь, относится способ изготовления сосуда – формовка от руки с подправкой на гончарном круге или вращающейся подставке, или без подправки на круге; изготовление сосуда способом ленточного налепа с последующей подправкой на

¹ В процессе проведения классификации качественные признаки, по мере необходимости, при помощи ранжирования и ротации всех значений, преобразуются в количественные. Эта операция проводится обычно для характеристики отдельных элементов профиля сосуда. Например, степень крутизны плечиков, степень отогнутости венчика, ширина горловины и т.д.

² С целью унификации терминологии максимально, насколько это возможно, использовались геометрические и стереометрические понятия для обозначения формы объема и сечения.

³ Под «способом орнаментации» подразумевается, прежде всего, метод нанесения орнамента. По способу воздействия на поверхность сосуда можно выделить три вида орнаментации: деформирующая, не деформирующая и рельефная. К первому виду мы относим различные вдавления, наколки, штампы, процарапывания, прочерчивания и т.д., то есть те, которые оставляют углубленные следы на поверхности необожженного сосуда. Ко второму виду относятся все виды росписи включая подглазурную и надглазурную, то есть все виды орнаментации, после нанесения которых поверхность сосуда не деформируется. Третий вид включает в себя всевозможные налепы, то есть те типы орнаментации, которые выступают над поверхностью в виде различной высоты рельефов. К этому же виду относятся опоясывающие глиняные валики как налепные, так и профилированные в процессе формовки.

круге; формовка сосуда на двухдисковом гончарном круге быстрого вращения. Кроме того, основными признаками при выделении групп, безусловно, являются состав и количество примесей в глиняной массе, которые определяются под микроскопом или визуально, а также способ обжига – высокотемпературный в горне, в окислительном или восстановительном режиме или «костровой». С учетом этих признаков на верхнем таксономическом уровне вся совокупность по функциональному назначению подразделяется на три основные группы: кухонная посуда, хозяйственная и тарная керамика, столовая посуда. Каждая из этих групп обладает определенным набором технологических признаков, которые устойчиво коррелируются между собой. Как дополнительные характеризующие признаки можно принимать во внимание, например, для кухонной посуды следы копоти на внешней поверхности, а для тарной керамики толщина стенок сосуда, напрямую зависящая от его размеров¹.

Последующая классификация (второй таксономический уровень) проводится уже в пределах выявленных групп, в которых на первом этапе, по соотношению основных параметрических признаков выделяются отделы - открытые и закрытые формы. На втором этапе, уже внутри отделов, также по параметрическим признакам выделяются формы сосудов – горшки, кувшины, чаши, кубки и т.д.² На этом же этапе выделяется группа редких форм, к которым относятся сосуды специального назначения, например, тигли, реторты, туваки, косметические сосуды, найденные в специфическом контексте сосуда, являющиеся атрибутами культа и т.д.

Форма сосуда выражается несколькими наиболее характерными параметрами и их соотношением, непосредственно влияющим на изменение самой формы. Такими параметрами являются:

Н – общая высота сосуда;

¹ Полный список признаков с подробными пояснениями дается в отдельном Приложении №1.

² Большинство исследователей форма сосуда определяется на интуитивно-эрудитивном уровне. Любой археолог отличит кувшин от миски и котел от кубка и т.д. Неопределенность терминологии наиболее отчетливо проявляется в определении таких форм как широкогорлый кувшин – корчага (горшок), кубок – бокал, чаша – миска – блюдо. В представленной ниже системе описания делается попытка применить объективные критерии для выявления принадлежности сосуда к определенной категории (группе) форм. Таковыми, на наш взгляд, являются соотношения основных параметров целых сосудов, которые являются формообразующими (см. список признаков)

Н1 – высота шейки или горловины сосуда (от устья до наибольшего сужения горловины);

Н2 – высота плечика сосуда (от наибольшего сужения горловины до уровня максимального расширения тулова)

Н3 – высота нижней части сосуда (от уровня максимального расширения тулова до дна);

Д1 – диаметр устья сосуда;

Д2 – диаметр наибольшего сужения горловины или шейки сосуда;

Д3 – максимальный диаметр тулова сосуда.

Д4 – диаметр дна сосуда.

Разумеется, все эти параметры учитываются применительно к конкретной форме сосуда. В отдельных случаях может возникнуть необходимость использования дополнительных линейных параметров. Так, например, для кубков могут быть введены дополнительные параметры – диаметр поддона (при наличии) – Д5 и его высота – Н4. У некоторых форм отдельные параметры не учитываются, ввиду их отсутствия. У фляг и лепных горшков с округлым дном не определялся диаметр дна. У большинства кувшинов можно измерить общую высоту горловины. Для это вводятся дополнительные параметры: Д2а – диаметр основания горловины сосуда (в месте перехода от горловины к плечикам)¹ и Н1а – высота от основания горловины сосуда – Д2а до диаметра максимального сужения горловины сосуда – Д2. Таким образом определялась высота горловины – Н1 + Н1а. У открытых форм с полусферическим, усеченноконическим, цилиндрическим туловом или с туловом в виде шарового слоя замеряются только три параметра: Д1 – в данном случае он же являлся максимальным диаметром, Д4 – диаметр дна и общая высота – Н. Однако в том случае, когда стенки сосуда были не прямыми; верхний край сосуда в большей или в меньшей степени наклонен внутрь резервуара или стенки сосуда в большей или в меньшей степени слабо изогнуты в верхней части, учитывался Д3 – максимальный диаметр тулова; Н1 – высота от устья до уровня Д3 и Н3 – высота от уровня Д3 до дна сосуда².

В большинстве работ, посвященных классификации керамических комплексов для определения формы в основном используются

¹ Очень часто место перехода от горловины к плечикам (основание горловины) подчеркнuto хорошо выраженным валиком или желобками.

² Следует подчеркнуть, что «форма сосуда» и «тип сосуда» рассматриваются как разные понятия. Категория «форма сосуда» может включать в себя несколько «типов» сосудов.

вышеуказанные параметры¹. В некоторых исследованиях авторы, исходя из специфики материала, используют дополнительные линейные параметры².

Не вызывает сомнения, что все указанные выше параметры находятся в пропорциональной зависимости друг от друга, что, в конечном итоге, и определяет своеобычность отдельных форм сосудов.

На следующем этапе классификации внутри определенной формы выделяются типы. На этой стадии исследования должны учитываться все морфологические типобразующие признаки, как качественные, так и количественные, включая пропорциональные соотношения линейных параметров. Для выявления типов должны учитываться пропорциональные соотношения $H_3 : H$ и $D_2 : D_3$. Эти показатели характеризуют форму тулова сосуда: яйцевидное, шаровидное, усеченно-коническое, биконическое, полусферическое и т.д. При выделении типов следует учитывать также некоторые морфологические признаки, в определенной степени, характеризующие форму сосуда – наличие или отсутствие ручки, поддона и т.д. На следующем этапе классификации выделяются уже варианты типа. Основным критерием в этом случае являются соотношения $H : D_3$ и $D_4 : D_2$. Указанные пропорции характеризуют форму с несколько другой стороны. Выделяются широкогорлые и узкогорлые, а также сосуды с широким или узким дном. Кроме того, при выделении вариантов типа учитывались такие показатели, как конфигурация верхней и нижней частей сосуда, а также степень крутизны плечиков³. На заключительной фазе классификации рассматриваются морфологические и декоративные признаки.

К морфологическим отнесены в первую очередь форма венчика, а также наличие или отсутствие таких признаков как валики, желобки, налепы и т.д. Следует заметить, что конфигурация венчиков, в общем, не отличается разнообразием. Можно выделить четыре основных его вида: простой отогнутый, массивный округлый или

¹ Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. С. 10; Кызласов Л.Р., Мартынов С.В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI-IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986. С. 85; Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования. Киев, 1992. С. 47; Шишкина Г.В., Болелов С.Б. Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ). // МКВ, вып. 5. М., 2010. С. 27-41.

² Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984. С. 23; Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001. С. 6.

³ Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования. Киев, 2012. С. 49-51.

уплощенный в виде валика, подпрямоугольный и подтреугольный в сечении, профилированный горизонтальными каннелюрами или не профилированный. Разумеется, внутри каждого вида могут быть вариации. Все эти разновидности рассматриваются в процессе описания типов посуды.

Признаки, включенные в блок декоративных, никак не влияют на характеристику формы, как всего сосуда, так и отдельных его частей. Однако, их следует считать характеризующими виды и варианты формы. Их значения исключительно важны при характеристике развития и трансформации керамического комплекса на протяжении определенного хронологического периода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев А.Л. Душанбинское городище в античный период (раскопки 2001-2003 годов) // АРТ. 2005. Вып. XXX.

Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа. // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.

Болелов С.Б. Керамический комплекс периода правления Канишки на Кампыртепа (раскопки 2000-2001 гг.). // Археологические исследования Кампыртепа. МТЭ. Вып. 3. Ташкент 2002.

Болелов С.Б. Керамика. // Калалы-гыр 2. Культовый центр в Хорезме IV-II вв. до н.э. Отв. Ред. Вайнберг Б.И. М., 2004.

Болелов С.Б. Жилой квартал кушанского времени на Кампыртепа (раскопки 2000-2002 гг.). // МТЭ. Вып. 6. Елец, 2006.

Болелов С.Б. История Кампыртепа по археологическим данным. // Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе. Археологические исследования 2001 – 2010 гг. М., - СПб., 2018.

Восковский А.А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа. // Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент, 2003.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования. Киев., 2012

Горин А.Н. К вопросу о времени функционирования «Нижнего города» Кампыртепа // Древние цивилизации на Среднем Востоке. М., 2010.

Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Часть 1. М., 1974.

Кругликова И.Т. Десять лет работы Советско-Афганской экспедиции // КСИА. Вып. 180. М., 1984.

Кругликова И.Т. Раскопки западного храма в Дильберджине (Афганистан) в 1974-1977 // ПИФК. Вып. VII. Москва-Магнитогорск, 1999.

Кругликова И.Т. Джагат-тепе // ПИФК. Вып. XIV. Москва-Магнитогорск, 2004.

Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969-1976 гг. // ПИФК. Вып. XV. Москва-Магнитогорск, 2005.

Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. Дильберджин (раскопки 1970-1973 гг.). Часть 2. М., 1977.

Кызласов Л.Р., Мартынов С.В. Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI-IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М., 1986.

- Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. МИА №136. Труды ТАЭ, том V. М.-Л., 1966.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. М., 1975.
- Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
- Мкртычев Т.К. Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. МТЭ, вып. 5. Ташкент, 2006.
- Некрасова Е.Г. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии // Древняя Бактрия, Ленинград, 1974.
- Некрасова Е.Г., Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Пидаев Ш.Р. Мирзакул-тепе – памятник раннекушанского времени в северной Бактрии // Бактрийские древности. Ленинград.
- Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия, вып.3, М., 1984.
- Пидаев Ш.Р. Эволюция двух форм керамики северной Бактрии. // Краеведение Сурхандарьи. Ташкент, 1989.
- Пидаев Ш.Р. Серо-глиняная керамика Мирзакул-тепа // ИМКУ, вып.25, Ташкент, 1991.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент, 1966.
- Ртвеладзе Э.В. К итогам археологических исследований Кампыртепа в 2000 году // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 2. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2001.
- Ртвеладзе Э.В. Предисловие // МТЭ, Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В. Нижний слой Кампыртепа последней четверти IV в. до н.э.// Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Ташкент, 2003.
- Ртвеладзе Э.В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002-2005 гг.// Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. ТАЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.
- Ртвеладзе Э.В., Болелов С.Б. Керамический комплекс эпохи эллинизма на Кампыртепа в Северной Бактрии // Средняя Азия. История. Археология. Культура. М., 2000.
- Сверчков Л.М. Опыт синхронизации керамических комплексов эпохи эллинизма (Кампыртепа, Термез, Джигатепе, Курганзол). // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. МТЭ. Вып. 5. Ташкент, 2006.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А. Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоев Кампыртепа. // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. МТЭ. Вып.5. Ташкент, 2006.
- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.
- Шишкина Г.В., Болелов С.Б. Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ) // МКВ. Вып. 5. М., 2010.
- Gardin J.C. Les Céramiques. // MDAFA. Tome XXI. Paris, 1973.
- Lyonnet V. Céramique et peuplement du Chalcolitique à la conquête Arabe. Paris, 1997.

**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ БАКТРИЙСКОЙ КЕРАМИКИ
КУШАНСКОГО ПЕРИОДА.
(ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

В статье кратко приводится история изучения бактрийской керамики кушанского периода. Несмотря на высокий уровень стандартизации керамического производства Северной Бактрии в первые века н.э., до настоящего времени пока не предложено единого подхода к системе классификации, не определены критерии выделения типов керамических сосудов. В статье подробно, с критической точки зрения рассматриваются публикации наиболее значимые, по мнению автора, публикации керамических комплексов и предложенные исследователями системы описания алгоритмы классификации керамики Северной Бактрии первых веков н.э. В свою очередь автор предлагает алгоритм классификации разработанный на базе керамического комплекса конца I – первой половины II в. н.э., полученного в результате многолетних археологических исследований кушанской крепости Кампыртепа, являющейся в настоящее время наиболее изученным памятником эпохи Кушан в Северной Бактрии. Алгоритм классификации, предложенный в статье нельзя считать окончательным. Он может и должен послужить предметом дискуссии. Эту схему можно рассматривать только как один из вариантов решения проблемы, которую, безусловно, можно и нужно дорабатывать с учетом специфических особенностей конкретных керамических комплексов.

Ключевые слова: керамика, керамический комплекс, стратиграфия, классификация, типология, форма сосуда, технологический признак, морфология, тип, вариант.

**ON THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF BACTRIAN CERAMICS OF THE
KUSHAN PERIOD. (HISTORY OF THE RESEARCH AND STATEMENT OF THE
PROBLEM)**

The article briefly describes the history of the study of Bactrian ceramics of the Kushan period. Despite the high level of standardization of the ceramic production of Northern Bactria in the first centuries A.D., a unified approach to the classification system has not yet been proposed, criteria for distinguishing types of ceramic vessels have not been defined. The article examines in detail, from a critical point of view, the publications of the most significant, in the author's opinion, publications of ceramic complexes and the systems of description and classification algorithms of ceramics of Northern Bactria of the first centuries AD proposed by researchers. In turn, the author offers a classification algorithm developed on the basis of a ceramic complex of the end of the 1st – first half of the 2nd century AD, obtained as a result of many years of archaeological research of the Kushan fortress of Kampyrtepa, which is currently the most studied monument of the Kushan era in Northern Bactria. The classification algorithm proposed in the article cannot be considered final. It can and should serve as a subject of discussion. This scheme can be considered only as one of the solutions to the problem, which, of course, can and should be improved taking into account the specific features of specific ceramic complexes.

Keywords: ceramics, ceramic complex, stratigraphy, classification, typology, vessel shape, technological feature, morphology, type, variant.

Сведения об авторе: Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заведующий отделом Истории материальной культуры и древнего искусства. Государственный Музей искусств народов Востока (Москва, Россия). Тел.: +7 (495) 690-05-76 (раб.), (+7) 8-903-146-70-18 (моб.). E-mail: BSB1958@yandex.ru

About the author: Bolelov Sergej Borisovich, Candidate of Historical Sciences. Head of the Department of History of Material Culture and Ancient Art. State Museum of Oriental Arts. Moscow Russian Federation. +7 (495) 690-05-76, (+7) 8-903-146-70-18(mob.). E-mail BSB1958@yandex.ru

СИЛЕН МАРСИЙ - ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КУЛЬТА ФЛЕЙТЫ (НАЙ, ДУНАЙ) В ТАДЖИКСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аслиддин Низамов

(Душанбе, Таджикистан)

Маленькая скульптура Силена Марсий, который в настоящее время украшает один из залов Национального музея древностей столицы Таджикистана, уже многие годы привлекает пристальное внимание исследователей – историков, археологов и искусствоведов. Будучи артефактом из далекой нашей истории, этот чудесный образец божественного и музыкального начала, вызывает самые различные толкования, касающихся сокровенных страниц о роли музыки и музыкальных инструментов культурной жизни наших предков.

Говоря о времени существования храма Окса и о музыкальных традициях и инструментах той эпохи, для начала зададимся вопросом: так ли безвозвратно все это было уничтожено и, скажем, если не было бы археологических открытий, где, каким образом наш современник смог бы узнать о следах той богатой культуры? На этот вопрос можно ответить следующим образом.

Общеизвестно, что среди всех видов искусств музыка является самой консервативной по природе, древнейшие мелодии на протяжении многих столетий продолжают существовать в первоизданном виде, меньше всего страдая от воздействия ветров истории. Подобное утверждение главным образом касается музыки устной традиции, которая, как показывают наблюдения, передаваясь исключительно устным образом, она сохраняет свою подлинность почти без изменений.

Настоящий доклад посвящается именно этой проблеме, конкретно о том, что именно сохранилось в нашей современной музыкальной культуре от тех славных традиций почитания и слушания музыки, в том числе и мелодии флейты – авлоса, на котором когда-то играл наш герой Силен Марсий.

Говоря о Силене Марсии как о вотиве, точнее о миниатюрном алтаре с венчающей его скульптурой, играющего на двустольной флейте, первым делом обращают внимание на греческое происхождение этого инструмента под названием «авлос». На фронтальной плоскости постамента древнегреческая надпись: "По обету посвятил Атросок Оксу"¹.

Греческий язык, греческое божество Силен Марсий, форма алтаря, акт и формула посвящения, конечно же, свидетельствуют об эллинизации мировоззрения бактрийцев в этот период. Имя божества реки Вахш (современное название Амударья появилось достаточно поздно) несомненно, происходит от древнеиранского «Вахшу», в древних среднеазиатских языках оно обозначает «дух, связанный с «текущей водой».

¹ Атросокес – это бактрийское имя бога Окса, т.е. Вахша

Однако многочисленные археологические работы, выполненных на территории Средней Азии и найденные изображения музыкальных инструментов (в том числе и разного рода флейты) свидетельствуют о том, что именно этот вид духовых инструментов с древнейших времен был очень популярен, в том числе и в качестве культового предназначения. Хотя в числе памятников среднеазиатской античности изображения авлоса встречается крайне редко, тем не менее, даже по одной сохранившейся терракотовой фигурки женщины, играющей на авлосе, можно предположить, что у наших предков данный инструмент широко бытовал и имеет местную почвенность.

К примеру, более сорока фрагментов духовых музыкальных инструментов, найденных при раскопках Храма Окс в Тахти-Сангине, свидетельствуют о том, что такой вид инструмента - «авлос» (цилиндрические трубки) в ту эпоху пользовался значительной популярностью. Как известно, в древности такой тип инструмента назывался «авлос», исследователи полагают, что возможно на одной трубке исполняли мелодию, а на другой музыкант создавал т.н. «выдержанный звук» (бурдон).

Техника бурдонного звучания духовых инструментов заключается в умении вдыхать воздух в большом объеме и, сохраняя запас в полости рта (для чего нужно сильно раздувать щеки), обеспечить непрерывное звучание мелодии). Кстати, неизвестный скульптор изобразил Силена Марсия именно в момент исполнения мелодии (раздувая щеки).

Согласно преданиям, однажды Афина, играя на флейте и глядя на водную поверхность, увидела отражение своего обезображенного лица, решила навсегда расстаться с флейтой (Авлосом) по той причине, что в процессе игры от вздутия щек ее красивое лицо искривляется. По этой причине она прокляла свое изобретение и бросила флейту в реку со словами: «Пусть жестоко будет наказан тот, кто подымет эту флейту».

Таким образом, однажды Силен, отдыхая на берегу реки, заметил, что мимо него по реке плывет флейта. Он тут же схватил ее, прижал к губам и не успел вдохнуть в грудь воздуху, как божественная мелодия полилась снова. Завладев волшебным инструментом, Марсий начисто позабыл о своих обязанностях пастуха и вскоре достиг небывалого совершенства в игре на флейте.

Как видно, даже в изображении Силена Марсия его щеки вздуты, а этот прием является основополагающим фактором для создания бурдонного звучания, кстати, именно такой прием и в наше время широко применяются исполнителями на сурнае в Таджикистане или на дудуке в Армении и Азербайджане. К слову сказать, самоназвание дудук (также еще в Грузии) происходит непосредственно от таджикского «тутак», название маленьких продольных флейт, изготовленных из тутового дерева (от тадж. «тут», отсюда и уменьшительное «тутак»).

Вернемся к нашему герою Силену Марсию. Силен или сатир, олицетворяет фригийскую игру на флейте в культе Кибелы, в противоположность игре на кифаре у греков. По преданиям, Силен Марсий в юности был пастухом и

играл на флейте (авлос), который считается самым древним музыкальным инструментом и что характерно, бытует практически у всех культур.

Однако по поводу путей распространения различных типов музыкального инструментария существуют разные мнения. Например, многочисленные археологические находки свидетельствуют, что в целом музыка эллинистической Греции вовсе не была «привнесена» в Среднюю Азию. Как утверждает Т.С.Вызго, ведущий для Греции музыкальный инструмент – лира – совсем не отражен в памятниках среднеазиатской античности и что лирой здесь не пользовались¹. По вопросу о бытовании авлоса следует сказать, что этот инструмент вовсе не греческого, а переднеазиатского происхождения, ибо авлос только позже входит в систему греческого инструментария (Т.С.Вызго).

Самое древнее изображение пастуха с флейтой можно встретить еще в изображениях архаического периода истории шумеров. Известный исследователь музыкальных инструментов Востока Т.С.Вызго указывает на сохранившиеся надписей эпохи шумерийского царя Гудея (ок. 2400 лет до н.э.), в которой говорится о пастухе и его тростниковой флейте² (ил. № 1).

Немного позже продольная флейта получает популярность и в Согде, о чем свидетельствует найденная в раскопках Афрасияба фигурка флейтистки, играющей на продольной флейте (ил. № 2). Забегая вперед, непременно нужно вспомнить, что одна из самых популярных мелодий из монументального цикла шашмаком – свода таджикской классической музыки, так и называется «Найи чупони» (букв.: Пастушеская флейта).

Согласно легендам, Силен Марсий был прославлен игрой именно на флейте (авлосе). Здесь легенда рассказывает о своеобразном конфликте древней флейты с новым историческим инструментом кифары, на котором играли боги (в том числе и Апполон).

Следует согласиться с выводами И. Р. Пичикяна и Б. А. Литвинского о том, что культ воды, рек и связанных с ними божеств был широко распространен у иранцев, в том числе и у бактрийцев. Однотипные бактрийским верования и храмы, посвященные реке, существовали и у эллинов. Вполне вероятно, что в Бактрии происходила контаминация этих изоморфных верований.

Согласно мнению И. Р. Пичикяна и Б. А. Литвинского, мифологические образы, хорошо известные по хрестоматийным словарям и справочникам, тают в себе совершенно иную информацию, связанную с культом воды и водными источниками. Специальное обращение к античным авторам под этим специфическим углом зрения позволило И. Р. Пичикяну связать культы общеэллинических святынь Средиземноморья (точнее – Восточного Средиземноморья – родины колонистов) с культами Бактрии – второй родины колонистов

¹ Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., «Музыка». 1980г. С. 47.

² См. Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., «Музыка». 1980г. 191с.

и показать трансплантацию даже малоизвестных культов и связанных с ними изобразительных мотивов в эту культуру¹.

Как видно, в данном случае наши уважаемые корифеи археологической науки обращают внимание, прежде всего на культ воды и рек и связанных с ним божеств. Наверное, следует добавить сюда и культ флейты, тростника, который, как известно, растет исключительно на берегу водных бассейнов – озер и рек. Именно из этого доступного материала всегда изготавливали авлосы и другие подобные духовые инструменты. Интересно, что современный таджикский духовой музыкальный инструмент *дунай* (также, как и узбекский *кошнай*) состоит из двух связанных стволов тростника и звукоизвлечение производится посредством вырезанного на самом стволе язычка (ил. 3).

Например, источники рек Марсия и Меандра находились в озере над Келенами, где растет тростник, годный для флейт. Согласно фригийцам, кровь Марсия (после казни со стороны Аполлона) превратилась в реку, текущую через Келены, или по другому их варианту рекой стали слезы, пролитые нимфами и сатирами по случаю гибели Силена Марсий. И. Р. Пичикян отождествляет Окса с Силеном Марсием, приводя в доказательство семантику этого божества и его исконную связь с водной стихией.

Как известно в 2022 году известными исследователями из Отдела Евразии Германского археологического института (Л.Гунвор), а также Австрийской Академии наук (Х.Штефан, О.Сутковска) проводилось тщательное обследование найденных фрагментов музыкальных инструментов из храма Окса на Тахти-Сангине. Примечательно, что они пришли к следующему выводу: «Несмотря на то, что многие находки (учитывая авлосы – А.Н.) выполнены в греческом стиле, ни один из них нельзя идентифицировать как импорт из Средиземноморья. Исходя из этого, можно предположить, что большинство объектов было изготовлено по греческому образцу, но из местных материалов и мастерами из Бактрии»².

Вышеназванные исследователи обратили внимание и на такой, казалось бы, сугубо профессиональный фактор как наличие игральные отверстия в исследованных образцах авлосов и сделали вывод о том, что по ним можно представить характер той музыки, которую слушали в античной Бактрии³.

По этому же вопросу авторитетный исследователь античных музыкальных инструментов Т.С.Вызго отмечает следующее: «В памятниках среднеазиатской античности изображения авлоса единичны. Тем интересней терракотовая фигурка музыкантши из Южной Бактрии. Женщина играет на авлосе (ил. №4). Громадная разница между этой грубо выполненной фигуркой и

¹ См.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М., 2000. 503 с.

² Гунвор, Л. Греческие музыкальные инструменты (авлосы) из храма Окса на городище Тахти Сангин / Л. Гунвор, Х. Штефан, О. Сутковска // Историк. 2023. № 1(33). С. 142-151. (на русском языке).

³ Там же, с. 143.

изящным образом авлетистики с Айртамского фриза. Но инструмент в их руках один и тот же, что еще раз подчеркивает местную (бактрийскую) почвенность музыкального инструмента Айртама»¹.

Что касается музыкальных свойств греческих **силенов**, то **Марсий** на аттической сцене изображался как представитель устаревшей флейты, которая уступила представляемой Аполлоном кифаре. Толстогубые, уродливые с глазами навывкате Силены входили в свиту Диониса и отличались страстью к вину. Это общеизвестно, однако нас в данном случае особо интересует имеющиеся сведения о том, что в звуках флейты Силена Марсий присутствовали именно фригийские напевы.

Обратимся к такому очень интересному факту из сегодняшней жизни.

В современной музыке фригийский лад (один из известных греческих музыкальных ладов, с пониженной второй ступенью) отождествляется с музыкой грустного характера. Непременно в данном случае нужно вспомнить о ладовой характеристике таджикского макома «Сегох» (пятый маком из цикла Шашмаком), который точно совпадает с фригийским ладом (такая же характерная пониженная вторая ступень) и который в противовес другим макомам (например, «Бузрук» – сила, величие или «Рост» – прямой, праведный и т.д.). О подобных параллелях, наверное, будем говорить в другом случае, однако нужно отметить, что период формирования семантических свойств макомов берет начало из глубины веков².

Как видно, тростниковый Авлос сохранился в первоначальной форме вплоть до наших дней, причем именно та территории Мавераннахра (в Таджикистане и Узбекистане). Несколько видоизмененный, более реконструированный тип формировался и бытует в Иране, Азербайджане, Армении. Еще более усложненный вариант (связка из нескольких тростников разной высоты звучания) распространен ныне на Украине, Молдавии, Румынии. То есть можно с уверенностью сказать, что инструмент этот сохранился.

Точно также можно сказать, что сохранился и культ флейты, о чем свидетельствуют многочисленные рукописные источники, посвященные музыке. Например, еще в X в. известный энциклопедист Калободии Бухорои в трактате «Шархи таарруф» рассказывает о случае, когда «казий» (судья) в процессе слушания отказался принять свидетельства одного свидетеля, которому однажды абсолютно не понравилась звучание флейты³.

В «Шахнамэ» Абулкосима Фирдоуси флейта (часто просто най, ной, изготовленный из меди и бронзы=филизи)) получает совершенно иную характеристику и выступает как инструмент, возвещающий о начале боестолкновений с врагами.

¹ Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. М., 1980. С.43.

² Низамов А. История и теория Шашмакома. (на тадж. и англ. языках). Душанбе, 2005. 390 с.

³ Абу Иброхим Ал-Мустамалли Бухорои (X в.). Шархи таарруф. Лакхнау, 1328.

Чуть позже Джалолиддин Балхи первые строки знаменитой «Маснавии маънави» посвятил восхвалению мелодий в исполнении флейты:

«Бишнава аз най чун ҳикоят мекунад,
В-аз ҷудоиҳо шикоят мекунад.
К-аз найистон чун маро бибридаанд,
Аз нафирам марду зан нолидаанд...”

Вне всякого сомнения, Джалолиддин Балхи придает музыке в исполнении флейты сакральный смысл и аллегорически сравнивает судьбу вырезанного из целого ствола тростниковой флейты с судьбой человеческого рода, точнее перво-пророка Адама, который изначально был лишен своей перво-родины.

Конфликт Силен Марсия с Аполлоном – это образное столкновение древнейшего авлоса и более цивилизованной кифары или земного и небесного, простого пастуха и божественного властелина. На этом строится весь смысл легенды, по этой причине его образ становится вотивом в храме на берегу Окса. Из тех же тростников, вырастающие на берегу Амударьи в течение многих столетий по сей день вырезают флейты – дунай и кошнай, что говорит о продолжении традиции бактрийского авлоса, на котором возможно впервые так мастерски сыграл Силен Марсий, побеждая в соревнованиях богов.

Таким образом, открытия последних десятилетий, успешные работы наших и зарубежных археологов, пока еще не снимают с повестки дня всю палитру сложнейших проблем, возникающих при изучении культуры эллинистической Бактрии. Если, к примеру, греческое оружие, вместе с другими чисто греческими предметами, найденными в Средней Азии, рассказывают о значительности античных элементов в синтезе греко-бактрийского искусства, то авлос Силен Марсий, его мастерство игры и сакральный характер этого древнейшего музыкального инструмента, как бы всецело вошли в сокровищницу нашей музыкальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вызго Т.С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. – М., «Музыка». – 1980. 191с.
2. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. – М., 2000. – 503 с.
3. Гунвор, Л. Греческие музыкальные инструменты (авлосы) из храма Окса на городище Тахти Сангин / Л. Гунвор, Х. Штефан, О. Сутковска // Историк. – 2023. – № 1(33). – С. 142-151.
4. Низамов А. История и теория Шашмакома (на тадж. и англ. языках). – Душанбе, 2005. – 390 с.
5. Низамов А. История таджикской музыки. – Душанбе, 2018.
6. Абу Иброхим Ал-Мустамалли Бухорои (X в.). Шархи таарруф. – Лакхнау, 1328.

СИЛЕН МАРСИЙ - ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КУЛЬТА ФЛЕЙТЫ (НАЙ, ДУНАЙ) В ТАДЖИКСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Автор статьи обращает внимание на флейты Силена Марсия, стоящего на постаменте с посвятителной надписью. В статье проводится сравнительный анализ флейт Силена Марсия и фрагментов флейт, обнаруженных на Тахти-Сангине, с подобными музыкальными инструментами из греческого мира. Автор приходит к заключению, что флейты Силена Марсия – это авлос, древнейший музыкальный инструмент таджиков.

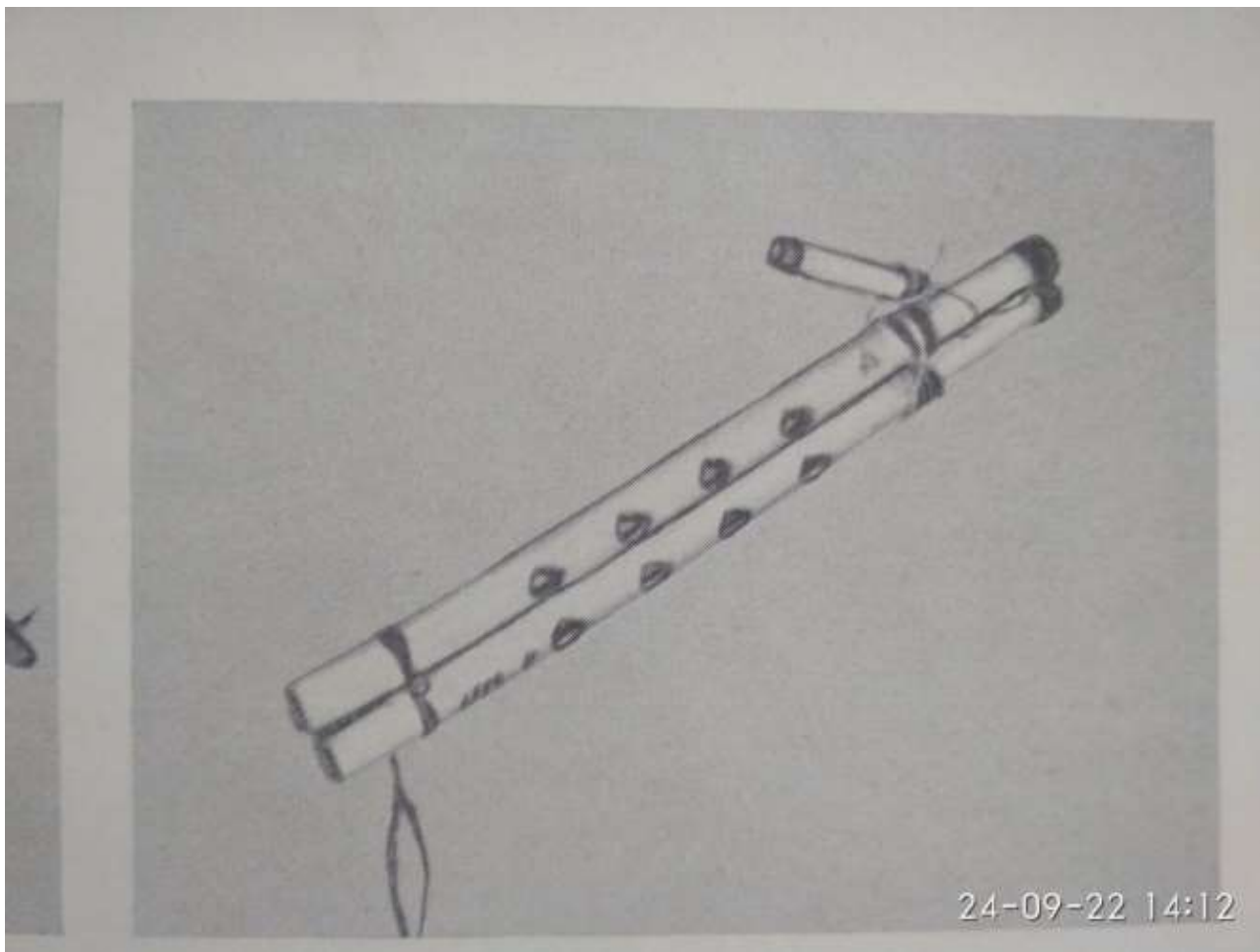
Ключевые слова: Тахти-Сангин, Силен Марсий, музыкальный инструмент, флейты, Авлос, Греко-Бактрия, музыкальная культура, Бактрия.

SILENUS MARSYAS, THE PERSONIFICATION OF THE CULT OF THE FLUTE (NAI, DANUBE) IN TAJIK MUSICAL CULTURE

The author of the article draws attention to the flutes of Silenus Marcius, standing on a pedestal with a dedicatory inscription. The article presents a comparative analysis of the flute of Silenus Marsyas and fragments of flutes found at Takht-i Sangin with similar musical instruments from the Greek world. The author comes to the conclusion that the flutes of Silenus Marsyas are the avlos, the oldest musical instrument of the Tajiks.

Keywords: Takht-i Sangin, Silenus Marsyas, musical instrument, flute, Avlos, Greco-Bactria, musical culture, Bactria.

ИЛЛЮСТРАЦИИ





23. Музыкантша с дунаем. Терракота.
Верхняя Сирія. II в. до н. э.

24-09-22 14:08



22. Музыкант с дунаем. Терракоп 24-09-22 14:08
II тыс. до н. э. Шумер

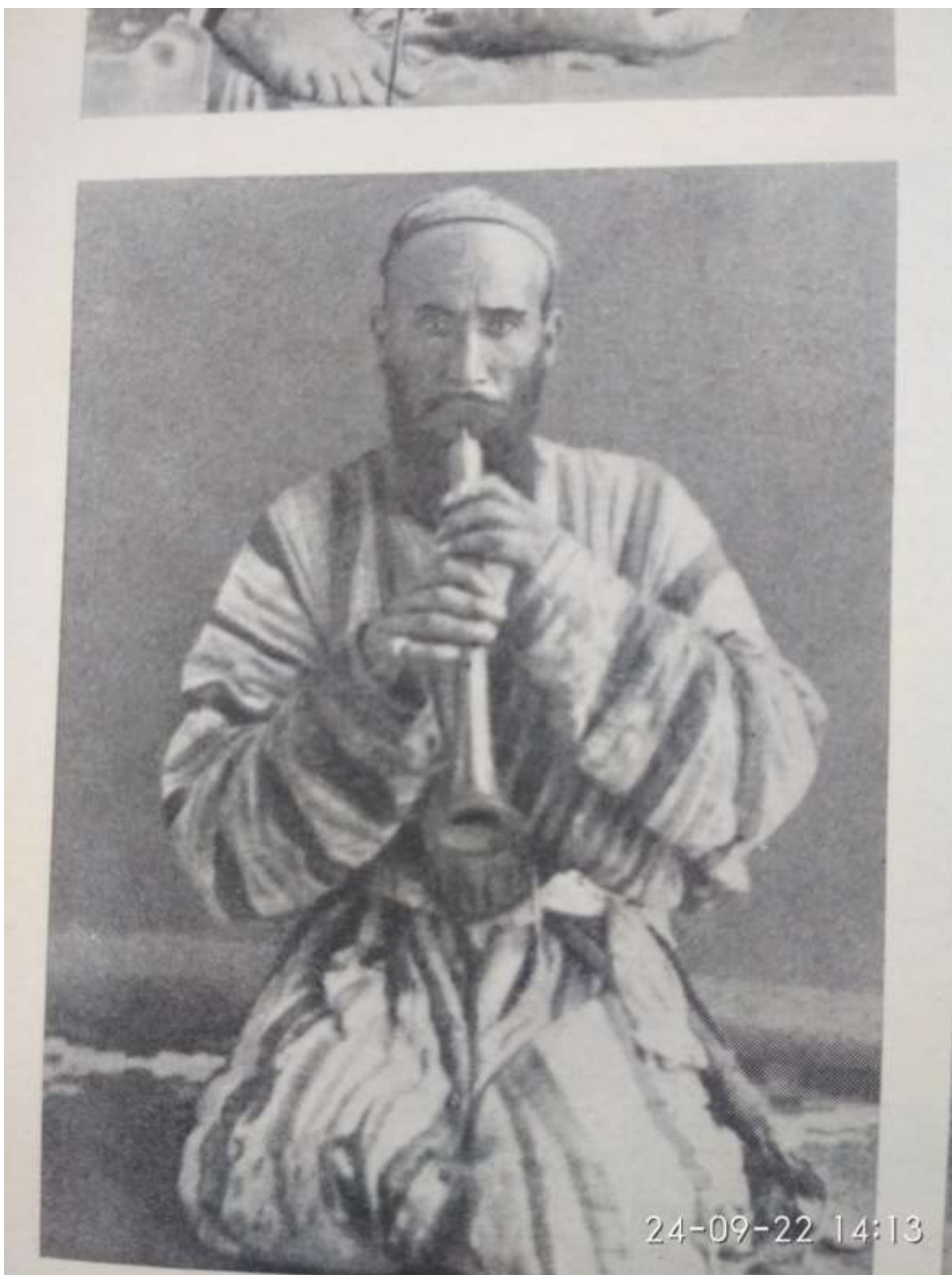


24-09-22 14:09

ютня с корпусом
нтой головкой.
ских серебряных

41. Лютнистка. Сирийские фрески. VIII в.

42. Сурнаист. Сирийские фрески. VIII в.



Сведения об авторе: Аслиддин Низамов – доктор искусствоведения, заведующий отделом искусствознания Национальной Академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 93 403 19 50; E-mail:asnizomov@yandex.ru

Information about the author: Asliddin Nizamov, Doctor of Art History, Head of the Art History Department of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel: (+992) 93 403 19 50; E-mail:asnizomov@yandex.ru

ХРАМ В ПАЙКЕНДЕ (ЗАПАДНЫЙ СОГД) И ХРАМ ОКСА (СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

Андрей Омельченко

(Санкт-Петербург, Россия)

Пайкенд (Пайканд) – древний город на юго-западной границе Бухарского оазиса в Узбекистане, в историко-археологической литературе, относимой к Западной Согдиане. Городище расположено в нижнем течении реки Зеравшан, на расстоянии двух караванных переходов от столицы Бухары и еще двух – от Амуля – древней переправы на Амударье. Это был один из узловых пунктов на Евразийских трассах, где сходились торговые пути, ведущие из Китая через Восточный Туркестан и Трансоксиану на Ближний Восток и из Великой степи через Хорезм и Тохаристан – в Индию.

Средневековые авторы писали, что Пайкенд был старше Бухары и хорошо укреплен, за что и получил название «Медный город» (*shārestān-e rūīn*) или (и) «Медный замок» (*rūīn-dezh* или *dez-e rūīn*). Согласно «Шахнаме», Феридун – легендарный иранский царь, правитель Ирана и Турана, – построил в Пайкенде (Кундузе) один из древнейших храмов огня¹. Видимо, это свидетельство древних контактов оазисов низовьев Зеравшана (Западного Согда) с Ираном (Восточным Хорасаном) и о значении Пайкенда в распространении зороастризма в регионе.

Первые археологические исследования на городище были проведены секретарем Туркестанского кружка любителей археологии Л.А. Зиминим в 1913-1914 гг. В 1939-1940 гг. раскопки проводила Зеравшанская экспедиция, организованная Государственным Эрмитажем и Институтом истории материальной культуры (Ленинград) при участии УзКомСтариса. С 1981 г. на городище ведутся раскопки Бухарской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Института археологии. За 40 сезонов исследовано 11 % от

¹ Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары. Пер., ком. и прим. Ш.С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е.Г. Некрасовой. Ташкент, 2011. С. 31, 212-213; Фирдоуси. Шахнаме. Т.4. От царствования Лохраспа до царствования Искандера / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути, ком. В.Г. Луконина. М., 1969. С. 153, 58, 160–161, 182–184; Фирдоуси. Шахнаме. Т. 3. От сказания о битве Ростема с хаканом Чина до царствования Лохраспа / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути, ком. А. Азера, Ц.Б. Бану-Лахути. М., 1965. С. 358–359.

общей площади городища, составляющей 20 га в пределах стен, а также рабады. Результаты этой работы опубликованы в ряде монографий, многочисленных статьях, а с 1999 г. издаются в виде отчетов экспедиции (17 выпусков).

Раскопки храма в Пайкенде.

Одним из самых значительных открытий в Пайкенде в 90-е гг. прошлого века стали святилища на северо-западе цитадели. Г.Л. Семенов выделил сначала четыре основных строительных периода, затем увеличил их до шести на основе стратиграфических раскопок в святилищах и в т.н. внутреннем и внешнем дворах, где были обнаружены кладки ранних платформ, датированных рубежом н.э.¹. Отмечая своеобразие культовой практики, в частности большое количество костей животных, Г.Л. Семенов осторожно относил Пайкендские святилища к храму огня. Однако такая идентификация вызвала критику со стороны Б.И. Маршака, указавшего, прежде всего, на необычное для согдийских зороастрийских храмов одновременное функционирование двух главных помещений с алтарями, связанных коридорами. В свою очередь, Г.Л. Семенов привел ряд аналогий этому типу постройки за пределами Согда: храм Окса, Сурх-Котал, Дильберджин, храмы в Сузах и Кух-и Хвадже². Последующие исследования экспедиции, продолжающиеся и сейчас, на наш взгляд, подтверждают его правоту. Они расширили представления о размерах, планировке и датировке храма огня Пайкенда, который функционировал, судя по находкам, тысячу лет, вплоть до времени подчинения Согда арабами³.

Период I. Раскопки вовнежном дворе к югу, а также в стрелковом коридоре к северу от святилищ, где они были доведены до материкового основания, удревнили время возведения храма до начала III в. до н.э. Святилище(а) первых двух периодов не открыто, т.к. замуровано в платформу III–IV периодов храма, но, очевидно, было меньшим по площади. На севере была обнаружена защищавшая

¹ Раскопки в Пайкенде в 2004 г. МБАЭ. VI. 2005. С. 3-7.

² Семенов Г.Л. Святилище в Пайкенде // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 1986–1994 гг. СПб., 1995. С. 172-74.

³ Отчет о раскопках в Пайкенде в 2006 г. МБАЭ. Вып. VIII. 2007. С. 7-11; Отчет о раскопках в Пайкенде в 2013-14 гг. МБАЭ. Вып. XIII. 2016. С. 12-17; Отчет о раскопках в Пайкенде в 2015-16 гг. МБАЭ. Вып. XIV. 2018. С. 19-21.

храм крепостная стена с башенным выступом из крупного квадратного сырца 45×45×10 см, но, возведенная на платформе из прямоугольных плоско-выпуклых кирпичей 45-50×24-26×8-9, 53-54×25-26×8-9 см¹. Вокруг ядра храма отмечены значительные зольно-пепельные отложения, очевидно, из алтарей, причем, к югу от уже храмовой платформы они периодически перекрывались глиняными прослойками (обряд «захоронения священной золы»). Керамика с этого нижнего (I) горизонта характерного облика: тарные баночные формы сохраняли детали предшествующего (ахеменидского) периода (подкос в нижней части и манжет у венчиков), а столовые – несли новые черты эллинистической посуды (в. т.ч. плотный красно-коричневый ангоб и лощение)². Находки указывают на постоянное функционирование храма на протяжении III – начала II вв. до н.э. О мощности отложений этого времени свидетельствуют выносы из храма, обнаруженные складированными у южного края цитадели.³

Какие-то значительные перестройки планировки в храме Пайкенда, видимо, имели место на рубеже II–I вв. до н.э. (период II или I по Г.Л. Семенову), от которого сохранились стены и платформа, периодически расширяющаяся, которые были выявлены во «внешнем» дворе. О длительном функционировании постройки в первых вв. до – первых вв. н.э. свидетельствуют зольно-пепельные отложения в западной части «внешнего» двора, в которых было значительное количество фрагментов бокалов – характерной для этого периода формы.⁴ В восточной части двора была найдена серебряная скифатная монета – подражание драхам Антиоха с протомой коня на реверсе, относящиеся к третьему периоду эмиссии, т.е., ок. рубежа н.э.⁵ К этому же времени относятся многочисленные приношения храму, прежде всего оружие и предметы амуниции, найденные спрятанными как между глиняными промазками в святилищах и прилегающих дворах, так и в специальных ямах на периферии (см. ниже).

¹ Отчет о раскопках в Пайкенде в 2011-12 гг. МБАЭ. Вып. XII. 2013. С. 13-17, рис. 29-38.

² Omel'chenko A.V. New Excavations in the Paikend city-site: The Sogdian pottery assemblage of the Hellenistic period // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries, ed. Ch. Baumer and M. Novák, Wiesbaden, 2019, pp. 203-225.

³ МБАЭ, XIV. С. 7, рис. 17-18.

⁴ Раскопки в Пайкенде в 2003 г. МБАЭ. V. 2004. С. 8-11, рис. 7-10, 18-21, 99.

⁵ МБАЭ, VI. С. 3-7; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 85, табл. 9, 060-074).

В III периоде храм пережил кардинальную перестройку. Старые сооружения превращаются в монументальную платформу ок. 33×33 м, на северной части которой (30(В-3)×24 м) были воздвигнуты два святилища в обводных коридорах (этот план сохранился до конца жизни храма), а в южной, отгороженной от них стеной, – т.н. внутренний двор, на котором с IV периода или ранее был айван. Святилища, восточное – 7×5,3 и западное – 6,9×5,5 м, имели каждая по три выхода в обводные коридоры. В центре каждой комнаты находились подиумы (3,5×4 и 4,3×4 м соответственно), обложенные обожженным кирпичами. На них, предположительно, располагались переносные алтари огня. Уровни полов в коридорах лежали ниже на 0,7 м, почему для подъема в святилища были устроены лестницы из обожженного кирпича. Такая плинфа прямоугольной и трапециевидной формы применялась также в кладках несущих стен (возведенных в основном из квадратного сырца) и скамьях-суфах, что необычно для согдийской архитектуры. Нехарактерным являлось и широкое применение алебаstra (ганча), толстыми слоями которого (до 10 см) были покрыты полы и суфы сооружения, напоминая лепнину.

Разница уровней полов в святилищах и внешнем дворе составляла около двух метров. Далее к югу лежал «внешний двор» шириной около 3,5 м, уровень которого лежал уже на 4 м ниже верха платформы (его стены частично сохранились с предшествующего, II периода). Такое террасное расположение функциональных частей Пайкендского храма, очевидно, восходит к культовой архитектуре предшествующего, ахеменидского периода и в целом – к традиции помещать святилища на значительной высоте. Такое членение сохранялось до последнего этапа жизни храма в Пайкенде: при каждом следующем ремонте (подъеме) одной из частей соответственно наращивались и другие. Уровни соединялись лестницами: одной – главной, и второй – вспомогательной, боковой. Для периодов III–IV основной марш, ведущий на верхнюю площадку святилищ, находился с западной стороны «внутреннего» двора. С него крутой ступенчатый спуск вел во «внешний» двор, деля его на две примерно равные половины. Этот участок затем использовался для складирования продуктов функционирования храма. Чистые зольно-пепельные прослойки между глиняными промазками, куски алебастровой штукатурки и фрагменты суф из ганча, куски сырцовых

кирпичей, фрагменты, очевидно, храмовой посуды (кубки, чаши, кувшины, лепные котлы, жаровни и курильницы на высокой цилиндрической ножке), кости животных достаточно быстро заполнили объемы. Основаниями для датировки нижних горизонтов (после перестройки) были кушано-сасанидские монеты, которые сейчас уверенно относят к III–IV вв. н.э. Важными находками стали железная жаровня с невысоким бортиком, отверстиями в дне и следами от крепления ручки и бронзовые колокольчики, которые Г.Л. Семенов относил к частям известного по настенной живописи переносного зороастрийского алтаря огня. На завершающем, раннесредневековом, этапе во «внутреннем» дворе был устроен четырехколонный айван, а монументальная лестница вела в восточную часть площадки святилищ (т.е. функции комнат изменились).¹

Новые раскопки проводятся не только на ранее исследованных участках центрального ядра храма, но и на обширном пространстве к югу, в частности, в площади т.н. дворца (Г.Л. Семенов также осторожно предполагал его связь с раннесредневековыми святилищами). Здесь, к юго-востоку от «внешнего» двора, сейчас исследуется «большой» двор 13,7 (С-Ю)×11,5 м. По III периоду храма «Большой» двор был оконтурен с востока и юга айваном: в стенах зафиксированы отверстия от горизонтальных балок перекрытий сечением 25-30 см. Под перекрытиями находились необычно высокие суфы (0,6-0,8 м) при ширине 1,6 и 1 м. В северной части располагался подиум, к которому вела четырехступенчатая лестница шириной 3,4 м. В следующем, IV периоде, айвана уже не было. Он датируется 2 пол. V в. на основе находки монеты бухарского царя Мавака на поверхности отремонтированной суфы.

Большой двор продолжается, видимо, далее к западу. Здесь на участке, также к югу от стены «внешнего» двора, примерно в створе святилищ, по периодам раннего средневековья (V–VII) открыта площадка с колодцем и расположенной рядом ямой-цистерной, внутри которой найдены остатки бронзолитейного производства.

Большой двор с айваном определенно существовал до коренной перестройки святилищ в III–IV вв. н.э., во II периоде. Тогда проходом на юг (впоследствии заложенном) он соединялся с большим помещением №1 (6,95-7,8×7(В-З) м), исследованном до платформы-

¹ Semenov G.L. Studien zur sogdischen kultur an Seidnstraße, Studies in Oriental Religions, Vol. 36, Wiesbaden, 1996. S. 37-44; Раскопки в Пайкенде в 1999 г. МБАЭ. Вып. I. 2000. Рис. 3.

основания. В юго-западном углу комнаты находилась высокая суфа $2,5 \times 0,9 \times 0,9$ м, к восточному торцу которой был пристроен сырцовый ящик $2,1(B-3) \times 1,3 \times 0,45$ м. Судя по высотным отметкам и размерам сырца, помещение синхронно расположенному через перегородку южному «обводному» коридору цитадели Пайкенда. В обоих сооружениях были найдены предметы вооружения и амуниции первых вв. до – первых вв. н.э.

Длительное обживание цитадели Пайкенда не позволило пока исследовать значительными площадями античные горизонты местного храма огня. В основном он открыт пока по периоду V–VIII вв. н.э. Однако, на наш взгляд, даже по этим периодам он находит аналогии с более древними культовыми постройками Средней Азии, что, очевидно, связан с консервативностью зороастрийской культовой архитектуры и обрядности в целом.

Архитектурные аналогии.

С Тахти-Сангином пайкендский храм сближают: целла с тремя выходами в обвод коридоров и в предваряющий портик, наличие большого двора-теменоса. По одной из недавних реконструкций храма Окса вдоль длинных его стен, как и в Пайкенде, располагались айваны. Во дворе даже примерно совпадает места расположения колодцев и наличие остатков бронзолитейного производства неподалеку. Храмовые постройки были обведены дополнительными защитными стенами, в результате чего вокруг храмовых комплексов образовались обводные коридоры. Центральный зал святилища Тахти-Сангина был покрыт известковой штукатуркой, как и алтари в святилищах Пайкенда

Главными отличиями являются ориентация и четкость плана: храм Окса развернут на восток, в сторону солнца и Амударьи. Пайкендская же постройка «смотрит» на юг, также в сторону протекающей в 60 км великой реки, хотя вход в дворик с айванами перед святилищами был от солнца, с востока. Нечеткость планировки Пайкендского храма может объясняться спецификой местной естественной возвышенности, на котором построили храм.

Есть и другие достаточно близкие аналогии в культовой сфере, которые фиксируются археологически. Уже отмечалось, что в южном обводном коридоре пайкендской крепости было найдено скоп-

ление оружия. Как и в коридорах Тахти-Сангина, оно было помещено в специальные ямы-ботросы, перекрытые затем обмазками полов. В Пайкенде они располагались по три – вдоль северной стены коридора и у южной – вдоль пристроенной к ней суфы, одна – в середине прохода. Из-за рыхлости заполнения скрывавшая их обмазка пола просела, в результате чего проявились контуры углублений. Ямы достигали 70 см в диаметре у устья, до 145 см у дна и 90 см в глубину.

Многие из предметов перед помещением в ботросы были уже в плохом состоянии, т.е., до этого уже где-то хранились (в храмовой сокровищнице?). Функцию такого предварительного места сбора в обоих храмах выполняли в том числе специальные ящики (лари, фависсы). В Тахти-Сангине в коридорах 1 и 3, расположенных с севера и юга от целлы, они были сделаны из глины и обмазаны внутри алебастром. Один, 3,7×1 м и высотой 1 м, был еще покрыт по обмазке золотой фольгой и имел крышку. По стратиграфическим наблюдениям и характеру вотивов внутри, эти конструкции были сооружены после реконструкции храма в период после сако-юэчжийского нашествия середины II в. до н.э.¹ В Пайкенде сырцовый ящик – фависса находился в вышеописанном помещении № 1, которое по своему расположению и пропорциям по отношению ко двору, соответствует башням тахти-сангинского теменоса. На дне ящика были фрагменты изделий таких же, как в ботросах; несколько из них, видимо, утерянных в ходе перемещения, лежали на полу рядом с фависсой. Не исключено, что и сама суфа являлась местом складирования подношений, как это отмечалось, например, в хранилище Нисы или Беграма.

Находки из храмов Пайкенда и Тахти-Сангина

Все пайкендские ботросы были заполнены в основном железными оружием и амуницией, а также из бронзы, драгоценных металлов, камня и кости. Отмечены чешуйки лаковой посуды, волокна ткани и дерева, иногда со следами красной краски, фрагменты стек-

¹ Lindström G. Votivdeponierungen im Oxos-Tempel (Baktrien) – Tradierung griechischer Kultpraxis? // Rituelle Deponierungen in Heiligtümern der hellenistisch-römischen Welt / A. Schäfer, M. Witteyer (Hrsg.). Mainzer Archäologische Schriften 10. Mainz, 2013a. S. 114.

лянных сосудов. В настоящее время определено ок. 400 предметов узнаваемых форм¹ (в храме Окса – их более 8000).

Главным отличием наборов вотивов из памятников является большое количество объектов с выраженными эллинистическими чертами в бактрийском памятнике. Это можно объяснить не только разницей в уровнях эллинизации Бактрии и Согдианы, но и слабой изученностью нижних слоев цитадели Пайкенда. О том, что некоторое число вещей греко-восточного искусства в местной храмовой сокровищнице присутствовало, говорят два предмета, найденные переотложенными в верхних слоях площадки пайкендского храма. Первый – это часть высокой ножки мебели (без верха и низа) с деревянным сердечником, обжатым медью; обнаружена возле входа во внутренний двор святилищ. Она представляет собой сложнопрофилированную стойку, расширяющуюся снизу-вверх с двумя дисковидными выступами (торами) в средней части и по одному – по краям. Эта форма характерна для выделяемой исследователями группы I ножек лож и стульев (тронов), найденных на памятниках эллинизированного Востока. Наиболее похоже изделие из Пайкенда по форме на ножки слоновой кости из сокровищницы парфянской Нисы и храма в греко-бактрийском Ай-Хануме. Это же касается предмета первых вв. до н.э. из гробницы в Фрехат Эн-Нуфегги (близ месопотамского Урука-Варки), которое к тому же изготовлено аналогичной технике: деревянная основа выточена на токарном станке и оббита листом из металла (в данном случае – серебра)². Ножки с деревянным сердечником и медной (бронзовой) обкладкой из храма Окса и из Таксилы (Сиркапа) первых вв. до н.э. имели более сложную профилировку³. В большинстве данных случаев эти изделия

¹ Omel'chenko A. V. *Nomadic Influence in Sogdian Domains. New Discoveries of Ancient Weapons in the Bukhara Oasis (Uzbekistan)* // *Cultures in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission* / ed. Ch. Baumer, M. Novák and S. Ruttishauser. Wiesbaden, 2022.

² Bernard P. *Sièges et lits en ivoire d'époque hellénistique en Asie Centrale* // *Syria* 47. 1970. PP. 332-336, figs. 1, 2, 7, 8; Manassero N. *The Ivory Thrones from Parthian Nisa: Furniture Design between Philhellenism and Iranian Revival* // Naeh and D. Brostowsky Gilboa (eds.). *The Ancient Throne: The Mediterranean, Near East, and Beyond, from the 3rd Millennium BCE to the 14th Century CE. International Series OREA, 14.* Vienna 2020. PP. 157-161, fig. 10.

³ Литвинский Б.А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 3. Искусство художественное ремесло музыкальные инструменты.* Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. С. 382-384, рис. 71; Marshall J. *Taxila. An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934. Vol. III.* Cambridge, 1951. Pls. 20, 210h.

приурочены к культовым объектам¹. Ножка из слоновой кости из хорезмской Акчахан-калы использовалась в обрядах, связанных с культом огня, проводимых в центральном здании церемониального комплекса². Предмет нес следы воздействия пламени: точно также обожжен был широкий край ножки из Пайкенда, а внутри находились угольки. Заманчиво предположить, что такие изделия, хранящиеся в храмовых сокровищницах, могли использоваться в дальнейшем как подставки-основания для известных по изображениям зороастрийских алтарей огня³ или как факелы, известные по согдийскому искусству.

Второй находкой является частью серебряного полого предмета длиной 17,5 см в виде изогнутого хобота с характерными складками. Он был обнаружен в соседнем с обводным коридором с ботросами «помещении с росписью» вместе с древним оружием, которое, однако, было спрятано в начале VIII в. Авторы раскопок считали его носиком художественного сосуда, однако, не исключено, что он мог являться частью скульптуры: в частности, в шлеме в виде головы слона с хоботом изображался на монетах греко-бактрийский царь Деметрий (первая четверть II в. до н.э.), который таким образом подчеркивал установление своей власти над частью Индии.

В сырцовом ящике» в «башне» во дворе Пайкенда и в храме Окса⁴ были найдены фрагменты медных полых полусферических предметов с отогнутым краем и тонкими стенками, украшенными в технике басмы (выколотки) рельефным орнаментом из листьев аканта. Рельеф высокий, что сближает их с их с выделяемыми в древней торевтике бактрийскими чашами эллинистического периода.⁵ У изделия из Пайкенда по отогнутому бортику располагались отверстия, которые могли быть и у предмета из храма Окса, почему край его обломался. Таким образом, это могли быть фалары которые встречаются, в частности, в памятниках кочевников II–I вв. до н. э.⁶

¹ Manassero, 2020. PP. 166-167.

² Betts A., Dodson J., Garbe U., Bertuchb F., Thorogood G. A carved ivory cylinder from Akchakhan-kala, Uzbekistan: Problems of dating and provenance // *Journal of Archaeological Science: Reports* 5. 2016. PP. 190–196.

³ Шкода В.Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V–VIII веков // *Художественные памятники и проблемы культуры Востока*. Л.: «Искусство». 1985. С. 82-89. Рис. 1.

⁴ Литвинский 2010: рис. 74: 8.

⁵ Carter M.L. *Arts of the Hellenized East: Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era*. London, 2015. PP. 106–109, cat. 17, 49.

⁶ Засецкая И.П. Стилистические особенности декора на фаларах из Яшкуля // *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Материалы конференции, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева*. Ростов-на-Дону, 2016. С. 94-97. Рис. 2 е-и.

Еще одним предметом из Пайкенда, связанным с эллинистическим миром, является бронзовая полая бляшка, представляющая собой объемное изображение головы Силена, спутника Диониса, выполнявшая, видимо, функцию апотропея. Наибольшее сходство пайкендский предмет имеет с бляшкой из богатого сарматского погребения I в. н.э. у с. Косика в Нижнем Поволжье, исследователи которого отмечали восточные элементы, связанные с кочевым импульсом из Средней Азии¹. Прототипом таких бляшек (или, собственно, самими ими) были атташи – декоративные рельефные украшения-накладки в виде небольших масок на металлических сосудах, шкатулках, предметах мебели греческого и римского производства.

В этой вязи показательно значительное сходство номенклатуры и типов вотивов из храма Окса и Пайкендского храма, относящихся к периодам после падения эллинистических государств в Средней Азии (со второй половины II в. до н.э.) в результате нашествия nomadов. Среди вещей юэчжийского и кушанского (или кангюйского) времени преобладает оружие; но, если в бактрийском памятнике оно размещалось по типам², то в Пайкенде все вещи в ботросах лежали вперемешку. В то же время, отмечается, что в Тахти-Сангине вотивы более поздних этапов укладывались на одном или близко-расположенном участке с более древними. То есть храмовые служащие помнили и сохраняли преемственность традиции, несмотря на бурные политические изменения и перестройки храмового комплекса³. То же самое мы видим в Пайкенде: последнее захоронение вотивных и вообще важных вещей (включавших, судя по буллам, и какие-то документы) состоялось в начале VIII в. в соседней с южным обводным коридором комнате (видимо, тоже коридоре) с живописью⁴.

Многочисленными находками из ботросов Тахти-Сангина и Пайкенда представлены черешковые трехлопастные наконечники

¹ Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 175-177, рис. 20:10.

² Lindström G. Baktrien – Votive und Votivpraxis in den hellenistischen und kuschzeitlichen Heiligtümern (3. Jh. v. Chr.–3. Jh. n. Chr.) // Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund / I. Gerlach, D. Raue (Hrsg.). Rahden, 2013b. S. 305.

³ Lindström, 2013a. P. 112.

⁴ Семенов Г.Л., Адылов Ш.Т. Арсенал на цитадели Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Материалы конференции по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований в археологии и востоковедении. Самарканд-Рим, 2006. С. 39-40.

стрел, среди которых преобладают варианты треугольных очертаний с опущенными жальцами, в основном средних размеров (хотя есть и очень крупные – до 12 см)¹. Наконечники стрел с прямым и тупым основаниями датируются позже – с I в. н.э.² В стрелковых наборах обоих памятников присутствуют бронебойные наконечники стрел с узкими треугольными или ромбическими головками. Также в обоих случаях присутствуют костяные накладки на лук «гуннского» типа двух вариантов – с подпрямоугольными и округлыми концами; последние обычно более широкие. В Пайкенде есть и центральные накладки. Также в его ботросах были узкие, изогнутые под 90 градусов костяные пластины с резным круговым орнаментом и медными гвоздиками для крепления к несохранившейся основе. На наш взгляд, они скрепляли и украшали специфические цилиндрические футляры луков, которые были распространены у кочевников рубежа – начала н.э., судя по изображениям на среднеазиатских поясных пластинах (в т.ч. из храма Окса)³, а также стелах из Боспора⁴. Целый футляр был найден в могильнике Ния (Восточный Туркестан).

Среди пайкендских находок, в отличие от тахти-сангинских, не представлены крупные наконечники копий и втоки; только одно изделие было, видимо, дротиком, а маленький костяной вток обнаружен переотложенным в поздних слоях.

В храмах Окса и Пайкенда найдено достаточно много железных кинжалов-акинаков (или коротких мечей), причем совпадают у них варианты наверший – рожковидные, сердцевидные, волютообразные, и перекрестий – прямые (брусковидные) и «сломанные» вперед (выгнутые вниз). Специфичны в пайкендского комплексе бронзовые перекрестия и воронковидные навершия, которые характерны для китайского оружия (ранее они встречались в курганах на периферии Бухарского оазиса). И в Пайкенде, и в Тахти-Сангине есть экзем-

¹ Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. Табл. 22-25, 32.

² Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н. э. – V в. н.э.) // РА. 2000. № 2. С. 47.

³ Ильясов Дж.Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // РА. 2013. № 2. Рис. 2.

⁴ Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н.э. // Древности Боспора. Международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. Вып. 14. 2010. Рис. 4.

пляры акинаков без наверший и перекрестий. На обоих памятниках отсутствуют мечи: видимо, подобный вид оружия в дар храмам не приносился.

В Тахти-Сангине представлена богатая коллекция костяных рукоятей, перекрестий, частей ножен, футляров для них, которые относятся к эллинистическому периоду храма. Такие вещи в Пайкенде пока не обнаружены. Но на обоих памятниках найдены золотые накладки (бляшки) на ножны редкого типа с парными выступами-лопастями. Эти полусферические полые колпачки имели характерный поперечный штырек внутри. Через него пропускаясь ремешок, который затем продевали через отверстия в лопастях и далее вокруг бедра воина. Колпачки-бляшки позволяли быстро стянуть ремни и дополнительно служили украшениями ножен. Такое жесткое крепление ножен акинака к ноге было изобретено саками – носителями пазырыкской культуры Алтая и было удобно при скачке на коне. Со второй половине II в. до н.э. подобные ножны, быстро распространяются у всадников Востока – от Монголии и Северного Китая до Боспора и Пальмиры¹ и были признаком престижа.

В Средней Азии полным набором представлены ножны с тремя накладками из княжеского захоронения Тилля-тепе в Южной Бактрии². Так же, как в Пайкенде, они были литые и с изображением выполненного в высоком рельефе свернувшегося грифона. Колпачок из храма Окса имел покрытую золотом железную основу и нес сцену шествующих пантер. На их фигурах располагались гнезда для размещения драгоценных камней или имитирующего их стеклянных вставок. То есть, это изделие относилось к полихромному (золото-бирюзовому) стилю, в котором украшены многие предметы из Тилля-тепе. Видимо, вещи, выполненные в такой же манере, подносились и в Пайкендский храм, о чем свидетельствуют находки мелких отдельных вставок из бирюзы.

В ботросах храмов Тахти-Сангина и Пайкенда было много перстней, причем, если в бактрийском памятнике они выполнены из

¹ Olbrycht M.J. *Arsacid Iran and the nomads of Central Asia – ways of cultural transfer* // *Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7: Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* / ed. J. Bemann, M. Schmauder. Bonn, 2015. P. 366–369. Fig. 19, 20, 22, 24.

² Сариганиди В.И. *Храм и некрополь Тилля-Тепе*. М., 1989. С. 101. Рис. 35.

золота, серебра, бронзы или железа¹, то в согдийском – они только из черного металла. Достаточно большие их внутренние диаметры, как и контекст находок (вместе с оружием), позволяют предположить, что они принадлежали мужчинам-воинам.

Многочисленны находки в храмах Пайкенда и Тахти-Сангина железных панцирных пластин, причем их количество многократно превышает находки на других памятниках – поселениях или погребениях других мест Согда или Бактрии соответственно. Формы пластин также совпадают: подквадратные и прямоугольные; вытянуто-прямоугольные, в т.ч. с одним заovalенным краем, овальные, небольшие с круглой выпуклостью, а также изогнутые – для рукавов и оплечий². Наиболее близкой аналогией являются пластины комбинированного доспеха из курганов в Акчи-Карасу на западе Тянь-Шаня, относящиеся к кенкольской культуре (усуням?) I в. н.э.³ Некоторые пайкендские пластины были плакированы золотой фольгой. Также были украшены панцири знатных сарматов⁴ и китайских всадников Западной Хань⁵. Можно предположить, что для стяжки пайкендского доспеха использовались небольшие предметы с отверстием – «ворворки»; могли ли применяться для этого костяные пуговицы, обнаруженные в храме Окса⁶ – вопрос открытый. Нельзя исключить также, что доспехи из Пайкенда имели парфянское происхождение.

Скорее всего, к воинской поясу имели отношение две пластины-пряжки из кости с гравированной сценой, изображающей бактрийцев-всадников⁷. В похожем стиле были выполнены знаменитые бляхи из могильника Орлат в Самаркандском Согде, на которых были помещены сцены охоты и сражения⁸, видимо, отражение сюжета из эпоса. В Пайкенде также были найдены поясные пластины,

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 274-276, 392-398? рис. 76.

² Литвинский, 2001. С. 296-306, таб. 84-89.

³ Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 92-97.

⁴ Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е. Киев, 2015. С. 113-126.

⁵ Dien A.E. A Study of Early Chinese Armor // *Artibus Asiae*, 43. 1981. Fig. 15.

⁶ Литвинский, 2010. С. 375-376.

⁷ Там же. С. 335-340, рис. 61-64.

⁸ Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989. С. 148-151.

но другого типа, характерного для восточных районов степи (особенно для хунну) – из гагата (богхеда), украшенные по периметру цепочкой их золотых гвоздиков. В Пайкенде гравированный рисунок отмечен на навершии кинжала китайского типа; он передает бюст мужчины, похожего на изображение царя Гиркода, правившего в Западной Согдиане, вероятно, в I в. до н.э.

Наборы вооружения из храмов Тахти-Сангина и Пайкенда достаточно похожи, хотя, очевидно, перечисленным выше список не ограничивается, учитывая, что находки из первого полностью не опубликованы, а второй – не докопан по древним периодам.

Выводы

1. Открытый на большой площади храм в Пайкенде, относящийся к III–IV периодам, был построен на месте предшествующего, на наш взгляд, в III–IV вв. н.э., в период временного подчинения Бухарского оазиса Сасанидскими царями. В этот период имела место перестройка всей цитадели и значительное изменение материальной культуры.¹ Большое храмовое строительство велось по всей территории империи, как, например, в Кух-и Хваджа, где ранние сооружения были включены в раннесасанидский комплекс. По планировке святилищ (коридоры с трех сторон со входами в целлу) храм Пайкенда относится к типу, получившему широкое распространение начиная с парфянского времени². С рядом храмов иранского мира пайкендский сближают и другие детали: террасное расположение основных частей (целлы и дворов), связанных центральной и боковыми лестницами, наличие портика – айвана с четным количе-

¹ Omel'chenko A.V. On the Question of Sasanian Presence in Sogdiana. Recent Results of Excavations at Paykand // *JIAAA*, 2016. Vol. 7. P. 81–84. Fig. 5, 8–10.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М., 2000. С. 205; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Ташкент; Самарканд, 2000. С. 250. Обсуждение вопроса см. также: Stronach D. On the evolution of the early Iranian fire temple // *Acta Iranica. Deuxième série* V. XI. Leiden, 1985. PP. 605–627; Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // *ВДИ*. 1994. № 4. С. 128–140; Temple Architecture in the Iranian World in the Hellenistic Period. (2011) // *From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East / Kouremenos A., Chandrasekaran S., Rossi R. (ed.)*. Oxford, 2011. PP. 117–140; Hozhabri A. The Evolution of Religious Architecture in the Sasanian Period // *Sasanika*, 2013. Archaeology, 18. PP. 1–40; Коровчинский И.Н. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня // *Новое прошлое. The New Past*. 2017. № 4. PP. 48–73.

ством колонн, закрытие обзора помещений с алтарями, использование в интерьере алебастровой штукатурки и обожженного кирпича, наличие специального хранилища (дворика) для священной золы и т.д.

В бактрийском Сурх-Котале также было два разделенных внутренним двором святилища, которые, предположительно, использовались в разных частях ритуала. Два помещения с айваном, соединенные прилегающим коридором, находились в храме «Фратариков» близ Персеполя селевкидского времени. Два парных алтаря постахеменидского времени открыты на высокой открытой площадке в Накш-и Рустаме¹. Но, пожалуй, самое большое сходство пайкендские святилища с периода III имеют с основным ядром сасанидского храма царского огня Адур Гушнасп в комплексе Тахт-и Сулейман. Здесь были соединены обведенный коридором чортак и атешгах, где постоянно поддерживался огонь². Возможно, такая же ситуация была в Пайкенде, а изменение местоположения главных и боковых лестниц (соответственно и основных входов из айвана к святилищам) демонстрирует смену назначения комнат, в которых горел огонь.

Интересную параллель дает в этом плане и храм 1 в Пенджикенте. В период II у восточных углов платформы (обращенных к внутреннему двору) появились небольшие лестницы. Полагают, что южная обеспечивала сообщение между атешгахом (к югу от платформы) и святилищем (целлой), видимо, для транспортировки углей.³

Географически и хронологически наиболее близким к храму Пайкенда является святилище Еркургана – столицы области Нахшаб в низовьях Кашкадарьи. Здесь также перед целлой располагался айван аналогичных размеров (18,5×7 м), обращенный, как и в Пайкенде, на юг и возвышающийся над обширным двором, который в первый период был построен в виде террасы. Также интересно, что предполагается существование более ранней постройки, «вмурованной» в платформу I периода, на которой был возведен храм III–IV вв. н.э. Дополнительными общими чертами обоих храмов яв-

¹ Литвинский, Пичикян, 2000. С. 272, 273, 328, 329, 237-239. Табл. 57; 58, 3.

² Stronach, 1985. P. 624, figs. 3, 9.

³ Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб., 2009. С. 64, рис. 11.

ляются возвышение святилищ и айвана на платформе, монументальность стен, лестниц и наличие специальной площадки в виде небольшого дворика для хранения остатков священного огня, а также многочисленных костей животных, керамики¹.

2. Традиция хранения, а потом сокрытия подношений, которая выявлена раскопками в Пайкенде и Тахти-Сангине, отмечена и в других среднеазиатских храмах. В восточном святилище Еркургана в закладах в стенах, а также в зольниках между промазками глины были обнаружены различные votivные предметы. Их меньше, чем в Пайкенде и, тем более, храме Окса, но набор в целом похож. Это: оружие (наконечники стрел, панцирные пластины, реже акинаки, ножи), украшения (бусы, в т.ч. мелкий бисер, раковины каури, золотые накладки), предметы искусства (фрагменты глиняной скульптуры, фигурка лягушки и изображения Силена из агата, золотая фигурка ежа с гнездами для вставок) и т.д.² Интересно, что среди предметов из кости была и ножка от мебели (трона?): очевидно, этот тип изделий являлся обязательным в храмовых хранилищах античной поры³. В отличие от Пайкенда в Еркургане и Тахти-Сангине были найдены также бронзовые зеркала.

Пример хранения оружия в раннесредневековом храме дает святилище на цитадели городища Канка в Ташкентском оазисе (древний Чач). Они считаются дарами (трофеями).⁴ Сама же традиция сокрытия ставших ветхими подношений храму в специальных ямах или ящиках является, по мнению исследователей, заимствованной из греческой культовой практики, т.к. в ахеменидский период в Средней Азии она как будто не фиксировалась. Однако в храме Окса обычай сооружать ботросы распространяется уже после падения власти эллинистических правителей, в юэчжийский и кушанский периоды. К этому времени относятся и культовые ямы Пайкенда. Такая ситуация в Средней Азии представляется неслучайной: видимо, как это часто бывает, имело место наложение античных и кочевнических культовых представлений. Так, в сарматских элитных курганах Нижнего Поволжья и Подонья создавались специальные,

¹ Сулейманов, 2000. С. 90-93, 98, 102-106, рис. 39-41.

² Там же. Рис. 188-193.

³ Одно из обоснований см. Manassero, 2020. PP. 166-167.

⁴ Богомолов Г. И. Панцирный доспех с городища Канка // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997. С. 79.

отдельные от захоронения ямы (одна или несколько) с «кладами». Наборы вещей из них: от наконечников стрел и акинаков, до пластин доспеха, ременной гарнитуры, колокольчиков¹, – близки по составу тем, что происходят из ботросов Пайкенда и Тахти-Сангина. Практика создания таких «кладов» существовала у саков восточной Евразии и ранее, о чем свидетельствуют богатый комплекс находок из Казахского Алтая².

3. Между храмами Окса и Пайкенда на противоположных частях восточноиранского мира наблюдаются очевидные параллели. Это касается и хронологии. На наш взгляд, обе постройки были возведены примерно в одно время – после 296 г. до н.э.³, когда Антиох I Сотер стал соправителем своего отца Селевка на Востоке. По сообщениям источников, он предпринял значительные усилия по улучшению ситуации в провинциях, возведению городов, очевидно, устройство фортификационных и ирригационных систем. Строительство храмов также могло входить в эту программу, что сакрально обозначало и защищало восточные границы обширного Селевкидского государства (Тахти-Сангин – Канка – Еркурган(?) – Пайкенд – Мерв). Видимо, тогда же была открыта прямая дорога из Бухарского оазиса через переправу на Амударье в Амударье в оазис Маргианы, благоустройству которого Антиох I придавал большое значение. Таким образом, Пайкенд стал важным транзитным пунктом, находясь в двух переходах от Бухары и в двух – от переправы.

Несмотря на принципиальное отличие ландшафтов (горы и аллювиальная равнина) храмы Окса и Пайкенда возводились в визуально похожей ситуации. Небольшое Пайкендское плато было единственным возвышенным, открытым со всех сторон участком на месте слияния Зеравшана и Кашкадарьи, которые в сезон, очевидно широко разливались. Точно также талые воды с Тешик-Таша окру-

¹ Mordvintseva V.I. Sarmatian Elites of the Lower Volga-and-Don Region and their Relations with the Outside World according to the burial complexes (3rd c. BC to the 3rd c. AD) // *Anabasis* 10, 2019. PP. 251-255.

² Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакенов С.Т., Ергабылов А.Е., Какабаев Н.А., Рысбек Б., Хамитов М., Сисикенова Г.С., Талгатов Ш.Т. Предварительные итоги исследований Шиликтинско-Тарбагатайской экспедиции в долине Елеке сазы в 2020 году // *Алтай – золотая колыбель тюркского мира* / Даниал Ахметов (ред.). Оскемен, 2020. С. 60; рис. 16, 19, 20.

³ Это не исключает, что храм эллинистического периода был построен рядом со святилищем ахеменидского времени, о чем свидетельствуют находки знаменитого клада Окса.

жали весной храм в Тахти-Сангине¹. Такая ситуация в известной степени повторяла расположение Кух-и Хваджа на озере Хамун – важнейшего древнего зороастрийского центра в Систане.

Судя по находкам, Пайкенд и храм Окса продолжали функционировать после кардинальных политических изменений в Средней Азии середины II в. до н.э. Новые владельцы Средней Азии из кочевников понимали важность старых религиозных центров (как это было много позднее, например, во времена Тюркского каганата): подношения храмам продолжают поступать, а затем и помещаться в ямы-ботросы.

4. Храм Пайкенда был первой монументальной постройкой на цитадели Пайкенда. В древности занимал почти всю ее площадь, а первые укрепления защищали собственно священный участок. Большой двор с суфами под айваном, т.н. стол во «внутреннем дворе» в обводе суа (период IV) были необходимы для проведения церемоний, в которых принимало участие значительное количество участников. Это согласуется со свидетельством в «Памятниках минувших поколений» о собрании в Пайкенде зороастрийских жрецов-магов из Бухары на праздник Н-к-х-Агам в месяце Пасакич². Видимо, материальным свидетельством этих празднеств является большое количество костей животных, наборов определенных форм керамики, ножей в площади храмовых комплексов Пайкенда или Еркургана. Это, как и другие детали, отличает культовые практики среднеазиатского зороастризма от иранских, что отмечалось и исследователями храма Окса.

ХРАМ В ПАЙКЕНДЕ (ЗАПАДНЫЙ СОГД) И ХРАМ ОКСА (СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

The article covers the results of new investigations at the citadel of Paikend, an ancient city in the south of Bukhara oasis (modern Uzbekistan). The earliest structures that have been investigated are the temple which was surrounded by fortified walls in the first half of the 3rd c. BCE. The author advances the hypothesis that the Paikend and Takht-i Sangin were built under Antiochus I Soter when he was a co-ruler in the east of the Seleucid Empire. Construction of the temples on the borders (in Kanka on the Syr Darya river and may be in Erkurgan on the lower Kash-

¹ Lindström G. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivpraxis // Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften / Svend Hansen, Daniel Neumann and Tilmann Vachta (Eds.). Reihe: Berlin Studies of the Ancient World. Vol. 38. 2016. PP. 286.

² Бируни Абурайхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. I / Пер. и прим. М.А. Салье. Ташкент, 1957. С. 254.

kadarya river as well) had sacred meaning to mark the boundaries of the east provinces. The Hellenistic fortress of Paikend was rebuilt in the 2nd to 1st cc. BCE after the conquest of Central Asian oases by nomads. There were many weapons and military equipment in sacrificial pits – bothroi and favissa on the periphery of the Paikend temple. They were offerings to the sanctuary. The same Greek practice existed in the Oxus temple. It coincided in some respects with Eurasian nomadic rituals. Types of weapon were similar as well. The details of the Paikend temple's layout of 3rd-4th cc. CE and finds confirm its suggested Zoroastrian fire temple of a type which finds parallels in Iranian cult architecture as well as the Oxus temple. But Central Asian cultic practices had some specific features.

Key words: *Fire temples, Central Asia, Iran, ancient period, temple offerings, nomads, weapons*

ХРАМ В ПАЙКЕНДЕ (ЗАПАДНЫЙ СОГД) И ХРАМ ОКСА (СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)

В статье представлены результаты новых исследований цитадели Пайкенда, древнего города на юге Бухарского оазиса (современный Узбекистан). Самым ранним из исследованных сооружений является храм, окруженный крепостными стенами в первой половине III в. до н.э. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой Пайкенд и Тахти-Сангин были построены при Антиохе I Сотере, когда он был соправителем на востоке империи Селевкидов. Строительство храмов на границах (в Канке на Сырдарье, а может быть и в Эркургане на нижнем течении Кашкадарьи) имело сакральное значение для обозначения границ восточных провинций. Эллинистическая крепость Пайкенд была перестроена во II-I вв. до н.э. после завоевания кочевниками оазисов Средней Азии. В жертвенных ямах – ботрои и фависсы на периферии Пайкендского храма находилось много оружия и военной техники. Это были приношения святилищу. Такая же греческая практика существовала и в храме Окса. В некотором смысле это совпадало с ритуалами евразийских кочевников. Типы оружия также были схожими. Детали планировки Пайкендского храма III-IV вв. и находки подтверждают предложенный зороастрийский храм огня типа, который находит параллели в иранской культовой архитектуре, а также храме Окса. Но культовые практики Средней Азии имели некоторые специфические особенности.

Ключевые слова: *Храмы огня, Средняя Азия, Иран, античный период, храмовые подношения, кочевники, оружие*

Сведения об авторе: **Омельченко Андрей Владимирович** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Тел: (+7)9214106975. E-mail: andrey.sogd@gmail.com

About the author: **Omelchenko Andrey Vladimirovich**, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Oriental Department of the State Hermitage Tel: (+7)9214106975. E-mail: andrey.sogd@gmail.com

ВРЕМЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТА И АЛТАРЕЙ ОГНЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Татьяна Филимонова

(Таджикистан, Душанбе)

Поклонение огню было распространено почти у всех народов мира, что имеет свои объективные причины. Культ огня – это одно, а ритуалы и обряды, связанные с ним – это другое. Их проявления были различными и во времени, и в пространстве. Примером может служить современная обрядность христиан со свечами или сход Благодатного огня в храме Иерусалима накануне Пасхи. Для выяснения, где и как появились алтари огня и какую они сыграли роль в истории зороастризма, совершим небольшой экскурс и рассмотрим ситуацию, характеризующую религиозную жизнь населения неолита, бронзы и раннего - железного века Северной Бактрии, Маргианы, Ирана, т.е. тех стран, которые потенциально входили в территорию обитания индоиранцев.

Реальные факты проявления культа огня в Северной Бактрии относятся к эпохе неолита. В виде остатков костров, специфических очагов, алтарей они зафиксированы на нескольких поселениях. Возможно, приводимые нами некоторые свидетельства покажутся спорными или натянутыми. Но, во всяком случае, они выходят за рамки обыденной жизни древних коллективов, и связь их с какими-либо производственными или бытовыми процессами не установлена и маловероятна (рис.1).

На поселении Кангурттут (бассейн р. Таирсу, приток р. Сурхоб) среди других конструктивных элементов имеются каменные выкладки двух типов (рис. 2). 1. Выкладки овальной формы, длиной 1 м, шириной 0,7 - 0,8 м, из плотно уложенных мелких кусков известняка и галек в 3 - 4 ряда. После того, как их оконтуривали, они имели вид невысокого «постамент». 2. Выкладки сложенные идентично первым, но плоские в разрезе. На поверхности выкладок обоих вариантов встречались только угольки. Вряд ли выкладки имели

отношение к бытовым очагам, поскольку рационально не оправданы, т.к. не имеют заслонов, прикрывающих огонь от затухания¹.

При раскопках стоянки Гелот (правый берег р.Яхсу, приток р.Сурхоб), в нижней части культурного слоя, на глубине 2,2-2,6 м была найдена круглая яма диаметром 3 м. Дно ямы от края до края было прокалено на глубину 7-10 см, поверх лежал спрессованный пятисантиметровый слой золы и угля. Оба слоя могли образоваться только в результате долгого горения очень мощного костра (рис.3). После того, как костер потух, он был засыпан слоем земли толщиной 20 см, поверх которого разожгли уже небольшой костер. В угольном слое были найдены 67 каменных изделий неолитического типа – 11 нуклеусов, 69 отщепов, 3 пластины, 6 скребел, 1 отбойник. Подобное скопление каменных предметов также не совсем обычно на ограниченной территории в 3 кв.м. За пределами зольной ямы такая концентрация артефактов отсутствовала².

На противоположном берегу р. Яхсу, при исследовании стоянки на территории Пионерского парка г. Куляба, в неолитическом слое была найдена каменная выкладка оригинальной формы (рис. 4). Она состояла из прямоугольной полосы длиной 90 см, шириной 25-35 см, сложенной из колотой и целой гальки, кусков известняка в 2-4 ряда. От ее центра отходили два последовательных овала, образованных каменной кладкой в один ряд. Длина овалов 70 см, ширина 40-50 см. Внутренняя часть овалов заполнена слоем золы толщиной 10-15 см. По обе стороны овалов, находилось по две небольших полукруглые выкладки, сложенных в один ряд их кусков известняка (25x30 и 30x40 см). Выкладки очень напоминают очаги с одной открытой стороной, но золы в них не было. В любом обществе, в том числе и древнем, любая вещь должна была быть функционально оправдана. Возникает вопрос – для чего была создана подобная выкладка усложненной конструкции? Как и в предыдущем случае, она явно не имеет хозяйственного назначения и может рассматриваться, как сооружение, связанное с иным предназначением, в том числе и поклонению огню³. На стоянке Люлякутал, расположенной на окра-

¹ Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. // АРТ. 2001. Вып. XXVIII. С.71-72.

² Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Ходжаев Ш., Ходжаев А. Археологическая карта Воейского района. Душанбе, 2020. С.235.

³ Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Археологические раскопки в г. Кулябе и прилегающих территориях в 2001-2003 гг. АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 266.

ине г. Куляба было найдено уникальное сооружение, интерпретированное как «алтарь», датированное по C^{14} 6000-5400 гг. до н.э. (Лаборатория C^{14} Евразийского отдела Немецкого Археологического Института, Берлин)¹.

Первоначально на его месте долгое время горел большой костер. Диаметр обгоревшей поверхности 2 м, толщина 5-6 см. Затем пепельно-угольные остатки костра были собраны в горку высотой 20 см, на ней был сооружен «постамент» размером 60х40 см, высотой 25 см из пережженной земли, смешанной с золой и угольками (рис. 5). На его поверхности лежали разнообразные предметы, положенные, вероятно, в качестве даров. На западном крае находились 14 каменных бусин. По их расположению они ранее, скорее всего, составляли ожерелье. На восточном крае и в центре постамента лежал бисер из белого известняка (41 шт.) и в разрозненном состоянии заготовки к ним – 13 шт. По всей поверхности бессистемно лежали кремневые микропластинки и отщепы (соответственно 17 и 3 шт.), небольшое шлифованное тесло и оселок (рис. 6). Для того, чтобы скрыть или сохранить жертвенные дары, все сооружение было перекрыто каменной выкладкой из колотых и целых галек в один слой в средней части и в два слоя по краям. Она повторяет выкладки, встречающиеся на стоянках гиссарской культуры, в том числе в Кангурттуте, о которых мы уже писали, Туткауле, Сай-Сайёде.²

Среди даров основное внимание привлекают редчайшие экземпляры хорошо отшлифованных бусин, изготовленных из мягкого камня серого цвета и двухцветного белого с черным. Формы бусин от каплевидно-выпуклой до овально-плоской, с небольшими вариациями. Одна бусина прямоугольной формы (рис. 7.1,2). Размеры бусин: длина в пределах 3,8-2,1 см, ширина 2,6-1,1 см. В независимости от формы бусин по плоской поверхности вдоль длинной оси проходит прорезь, на концах которой сквозные отверстия. У двух бусин овальной формы на края нанесены короткие насечки (рис. 7.3). Наибольший интерес представляют три бусины, у которых насечки нанесены на края прорезей, что делает их похожими на ра-

¹ Герсдорф Й. Датировка проб со стоянок Тахти-Сангин и Люлякутал. АРТ. Душанбе, 2004. Вып. XXIX. С.158-160

² Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Изучение Гиссарской культуры и неолитические слои поселения Кангурттут (к проблеме финального этапа гиссарской культуры). / Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008. С.5-159.

ковины каури (рис. 7.4-6).¹ Аналогии подобной имитации раковинам, пока не найдены, но натуральные раковины каури, происходящие из Индийского океана, имеются на поселении Джейтун. По мнению В.М.Массона, раковины каури, скорее играли роль амулетов, чем украшений². Л.И.Ремпель считал, что «древнейшие символы плодородия превращались сначала в знак магии, в оберег, и только потом в чисто орнаментально-декоративное украшение»³. Раковины каури найдены в многочисленных археологических комплексах Северной Бактрии⁴. Археологические и этнографические данные свидетельствуют, что во все исторические периоды, вплоть до современности, у населения Средней Азии раковины-каури из-за своего внешнего вида были символом плодородия и процветания. И самое главное, как амулеты они должны были способствовать плодовитости женщины. Раковины каури и кораллы были самыми популярными элементами бус и амулетов⁵.

Присутствие бусин в виде раковин каури, наделенных магическими свойствами, так же подчеркивает сакральность сооружения Люлякутала, которое вполне можно рассматривать как алтарь огня.

Эволюция подобных алтарей отмечается для последующей эпохи бронзы. При раскопках многослойного поселения Тегузак (неолит-бронза), в одном из помещений конца эпохи бронзы были найдены следы мощного костра в виде горелого пятна овальной формы (7 x 3,6 м), сверху которого лежал слой золы и углей толщиной 20-30 см (рис. 8)⁶. Судя по характеру зольного слоя, в костре жгли траву и мелкие ветки. Слой был насыщен фрагментами керамики с обгоревшей поверхностью. Из них собралось девять целых сосудов. В центре горелого пятна был сооружен постамент прямоугольной формы со слегка закругленными углами (1,9x1,2 м), высотой 0,44 м. Ориентация – север-юг. В нижней части постамента лежал жженный, спекшийся слой земли лесса густо-оранжевого цвета, толщи-

¹ Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе, 2006. - С.68.

² Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) // МИА. № 180. Л., 1971. С.41, табл. XXXVII, 9; XXXVIII, 6.

³ Ремпель Л. И. Цепь времен. Москва; Ташкент, 1987. С.114.

⁴ Лунева В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. I в. до н.э. - IV в.н.э. Ташкент, 2005. С.25-26.

⁵ Умарова З. Ювелирное дело // Таджики. М., 2020. С. 343.

⁶ Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // АРТ. Душанбе. 1988. Вып. XXI. С. 250.

ной около 0,2 м. Над ним тонкая полоска золы с мелкими угольками, а выше – слой суглинка толщиной 0,2 м, аналогичный грунту культурного горизонта. Поверхность постамента обмазана глиной. В период своего функционирования он несколько раз подвергался ремонту. В разных местах на поверхности постамента имеются по две или по три тонких обмазки (рис. 9).

В данном случае определение постамента, как алтаря не вызывает сомнений. Возле него совершались культовые церемонии возжигания огня, при которых в огонь бросались сосуды, в которых находилась жертвенная пища или питье. Спекшийся слой в центре площадки говорит, что, скорее всего, это было масло. На каменных стенах помещения вокруг алтаря следов огня не обнаружено, поэтому представляется, что ритуальные церемонии совершались до их возведения – на специально расчищенной для этих целей площадке. Этот ритуал сохранялся в течение тысячелетий. Он зафиксирован этнографами даже для 19-начала 20 вв. Например, население долины Хуф, процессы сбивания и перетапливания масла, сопровождали курением на очаге, бросанием в огонь кусочков масла как жертва огню¹.

Наличие в зольном слое сакрального места Люлякутала мелких обожжённых косточек, а на его поверхности жертвенных даров, в Тегузаке сосудов с маслянистой жидкостью, брошенных в огонь, которые однозначно свидетельствуют о проведении возле них каких-либо ритуальных действий, связанных с культом огня, поднимает вопрос о родине зороастризма. Согласно распространенному мнению новая религия возникла на основе верований древнеиранских племен в первой половине I тыс. до н.э., обитавших на северо-востоке Ирана, в Средней Азии и Афганистане. Многие сужают это понятие и считают, что именно Средняя Азия была местом сложения арийских племен, их цивилизации, духовной культуры эпоса². Больше того, большинство исследователей склоняются к мысли, что самые ранние формы зороастризма имеют среднеазиатское происхождение³.

¹ Андреев М.С. Таджики долины Хуф // Тр. АН Тадж.ССР. Т. 59. Сталинабад, 1958. С.141,142.

² Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 16

³ Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране и Афганистане (историко-этнографический очерк). М., 1982. С.12-132.

Вероятно, к этим форма следует отнести алтари Люлякутала и Тегузака, что еще раз поднимает вопрос о правомерности причастности к возникновению зороастризма исключительно индоариев и игнорированию древних культов местного населения, обитавшего на территории Северной Бактрии до них. Эту мысль, что хотя культ огня часто связывают с зороастризмом, но на самом деле он гораздо древнее, высказал еще 50 лет назад Т. П. Снесарев¹.

В изложении М. Бойс священное место, то есть «чистое место» на котором совершали религиозные ритуалы индоиранцы, устраивалось довольно просто, что было естественно для полукочевого народа. Оно представляло собой ровный участок земли, у более поздних иранцев – прямоугольник, который отмечался, проведенными с молитвой бороздами во избежание воздействий всяких злых сил. Жрец, скрестив ноги, сидел на земле перед огнем, помещенным в небольшой сосуд. В этом описании обращает на себя внимание отсутствие алтарей в культовой практике индоариев. Далее М. Бойс указывает, что после перехода к оседлой жизни жрецы должны были установить постоянные священные участки для совершения обрядов богослужений и других ритуалов. Самое раннее из известных новшеств, введенных в ритуал персами, – помещение священного огня на высокой подставке². Этот второй этап сложения религии соответствует приходу и оседанию на новой родине, где жрецы вполне могли перенять некоторые местные ритуалы, связанные с поклонением огню, тем более, что они были схожими.

Эта эволюция в ритуалах отмечается по сообщениям греческих историков. В V веке Геродот писал, что у персов-зороастрийцев нет храмов, они не возводят ни статуй, ни алтарей, считают ошибочным «запирать внутри стен богов, обителью которых является весь мир» (Страбон XV. 13-16).³ Страбон четырьмя столетиями позже уже указывал на наличие определенных культовых сооружений. Квадратный постамент под открытым небом, становится главной святыней огнепоклонников-зороастрийцев: «У персов есть пирефии – обширные огороженные священные участки. Посередине участков

¹ Снесарев Т.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С.319.

² Геродот. История в девяти книгах. История, I, 131 / Перевод, примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972.

³ Страбон. География в 17-ти книгах. М.,1964. 943 с.

находятся жертвенники с большим количеством пепла, на жертвеннике маги поддерживают неугасимый огонь... Жертвоприношения огню совершают так: прибавляют сухие, очищенные от коры поленья дров и сверху кладут жир; затем поливают оливковым маслом и поджигают снизу»¹.

Культ огня федоровских племен степной зоны Евразии мигрировавших в Среднюю Азию, наиболее полно изучен по материалам раскопок одного из самых крупных могильников – Бустон VI. Хотя культ огня в ритуально-символической погребальной практике бустанцев представлен в многообразном виде – это и специальные сооружения для кремации, остатки зольников и кострищ, votivные алтари в виде плоских круглых дисков и т.д., но среди них отсутствуют главные святыни огнепоклонников – алтари в виде постаментов².

Аналогичная картина отмечается и на могильниках, связанных с андроновским населением. На той же территории, что и упоминаемая выше неолитическая стоянка Гелот, находится крупный могильник эпохи бронзы³. На нем вскрыты погребения скотоводческой бешкентско-вахшской культуры, земледельческой и андроновской. Культ огня был отмечен только для андроновских захоронений. Рядом с погребениями была найдена яма с глиняным пандусом. Все пространство ямы было заполнено пеплом синевато-фиолетового цвета, без посторонних включений. Исследователи могильника считают, что это хранилище для пепла. Следы самих костров, как и алтарей не были обнаружены.

С близкими явлениями археологи сталкиваются при раскопках могильников вахшской культуры. В захоронениях могильника Макони-Мор почти во всех погребениях встречались куски древесного угля. В двух случаях засвидетельствовано разжигание огня непосредственно в камере. В кургане 33 у входа в камеру над головой

¹ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С.12,13.

² Аванесова Н.А., Ташпулатова Н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустон IV). // ИМКУ. Самарканд, 1999. С.27-36.

³ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 году в Хатлонской области Таджикистана // АРТ. Душанбе, 2009. Вып. XXXIII. С. 43; Giovanna Lomdardo, Natalia Vinogradova, Juri Kutimov, Mike Teufer, Tatiana Filimonova. Excavations of the Burial Ground of Gelot in 2007-2010. // Bollettino Di Archeologia on Line. Direzione Generale Per Le Antichita. V. 2014/1. P. 1-28.

погребенного был разожжен небольшой костер. В Тигровой Балке ритуальные костры обнаружены вокруг могил вождей со следами возлияний (?) и жертвенной пищи, брошенной в огонь. После окончания погребального ритуала костры заливались водой, а затем над каждым из них возводились земляные насыпи¹. В погребениях могильника Ранний Тулхар отмечается интенсивное использования огня при совершении захоронений. В могилах в качестве обязательного элемента погребального обряда присутствуют небольшие очаги, сложенные из камней².

Результаты раскопанных могильников указывают, что и для племен андроновской общности и скотоводов древней Бактрии культ огня был активным элементом в погребальной практике. Но никаких сооружений алтарного типа, связанных с культом огня на поселениях не найдено. На андроновском поселении совхоза им. Кирова расчищены только очаги хозяйственного назначения, сложенные на полу жилищ в виде каменных колец, возле которых происходила основная жизнь населения. Вокруг них были сделаны основные находки – фрагменты керамики, кости животных и единичные литейные формы³. В структуру поселения бешкентско-вахшской культуры Тошгузар (XV-XI и X-VIII вв. до н.э.) входили только полуземлянки и хозяйственные ямы. Никаких даже малейших следов культовых мест не найдено⁴.

К западу от Бактрии на неолитическом поселении Джейтун в домах охотников на одной из стен, окрашенной в красный цвет, имелся выступ с нишей, озаряемый отблесками пылавшего очага, пристроенного к противоположной стене, который выполнял роль алтаря. По мнению В.М.Массона в нише помещались терракотовые фигурки людей и животных. Древние охотники, отправлявшиеся на свой промысел, обеспечивали себе удачу, совершали определенные обряды над образом предполагаемого противника.⁵

¹ Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. СА, 1974, № 3. С.171-173.

² Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968. С.125-126.

³ Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.1. Л., 1972. С. 41-47.

⁴ Виноградова Н.М. Поселение эпохи поздней бронзы – Ташгузор в Южном Таджикистане // Древние цивилизации Евразии. М., 2001. С.142-168.

⁵ Массон В.М. Поселение Джейтун. // МИА № 180. Л., 1971. С.151.

Примерно аналогичное святилище и алтарь имелся на другом неолитическом поселении Песседжик-депе, на котором массивный очаг с суфой-лежанкой пристроен к стене. Напротив очага стена имеет выступ с лунообразным рельефом, вероятно, ритуального назначения. Стены украшены росписью с зооморфными сюжетами и геометрическими фигурами¹.

Энеолитическое население Копедакской полосы для поклонения огню сооружали небольшие святилища с алтарями, которые располагались на полу помещений, чаще они круглые, реже прямоугольные или квадратные в плане, опоясанные невысокими глиняными бортиками (10-15 см). В целом это были плоские сооружения. В центральной части алтарей находились лунки со следами длительного горения. «Напольные» алтари были широко распространены на земледельческих памятниках от Восточной Бактрии до Восточной Анатолии².

Эстафетой они передали традицию возведения подобных алтарей населению, основавшего поселение Саразм, при раскопках которого выявлено 39 круглых и 26 квадратных алтарей, представлявших собой напольную невысокую (10–15 см) конструкцию с круглой лункой³.

На поселении ранней бронзы Алтын-депе было возведено уже монументальное сооружение по внешнему виду, подражающему зиккуратам Шумера⁴.

Земледельцы Маргианы тоже имели святилища, и при совершении религиозных обрядов огонь зажигали на алтарях. Самый древний прозороастрыйский храм найден в Гонуре. Рядом находились алтари двух типов: 1) круглые наземные, диаметром до 7 м, с высокими бортиками, сложенными из сырцовых кирпичей, с внутренними культовыми печами и проходами со ступеньками, в которых совершались жертвоприношения различным богам маргушского Пантеона. 2) прямоугольные подземные, в которых горел «Вечный Огонь».

¹ Шишкин И. Б. У стен великой Намазги. М., 1977. С. 67.

² Массон В.М. Археология СССР. Часть 1. Энеолит Средней Азии. М., 1982. С. 9-92; Массон В.М. Древние земледельцы на Юге Туркменистана. Ашхабад, 1959. С.7.

³ Исаков А. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. № 1. 1986. С. 152-167; Раззоков А.Р., Курбанов Ш.Ф. Исследования Саразмского отряда в 2003 году // АРТ. 2004. Вып. 29. С.179.

⁴ Массон В.М. Алтын-депе в эпоху энеолита // СА. 1977. № 3. С.164-188; Кирчо Л.Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века в Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизаций. Сб. к юбилею В.И.Сарианиди. М., 2004. С.142-160.

Но или трав) и небольшого количества животного жира». По мнению В.И.Сарианиди «Оба этих типа очагов бытовали у маргушцев с периода их первого появления в древней дельте р. Мургаб и вплоть до конца эпохи бронзы. Думается, что оба типа алтарей маргушцы принесли вместе с собой с далекой переднеазиатской прародины «в готовом виде»¹.

В Тоголок-21 сакральное место состояло из алтарной площадки, служившей для культовых возлияний и напротив находящихся алтарей огня в виде вытянутых в цепочку глубоких прямоугольных камер. Рядом с ними «платформы», огороженные невысокими стеночками с нишами. На этих «платформах» незримо восседали боже-ства со своими «ангелами»².

На территории древнего Ирана и еще дальше на запад, складывается комплекс первобытно-космических представлений, в форме фантастической зависимости от небесных явлений, представлений о небесных божествах, покровителях земледельцев. Археология имеет тому вполне осязаемые доказательства - антропоморфный облик духов и божеств, воплощенный в малой пластике, а также упорядоченная система культа со специальными святилищами. Ярким примером может служить святилища Чатал Хююка, в росписях и рельефных изображениях которых фигурируют богиня-мать и бык. В целом историко-археологические исследования свидетельствуют о том, что у западных земледельцев в древнейших оседло-земледельческих культурах Передней и Малой Азии, Иранского нагорья уже осмысливших природу, как систему взаимосвязанных явлений, складывается другой сложный комплекс о небесных божествах, для поклонения которым они строили закрытые святилища с обрядовым убранством и воплощали их образы в многочисленные антропоморфные статуэтки, прежде всего, богини матери-прародительнице³.

Это краткое обозрение четко показывает, что специфические алтари огня в виде тумб-постаментов, которые становятся основополагающими в обрядовой практике огнепоклонников канонического

¹ Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (археологические доказательства протозорастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010. С.27-38.

² Сарианиди В.И. Там же, с.28.

³ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Москва, 1982.; С Антонова Е.В. Очерки культур древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. 264 с.

периода, присутствуют только на памятниках неолита и бронзы Северной Бактрии, а более узко в ее северо-восточной части. На остальных территориях указанных в обзоре хотя и имелись алтари огня, но они другого типа и, кроме того, на них преобладали культы божеств, связанных с земледелием: покровителей плодородия, божества грозы и дождя, земли и духов растительности, почитания священных мест, и т.п....»¹. Что подтверждается свидетельствами Геродота: «...персы для солнца, луны, земли, воды, огня и ветра жертвовали подарки, это – боги, которым персы с древнейших времен жертвовали дары и поклонялись»². Поэтому можно считать, что прототипами зороастрийских алтарей огня были местные, сложившиеся в период неолита-бронзы в Северной Бактрии.

Связывающим звеном между древними святилищами и алтарями и первыми храмами огнепоклонников является протозороастрийский храм Джаркутан, также расположенный в Северной Бактрии³. Планировка этого храма подтверждает, что Северная Бактрия была тем регионом, в котором складывалась первооснова зороастризма. В Джаркутане алтарь хотя и представляет уже сложное сооружение, но в целом повторяет всю конструкцию первых святилищ. Центральную часть храма занимало открытое пространство, в котором находилась обширная платформа площадью более 400 м², высотой 140 см. Она заменила собой такое же открытое пространство с площадкой очерченной жрецом, древних индоариев. На ней находился алтарь, от которого сохранилось только каменное основание размером 90-х90 см, но форма и размеры которого соответствуют древним сооружениям.

Находки, сделанные в последние годы в Северной Бактрии – алтари огня, которых не было у индоиранцев, но были у местного населения и которые стали основными в священном ритуале огнепоклонников, не просто подтвердили ранее высказанные мысли о родине зороастризма в Средней Азии, но и значительно сузили ее первоначальный ареал. По мнению Н.А.Аванесовой, комплекс фак-

¹ Токарев С. Религия в истории народов мира. Москва, 1964. С. 38-75; Геродот. История в девяти книгах / Перевод, примечания Г.А. Стратановского. Ленинград, 1972.

² Геродот. История в девяти книгах. История, I, 131.

³ Аскарлов А., Ширинов Т. Древнебактрийский храм огня в южном Узбекистане. Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 7-24; Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Самарканд, 1993. С.157, 158, 167, 168.

торов, характеризующих культурно-хозяйственную и историческую обстановку в протобактрийском обществе в конце II тыс. до н.э. свидетельствует о наличии предпосылок, необходимых для создания и распространения новой идеологии¹.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать – неправильно считать, что дозораострийская религиозная среда Бактрии была индоиранской, в которой и воспитывался пророк Зороастр. Возникает вопрос – куда тогда девалось местное население вместе со своей богатой древней культурой. Как пришлый народ индоиранцы вряд ли составили большинство, во всяком случае, значительных антропологических сдвигов в материалах многочисленных могильников не отмечается².

Для доказательства того, что именно Северная Бактрия является родиной зороастризма, еще раз обратим внимание на главную святыню зороастрийцев – алтарь. Как показал наш экскурс – самые древние алтари, с большей долей вероятности, ставшие по своей конструкции, прототипами для алтарей сложившегося зороастризма, фиксируются только на территории Бактрии. Все элементы храмов огня, так или иначе, присутствуют в доиндоиранских памятниках Бактрии и Маргианы. Платформа и постамент – Джаркутан, постамент – Люлякутал и Тегузак, чаша с огнем – круглые алтари Саразма, Сапалли-тепа, Алтын-депе, Геоксюра 1, Тоголока и др. Чортаг с алтарем Джаркутана стал канонем в оформлении внутренней структуры храмов огня Древнего Востока. И это вполне объяснимо, поскольку «культ, как правило, более стоек, чем религиозное представление, - утверждает М. Бойс³.

Мирная интеграция народов в конечном итоге привела к сложению древних бактрийцев раннежелезного века, с включением в их религиозную идеологию всех предшествующих культов и обрядов. Поскольку в мировоззрении местного населения и пришедших индоариев культ огня был центральным объектом поклонения, то он и стал объединяющим звеном в зарождавшемся новом обществе и религии.

¹ Аванесова Н.А., Ташпулатова н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустон IV). // ИМКУ. Самарканд, 1999. С. 34.

² Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. – М., 2011.

³ Бойс М. Зороастрийцы. М., 1987, с. 10.

Это положение четко сформулировал Р. Фрай: «В мировоззренческой культуре народов древней Центральной Азии существовали три формы верований и религиозной практики: старая местная, бытовавшая до индоиранского периода, затем – арийские верования и практика, наконец, новая вера Зороастра при наличии множества вариантов всех трех форм».¹

В качестве заключения следует отметить, что Б.А.Литвинский также придерживается этой точки зрения. Анализируя материалы городища Тахти-Сангин, в разделе «Религия» у него четко определено, что «собственно иранский культ огня «наложился» на верования, связанные с огнем, которые были распространены в предшествующее приходу протоиранцев время».²

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесова Н.А., Ташпулатова н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры (по материалам исследования могильника Бустон IV). // ИМКУ. – Самарканд, 1999. – С. 27-36.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф. // Тр. АН Тадж.ССР. – Т. 59. – Сталинабад, 1958. – С.141,142.

Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. – М., 1984. – 264 с.

Аскарлов А., Ширинов Т. Древнебактрийский храм огня в южном Узбекистане // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. – Ташкент, 1989. – С. 7-24;

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М., 1987. – 314 с.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э. От Скифии до Индии. – М., 1983.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 году в Хатлонской области Таджикистана // АРТ. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII. – С. 35-66.

Геродот. История в девяти книгах. История, I, 131 / Пер., примеч. Г.А. Стратановского. – Ленинград, 1972.

Гёрсдорф Й. Датировка проб со стоянок Тахти-Сангин и Люлякутал. – АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С.158-160.

Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране и Афганистане (историко-этнографический очерк). – М., 1982.

Виноградова Н.М. Поселение эпохи поздней бронзы – Ташгузор в Южном Таджикистане // Древние цивилизации Евразии. М., 2001.

Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Дж. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 году в Хатлонской области Таджикистана // АРТ. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII.

¹ Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. Душанбе, 2000. С.80.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.

Виноградова Н.М, Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). – М., 2008.

Исаков А.И. Саразм. К вопросу о становлении древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). – Душанбе, 1991. – 173 с.

Кирчо Л.Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века в Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизаций. Сб. к юбилею В.И.Сарианиди. – М., 2004. – С.142-160.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М., 2000.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.1. – Л., 1972.

Лунева В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. I в. до н.э. - IV в.н.э. – Ташкент, 2005. – С.25-26.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л., 1968.

Массон В.М. Древние земледельцы на Юге Туркменистана. – Ашхабад, 1959.

Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) // МИА, № 180. – Л., 1971. – 207 с.

Массон В.М. Алтын-депе в эпоху энеолита // СА. – 1977. № 3. – С.164-188.

Массон В.М. Археология СССР. Часть 1. Энеолит Средней Азии. – М., 1982. – С.9-92.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. Москва, 1982.

Пьянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка. // СА. – 1974, № 3. – С.167-182.

Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // АРТ – Душанбе. 1988. – Вып. XXI. – С.247-263.

Раззоков А.Р., Курбанов Ш.Ф. Исследования Саразмского отряда в 2003 году // АРТ. – 2004. – Вып. 29. – С.179.

Ранов В.А, Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. // АРТ. – 2001. – Вып. XXVIII. – С. 64-116.

Ремпель Л. И. Цепь времен. Москва; Ташкент, 1987. Страбон. География в 17-ти книгах. Кн. XV. Гл. III. § 13-16. – М., 1964.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М., 2010. – С.27-38.

Снесарев Т.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969.

Токарев С. Религия в истории народов мира. Москва, 1964. – С.3875

Умарова З. Ювелирное дело // Таджики. – М., 2020. – С.343.

Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Ходжаев Ш., Ходжаев А. Археологическая карта Восейского района. – Душанбе, 2020.

Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. – Душанбе, 2000.

Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. – М., 2011. – 201 с.

Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. – Самарканд, 1993. – 245 с.

Шишкин И. Б. У стен великой Намазги. – М., 1977.

Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Археологические раскопки в г. Кулябе и прилегающих территориях в 2001-2003 гг. – АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX - С.264-274

Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006.

Lomdardo J., Vinogradova N., Kutimov Ju., Teufer M., Filimonova T. Excavations of the Burial Ground of Gelot in 2007-2010 // Bollettino di Archeologia on Line. Direzione Generale per le Antichità. – V. 2014/1. – P. 1-28.

ВРЕМЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТА И АЛТАРЕЙ ОГНЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Автор статьи по археологическим материалам Южного Таджикистана прослеживает эволюцию алтарей огня в Северной Бактрии с эпохи неолита до раннего железного века. В статье привлечены результаты археологических исследований памятников Кангурттут, Гелот, стоянки Куляба, Люлякутал, Тегузак, Макоми-Мор, ранний Тулхар, Тошгузар, Сай-Сайёд и т.д. как прошлых лет, так и последних. Самый древний алтарь огня не только в Южном Таджикистане, но и во всей Средней Азии, обнаружен на стоянке Люлякутал (6000-5400 гг. до н.э.), расположенной на окраине г. Куляба. Исследование показало, что Северная Бактрия является родиной зороастризма, так как самые древние алтари, с большей долей вероятности, ставшие по своей конструкции, прототипами для алтарей сложившейся зороастрийской религии, фиксируются только на территории Бактрии.

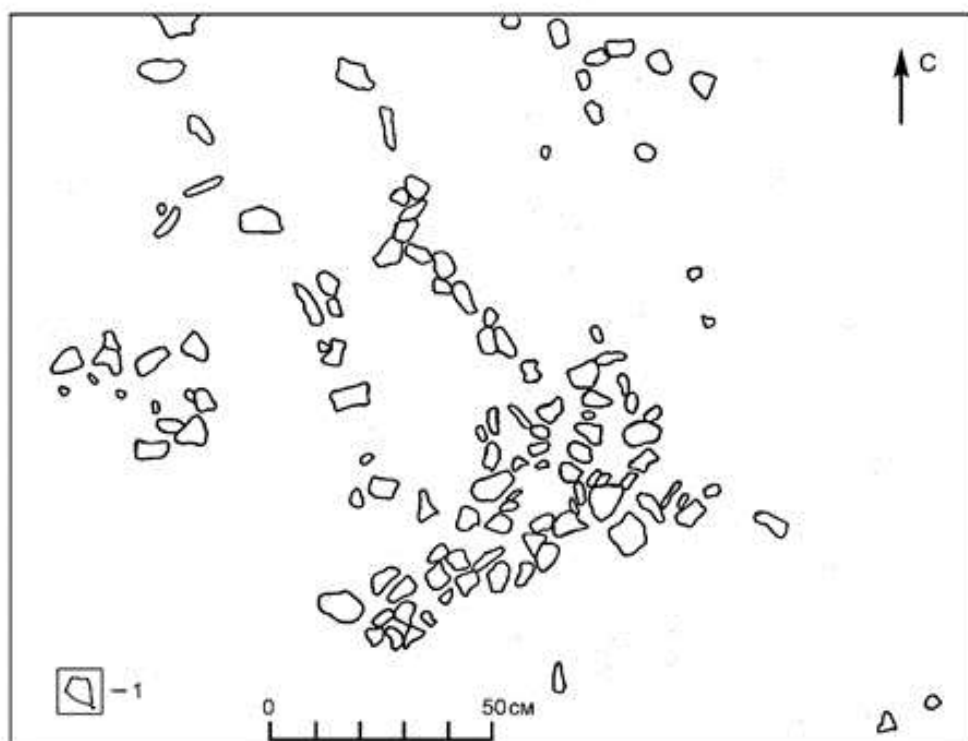
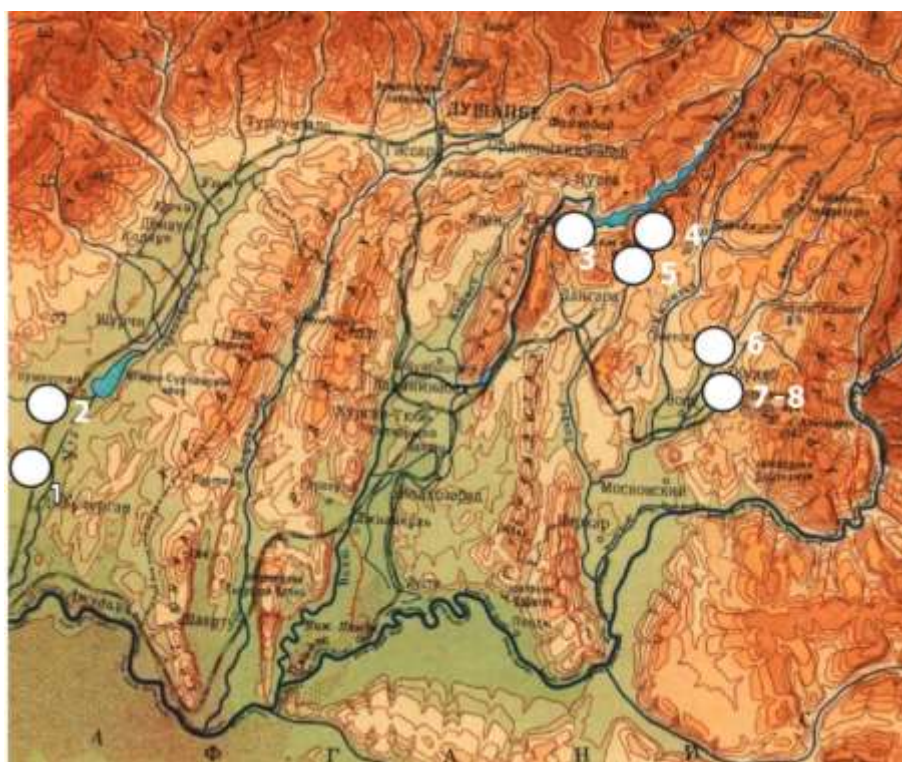
Ключевые слова: Северная Бактрия, культ огня, археологические памятники, алтари огня, зороастризм, зольники, святилище, храм.

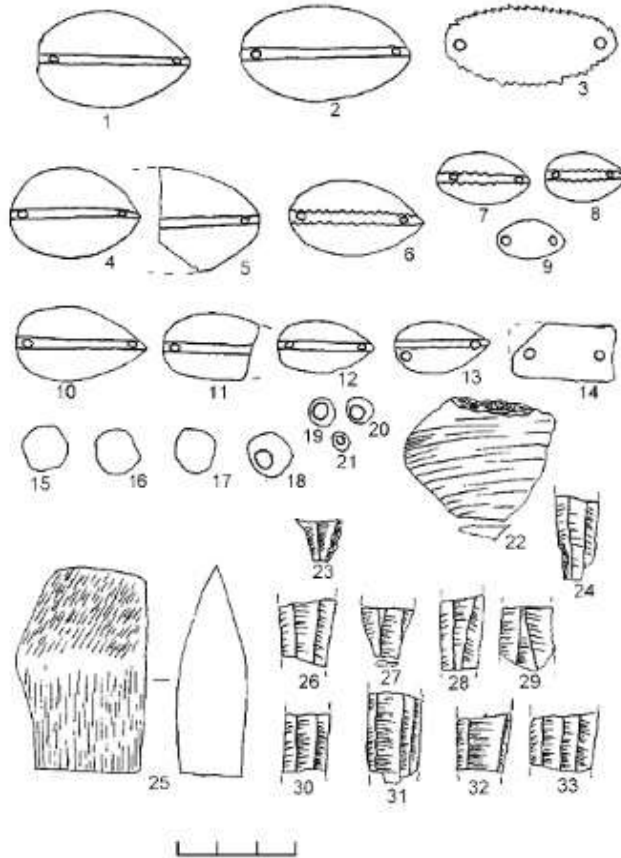
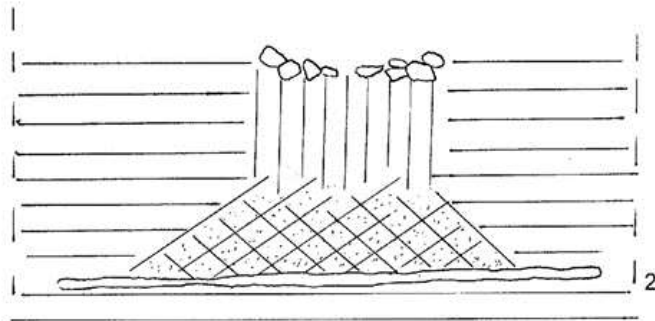
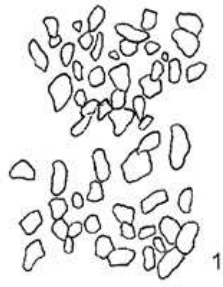
THE TIME OF ORIGIN OF THE CULT AND FIRE ALTARS IN NORTHERN BACTRIA AND THEIR EVOLUTION

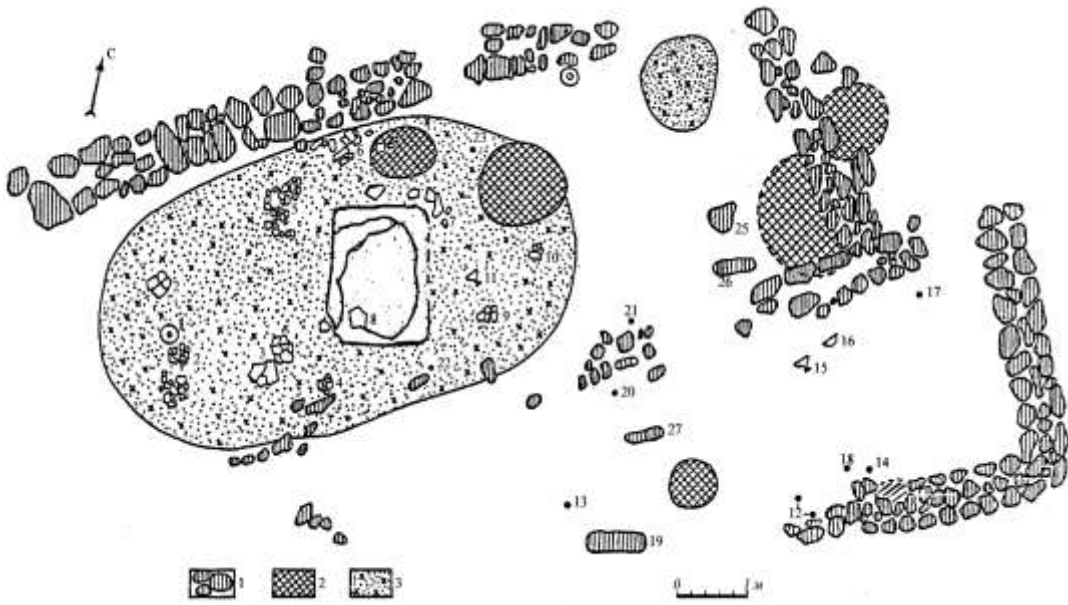
The author of the article on the archaeological materials of Southern Tajikistan traces the evolution of fire altars in Northern Bactria from the Neolithic era to the Early Iron Age. The results of archaeological studies at Kangurttut, Gelot, Kulyab, Lyulyakutal, Teguzak, Makomi-Mor, early Tulkhar, Toshguzar, Say-Sayed, etc. sites of both past and recent years are drawn in this article. The most ancient altar of fire not only in Southern Tajikistan, but also in the whole of Central Asia, was discovered at Lyulyakutal (6000-5400 BC), located on the outskirts of Kulyab. The study showed that Northern Bactria is the birthplace of Zoroastrianism, since the most ancient altars, most likely, which have become prototypes for the altars of the established Zoroastrian religion, are fixed only on the territory of Bactria.

Keywords: Northern Bactria, cult of fire, archaeological sites, fire altars, Zoroastrianism, ashtrays, sanctuary, temple.

Иллюстрации









Сведения об авторе: Филимонова Татьяна Германовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной Академии Наук Таджикистана. Тел.: (+992) 88 811 34 51. E-mail: tatjanafilimonova@mail.ru

About the author: Filimonova Tatjana Germanovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Archeology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Тел.: (+992) 88 811 34 51. E-mail: tatjanafilimonova@mail.ru

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРАМОВ ОГНЯ

Михаил Шенкарь

(Иерусалим, Израиль)

Зороастризм, Ахемениды и «храмы огня»

С античности зороастризм ассоциировался с поклонением огню. Почитание огня, вероятно, восходит еще к индоевропейскому единству, что видно, например, из римского культа богини Весты. Ритуальный огонь занимал важное место в индоиранской религии и культовых практиках, о чем свидетельствует ведический ритуал, придававший центральное значение огню.

Сегодня основной аспект зороастрийского культа огня состоит в том, что, это так называемый «вечный огонь», который постоянно поддерживается жрецами в специальной комнате внутри крытого здания – «храма огня», называемого современными зороастрийцами «аташкаде», «дар-е мехр» или «агиари». Однако установление периода и исторического контекста возникновения храмов огня, хранящих постоянно горящее пламя, всегда являлось одной из наиболее дискуссионных тем в истории зороастризма¹. Цель данной статьи — вернуться к этому вопросу в свете результатов недавних раскопок в Афганистане и Узбекистане, уделив особое внимание ахеменидскому периоду.

Правление династии Ахеменидов было, по-видимому, формационным периодом в истории зороастризма. Специалисты справедливо придавали большое значение этой эпохе, и немало слов было высказано в ходе многочисленных споров о религии ахеменидских царей, или, более конкретно, о том, соответствуют либо противоречат принципам зороастризма имеющиеся у нас свидетельства религиозных практик и мировоззрения Ахеменидов в той форме, в какой они известны нам по текстам, окончательная редакция которых датируется правлением Аббасидов более 1400 лет позднее.² Вместе с тем только в очень редких случаях предлагались критерии того, что же

¹ См. Воусе 1975. Одна из последних работ на эту тему: Boucharlat 2014.

² См. недавно вышедший сборник статей, полностью посвященный религии Ахеменидов: Henkelman and Redard 2017, а также статьи о религии и культах в Jacobs and Rollinger 2021.

именно можно считать «зороастризмом» применительно ко второй половине I тысячелетия до н. э. На мой взгляд, определение данного термина должно предшествовать любому обсуждению, относящемуся к религии иранского мира в досасанидский период. Только тогда рассматриваемый материал можно будет проанализировать и сопоставить с этим определением.

Представляется, что определяющей характеристикой зороастризма следует считать наличие литургии на авестийском языке¹. Вторым необходимым критерием, на мой взгляд, является положение Ахура Мазды, специфически авестийского бога, как высшего и единственного божества-творца. Присутствие последнего критерия в ахеменидских царских надписях, бесспорно, хотя ясно и то, что Ахура Мазда был, прежде всего богом-покровителем царской династии, далеко не самым популярным даже в самой Персии,² так как, по всей видимости, его культ был введен только при Дарии I либо незадолго до его воцарения.

Наличие первого критерия гораздо труднее установить из-за хорошо известного факта, что авестийский язык и зороастрийская литургия были записаны только через много столетий после Ахеменидов. Предпринимались попытки показать, что некоторые формулы из надписей Ахеменидов и имена нескольких членов царской семьи можно рассматривать как своего рода «авестийские цитаты», что, таким образом, подтверждает существование у них авестийской литургии³. Однако, как отмечает Альберто Кантера, большинство из этих *Zitatnamen* соответствуют формулам, встречающимся также и в Ригведе.⁴ Таким образом, они не обязательно взяты именно из авестийского языка и могут просто восходить к общему для Авесты и Ригvedы индоиранскому фону. Однако есть одно свидетельство, указывающее на существование авестийской литургии, связанной с царской династией Ахеменидов. Это зороастрийский календарь, самое раннее использование которого мы находим в арамейских документах из архива ахеменидского сатрапа Бактрии, опубликованных Йосефом Наве и Шаулем Шакедом⁵. Этот календарь был вве-

¹ Cantera 2017, 24.

² Henkelman 2021.

³ Skjærvø 1999.

⁴ Cantera 2017, 30-33.

⁵ Naveh and Shaked 2012; Shaked 2013. См. однако Henkelman 2022, n. 100.

ден Ахеменидами после завоевания Египта. В отличие от древнеперсидского или вавилонского календаря, это был литургический календарь, разработанный исключительно для ритуальных целей, что не оставляет сомнений в существовании литургии на авестийском при дворе Ахеменидов¹.

Подводя итог этой теме, можно сказать, что, на мой взгляд, Ахеменидов несомненно следует считать зороастрийцами, хотя, конечно, это не означает, что их культ и верования соответствовали доктринам, окончательно оформившимися или даже выработанным в сасанидский и в раннемусульманский период. Точно так же ранние христиане в первые века н.э. воспринимали и практиковали свою религию совершенно иначе, чем их потомки в средневековой Европе. Не следует также проецировать все представления и предписания поздних зороастрийских текстов на ахеменидский период или «навязывать» их содержание ахеменидским надписям, которые носят нерелигиозный характер.

Памятуя о вышесказанном, вернемся к теме культа и храмов огня. Очень часто то или иное здание, раскопанное в Иране или Центральной Азии и имеющее следы внебытового или просто интенсивного использования огня, автоматически принимается за «храм огня». Однако, как и в случае с зороастризмом, сначала необходимо определить, что мы, собственно, подразумеваем под этим термином. В моем понимании, храм огня – это крытое сооружение, в котором находится священный, постоянно поддерживаемый огонь и совершаются связанные с ним ритуалы, что и является главным назначением этого здания. При этом именно сам огонь является средоточием храмового культа. Поэтому наиболее важным археологическим свидетельством того, что мы имеем дело именно с храмом огня, следует считать намеренно сохраненные слои чистой золы и пепла². Наличие таких слоев свидетельствует о долгом горении постоянного пламени, поддержании его чистоты и особого отношения к золе священного огня, которое и сегодня является частью зороастрийской культовой практики. Стоит, однако, отметить, что особое обращение с золой в ритуальном контексте засвидетельствовано уже в БМАК/Цивилизации Окса второго тысячелетия до н. э.³, со-

¹ См. также Cantera 2017, 53-61.

² Boucharlat 2014, 10.

³ Lyonnet and Dubova 2021, 26.

здатели которой, по всей вероятности, не были индоиранцами. Следовательно, присутствие слоев чистой золы на памятниках Центральной Азии бронзового и железного веков само по себе не обязательно является свидетельством именно зороастрийского культа.

Индоиранцы в целом и те, кто сочинил древнеавестийские тексты в конце II или в начале I тысячелетия до н. э., в частности, не имели специальных культовых сооружений и почитали своих богов посредством священного огня под открытым небом¹. Обычно самым ранним храмом, который может быть надежно связан с иранцами, а именно с мидийцами, считается Тепе Нуш-и Джан, расположенный в западном Иране и построенный около 700 г. до н.э.². Этот храм имеет крестообразную форму и почти идеальную осевую симметрию. В западной части основного помещения был сооружен алтарь из сырцового кирпича, огороженный невысокой стенкой. Его высота 85 см., а длина его квадратной поверхности 1,41 м. На вершине алтарь имеет небольшое углубление диаметром 23 см и глубиной 7,5 см со следами сильного обжига. Очевидно, что оно недостаточно глубоко, чтобы поддерживать постоянно горящий огонь, а в самом храме не было обнаружено слоев чистой золы. Однако также ясно, что почитание огня играло важную роль в этом святилище, а ступенчатая форма алтаря из Тепе Нуш-и Джан была унаследована Ахеменидами.

Знаменитые рельефы ахеменидских гробниц в Накш-е Рустаме и свидетельства классических авторов не оставляют сомнений в том, что персидские цари поклонялись огню. Более того, изображения на табличках из архива Персеполя со сценами почитания огня на ступенчатом алтаре свидетельствуют о том, что уже в царствование Дария I культ огня отправлялся не только царской семьей, но и персидской элитой.³ Вопрос состоит в том, где именно они это делали? А также — был ли это «вечный огонь», и, если да, то где он горел (вернее, тлел) на постоянной основе?

Ответ на первый вопрос не вызывает больших затруднений. Как и их индоиранские предки, Ахемениды проводили ритуалы, связанные со священным огнем, под открытым небом, на возвышенностях или, по крайней мере, на искусственных платформах и подиумах,

¹ См. обзор в Shenkar 2007.

² Stronach and Roaf 2007.

³ Garrison 2017.

подобных тем, что были обнаружены в Пасаргадах. В ахеменидском монументальном искусстве только царь взаимодействует с алтарем огня и парящим вверху Ахурой Маздой, но в действительности основные ритуалы, связанные с огнем и жертвоприношением богам, несомненно, должны были проводиться жрецами. Гораздо труднее понять, является ли огонь, изображенный на рельефах царских гробниц или отисках печатей из Персеполя, «вечным огнем» — в соответствии с более поздней зороастрийской практикой. Простая логика подсказывает, что постоянно поддерживаемый огонь должен быть укрыт от непогоды внутри какого-либо здания, и действительно, начиная как минимум с сасанидского периода и до сегодняшнего дня, он поддерживается на алтаре в специальной небольшой комнате, называемой «атешгах». Иными словами, если у Ахеменидов был вечный огонь, то он должен был гореть в каком-то здании, но в ахеменидских царских резиденциях в западном Иране таких сооружений не обнаружено, как и любых других царских крытых святилищ¹.

Ключ к решению этой проблемы может дать реконструкция авестийских огненных ритуалов, недавно предложенная Гётцем Кёнигом и Альберто Кантерой². По их словам, из авестийских текстов следует, что огонь постоянно поддерживался в «домах людей» (*ntāna- tašīiānqm*), где ему два раза в день совершались приношения. Для публичного жертвоприношения огонь выносили на специальную ритуальную площадку под открытым небом, а по окончании церемонии его возвращали в те же «дома людей». Некоторые ритуалы проводились и непосредственно в «домах людей». Таким образом, Кёниг и Кантера полагают, что постоянно поддерживаемый огонь существовал уже в авестийский период. Эти «дома людей» могли быть жилищами жрецов, но более вероятно, что речь идет о домах *dañhupati* — «повелителей страны», — то есть ритуальный, вечный огонь являлся, по сути, домашним огнем правителя. Царский культ Ахеменидов мог быть построен на таком же принципе. По всей видимости, огонь горел на постоянной основе в каком-то помещении, связанном с царским дворцом; его выносили на ритуальную площадку под открытым небом для жертвоприношения, а затем возвращали обратно. Возможно, именно эти здания, похожие

¹ О существовании в районе Персеполя святилищ, называемых эламским словом *ziyan*, см. Henkelman 2021, 1247-1249.

² König 2015; Cantera 2019.

на башни, мы видим на оттисках печатей из Персеполя и на монетах правителей Персии в эллинистический период¹. К сожалению, археологически они пока неизвестны.

К счастью, есть письменный источник, из которого мы можем сделать вывод о существовании у ахеменидов постоянно горящего, священного огня. Диодор Сицилийский, описывая похороны Гефестиона, ближайшего друга и спутника Александра, сообщает следующее: «Царь, устраивая похороны, приказал всем соседним городам содействовать по мере сил их роскошному устройению; всем обитателям Азии приказал загасить до окончания похорон так называемый священный огонь: персы это обычно делают при похоронах царей. Диодор Сицилийский» (17.114.4, перевод М. Е. Сергеевко). Квинт Курций Руф (3.3.9; 4.13.12; 4.14.24) прямо называет огонь, который сопровождал персидского царя в походе, «вечным» (*aeternum*).

Для нас здесь важно то, что огонь, описанный Диодором и Курцием Руфом, – это, безусловно, царский огонь, связанный с царской властью. У нас нет никаких сведений об эллинистическом периоде, но в парфянский период связь «вечного» огня с царской властью вновь подтверждает Исидор Харакский (11), который описывает вечно горящий огонь Аршака, основателя династии Аршакидов в городе Асаак. Эта связь сохраняется и при новой династии сасанидов, а надпись на реверсе монет первого сасанидского царя прямо называет пламя, горящее на изображенном там троне-алтаре, огнем Ардашира (*ādur-ī ardašīr*). Таким образом, этот символ на сасанидских монетах является, прежде всего, персональным огнем царя.

Первым подробным описанием крытых храмов, где постоянно горел священный огонь, и отправлялись связанные с ним ритуалы, является «География» Страбона, завершенная в начале I в. н. э. Страбон (15.3.15) описывает многочисленные храмы огня (*πυραῖθεῖα*) в Каппадокии: «В Каппадокии (так как здесь есть большой клан магов, которые называются пирефами, и множество святилищ персидских божеств) при жертвоприношениях не применяют ножа, а пользуются чем-то вроде полена, убивая жертву как бы молотом. У персов есть также пирефии – обширные огороженные священные участки. Посредине участков находится жертвенник с

¹ См. Garrison 2017.

большим количеством пепла, на жертвеннике маги поддерживают неугасимый огонь. Ежедневно входя в пирефий, маги произносят там почти целый час заклинания, держа перед огнем связку прутьев; на головах у них войлочные тиары, свисающие концы которых спускаются с двух сторон по щекам, так что закрывают губы. Те же самые обряды совершаются и в святилищах Анаит и Омана. И в этих святилищах есть огороженные священные участки, и в торжественной процессии носят деревянную статую Омана. Эти обряды мне пришлось наблюдать самому.» (перевод Г. А. Стратановского).

К сожалению, мы не можем ответить на вопрос, который является ключевым для истории храмов огня, а именно: являются ли святилища, которые описывает Страбон, наследием ахеменидского периода или результатом последующего местного развития под влиянием греческих культовых практик.

Для вопроса о происхождении храмов огня особое значение имеет материал из Центральной Азии, так как люди, составившие авестийские тексты, жили именно там. Археологические данные свидетельствуют о том, что в Согдиане и Бактрии в I тысячелетии до н. э. культ отправлялся под открытым небом на террасах, сложенных из сырцового кирпича, подобных найденным в Пачмак-тепе, Пшак-тепе и Кок-тепе в современном Узбекистане.¹ Эта практика продолжается в Центральной Азии в эллинистический период, как видно по культовой платформе на акрополе в Ай-Ханум.²

Новые открытия в Центральной Азии

В последние годы в Афганистане и Узбекистане было сделано несколько важных открытий, которые, по мнению некоторых ученых, представили нам образцы первых храмов огня. Самым ранним из этих зданий является Топаз Гала на юге Туркменистана, датированный 930–745 гг. до н. э. (Рис. 1).³ Здание состоит из четырех комнат, наибольшая из которых имеет почти квадратную форму (13×13,9 м). Крышу помещения поддерживали три колонны, расположенные в линию. В западной части основного помещения, ближе к центральной оси, был воздвигнут круглый глиняный подиум

¹ Rapin 2017, 419-426; Lhuillier 2018, 261.

² Boyce and Grenet 1991, 181-183.

³ Wagner 2018.

(диаметром 104 см). Вероятно, он был расположен напротив несохранившегося входа в западной стене, что обеспечивало его прямой обзор.¹ Этот подиум, интерпретированный археологами как алтарь огня, имеет следы интенсивного горения. Он был отделен низким квадратным ограждением. Любопытно, что в полу в юго-западном углу комнаты был обнаружен вкопанный сосуд с золой. Это, по всей видимости, свидетельствует о том, что золе приписывалось культовое значение, как в современных зороастрийских храмах огня. Однако археологи обнаружили явные признаки того, что горячий пепел и зола охлаждались водой.² Такое обращение с золой священного огня, конечно, абсолютно неприемлемо в зороастризме.

Другой памятник – Сангиртепа, расположенный в Кашкадарьинской области современного Узбекистана.³ По мнению археологов, крытый храм существовал здесь еще до прихода Ахеменидов. Он располагался за крепостными стенами города и имел размеры 34×40 м. Здание состоит из двух крыльев, примыкающих к центральному помещению с двумя входами. Его крыша покоилась на четырех деревянных колоннах (Рис. 2). Очаг, интерпретируемый археологами как алтарь огня,⁴ был расположен не в середине зала, а намеренно смещен на запад и выровнен по оси с южным входом. Более того, внутренние стены восточного прохода не прямые, а скошенные — по-видимому, намеренно, для того чтобы обеспечить прямой обзор очага. Сам предполагаемый алтарь огня представляет собой не более чем коническое земляное возвышение, воздвигнутое на фундаменте из гальки. Если этот очаг был средоточием культа в данном здании, то возникает вопрос, почему он выглядит столь непривлекательно, в то время как в строительство самого здания было вложено много сил и средств. На культовую функцию здания как будто указывают свидетельства ритуала, проведенного при его закладке, и связанное с ним необычное захоронение. Однако не исключено, что подобные ритуалы могли проводиться и при сооружении других общественных зданий, не обязательно святилищ. В любом случае, с

¹ На такой вывод наталкивает анализ помещения с очень схожей планировкой в Тилля Тепе в Афганистане. См. Сарианиди 1989, 6-22.

² Wagner 2018, 337.

³ Рапен и Хасанов 2013, 50-51; Rapin 2017.

⁴ Rapin 2017, 441.

точки зрения зороастризма, сочетание погребения с местом культа является категорически неприемлемым.

В ахеменидский период сооружение на Сангиртепа сменила платформа, с которой также были связаны очаги и два обнаруженных фрагмента человеческих черепов. Платформа окончательно вышла из употребления в III в. до н.э. Таким образом, вполне возможно, что сооружение на Сангиртепа действительно было святилищем. Огонь мог играть важную роль в его функционировании как культового здания, но не в такой степени, чтобы его можно было назвать храмом огня, и остается неясным, была ли у Сангиртепа какая-либо связь с последующими зороастрийскими храмами.

Одним из самых любопытных памятников, претендующих на роль «ахеменидских храмов огня», является Киндыктепа, расположенный в долине Сурхандарьи на юге Узбекистана (Рис. 3).¹ Он датируется IV в. до н.э. Основное помещение имеет прямоугольную форму и четыре асимметрично расположенные колонны. Центральный «алтарь» был сделан из глины и практически не сохранился. Он реконструируется в основном по следам интенсивного прокала. Его реконструируемые размеры: 1,6×1,6 м, высота от пола не менее 20 см.² На поверхности помещения были обнаружены слои пепла, но они имеют толщину всего 10 см, что очень мало для постоянно поддерживаемого огня. Керамический комплекс Киндыктепа в основном достаточно стандартен, культовых и каких-либо предметов, которые можно интерпретировать как храмовые подношения, не обнаружено. Признаком, указывающим на возможную ритуальную функцию здания, является планировка, ограничивающая доступ в главный зал и возможность увидеть огонь.³

Еще одно возможное святилище ахеменидского периода было недавно обнаружено на Кызылтепа, в Сурхандарьинской области Узбекистана (Рис. 4).⁴ Здесь «храм» построен на самой высокой

¹ Mokroborodov 2018.

² Виктор Мокробородов, письмо от 12.12.22.

³ Виктором Мокробородовым было высказано предположение, что помещение к северу от центрального зала служило местом проведения зороастрийского ритуала очищения, *барашнум*. См. Мокробородов 2015. Франц Грене в лекции, прочитанной им в Коллеж де Франс 16 марта 2023 г., подробно разобрал проблемы, связанные с такой интерпретацией. <https://www.college-de-france.fr/fr/agenda/cours/argenterie-de-prestige-en-asie-centrale-suite-homere-alexandre-les-temples-non-bouddhiques-en/argenterie-de-prestige-en-asie-centrale-suite-homere-alexandre-les-temples-non-bouddhiques-en-5>

⁴ Сверчков и Син 2019; Wu Xin 2021.

точке цитадели крупного городища, а планировка, по сути, представляет собой центральный зал с обводным коридором. В нем были раскопаны два сооружения из сырцового кирпича, которые авторы раскопок интерпретируют как алтари огня. На их поверхности имеются небольшие углубления, заполненные пеплом. В центральном зале также были обнаружены слои золы, но их толщина составляет всего 1 см,¹ а также небольшие углубления, заполненные чистой золой.²

Наконец, нужно упомянуть Чешме-Шафа, к югу от Балха на севере Афганистана, где французская археологическая миссия обнаружила монументальный, ступенчатый, каменный алтарь размерами около 2,10 м в высоту и 2,70×1,55 м в верхней части (Рис. 5).³ Так как раскопки не были завершены, к сожалению, остается неясным, был ли он установлен в крытом здании или нет. По всей видимости, он стоял во дворе. Этот факт, а также его форма, материал и размеры, скорее, указывают на связь с царским ахеменидским культом, чем с местными традициями. В этом плане Чешме Шафа определенно отличается от приведенных выше примеров. Не может быть никаких сомнений в том, что такой монументальный алтарь использовался в публичном культе, однако круглое углубление на его поверхности кажется слишком маленьким для постоянно горящего огня.

Могут ли эти новые данные пролить свет на происхождение зороастрийских храмов огня? Едва ли можно сомневаться в том, что огонь играл важную, возможно, центральную роль в культе этих сооружений. Однако неоспоримых свидетельств того, что это был именно постоянно поддерживаемый, «вечный огонь», получено не было. Следует еще раз напомнить, что ритуалы, связанные с почитанием огня, не были уникальными для зороастризма. Вероятно, они были общими для всех индоиранцев и даже для некоторых индоевропейских народов, таких как греки и римляне.

Как бы то ни было, эти святилища — если все они действительно являются таковыми, — имели только местное значение, не оказали влияния на ахеменидский культ и не были им восприняты. Можно предположить определенную преемственность на местном, бактрийском уровне, так как планировка зданий на Сангиртепа и Киндыктепа напоминает тетрастильную целлу Храма Окса в Тахти

¹ Сверчков и Син 2019, 108.

² Сверчков и Син 2019, 102-103.

³ Besenval and Marquis 2008, 997-998.

Сангине. Однако имеет ли здесь место только архитектурная или, возможно, и культовая преемственность — пока непонятно. Необходимо отметить, что особое культовое значение у индоиранцев и индоевропейцев придавалось также очагам общественных зданий и домов правителей и вождей. В греческом мире, например, очаг был политическим центром общины, развившись из того, что изначально было царским очагом.¹ Более того, само по себе четырехколонное перекрытие центрального зала отнюдь не указывает на культовую функцию помещения. Так, например, планировка микенских мегаронов с очагом между четырьмя колоннами очень напоминает Сангиртепа и Киндыктепа. На мой взгляд, некоторые из вышеупомянутых зданий доахеменидской и ахеменидской Центральной Азии могли быть такими общинными или политическими центрами. В некоторых из них, возможно, постоянно горел огонь. В других общинах были иные культовые традиции. Подобные обряды, связанные с почитанием огня, несомненно, разделяли многие индоиранские и, возможно, даже неиндоиранские общины II и I тысячелетий до н. э. После своей миграции на Иранское нагорье, иранцы принесли с собой эти разновидности культа огня. Самые ранние свидетельства этого мы находим у мидийцев в Тепе Нуш-и Джан. По крайней мере, со времен Дария I персидские элиты также, несомненно, почитали огонь. Это был царский огонь, который постоянно горел в некоем пока неизвестном здании, возможно, связанном с дворцовыми комплексами, на протяжении всего правления царя. Ахемениды распространили авестийскую литургию, почитание Ахура Мазды и поклонение священному огню, т.е. зороастризм, среди «арийских» (иранских) народов, так как считали этот культ «арийским», а не только персидским.

Крытые святилища получают широкое распространение в иранском мире только после македонского завоевания². На данный момент мы не располагаем бесспорными археологическими примерами досасанидских храмов огня, т.е. святилищ с постоянно поддерживаемым огнем, в которых также проводились основные ритуалы и церемонии, связанные с ним, без необходимости временного выноса огня на открытое ритуальное пространство. На основании письменных источников появление храмов огня следует отнести

¹ Kajava 2004, 2.

² Shenkar 2011.

самое позднее к парфянскому периоду. Однако связь культа вечного огня с царской властью, несомненно, сохранилась. В сасанидский период были построены многочисленные храмы огня, посвященные царю, живым и усопшим членам царской семьи, а также отдельным богам. Последнее тоже засвидетельствовано как минимум с парфянского периода. В то время как в Иране значение храмов огня в жизни зороастрийской общины резко уменьшилось в XX и XXI в., в Индии они до сих пор являются главными учреждениями культа парсов, где жрецы по-прежнему сохраняют вечный огонь своей религии, как это делали их предки на протяжении многих веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литвинский Б.А. Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.

Мокробородов В.В. Новые археологические свидетельства об одном из зороастрийских обрядов // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXXV. Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье, СПб., 2015. С. 13-22.

Рапен К., Хасанов М. Сакральная архитектура Центральной Азии с ахеменидского периода по эллинистическую эпоху: между локальными традициями и культурным трансфером // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж - Самарканд, 2013. С. 42–58.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

Сверчков Л.М., Син В. Храм огня V-IV вв. до н.э. Кизылтапе» // Scripta Antiqua 8. М., 2019. С. 97-128.

Boyce M. On the Zoroastrian Temple Cult of Fire // Journal of the American Oriental Society. 1975. No 95. P. 454-465.

Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. 3: Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule, Leiden, 1991.

Boucharlat R. Fire Altars and Fire Temples in the First Millennia BC/AD in the Iranian World: Some Remarks» in Bielinski, P. et al. (eds.), Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East, 30 April – 4 May 2012, University of Warsaw. Volume 1, Wiesbaden, 2014. P. 7-25.

Besenal R., Marquis, Ph. Les travaux de la délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA): résultats des campagnes de l'automne 2007-printemps 2008 en Bactriane et à Kaboul // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2008. No 152/3. P. 973-995.

Cantera A. La liturgie longue en langue avestique dans l'Iran occidental», in Henkelman W.F.M. and Redard, C. (eds.), Persian Religion in the Achaemenid Period / La religion perse à l'époque achéménide, Wiesbaden, 2017. P. 21-68.

Cantera A. Fire, the Greatest God (ātarš ... mazišta yazata). The Cult of the «Eternal» Fire in the Rituals in Avestan», Indo-Iranian Journal. 2019. Vol. 62(1) P. 19–61.

Garrison M.B. The Ritual Landscape at Persepolis: Glyptic Imagery from the Persepolis Fortification and Treasury Archives, Chicago. 2017.

Henkelman W.F.M. Practice of Worship in the Achaemenid Heartland», in Jacobs, B. and Rollinger, R. (eds.), A Companion to the Achaemenid Persian Empire. 2 vols. Hoboken, 2021. NJ, 1221-1243.

Henkelman W.F.M. God is in the Detail: The Divine Determinative and the Expression of Animacy in Elamite with an Appendix on the Achaemenid Calendar», in Cancik-Kirschbaum, E. and Schrakamp, I. (eds.), *Transfer, Adaption und Neukonfiguration von Schrift- und Sprachwissen im Alten Orient*, Wiesbaden, 2022. P. 405-477.

Henkelman W.F.M. and Redard, C. (eds.) 2017, *Persian Religion in the Achaemenid Period / La religion perse à l'époque achéménide*, Wiesbaden.

Jacobs B., Rollinger R. (eds.) *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. 2 vols. Hoboken, 2021.

Kajava M. *Hestia Hearth, Goddess, and Cult*», *Harvard Studies in Classical Philology* 2004. No 102. P. 1-20.

König G. *Zur Frage 'ewiger' feuer im Avesta und in der zoroastrischen Tradition // Iran and the Caucasus*. 2015. No 19. P. 201–260.

Lhuillier J. *Central Asia during the Achaemenid Period in Archaeological Perspective*», in Gondet, S. and Haerincq, E. (eds.), *L'orient est son jardin, Hommage à Rémy Boucharlat*, Leuven, 2019. P. 257-273.

Lyonnet B., Dubova N. *Questioning the Oxus Civilization or Bactria- Margiana Archaeological Culture (BMAC): An Overview*», in Lyonnet, B. and Dubova, N. (eds.), *The World of the Oxus Civilization*, New York, 2021. P. 7-66.

Mokroborodov V. *Kindyktepa: a Temple of the Mid-First Millennium BC in Southern Uzbekistan*», in Lhuillier J. and Boroffka N. (eds.), *A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennia BC)*, Berlin, 2018. P.343-351.

Naveh J., Shaked Sh. *Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE) from the Khalili Collection*, London, 2012.

Rapin Cl. «Sanctuaires sogdiens et cultes avestiques de l'époque de Gava à l'époque hellénistique», in Henkelman W.F.M. and Redard C. (eds.) *Persian Religion in the Achaemenid Period / La religion perse à l'époque achéménide*, Wiesbaden, 2017. P. 417-461.

Shaked Sh. *The Zoroastrian Calendar in Another Document from Ancient Bactria*», in Tokhtasev, S. and Lurje, P. (eds.), *Commentationes Iranicae. Vladimiro f. Aaron Livschits nonagenario donum natalicum*, Petropoli, 2013. P. 249- 252.

Shenkar M. *Temple Architecture in the Iranian World before the Macedonian Conquest // Iran and the Caucasus*. 2007. No 11. P. 169-194.

Shenkar M. *Temple Architecture in the Iranian World in the Hellenistic Period*», in Kouremenos, A., Chandrasekaran, S. and Rossi, R. (eds.), *From Pella to Gandhara. Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Oxford, 2011. P. 17–139

Shenkar M. *On the Temple of Oxus in Bactria, III (Review Article) // Studia Iranica*. 2012. No. 41. P. 135-142.

Skjærvø P.O. *Avestan Quotations in Old Persian?*» in Shaked, S. and Netzer, A. (eds.), *Irano-Judaica IV*. Jerusalem, 199. P. 1-64.

Stronach D., Roaf M. *Nush-i Jan I. The Major Buildings of the Median Settlement*. Leuven, 2007.

Wagner M. *The Fire Temple at Topaz Gala depe in Southern Turkmenistan*» in Lhuillier J. and Boroffka, N. (eds.), *A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennia BC)*, Berlin, 2018. P. 333-351.

Wu, Xin, «KYZYLTEPA», in: *Encyclopaedia Iranica Online*, © Trustees of Columbia University in the City of New York. Consulted online on 23 July 2023 <http://dx.doi.org/10.1163/2330-4804_EIRO_COM_362540> First published online: 2021

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРАМОВ ОГНЯ

По мнению Бориса Анатольевича Литвинского и Игоря Рубеновича Пичикяна, «Храм Окса» в Такhti Сангине «является классическим образцом бактрийского храма огня». ¹ Вокруг этого определения развернулась дискуссия, и специалисты пока не пришли к консенсусу по поводу датировки и функции боковых помещений 5' и 7, которые Б.А. Литвинский и И.Р.Пичикян назвали зороастрийским термином «атешгах» и в которых, по их мнению, уже в ранний период существования храма горел вечный огонь. ² Не претендуя на окончательное решение этой проблемы, что едва ли возможно до того, как эти помещения будут окончательно доследованы, а результаты их изучения полностью опубликованы, я бы хотел, прежде всего, прояснить значение самого термина «храм огня».

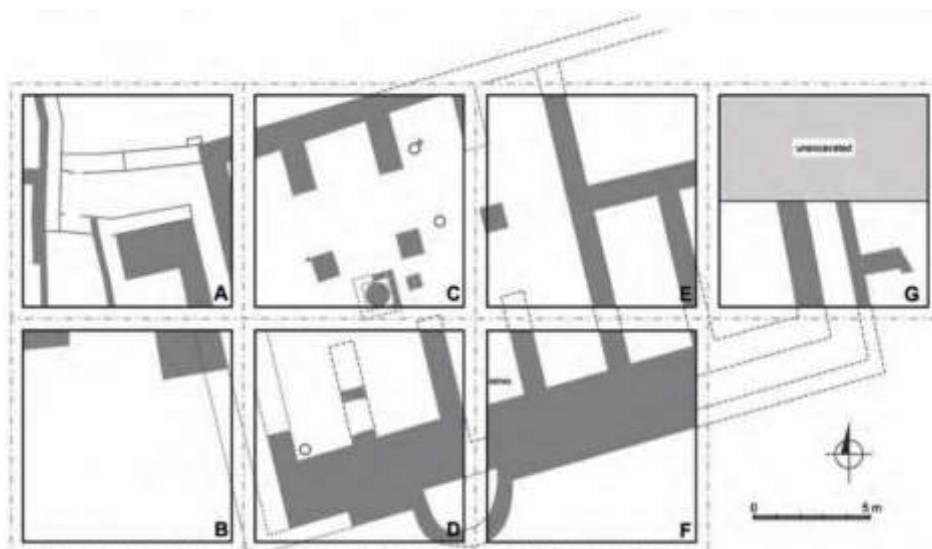
Ключевые слова: храмы огня, зороастризм, ахемениды, Центральная Азия

NEW DISCOVERIES IN CENTRAL ASIA AND ORIGINS FIRE TEMPLES

According to Boris Anatolyevich Litvinsky and Igor Rubenovich Pichikyan, the “Temple of Oxus” in Takhti Sangin “is a classic example of a Bactrian fire temple.” A discussion has developed around this definition, and experts have not yet reached a consensus on the dating and function of the side rooms 5' and 7, which Litvinsky and Pichikyan called the Zoroastrian term “ateshgah” and in which, in their opinion, the fire was burning already in the early period of the temple’s existence Eternal flame. Without claiming to have a final solution to this problem, which is hardly possible until these premises are finally investigated and the results of their study are fully published, I would first of all like to clarify the meaning of the term “fire temple” itself.

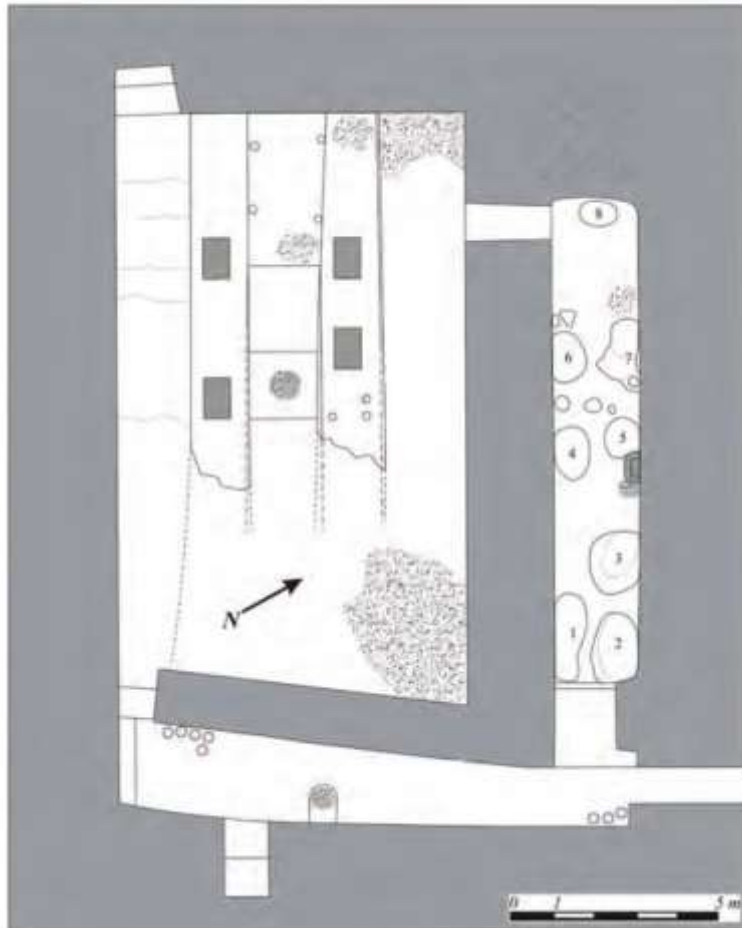
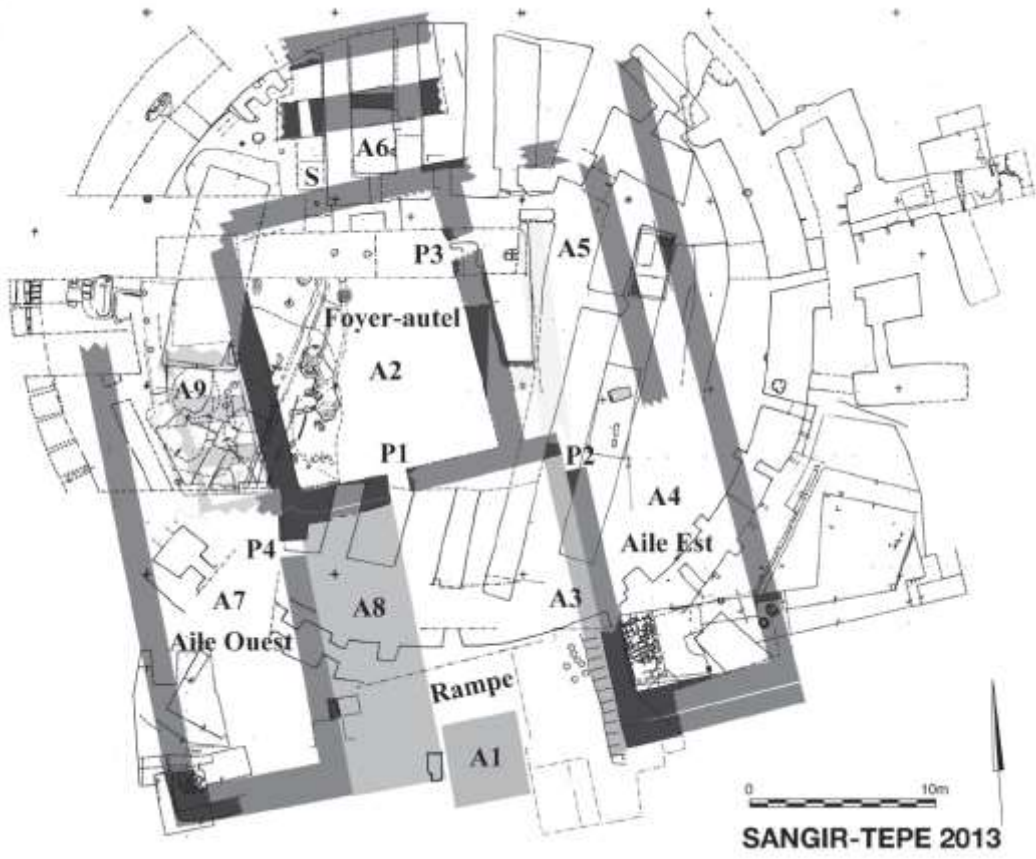
Keywords: fire temples, Zoroastrianism, Achaemenids, Central Asia

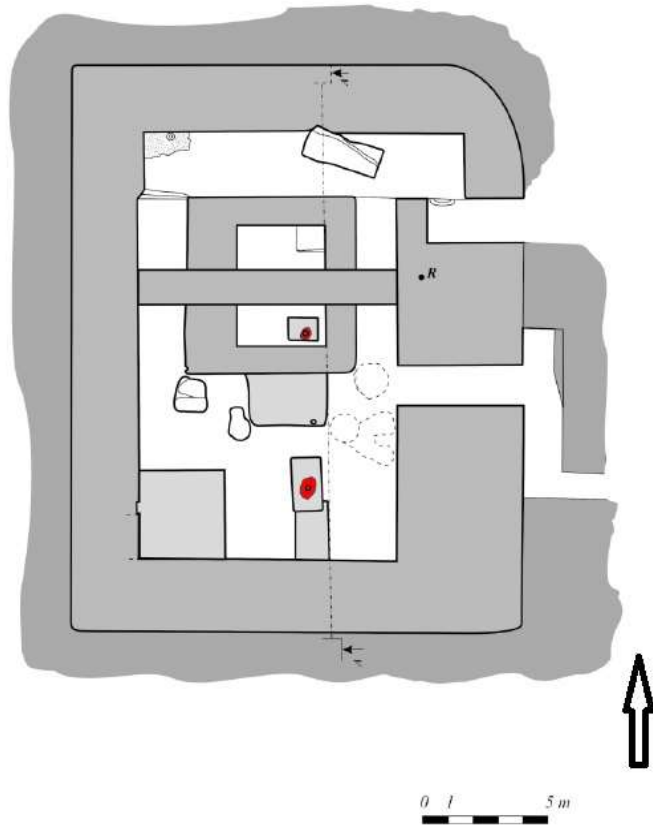
Иллюстрации



¹ Литвинский 2010, 464.

² См. обсуждение и ссылки в Shenkar 2012.





Сведения об авторе: Михаил Шенкар – профессор, Департамент исследований Ислама и Ближнего Востока, Еврейский Университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: michael.shenkar@mail.huji.ac.il

About the author: Mikhail Shenkar, Professor, Department of Islamic and Middle Eastern Studies, Hebrew University of Jerusalem, Israel. E-mail: michael.shenkar@mail.huji.ac.il

STATUS AND ISSUES OF THE OXUS TEMPLE EXCAVATION

Inagaki Hajime

(Koko, Shiga, Japan)

Overview of excavations in the 20th century (Fig. 1)

The basic structure of the temple remains (51X51m), surrounded by fortifications, consists of 3-4m thick walls piled with 50X50X14cm sun-dried bricks, with a four-post hall as the center of the temple, symmetrical on an east-west axis and open to the east, but partially reinforced with 36-39cm square by 10cm thick sun-dried bricks. The former bricks are based on the traditional standards of the eastern region of Achaemenid dynasty, while the latter bricks are believed to be from the Kushan dynasty. This brick wall, which mainly reinforces the front exterior wall of the temple, was built in a north-south direction, wrapping the outer four pillars of the eight-pillar *iwan*, the entrance to the temple adjacent to the east of the hall, leaving a little over two meters of central frontage. The small rooms on both sides of the *iwan* were determined to be *ateshgah*, which protects the immortal fire, based on the presence of burnt marks on the walls and ash coal beds. The style of these temples is in common with the Fire Temple of Achaemenid Susa, and follows the traditional style of the Achaemenid dynasty. On the other hand, the style of the main altar excavated shows Greek influence, and the colonnade is a combination of an Ionic column head and an Achaemenid pedestal, with no column part remaining, suggesting that it may have been a wooden column. The overall style of the building is thought to be a combination of Asian style and Hellenistic style. In front of the temple remains (east side) there is a *temenos* (front garden: 60 x 25m) surrounded by walls, with altars on the west side of the north and south walls, and towers 1 to 4 at each corner clockwise from the southwest corner. In front (east) of the temple remains is a walled *temenos* (vestibule: 60X25m), with one altar each on the north and south walls near the west, towers 1 to 4 at each corner clockwise from the southwest corner, and two wells were excavated near the *iwan* adjacent to towers 1 and 2. A pedestal was excavated from the *temenos*, in front of the southeast wall of *iwan*.

1.1 About excavated artifacts

In the hall between the four pillars in the center of the temple and the surrounding corridor, artifacts from the Achaemenid, Hellenistic, Yuezhi, and Kushan periods were discovered, along with Indian punch-marked coins and coins from the Greco-Bactrian, Indian Greek, Yuezhi, and Kushan periods. To clarify their positioning, they are summarized in Tables 1 and 2. This seems to be a good indication of the nature of the votive offerings that have been collected in this temple over the centuries.

From the stratum 2.0m to 0.35m below the *temenos* ground (hereinafter «the Ground»), we can see aspects of the last period of this temple, the Kushan period. The difference between the character of the hall and the corridor is that the strata of the hall have not been found anything except for a few Kushanian pottery shards and a few Kushanian coins (with the exception of a Diodotus coin found in a layer 50 cm from the Ground and a piece of gold diadem found in a layer 1.55 m from the Ground), A large number of sacrificial animal horns were found in the strata of the corridor. From this, it is believed that the hall, which had played a central role in ceremonies at the time of its foundation, had already lost its role in time of Kushan¹.

1.1.1 Discovery of vaults (votive vaults, *bothros*, and treasure vaults)

A specially constructed cellar containing a large number of artifacts was discovered beneath the stratum. Litvinsky and Pichikian further divided the vaults into two types:

1) Votive vaults (фависса: Tables 1 and 2/ф.1 and ф.2)

2) *Bothros* (ботрос (<G/ βοθρο□): Table 1, 2/ б.1 to б.VI)

A votive vault is a vault for ceremonially consecrated items, and although the purpose of the *bothros* is unclear, it is thought to be a ceremonial vault. The votive vaults are located in threshold I and corridor 3, and the *bothros* are concentrated around the hall, which includes corridor 1 and threshold I. In addition to these, corridors 1, 2 and 6 contain stratigraphic sections with many relics and no coins. It is believed that after the votive vaults and *bothros* were built, the corridors became the treasury (заклад: Tables 1 and 2 / з.1 to з.5)².

1.1.2 Trends in excavated artifacts

Coins found, an estimated 374 identifiable and clumps of unidentifiable coins, are generally concentrated in Hall, threshold I, and corridor 6.

¹ Литвинский, Б.А. & Пичикян, И.Р. Эллинистический Храм Окса Том 1 Москва 2000, p.55

² *ibid.* p.490

Coins from the Hellenistic to Kushan period were found in the hall, only coins from the Kushan period in threshold I and corridor 1, and in corridors 3 and 6 only coins from the Hellenistic period. The distribution of these coins in the temple remains is consistent with the trend of artifacts excavated simultaneously at various locations.

1.1.2-a <hall, threshold I, threshold IV>.

The overall trend of the hall includes artifacts from the Hellenistic period and later, as represented by the coins found in its strata¹. This trend is also evident in ̄.III, with Hellenistic and Kushanian coins², as well as fragments of gold-gilded glass from the 3rd to 2nd century BC. In contrast, Kushanian coins from ̄.IV³, Kushanian pottery fragments from the ̄.V, 44 Indian punch-marked coins from the ̄.VI, and 1 Hellenistic Eucratides coin, an ivory plaque with hunting scene, and a Gorgon head phalera were found. The fact that the relics of ̄.VI are concentrated in the center of the bottom of the cellar and that there are no notable artifacts suggests that ̄.VI may have been usurped⁴.

Kushanian coins⁵ were found in the stratum 40 cm to 90 cm below the Ground in threshold I, which connects the center of the south wall of the hall with the center of the north wall of Corridor 1. Kushanian Coins⁶ were also found in the vaults of corridor I. In particular, an indiscernible mass of copper coins was also found in ̄.1.

An Indo-Greek coin⁷ was found in the stratum 1.5 m from the Ground in threshold IV, which connects the center of the north wall of the hall with the center of the south wall of corridor 3.

1.1.2-b <corridor 1>

In the upper stratum of corridor 1, a 30cm-thick inflow soil layer was superimposed on each 10cm-thick historical layer. A flat, spindle-shaped ̄.I was installed in the northeastern part of the corridor. The bottom was located 40 cm above the Ground, and the sides were covered with plaster and gypsum and covered with gold leaf. The original purpose of this

¹ Coins: 1 Diodotos, 1 Heliocles imitation, 16 Soter Megas, 1 Vima Kadphises, 1 Kanisica I

² Coins: 1 Antiochus I, 1 Diodotus, 1 Eutidemus, 69 imitations of Parthian Phraates IV, 4 Kujra Kadphises, 9 Soter Megas, and two Vima Kadphises

³ Coins: 30 Soter Megas, 68 Vima Kadphises

⁴ *ibid.* pp. 61-62

⁵ Coins: 1 Soter Megas, 4 Vima Kadphises, 22 Kanishka I, 2 Kanishka I or Huvishka, and 22 Huvishka

⁶ Coins: (̄.II) 1 Soter Megas; (̄.1) 1 Kanishka I

⁷ 1 Hermaeus: Yuezhi period at the site in question.

vault is unknown, but many relics have been found, including an early Kushan Soter Megas coin and a bronze plate engraved with Eros, believed to be from the Yuezhi period. In the eastern part of corridor 1, there is 3.I, which has a base 70 cm above the Ground, and ceramic pithos jars thought to be from the Kushan period have been discovered.

1.1.2-c <corridor 2>

The stratum containing the animal horns, located 2m-1.5m below from the Ground level in corridor 2, is of the last constructed period, and ceramic shards from the Kushan period, including a ceramic incense burner with hunting scene that appears to be a ritual vessel, have been found. Almost no pottery fragments have been found below this layer. There found 3.2 45 cm above the Ground in the northwest part of the corridor, 3.3 was excavated 10 cm above the Ground in the southern third part of the corridor, and 3.4 was excavated 5 to 10 cm above the Ground in the northern part of the corridor. 3.2 and 3.4 are relics from the pre-Hellenistic period¹, while from 3.3, in addition to artifacts from the Hellenistic period², artifacts from the Yuezhi period³ were found.

1.1.2-d <corridor 3>

At the eastern end of corridor 3, from the layer 1 m above the ground, the Achaemenid Persian period ivory griffin-shaped sword hilt and rhyton with lion-protome, and from the layer 5 cm above the Ground, two Greco-Bactrian coins⁴ were discovered. In the eastern part of the corridor, at a level of 20 cm above the Ground, there is a vault (φ.2), where gold thread woven fabrics decorated with meander patterns and gilded silver plates with harpy patterns from the Hellenistic period have been found.

1.1.2-e <Corridor 6>

From around the first layer of Corridor 6, there are a decorative gold plate depicting a figure pulling a camel from the Achaemenid era, 23 Greco-Bactrian coins⁵. There is a pit (3.5) 5 to 12 cm above the Ground

¹ (3.2) An Alexander head, an Elephant head; (3.4) Bronze statuette of Marsyas with the inscription Dedicated by Atrosokes, an ivory Acinaces dagger scabbard with a lion holding a stag, 4 Hellenistic terracotta statues, etc.

² An ivory sword hilt in the shape of Heracles and Achelous, an ivory decoration in the shape of a hippocampus, an ivory plate with acanthus design, etc.

³ A gold falera with leopard, an ivory plate with hunting scene, etc.

⁴ Coins: 1 Demetrius, 1 Euthydemus II

⁵ Coins: (0 to 10 cm above the Ground) 4 Antiochus I, 2 Diodotus, 10 Euthydemus, 2 Euthydemus II, 1 Agathocles, 1 Eucratides; (35 cm above Ground) 1 Antiochus I, 1 Euthydemus I, 1 Euthydemus II etc.

at the southern end of the corridor, where terracotta male and female figures from the Hellenistic period were discovered.

The northeastern part of Γ-shaped corridor 6 and the western part of corridor 3 are connected by the threshold V, showing the oldest layers of the temple, clearly distinct from those of corridor 1 and 2. Litvinsky and Pichkian think that the tendency of the artifacts in this corridor 6 is similar to that of the «Oxus Treasures» of the British Museum, which is the key to solving the problem of the origin of the artifacts¹.

1.1.2-f <*iwan*>

One Diodotus coin was found in a layer 1m above the Ground, and one imitation Vasudeva coin was found by chance. A Greco-Bactrian altar was unearthed on the south side of threshold III leading to the hall, near the west wall of the *iwan*. The shape of this altar is similar to that of the pedestal of the bronze Marsyas statuette with the inscription of the dedication of Atrosokes found in corridor 2, 3.4.

1.1.2-g <*temenos*>

A limestone pedestal was excavated at the southern end of the entrance to *iwan*, west of *temenos*. At the top, a tenon was carved that seems to be the mark of the foot of a large bronze statue, and a relic that was fixed with iron fittings and lead was found. The feet are 65 cm long and 15 cm wide, which according to Pichikian et al., this corresponds to that of a 5-meter-high statue, and points out that the tenon with the left foot protruding forward shows the Greek style.

One Soter Megas coin was found in the second layer 7 cm above the Ground in the northwestern part of *temenos*, one Euthydemus coin was found on the ground of Tower 1 in the southwestern corner, and one Eucratides coin was found in the layer 5 cm above the Ground of Tower 4 in the southeastern corner.

1.1.2-h <*temenos* Entrance>

Drujinina unearthed the ruins of a dwelling from the Yuezhi period, which was built to block the entrance to the *temenos* and temple, and a fragment of stone vessel engraved with the name of the god Oxus, which was used as a material for the cover of the ditch. Based on these facts, she points out that this temple may have lost its function as a temple dedicated to the river god since the Yuezhi period.

¹ Литвинский, Б.А. & Пичикян, И.Р. 2000, p.94

1.2 Consideration of the Temple Remains from the Perspective of Artifacts

What is noteworthy here is the difference in the character of the artifacts excavated from the vaults and strata of the hall and its surrounding corridors and thresholds. This is the same as the chronology of the changes that the temple underwent over time. Based on the information in Sections 1.1.2-c and 1.1.2-d, it is assumed that the hall, threshold I, and corridor 1 were cellars during the Kushan period, the southern 1/3 of corridor 2 (3.3) during the Yuezhi period, and the northern part of corridor 2 (3.2 and 3.4) and corridors 3 and 6 were last cellars during the Hellenistic period. During the upheavals of the times, when this temple lost its roof to collapse due to human destruction or abandonment, the sun-dried brick structure, which is easily dissolved by rainfall runoff, would have easily formed a chronological layer indoors. Unlike the halls, threshold I, corridor 1, and the southern 1/3 of corridor 2 where vaults were newly formed during the Yuezhi and Kushan periods, corridors 3 and 6 do not appear to have formed vaults after the Yuezhi period. As mentioned above, evidence of depredation was found in the Hellenistic 6.VI of the hall, where vaults were formed in the time of Kushan, but in corridor 3 and corridor 6, where no vaults were formed after the Yuezhi period, Hellenistic artifacts were concealed under this chronological layer, and thus were probably preserved without being seen by the conquerors.

1.2.1 Consideration of Excavated Coins

It is useful to examine the trends of excavated coins as one of the factors that directly indicate the chronological character of the excavation site. The coins found on the ground in and around the temple site can be divided into five major types:

(1) India (Punch-marked); (2) Seleucids (Antiochus I); (3) Greco-Bactrian (Diodotos, Euthydemus, Demetrius, Euthydemus II, Agathocles, Apollodotus, Eucratides); (4) Yuezhi period Bactria (Eucratides imitation, Heliocles imitations, Hermaeus, Phraates imitations, Sanab <Kujra Kadphises, Heraios>); (5) Kushan dynasty (Soter Megas, Vima Kadphises, Kanishka, Huvishka, Huvishka imitation, Vasudeva, Vasudeva imitations, Kanishka III)

The three types (1), (2), and (3) show the same trend as the coins excavated from the Greco-Bactrian urban site at Ai Khanoum in northeastern Afghanistan. Six coins of the Indo-Greek king Agathocles and 677

Indian punch-marked coins were recovered from the palace area of Ai Khanoum, and 63 coins of Greek and Greco-Bactrian kings (Diodotus, Euthydemus I, Demetrius I, Euthydemus II, Agathocles, Pantaleon, Antimachus I, Apollodotus I, Eucratides I) were recovered from the residential site outside the northern retaining wall¹. The coins excavated from the palace area are thought to have been taken by the locals and buried when the city was abandoned, but they were originally spoils of war from the Greco-Bactrian invasion of India, and the coins excavated from the site outside the northern retaining wall are also thought to have been buried at the fall of Ai Khanoum².

As described in 1.1.2-a, 45 Indian punch-marked coins, 1 Eucratides coin, and other relics from the Hellenistic period have been found in the central hall 6.IV of the Oxus Temple Ruins. Compared to the Ai Khanoum, the punch-mark coin may also have been consecrated to the temple with the spoils of war from the Indian invasion, and the Eucratides coin may indicate that this vault was originally formed at the end of the Greco-Bactrian period. Similarly, the 25 Hellenistic coins and other artifacts from the Achaemenid-Hellenistic period excavated from corridors 3 and 6 described in 1.1.2-d, -e can be may have been deposited in the temple during the invasion of the Yuezhi.

The coins derived from these on-ground remains do not differ in appearance from those of the Ai Khanoum site, which ended in the reign of Eucratides. In both cases, the Eucratides coins symbolize the last period, and do not include the coins of Plato and Heliocles, the last kings of the Greco-Bactrian kingdom. Based on this and other archaeological facts, Ai Khanoum is understood to have been attacked and fallen during the time of Eucratides (ca. 145 BC). Therefore, judging from the results of excavations on its ground, the temple of Oxus can likewise be interpreted as having left the Greco-Bactrian occupation after the time of Eucratides.

On the other hand, according to Litvinsky and Pichikian, the Oxus relics, which are thought to have been taken from the temple of Oxus and buried in the Takht-i Kuwad. And they include coins from Greek Akanthos coins <~390 BC> and Macedonian Philip II coins, to those of Antimachus I <R.174-165 BC>. Assuming that the hoard originated in

¹ Guillaume, Olivier ed. *Graeco-Bactrian and Indian Coins from Afghanistan*, 1991; Boppearachchi, Osmond 'Recent Coin Hoard evidence on Pre-Kushana Chronology' in *Coins, Art and Chronology*, 1999

² Holt, Frank L. *Into the Land of Bones Alexander the Great in Afghanistan*, 2005

the Takht-i Kuwad, and using these coins as a straightforward dating clue, one can speculate that the hoard was buried in the Takht-i Kuwad in the time of Antimachus I, prior to the fall of the Oxus Temple. It may be in this connection that many of the other artifacts in this treasure show the Achaemenid style. Antimachus I was the last king of the Euthydemus dynasty and is known to have been usurped by Eucratides. It is possible that the treasures of the Temple of Oxus were buried in safer places (such as Takht-i Kuwad) from the temple's treasury during times of conflict that threatened the survival of the dynasty.

There is an article in the Chinese «*Shiji*» that Zhang Qian of the Former Han dynasty (129-128 BC) visited this place in search of an alliance with the Da Yuezhi. After Ai Khanoum was annihilated by the first invasion of the Yuezhi around 145 BC, the area north of Hindu Kush is believed to have fallen under the rule of the Yuezhi by 130 BC¹. Under these circumstances, the remains of the Oxus Temple survived throughout the Yuezhi and Kushan periods, even though, unlike the Ai Khanoum site, its rulers changed and the temple's form as a temple to the river gods, which had been in existence since the Greco-Bactrian period, changed.

According to A. Drujinina, an examination of the masonry of the pedestal found on the south side of the *iwan* entrance at *temenos* shows that the smooth-finished surfaces of the stones comprising the pedestal are assembled facing inward. This may indicate that the pedestal was reused later than Greco-Bactrian. In this case, the 5-meter statue would symbolize a different way of being of these remains in the time of the Yuezhi and Kushan than in the Hellenistic period.

Excavation results since 2004

In the southern part of *temenos*, I. Pichikian and his team left a rectangular trench scar (5X6m). Pichikian, who visited the MIHO MUSEUM in 1996, told the author that there were traces of sacred trees planted in the area, judging from the pavement in the sanctuary. In 2004, excavation of *temenos* was resumed after 13 years from the trenches of Pichikian. This trench (Object #17) was dug 2.9m from the Ground of *temenos*, and from inside, a plastic bag containing fine ashes (perhaps a

¹ Bopearachchi, 1999. P.115

mark of the next excavation restart) was placed on top, and this hole was dug in 1991. Among the Hellenistic and Kushanian ceramic fragments, animal bones, and a catapult bullet that were buried when it was closed, modern garbage such as H-shaped steel frames, cigarette boxes, and fragments of synthetic resin sandals were also found. Among the most important finds are lead-covered iron fittings and a lead block that is part of a footprint, which is said to have fixed a 5-meter-high bronze statue, which was described in Pichikian's report but has been missing.

From the above findings, the plan to search for the «Sacred Tree Ruins» disappeared. Excavations in 2004 initially focused on the residential sites located to the south and north of the temple and fortress remains, but they suddenly decided to concentrate on excavating Object #17. At the same time, a detailed survey using the C14 method of ash collected from each excavation site, including the *ateshgahs*, was also started.

2.1 Excavation of foundry site

The excavation of Object #17 was added to the excavation of Object #18 to the east, and the excavation continued for 5 years. Object #17 is a trench, and a stratum section following Object #18 was observed on its east face. This stratum cross section leaves the sedimentary layers of the alluvial fan to the north and south, and it folds like a tongue as if digging into it, and is filled with clay layers, ash coal layers containing copper/glass slag, animal bones, pottery fragments, etc. It is the whole structure spreads out in a pear shape with a narrow approach going down from west to east at the bottom.

2.1.1 Excavated Artifacts from the Foundry Site

Details of the stratigraphic structure and artifacts excavated between 2004 and 2008 can be found in the Bulletin of MIHO MUSEUM VI-XI, XIX so I should concentrate the main artifacts excavated at the site below:

(A) Mold (around -1m from the Ground)

A mold for the inner rim of the cauldron was unearthed, consisting of a mold piece with 6 Greek letters and a set of 73 Greek letters without missing pieces¹.

(B) Heliocles (145-130 BC) silver coin (around -2m from the Ground)

The obverse is a right facing bust of Heliocles surrounded by a talus ring, the reverse a standing figure of Zeus with lightning bolt and staff and «□ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ» inscription. Three imi-

¹ Drujinina, Anjelina «Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel», in *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 40, 2008

tation coins of Heliocles have been found in the temple remains above the Ground, but so far only one coin issued by this last king of the Greco-Bactrian kingdom has been identified, which was found below the Ground level.

(C) Charcoal (inside the trench: around 2.5 m deep from the Ground)

These were dated by C14 dating to roughly around the early 2nd century BCE to mid-1st century BCE¹. This includes a chronological range of the silver coin (B).

2.1.2 Consideration on the foundry site

Ancient Greek bronze foundry sites have been excavated from the southern foot of the Acropolis in Athens and from the Agora (from the 4th century BC to the 2nd century BC). From the Agora, there is a narrow stepped approach, presenting a "keyhole shape" that spreads out into a pear shape, and a round platform-like projection called a "mold base" is found in the center of the pear shape². The round «casting platform» excavated from the *temenos* of the Temple of Oxyrhynchus probably corresponds to the «mold base» of the Agora of Athens. And the stair-like approach and pear-shaped spread from west to east seems to be exactly the same structure as the remains of a Greek-style foundry. It is thought that this shows the same structure as the remains of a Greek-style casting facility. It is assumed that the foundry next to these ritual facilities was built temporarily along with the blast furnace and crucible, and was demolished when the casting work was completed. In the Oxyrhynchus Temple, after the casting work, the blast furnaces and other structures were destroyed and the holes were backfilled, leaving almost no traces, and it is believed that they were returned to the flat floor of *temenos*. Therefore, the reality is that reconstruction of such a foundry is rather difficult.

N. Konstan (Verrocchio Art Center, Italy) is concerned with the restoration of the foundry of the Acropolis of Athens. A mold for large castings is placed diagonally on a staircase structure, and a blast furnace is placed on the ground filled with soil. It is hypothesized that it was constructed and poured molten bronze through a crucible from above³. It is conceivable that the excavation of the southern part of the Temple of

¹ Kuwabara, Yasuo 'Radiocarbon Dating of Carbonized Samples Excavated from Takht-I Sangin, Tajikistan' in *Bulletin of MIHO MUSEUM* vol. XI 2011

² American School of Classical Studies at Athens *Bronze Workers in the Athenian Agora* 1982; Mattusch, Carol C. *Greek Bronze Statuary* Cornell University Press 1988

³ Konstan, Nigel *Sculpture – The Art and Practice* Verrocchio Arts 2002

Oxus *temenos* until 2009 was a foundry site that closely resembles Constant's hypothesis. In that case, it is possible that the foundry's original purpose was to make a large statue, rather than making the cauldron in which the mold was found. In that case, the existence of the 5-meter-tall bronze statue envisioned by Litvinsky/Pichikian also becomes a reality. However, at present, only one piece of the left palm has been excavated from a cylindrical ash pool found at a position of -2.5m to -4m from the Ground of the southeastern part of *temenos*, which seems to be a human statue mold. It is difficult to conclude that is also a mold. Drujinina considers the possibility that the cast of the statue was done in a place other than Object #17 and #18. If, as noted in 1.2, this bronze statue is later than the Hellenistic period, then even if the foundry portion of the Helio-cles-era bronze cauldron undoubtedly existed, the proposed reconstruction of a foundry for this bronze statue, following Constant's hypothesis, found below that foundry, is invalid. Above all, the limestone pedestal, with its carved tenons, was used in the final stages of the site, even though it was reused, and it is highly likely that the statue erected on it does not date back to the Hellenistic period.

2.2 Dating of the *ateshgah* ash coal bed

Ash-coal beds were found along the altar and walls of the symmetrical chambers (*ateshgah*) on both sides of the temple's *iwan*. When the age of the ash coal bed excavated along with the altar on the southeastern wall of Room 7 was measured by the C14 method, there was a slight difference between upper A and lower C.

A: Around the 1st century to the first half of the 2nd century

C: Late 1st century BC to mid 1st century AD

2.2.1 Considerations on the dating of *ateshgah*

These measurement results generally indicate that the A layer was formed during the Kushan period, and the C layer during the Yuezhi period. This fact supports the established theory that the temple was used until the Kushan period after it was occupied by the Yuezhi during the Greco-Bactrian period. However, this survey is only from northern *ateshgah*, and it seems necessary to verify samples from South *ateshgah*.

3. Further issues

As for when the cauldron mold was made at the *temenos* foundry, the C14 dating of the charcoal around the mold and the date of the Helio-cles coin are consistent and seem to be a strong indicator. The inscription on the mold, which is thought to be from the latter half of the 2nd century to

the middle of the 1st century BC, uses rectangular □ (omicron) and ◻ (sigma). This characteristic typeface is not found on Greco-Bactrian inscriptions, but is found on coins such as the Heraios, Kujra Kadphises, and Vima Taha of the early Kushan period, as well as the Hermaeus coin (posthumous) modeled by Heraios. Therefore, it is the established theory that it is from the transition period from the Yuezhi to the Kushan period or the early Kushan period.

What this fact shows is that the coins found in the ruins of this temple, which was used until the Kushan dynasty, are missing the era of Heliocles, the last king of Greco-Bactria. The Heliocles coins, which were not found in the remains above ground but found in the underground foundry site. If this coin were the evidence for the usage of the foundry in Objects #17 and #18 during this king's era, when Greco-Bactria was destroyed by the Yuezhi, it means that the rectangular Omicron and Sigma were already in use in Central Asia at that time. According to Drujinina, the name of the cauldron donor is not a Greek name and is thought to be of local Bactrian origin. On the other hand, the inscription on the pedestal of the Marsyas-type votive statue unearthed from 3.4 and inscribed with the name of the local Bactrian dedicator uses Omicron (○) and Sigma (C). It is therefore possible that the statuette predates Heliocles, when neither rectangular omicron nor sigma were used. It is also conceivable that during the time of Heliocles there was a discrepancy between the typeface of the coins issued by the king and the typeface of the inscriptions engraved on the votive offerings of the locals.

In 2009 and 2010, the remain of a well with a bottom at -11.4m from the Ground was excavated under the above foundry site. It is expected that this remains can be traced back to the time when this temple was first built, but I would like to expect further research in the future.

BIBLIOGRAPHY

- American School of Classical Studies at Athens *Bronze Workers in the Athenian Agora* 1982
Drujinina, A. «Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel», *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 40, 2008
D'yakonov, M. M. «Arkheologicheskoye Raboty v Nizhnem Techenii Reki Kafirnigana (Kobadian)» *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR*, Vol. 37 1953
Edizioni, De Luca *Oxus Tesori Dell'Asia Centrale* 1993
Konstan, Nigel *Sculpture - The art and Practice Verrocchio Arts* 2002
Litvinsky, B.A. & I.R. Pichikian «The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus» in *Bulletin of the Asia Institute* 1994

Литвинский, Б.А. & Пичикян, И.Р. Эллинистический Храм Окса Том 1 Москва 2000
Litvinsky, B.A. & I.R. Pichikian «Takht-I Sangin Der Oxus-Tempel» Archaeologie in Iran
und Turan Deutsches Archaeologisches Institut 2002
Mattusch, Carol C. Greek Bronze Statuary Cornell University Press 1988
Museum Rietberg Zürich Oxus 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien 1989
Pitschikjan, I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel Akademie Verlag, Berlin 1992

STATUS AND ISSUES OF THE OXUS TEMPLE EXCAVATION

The excavations initiated in 1976 and led by the Soviet Academy of Sciences and the Tajikistan Academy of Sciences at Takht-i Sangin, Tajikistan, concentrated on the temple site, and under the supervision of B.A. Litvinsky and headed by I.R. Pichikian, the structure of the remains was revealed and numerous. A large number of artifacts were discovered. However, this excavation was halted in 1991 due to the internal and external situation in Tajikistan. After the end of this situation, the Tajikistan Academy of Sciences led the resumption of excavation in 1998, albeit on a small scale, including the remains of the urban area located to the north and south of the temple site, with Anjelina Drujinina (Research Fellow, Tajikistan Academy of Sciences) as the leader. In 2004, at the suggestion of the МИНО MUSEUM, re-excavation of the temenos (forecourt) of the temple site was begun. The entire picture of the site has been gradually revealed in the course of these excavations. This paper will review the results of the excavations of the temple up to 1991 and attempt to place the excavation results to 2008 in perspective.

Keywords: Takht-i Sangin, temple of the Oxus, excavation, artifacts, coins, inscription, Achaemenid, Hellenistic, Greco-Bactrian, Yuezhi, and Kushan periods.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ХРАМА ОКСА

Раскопки, начатые в 1976 году и возглавляемые Академией наук СССР и Академией наук Таджикистана на Тахти-Сангине (Таджикистан), были сосредоточены в храме. Под руководством Б.А. Литвинского археологический отряд возглавляемый И.Р. Пичикяном выявил и изучил структуру храма. Было обнаружено большое количество артефактов. Однако раскопки были приостановлены в 1991 году из-за внутренней и внешней ситуации в Таджикистане. В 1998 г. Национальная академия наук Таджикистана возобновила раскопки на памятнике, в небольших масштабах, включая остатки городской территории, расположенной к северу и югу от месторасположения храма. Раскопками руководила Анжелика Дружинина (научный сотрудник Национальной академии наук Таджикистана). В 2004 году по предложению музея МИХО были начаты повторные раскопки теменоса (двора) храма. В ходе раскопок постепенно раскрылась вся картина этого места. В статье рассмотрены результаты раскопок храма до 1991 г. и предпринята попытка представить результаты раскопок до 2008 г.

Ключевые слова: Тахти-Сангин, храм Окса, раскопки, артефакты, монеты, надпись, ахеменидский, эллинистический, греко-бактрийский, юэджийский и кушанский периоды.

Иллюстрации

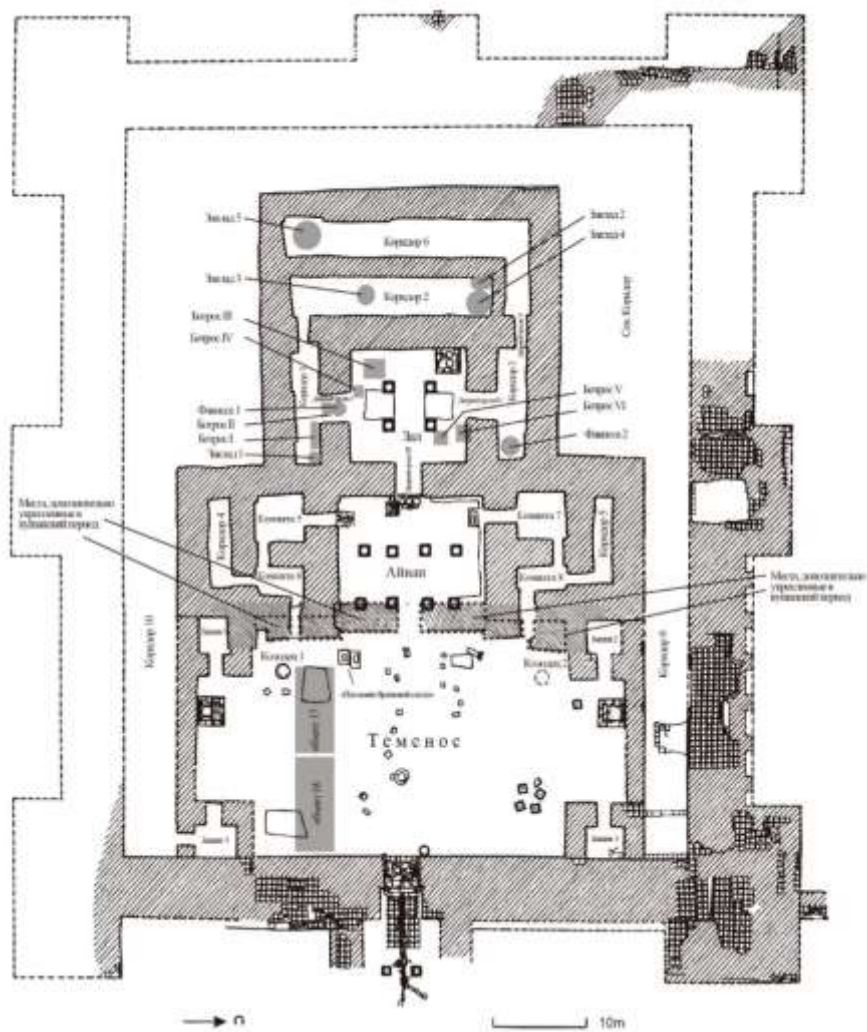


Fig. 1 Plan of the Oxus Temple with vaults
Table 1.

Таблица 1. Монеты, найденные в конструкциях Храма Окса или вокруг них (1976-1991)

категория	тип монеты	места находки																				Итого	
		зал					проход I		портал I		портал 2		портал 3		портал 6		портал 7		портал 8				
		б.И	б.IV	б.V	б.VI	б.В	Ф.1	б.1	а.1	а.2	а.3	а.4	Ф.2	а.5	б.1	б.2	б.3	б.4	б.5	б.6			
Персидская (сасанидская)					45																	45	
Сасанидская	Артабан I 200 – 261 гг. н.э.	1													5							6	
	Шапур I 240 – 260 гг. н.э.	1			1										2			1				5	
Грано-Бухарская группа	Шапур I 240 – 260 гг. н.э.	1													11	1			1		2	16	
	Шапур II 260 – 280 гг. н.э.													1								1	
	Шапур III 280 – 308 гг. н.э.														1							1	
	Шапур IV 308 – 380 гг. н.э.														1	3						4	
	Шапур V 380 – 438 гг. н.э.															1						1	
	Шапур VI 438 – 483 гг. н.э.																					1	1
	Шапур VII 483 – 529 гг. н.э.					1																1	3
Ирано-Туркменская группа	Шапур VI 438 – 483 гг. н.э.																					1	
	Шапур VII 483 – 529 гг. н.э.					1														1		3	
	Шапур VIII 529 – 590 гг. н.э.																					1	
	Шапур IX 590 – 628 гг. н.э.																					1	
	Шапур X 628 – 651 гг. н.э.																					1	
Кушанская группа	Сатрап Масагет 80 – 70 гг. н.э. (Фан-Тарбагатай)								1													1	
	Шапур VI 438 – 483 гг. н.э.	69																				69	
	Шапур VII 483 – 529 гг. н.э.	4																				5	
	Шапур VIII 529 – 590 гг. н.э.	9	30		16	1		1	1												1	4	
	Шапур IX 590 – 628 гг. н.э.	2	68							4										1		3	
	Шапур X 628 – 651 гг. н.э.					1				1	22											1	
	Шапур XI 651 – 678 гг. н.э.											2										2	
Кушанская группа	Шапур XII 678 – 711 гг. н.э.																					1	
	Шапур XIII 711 – 755 гг. н.э.																					2	
	Шапур XIV 755 – 773 гг. н.э.																					1	
	Шапур XV 773 – 806 гг. н.э.																					1	
	Шапур XVI 806 – 835 гг. н.э.																					1	
	Шапур XVII 835 – 876 гг. н.э.																					1	
	Шапур XVIII 876 – 905 гг. н.э.																					1	
Итого		87	98		46	22	1	1	51	1	1			2	23	3	2	2	2	1	1	31	374

(Составлено на основе данных в таблицах Е.В.Зайцев и в Litvinsky & Pichikini 2000 pp.393-404.)

Table 2

Таблица 2. Основные находки в храмовых конструкциях (1976-1991 гг., кроме монет)

категория	тип находки	места находки																				
		зал					проход I		портал I		портал 2		портал 3		портал 6		портал 7		портал 8			
		б.И	б.IV	б.V	б.VI	б.В	Ф.1	б.1	а.1	а.2	а.3	а.4	Ф.2	а.5	б.1	б.2	б.3	б.4	б.5	б.6		
Персидская группа	керамическая плитка 6-7 см. дощ.																					
	плитка с фигурной росой 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка в форме трапеции 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
Эллинистическая группа	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
Кушанская группа	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
Кушанская группа	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					
	керамическая плитка с рельефом (вазы, фигуры) 3-4 см. дощ.																					

(Составлено на основе: Litvinsky & Pichikini 2000, Litvinsky & Pichikini 2002, Mannheim 2009.)

About the author: Inagaki Hagime, Curator of the Miho Museum (Koka, Siga, Japan). E-mail: inagaki@miho.jp

Сведения об авторе: Инагаки Хажиме – куратор Михо Музея (Кока, Сига, Япония). E-mail: inagaki@miho.jp

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И СКУЛЬПТУРЫ ТАХТИ-САНГИНА

М. Бобоев

(Душанбе, Таджикистан)

Одними из ярких примеров ваяния и зодчества предков таджиков являются памятники Тахти-Сангина («Каменный трон»), расположенного в месте впадения реки Вахш в Пяндж. На территории городища раскопан храм Окса, построенный в конце V – начале IV века до н. э. Его архитектура и памятники представляют наиболее полно характерные черты древней культуры Бактрии. Они свидетельствуют о том, что в одном храме почитались как местные бактрийские (зороастрийские), так и греческие религиозные традиции¹.

К сожалению, пока мало исследований, посвященных проблемам производства, изготовлению строительных материалов, различных артефактов Тахти-Сангина. В настоящем сообщении приведены отдельные сведения о технологии строительства и искусстве ваяния в данном центре Бактрии. Автором, который является географом, геологом и скульптором, также предложен ряд фотографий городища Тахти-Сангин, которое он посетил в 2010г. Возможно, для кого-то они представят интерес.

Зодчество в Бактрии достигло высокого развития. Одним из самых распространенных материалов, применяемых в строительстве и ваянии, были **глина, гипс и камень**. Монументальное и массовое строительство было основано здесь на использовании крупной, прямоугольной формы сырца, *пахсы*, частично камня. Местный желтозем-лесс был в Бактрии доступен повсеместно и отличался высокой пластичностью. Изначально в полусыром виде он представлял собой глинобитную массу *пахсу*, в подсушенном состоянии - сырцовый кирпич, а после обжига – жженый кирпич.

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии: Южный Таджикистан. Том I, Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М: Вост.лит.,2000; Литвинский, Б. А Храм Окса в Бактрии: Южный Таджикистан. Том 2, Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М: Вост.лит 2001.; Литвинский, Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010.



Тахти-Сангин. 2010 г.

Глина сырцовых кирпичей была плотной, хорошего замеса. Но для прочности в нее иногда добавляли различные примеси (рубленный саман, верблюжью колючку, иногда песок). Наружные поверхности сырцовых и пахсовых стен покрывали глино-саманной штукатуркой, иногда с ганчевой побелкой. Сырцовые и глинобитные стены порой достигали толщины 2-2,5 м., благодаря чему строители добивались прочности и крепости строений¹.

Природные каменные материалы занимают одно из основных мест в ряду строительных материалов, используемые также как отделочные и поделочные материалы в архитектуре Тахти-Сангина. Этот природный материал, обладает разнообразной, сложной структурой, которую мастер, приступая к работе, должен учитывать, исходя из его строения, неповторимых очертаний. Каждая порода камня имеет особые способы обработки, что вызвано ее пластическими свойствами: фактурой, текстурой, зернистостью, твердостью (плотностью). К традиционным техникам обработки камня относятся рубка (высекание), вырезание, раскалывание, распиливание, дробление, шлифование, удаление ненужных частей материала.

Природный камень, применяемый непосредственно как строительный материал, привлекает своей декоративностью и долговечностью. Облицовка им зданий и сооружений, а также его использо-

¹ Подробно см.: Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан М.: Искусство.1979. С.21-27

вание в интерьере зданий придаёт внутренним помещениям не только архитектурную выразительность, но и особый характер.

На городище Тахти-Сангин из камня в VI-IV вв. до н. э. были выполнены базы колонны, капители ионического стиля с каменными базами восточного ордера. Внешняя облицовка стен, настилка полов в культовых и парадных помещениях придавала им престижность. Деревообделочное производство было здесь также развито достаточно широко.

Особым видом ремесла в Бактрии являлось изготовление оружия, образцы которого отличались высоким качеством. Для изготовления орудий труда и особенно оружия требовалось значительное количество железа, руда для которых добывалась на рудниках. Здесь же или вблизи копий располагались печи для получения железа. Использовалась в основном сыродутная плавка, которая практиковалась в Центральной Азии в горных районах до 20-х гг. XX в. Эта технология в отличие от позднейшего времени отличалась тем, что в печь вдувается не подогретый, а обычный («сырой») воздух¹.



Тахти-Сангин. 2010 г. Место жертвоприношения.

В древней Бактрии в печь загружалась мелко измельченная железная руда в смеси с древесным углем. В результате горения угля образующаяся и нагреваемая до высокой температуры окись угле-

¹ История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй /Ред. А.В.Седов, Пред. Ред. кол. Б.В. Бонгард-Левин. М., 2004.С.800.

рода поднималась вверх и вступала с рудой в соответствующие химические реакции. В результате окись железа в руде восстанавливалась в нужный металл – железо. В это время рудная порода шлаковалась и отделялась от металла. Образующийся жидкий шлак стекал на дно печи, а восстанавливаемые по мере выгорания угля зерна железа опускались в низ печи, слипались и образовывали крицу, в которой оставались и кусочки шлака. Крицы в виде округлой или овальной выпукло-вогнутой «лепешки», представляли собой полуфабрикат, поскольку железо в них было губчатым, содержало множество шлаков, кусочков угля и других примесей. Чтобы использовать его в качестве исходного материала для изготовления различных изделий, его вновь нагревали вместе с флюсами, а затем проковывали, повторяя эту операцию несколько раз¹.

В Бактрии была освоена добыча и достаточно сложная технология плавки и очистки конечного продукта при использовании разного типа медных руд, в том числе широко распространенных сульфидных. Мастера в полной мере владели техникой горячейковки, в том числе и таких миниатюрных предметов, как наконечники стрел, иглы и др. Из железа изготавливалось разнообразное оружие, орудия и предметы быта. Так, среди артефактов Тахти-Сангина известны многочисленные специальные ножи разной формы, ножи, железные накладки, обоймы, иглы, пробойники и т.д. При изготовлении бронзовых и золотых предметов широко применялось литье, причем формы были одно-, двух- и многостворчатыми. Мастера ахеменидского времени достигли значительного прогресса в совершенствовании отливки крупных и мелких изделий².

Золото, как жильное, так и рассыпное, имелось во многих регионах Центральной Азии. Античные авторы Ктесий, Страбон, Геродот сообщают об изобилии золота в Бактрии, его широком использовании при изготовлении различных изделий. Многие реки, по их сведениям, были золотоносными (Вахш, Амударья, Сурхоб, Яхсу, отчасти Зарафшан и многие другие). Пока мало известно о технике добычи и извлечения из руды жильного золота в ахеменидскую эпоху, но добыча рассыпного золота, начиная с глубокой древности и до первых десятилетий XX в. здесь осуществлялась. Достаточно

¹История Древнего Востока. С. 800.

²Подробно см.: История Древнего Востока. С. 802.

вспомнить, что на реке Вахш в селении Тукмазор до 1937 г. существовала артель по добыче золота.

Сохранились сведения древнегреческого источника конца IV — начала III в. до н.э., о способах добычи золота на реках. Работники могли на дне золотоносной реки оставлять кошмы или бараньи шкуры с длинным ворсом, направленным против течения. Затем их подвергали осмотру, а оставшееся золото отправляли на плавку. Иногда из реки выводили небольшой канал и всю операцию осуществляли в нем. Более трудоемким способом была расстилка прямо на берегу кошмы, грубой шерстяной ткани или бараньей шкуры и поливание ее водой, зачерпнутой из ручья, или использование деревянного лотка. Высушенный золотоносный песок могли и провеивать. В Бактрии существовали глубокие копи для извлечения серебра¹.

На Тахти-Сангине было найдено около 10 тысяч памятников пластического искусства и других изделий. К шедеврам мирового искусства относятся скульптура Аполлона из глины, покрытая алебастром с полихромной окраской, голова бактрийского сатрапа, мужской торс в хитоне, головы мальчика и эллинистического правителя из глины желто-коричневой окраски с вкраплениями песка и известняковых включений, алебастра с полихромной окраской и др. Многие из перечисленных выше изделий относятся к произведениям малой пластики, но их стиль позволяет судить об общем состоянии монументальной скульптуры той эпохи.

Часть находок из храма Окса датируется ахеменидским временем (VI-IV вв. до н. э.), когда Бактрия была сатрапией Персии. Произведения греческого искусства, имперский стиль эллинского искусства, прямо и опосредованно стали влиять на культуру Бактрии с III в. до н.э. Все эти влияния с наибольшей полнотой отражены в памятниках храма Окса, часть которых, известных как Амударьинский клад (Клада Окса), ныне находятся в Британском музее².

Предметы Амударьинского клада, подразделяются на несколько групп. Одни из них, созданные мастерами Западного Ирана, датируются доахеменидским временем и эпохой Ахеменидов (VI-IV вв. до н. э.). Предметы, привезенные из Малой Азии, возможно, созда-

¹История Древнего Востока. С. 801..

²Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Catalogue d'exposition. Musee nationale des arts asiatiques—Guimet. Paris:Éditions Snoeck, Gandi, 2021. Paris, 2021. P. 52-57.

ны до начала IV в. до н.э. Особую группу составляют произведения бактрийского и скифо-сибирского искусства.

К бактрийским изделиям относятся более 50 золотых пластин с изображениями и без них. Среди выгравированных на них персонажей встречаются главным образом фигуры жрецов, воинов, донаторов (дарителей) со связками прутьев, цветами и оружием, а также животные. Подобные пластины найдены были и в храме Окса на городище Тахти-Сангин (конец IV в. до н. э. – начало III в. н. э.) что позволяет считать артефакты Амударьинского клада частью его наследия.



Тахти-Сангин. 2010 г.

В Тахти-Сангине при изготовлении скульптурных памятников использовали в основном желтую глину¹, которая подвергалась нескольким процессам перед работой с нею: промыванию, отмучиванию, введению разного рода добавок. В результате этих процедур

¹ Пичикян И. Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки. М: ГРВЛ. 1991. С.68.

она должна была стать вязкой. Сначала скульптор создавал каркас из дерева, укрепленного веревками, затем накладывал на него слоями глину. Изделие окрашивалась красками местного происхождения прямо по глине или же по белой подгрунтовке из гипса. Самыми распространенными техниками обработки глины являлись: лепка, обжиг, глазурирование. Среди памятников Тахти-Сангина немало шедевров, созданных из глины: портреты сатрапа, молодых правителей с диадемами, фигура Аполлона и др.

Особое развитие получило в Бактрии ювелирное дело. Судя по находкам в храме Окса мастера владели сложной техникой, *клуазонне* (перегородчатая эмаль: на поверхности золотой пластины с помощью вертикальной низкой золотой полоски очерчивались контуры изображений, а внутренность контуров заполнялась цветной глазурью), инкрустацией и др.¹. Некоторые изделия Амударьинского клада были изготовлены из ценных пород камня, например, халцедонный скарабей, из лунного камня-минерала вырезан ахеменидский царь, воины и др.

Привозившаяся из Индии слоновая кость использовалась в качестве материала в художественном ремесле и для изготовления произведений искусства, инструментов, оружия, предметов культа и быта, украшений. Резчики старались отобразить мельчайшие детали изображения, а готовые изделия тщательно отполировать. Артефакты Тахти-Сангина: элементы мебели, великолепные ножны акинаков, бутероли, на лицевой плоскости которых имелись виртуозно выполненные рельефные композиции, свидетельствуют о незаурядном техническом мастерстве ювелиров. Судя по художественным особенностям и по иконографии портрета Александра Македонского на устье махайры III в. до н.э., который является истинным шедевром, его мастером был талантливый художник, усвоивший все традиции античного искусства.

В целом, находки на городище Тахти-Сангин вписали в историю культуры и искусства не только Таджикистана, но и мировую сокровищницу новую, весьма яркую страницу, представляя с наибольшей полнотой различные идеологии, синтез двух культур – западной средиземноморской эллинистической и восточной бактрийской, а также особенности ремесленной технологии.

¹История Древнего Востока. С. 803

БИБЛИОГРАФИЯ

1. История Древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй / Ред А.В.Седов. Пред. Ред. кол. Б.В. Бонргард-Левин.М., 2004.
2. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии: Южный Таджикистан. Том I, Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. М.: Вост. Лит., 2000.
3. Литвинский Б. А Храм Окса в Бактрии: Южный Таджикистан. Том 2, Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Вост. Лит. М., 2001.↑
4. Литвинский, Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Том 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. Лит. 2010.
5. Пичикян И. Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). Очерки. М: ГРВЛ. 1991.
6. Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан М.: Искусство.1979.
7. Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Catalogue d'exposition. Musee nationale des arts asiatiques–Guimet.Paris:Éditions Snoeck,Gandi,2021.-Paris,2021

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И СКУЛЬПТУРЫ ТАХТИ-САНГИНА

Проблемам производства, изготовления строительных материалов и различных артефактов Тахти-Сангина посвящено не так много исследований. В статье приводятся некоторые сведения о технологии строительства и искусстве скульптуры в этом бактрийском центре. Автор, географ, геолог и скульптор, представил ряд фотографий городища Тахти-Сангин, которое он посетил в 2010 году. Фотографии могут представлять интерес для некоторых читателей.

Ключевые слова: Бактрия, Тахти-Сангин, артефакт, архитектура, скульптура, технология, строительство, искусство.

PECULIARITIES OF THE TAKHT-I SANGIN ARCHITECTURE AND SCULPTURE

There are not a lot of researches has been devoted to the problems of production, the manufacture of building materials, and various artifacts of Takht-i Sangin. This article provides some information about the technology of construction and the art of sculpture in this Bactrian center. The author, who is a geographer, geologist and sculptor, offered a number of photographs of the site of Takht-i Sangin, which he visited in 2010. The photos might be the object of interest for some readers.

Keywords: Bactria, Takhti-Sangin, artifact, architecture, sculpture, technology, construction, art

Сведения об авторе: **Boboev Махмуд** – старший преподаватель Государственного художественного колледжа им. М. Олимова (Душанбе, Таджикистан). Тел.: (+992) 90 701 19 53.

About the author: Boboev Mahmud, Senior Lecturer, M. Olimov Art College (Dushanbe, Tajikistan). Тел.: (+992) 90 701 19 53.

КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИИ, ДАТИРОВКИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ильясов Дж.Я.

(Ташкент)

1. Введение

Раскопки городища Тахти-Сангин и публикация полученных при этом материалов внесли огромный вклад в познание материальной и духовной культуры Средней Азии античного периода. Среди многих тысяч уникальных находок с этого памятника в качестве объекта изучения нами выбраны пластины из слоновой кости, украшенные резными изображениями сцен охоты всадников-лучников на травоядных и хищных животных (рис. 1, 2). Они неоднократно публиковались авторами раскопок, а также привлекались другими исследователями в качестве источника тех или иных данных, как сравнительный и даже основной материал. Тем не менее, дискуссионные вопросы, касающиеся этих выдающихся артефактов, еще остаются. С учетом того, что недавно были сделаны открытия, позволяющие подтвердить некоторые соображения, уже высказывавшиеся автором настоящей статьи, хотелось бы еще раз обсудить проблемы функции, датировки и интерпретации тахтисангинских пластин.

2. Материал и методы исследования

2.1. Методы исследования

В виду того, что после находки обсуждаемого материала, в силу объективных причин, не были применены естественнонаучные методы исследований, для их изучения всеми авторами использовались, и используются нами в данной работе, методы сравнительно-типологического и стилистического анализа, которые позволяют на основе уже известных данных охарактеризовать интересующие нас вопросы, а именно назначение пластин, их типологические и стилистические особенности, их датировку, а также историко-культурный контекст.

2.2. Характеристика материала

Тахтисангинские пластины были найдены Южно-Таджикистанской археологической экспедицией под руководством Б.А. Литвинского в 1979 г. Они находились внутри так называемого культового заклада № 3 (или *ботроса* – специальной ямы для хранения приношений в храм), расчищенного в коридоре 2, в 22 и 25 см над материком, в кушанском слое¹.

Находки представляют собой: одну целую пластину размером 21.6×6.2-6.4×0.7 см, и обломок от другой, размер фрагмента 9.2×6 см. Во всех публикациях как материал указывается слоновая кость. На целой пластине выгравирована динамичная сцена охоты двух вооруженных луками наездников (рис. 1). Они скачут в противоположных направлениях: всадник слева – влево, всадник справа – вправо. Лошади (как правило, кочевниками для войны и охоты использовались кобылы) показаны в позе так называемого летящего галопа. У левого всадника не сохранилось лицо, в остальном лучники выглядят совершенно одинаково: собранные в пучок на затылке длинные волосы, костюмы, вооружение – мощные асимметричные луки с прямыми плечами, гориты с отделением для лука и двумя отделениями для стрел разной длины. Одинаковым является и конское снаряжение, за исключением способа оформления хвоста: у левой лошади хвост распущен, а у правой забран в специальный чехол. Есть разница и в позе скачущих лучников: если правый стреляет на полном скаку вперед, то левый показан стреляющим в типичной манере азиатских конников – обернувшись назад. И это вполне объяснимо – его огромными прыжками догоняет изображенная непропорционально крупной самка леопарда, в горло и грудь которой вонзились две пущенные им стрелы. Третья стрела наготове и, возможно, она и добьет опасного хищника, вместе с которым бегут и два детеныша. Не исключено, что всадник именно в них и стреляет.

Кроме леопарда (*Panthera pardus*), еще недавно населявшего горный хребет Бабатаг, разделяющий территории современных Узбекистана и Таджикистана, на пластине представлены еще несколько видов млекопитающих, которых до сих пор можно встретить на бывшей территории Бактрии. Это лиса, бегущая вслед за правым

¹ Литвинский 2002, 187, 189.

всадником в верхнем регистре изображения, три зайца и пять архаров, самцы и самки. Двух из архаров – круторогого самца и самку также настигли стрелы, но бег их продолжается.

От второй пластины сохранился, к сожалению, лишь фрагмент, на котором также представлены два всадника, скачущих в противоположные стороны – к краям пластины (рис. 2). Всадник справа вооружен луком, оружие левого наездника на фрагменте не сохранилось, но можно уверенно предположить, что это также был лук. Здесь мы снова видим так называемый «парфянский выстрел», то есть, стрельбу обернувшись назад на полном скаку. Так стреляет всадник, скачущий вправо, а его мишенью является олень с мощными рогами, в спину которого уже вонзились две стрелы. Под ногами коня убегающий вправо заяц. Изображений других животных на сохранившемся фрагменте нет. Но они, безусловно, были, не зря второй всадник помещен в центре композиции – слева от него должны были быть показаны убегающие от него объекты охоты, но какие именно это были животные, к сожалению, мы не узнаем.

Б.А. Литвинский, научный руководитель раскопок на городище Тахти-Сангин, посвятил пластинам специальную статью, которая была издана на английском (2001 г.) и русском (2002 г.) языках, и позже вошла в третий том публикации материалов раскопок Храма Окса¹. В этих статьях Борис Анатольевич дал подробную характеристику изображений, предложил их датировку и историко-культурную интерпретацию. В связи с этим выбор нами этих замечательных артефактов в качестве объекта нового исследования, казалось бы, является несколько странным. Тем более что автор, вместе с германскими коллегами, уже обращался к ним в специальной работе 2013 г.² Тем не менее, как показывает аннотация в совсем недавно изданном каталоге прекрасной выставки «Гаджикистан. В стране золотых рек», состоявшейся в 2021-2022 гг. в Национальном музее азиатского искусства Гиме (Musée national des arts asiatiques – Guimet) в Париже, один из принципиальных вопросов, а именно, вопрос о назначении тахтисангинских пластин был оставлен авторами – Матильдой Желен (Mathilde Gelin) и Анжелиной Дружининой – без изменений, они названы облицовкой шкатулки³. А это

¹ Litvinskiy 2001; Литвинский 2002; Литвинский 2010.

² Ильясов, Грубер, Каниут 2013.

³ Tadjikistan 2021, 104, Cat. 62.

означает, что данные произведения косторезного искусства эпохи ранних Кушан могут и должны быть темой дальнейших научных дискуссий.

3. Дискуссионные вопросы

3.1. Назначение пластин

Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, непосредственно проводивший раскопки Храма Окса, практически во всех своих публикациях, выходящих на протяжении трех десятилетий¹, определяли тахтисангинские пластины как обкладки стенки шкатулки. Кажется первыми, кто предположил иное функциональное назначение этих находок, были автор данной статьи и Д.В. Русанов². По нашему мнению, эти предметы были парными бляхами/пряжками пояса. В своем определении мы исходили из находки в кургане П, 7 Тулхарского могильника *in situ* парных костяных пластин, совпадающих размерами (21×4,7-6,5 см) и вытянутой трапецевидной формой с тахтисангинскими³ (рис. 3).

Наше мнение поддержал В.Е. Маслов⁴. После публикации комплекса тахтисангинских шкатулок стало еще более очевидным их принципиальное отличие – у подлинных стенок шкатулок имеются конструктивные детали, а именно шипы и пазы, служившие для сборки из них шкатулок⁵. Подобных деталей, как известно, у рассматриваемых здесь пластин нет. В них было просверлено по шесть симметрично расположенных отверстий (на фрагментированной пластине сохранилось только два отверстия), которые служили для прикрепления пластин к поясу при помощи заклёпок. Обратим также внимание на отличие в декоре – подлинные стенки шкатулок украшены орнаментальными мотивами эллинистического стиля, полностью отсутствующими на поясных пластинах⁶.

¹ Литвинский, Пичикян, 1980, 128-129; Litvinskiy, Pichikyan 1980, 80-81; Litvinskiy, Pichikjan, 1981a, 210-211, figs. 15-16; Litvinskiy, Pichikyan, 1981b, 158-159, pl. VII; Шедевры 1983, 30/107 и ил. на 29; Зеймаль 1985: 82, 98, № 247; Литвинский, Пичикян 1985: 515, 517; Oхus 1989: 50/22; Oхus 1993: 37/21; Pičikian 1996; Litvinskiy 2001; Литвинский 2001: табл. 12, верхний регистр, 13; Литвинский 2002; Литвинский 2010.

² Pyasov, Rusanov 1998, 109; см. также: Pyasov 2003, 282-283.

³ Мандельштам 1966, 29, табл. XLVI.

⁴ Маслов 1999, 225.

⁵ Литвинский 2004, 23-25, рис. 1, 2.

⁶ Хотя, судя по поясным пластинам, найденным *in situ* в погребении на памятнике Тиллябулак, эллинистический по происхождению мотив ионического киматия мог обрамлять

Все сомнения в том, что тахтисангинские пластины являются именно поясными пластинами, сняла находка совместного узбекско-германского археологического отряда, который под руководством д-ра Кая Каниута¹ и автора этих строк вёл раскопки на поселении Тиллябулак в Шерабадском районе Сурхандарьинской области². Здесь в мужском подбойном погребении 3, осуществленном на территории заброшенного поселения эпохи поздней бронзы, были найдены *in situ* две поясные пряжки из слоновой кости³. Они находились на уровне верхнего края костей таза, что полностью доказывает их назначение как поясных пластин (рис. 4 а, б). Хотя изображения на них сильно пострадали от времени, форма и размеры пластин фиксируются чётко: длина левой пластины, служившей собственно пряжкой – 18-18.2 см, ширина 5.8-6.5 см, при толщине 5-7 мм. Правая пластина, поврежденная и чиненная в древности, имеет примерно те же размеры. То есть, тиллябулакские находки всего лишь на 3 см короче тахтисангинских, имеют в среднем ту же ширину, но более выраженную трапециевидную форму. Они датированы нами в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.⁴

К сожалению, в Тахти-Сангин утрачена именно левая часть пластины со сценой охоты на оленя, то есть та часть, где в пряжке имелась прорезь для пропускания ремня и шпенёк, на который надевался этот ремень. Тем не менее, уже можно, на наш взгляд, с полной уверенностью отказаться от обозначения тахтисангинских пластин со сценами охоты как стенок шкатулки и называть их поясными пластинами.

3.2. Датировка пластин

Следующий дискуссионный вопрос, по которому среди ученых возникли многолетние разногласия, это проблема датировки тахтисангинских пластин. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что даты, предлагавшиеся авторами раскопок на протяжении де-

батальную сцену, см. Gruber, P'yasov, Kaniuth 2012. Возможно, здесь мы имеем дело с некоторой хронологической разницей.

¹ Dr. Kai Kaniuth, Vorderasiatisches Institut, Ludwig-Maximilians-Universität München

² Работы осуществлялись в 2007-2010 гг. в рамках исследований Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания Академии Наук Республики Узбекистан под общим научным руководством академика Э.В. Ртвеладзе.

³ Gruber, P'yasov, Kaniuth 2012, 339-375; Ильясов, Каниут, Грубер 2013, 185-199.

⁴ Gruber, P'yasov, Kaniuth 2012, 373.

сятилетий, имеют очень большой разброс. В самых первых публикациях, вышедших на русском, английском и французском языках в 1980-81 гг., речь идет о II-I вв. до н.э.¹ Эта же датировка приводится в статье, вышедшей, очевидно с большим опозданием, в 1986 г.² В публикациях 1983, 1985 и 1989 годов мы видим дату «рубеж эр», что должно означать конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.³ В своей индивидуальной статье, опубликованной в 1996 г., И.Р. Пичикян приводит дату I в. до н.э. – I в. н.э.⁴ Однако позже Б.А. Литвинский, под влиянием осторожных предположений японского исследователя К. Танабе, твердо склонился к III в. н.э.⁵ Как видим, диапазон датировок лежит в пределах пяти веков, а это обесценивает информативную ценность таких редких артефактов, каковыми являются тахтисангинские пластины. Ситуация очень напоминает проблему датировки других выдающихся произведений древнего искусства – Орлатских поясных пластин, для которых исследователи предлагали даты в пределах от II-I вв. до н.э. и до IV-V вв. н.э., то есть даже в большем временном диапазоне. Разница, однако, в том, что для Орлатских находок столь разнообразные мнения по датам высказывали разные специалисты, в то время как с тахтисангинскими пластинами смущает то, что авторами противоречивых датировок были одни и те же исследователи, непосредственно изучавшие памятник и объекты, найденные при его раскопках. По-видимому, на то существовали как объективные, так и субъективные причины. Но наша задача – попытаться из предложенных дат выбрать наиболее вероятную, дабы уникальный материал из Тахти-Сангин мог служить надежным эталоном при дальнейших исследованиях материальной и художественной культуры Северного Тохаристана и всей Центральной Азии.

Суть выводов Кацуми Танабе, повлиявших на поздний вариант датировки, в том, что в кистях, входивших в состав конского снаряжения на тахтисангинских и орлатских изображениях, он предложил видеть влияние сасанидской царской иконографии, где парящие или свисающие парные кисти были почти обязательным эле-

¹ Литвинский, Пичикян, 1980, 128-129; Litvinskiy, Pichikyan 1980, 80-81; Litvinskij, Pitchikjan, 1981a, 210-211, figs. 15-16; Litvinskiy, Pichikiyan, 1981b, 158-159, pl. VII.

² Литвинский, Пичикян 1986, 114-117, рис. 3.

³ Шедевры 1983, 30; Зеймаль 1985, 98; Oхus 1989, 50.

⁴ Pičikian 1996, Abb. 16.

⁵ Litvinskiy 2001, 155; Литвинский 2002, 201; Литвинский 2004, 29; Литвинский 2010, 351.

ментом изображений шаханшахов¹. Нами, однако, неоднократно приводились аргументы в пользу того, что ни данные археологии, полученные при раскопках Тахти-Сагина, ни иконография изображений не позволяют датировать тахтисангинские (а заодно и орлатские) пластины III в. н.э. и позже. В работе, специально посвященной кистям и нахвостным чехлам, я привёл немало примеров использования кистей в до Сасанидского период². Сейчас, по прошествии 20 лет, ее можно дополнить новыми примерами раннего использования кистей, не оставляющими никаких аргументов в пользу их позднего появления.

К.И. Рец первым разглядел «летающие» кисти на парных золотых поясных пряжках, которые исследовали многие поколения специалистов, в том числе и автор, и за это хотелось бы выразить ему благодарность. Кисти расположены под задними ногами лошадей, распластанных в так называемом летящем галопе. К.И. Рец предложил датировать этот набор концом III – II в. до н.э. и не исключил его принадлежность к обиходу хуннской элиты, когда в кочевом искусстве Центральной Азии еще сильным было влияние «скифских» стилистических традиций, «но уже произошли заметные изменения в иконографии и композиционных концепциях»³. К сожалению, на момент написания статьи ему, видимо, не были известны наши публикации на тему датировки Орлатских и Тахтисангинских пластин⁴.

Второй предмет, о котором хотелось бы сказать, изготовлен из оленьего рога и украшен резными изображениями. Найден он на городище Калалы-гыр 2 в Туркменистане и неоднократно был опубликован⁵. Кисть, свисающая с левой стороны лошади на широком кожаном или матерчатом ремне (рис. 5), по форме точно соответствует тахтисангинским кистям. Авторы находки датируют гибель древнехорезмийского города на месте городища Калалы-гыр 2 не позже II в. до н.э., таким образом, как мне уже приходилось писать, нет никаких причин относить появление кистей на изображениях к III в. н.э.⁶

¹ Tanabe 1990.

² Пуясов 2003.

³ Рец 2004, 327, 331.

⁴ Пуясов, Rusanov 1998; Пуясов 2003.

⁵ Калалыгыр 2004, 72, 184, 186, 187, 228, рис. 5, 24; Берзина 2006, 91; Яценко 2006, 103, рис. 62: 9; Ильясов 2013; Маслов 2015.

⁶ Ильясов 2013, 102, рис. 2: 1.

И наконец, совсем недавно, в 2021 г., известный казахстанский археолог А.Н. Подушкин сделал очередное замечательное открытие – в разграбленном кургане 14 могильника Кылышжар в Южном Казахстане он нашел две срединные обкладки сложносоставного лука, изготовленные из обработанных оленьих рогов и украшенные великолепной гравировкой. На одной из них представлена сцена охоты конного лучника на архаров (рис. 6), на второй – сцена преследования и терзания архаров хищником, и это произведение кангюйского косторезного искусства по стилю и технике очень близко к другому шедевру – Орлатским поясным пластинам I-II вв. н.э. Автор предлагает для своей находки датировку в пределах I в. до н.э. – II в. н.э.¹. Летящая или парящая кисть, изображенная здесь, отличается от свисающих кистей Тахти-Сангина и Калалы-гыр 2, но, тем не менее, она является еще одним совершенно новым свидетельством того, что кисти на произведениях кангюйского и раннекушанского косторезного искусства никак не связаны с сасанидским влиянием. Наоборот, хронологически предшествуя Сасанидскому периоду, эти элементы кочевнического конского убранства и их изображения, безусловно, послужили источником заимствований для сасанидского конского снаряжения и царской иконографии Сасанидов. Кроме того, следует подчеркнуть еще один важный момент. В отличие от сасанидских царских кистей, всегда изображавшихся парой, кисти на роговом изделии из Калалы-гыр 2, тахтисангинских, орлатских и кылышжарской пластинах – это всегда одиночный элемент конского убранства, имевший, по всей вероятности, сугубо практическое назначение – служить всаднику для того, чтобы отгонять мух и других назойливых насекомых².

Уже упоминавшаяся нами публикация целой тахтисангинской пластины в каталоге парижской выставки, хотя и повторяет устаревшее определение предмета как стенки шкатулки, в датировке объекта придерживается более реалистичной хронологии, помещая ее в пределы I в. до н.э. – I в. н.э.³ То есть, возвращается к дате, когда-то предложенной непосредственным руководителем раскопок Игорем Рубеновичем Пичикияном. Собственно, к этому же периоду относятся и все датировки, в которых говорится о рубеже новой

¹ Подушкин 2022а; Подушкин 2022б.

² Пыасов 2003, 270, note 55.

³ Tadjikistan 2021, 104, Cat. 62.

эры. В предыдущих публикациях мы синхронизировали тахтисангинские пластины с орлатскими и предлагали для них дату I-II вв. н.э.¹, а также, после открытия поясных пластин Тилля-Булака, I в. до н.э. – II в. н.э.² Надеясь, что будущие находки аналогичных поясных наборов в хорошо датированных комплексах, а также применение естественнонаучных методов их датирования, позволят уточнить и сузить эту датировку.

Таким образом, вопросы, остававшиеся дискуссионными на протяжении более чем четырех десятилетий, прошедших после исторической находки тахтисангинских пластин, на наш взгляд, вполне могут считаться разрешенными. Нам представляется, что благодаря новым археологическим раскопкам и открытиям, сейчас не существует объективных причин не соглашаться с предложениями, впервые высказанными нами 25 лет назад.

4. Историко-культурная интерпретация

В отличие от Орлатских пластин, вокруг историко-культурной принадлежности, которых многие годы «ломаются копья», кушанский контекст тахтисангинских находок, кажется, никогда не вызывал возражений. «Портретное и этническое» сходство охотников со скульптурными портретами из Халчаяна и Дальварзина, в свою очередь имеющими несомненное сходство с портретами «Герая» на его монетах Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечали уже в самых первых своих публикациях³. Как известно, «Герая» Галина Анатольевна Пугаченкова и некоторые другие исследователи считают раннекушанским правителем I в. до н.э. – I в. н.э., а выдающийся британский нумизмат Джо Крибб отождествил с первым из великокушанских царей Куджулой Кадфизом (ок. 40-90 гг. н.э.)⁴. В связи с находками в Орлатском могильнике (Самаркандская область) костяных пластин с великолепными резными изображениями, Г.А. Пугаченкова обратилась в качестве сравнительного материала к тахтисангинским пластинам, и повторила мысль о том, что персонажи, изображенные на этих пластинах, имеют несомненное сходство со знаменитыми «Гераями»⁵. Так она назвала персонажей

¹ Пуясов 2003, 294.

² Ильясов, Каниут, Грубер 2013, 194.

³ Литвинский, Пичикян, 1980, 128-129; Litvinskiy, Pichikyan 1980, 80; Litvinskij, Pitchikjan, 1981a, 210-211; Litvinskiy, Pichikiyan, 1981b, 159.

⁴ Cribb 1993.

⁵ Пугаченкова 1989, 101-103.

халчаянской скульптуры, выразительный облик которых очень близок портретам на монетах так называемого «Герая/Санаба/Кушана». Благодаря археологическим находкам ряды «Гераичей» время от времени пополняются. Так, к самым последним подобным событиям можно отнести открытия российско-монгольской экспедиции в Ноин-Уле (Монголия), где на выдающихся по своему художественному, информативному и культурно-историческому значению шерстяных вышивках имеются персонажи, весьма схожие с «Гераем» и халчаянскими воинами¹. Против сходства тахтисангинских охотников с «Гераичами» Б.А. Литвинский не возражал и в последующих своих публикациях: «Внимательное сопоставление показывает, что сходство действительно есть, но оно носит скорее общий, так сказать, родовой характер и во многом связано с воспроизведением близкого этнического типа»². Соответственно, мы полагаем, что обозначение Б.А. Литвинским в своих поздних работах сюжета пластин как «Бактрийцы на охоте» не совсем корректно. Г.А. Пугаченкова была абсолютно права, когда назвала одну из своих этапных в изучении тахтисангинских и орлатских пластин статей «Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда». Собственно, задолго до нее Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян всегда писали об изображенных здесь охотниках как о юэчжи или ранних кушанах. Поэтому наиболее правильным определением сюжета, по-видимому, должно быть, всё-таки, «Юэчжи на охоте» или «Кушаны на охоте».

5. Заключение

Подводя итог предпринятого нами анализа всего лишь двух предметов из огромного корпуса находок из раскопок Храма Окса на городище Тахти-Сангин, во введении в научный оборот которого величайшая заслуга принадлежит выдающемуся исследователю среднеазиатских древностей Б.А. Литвинскому, еще раз повторим выводы, которые представляются нам на сегодняшний день наиболее объективными.

1. Тахтисангинские пластины из слоновой кости являются парными пряжками наборного пояса. Как показывают аналогии – парные костяные/роговые пряжки из Тулхарского могильника, а также

¹ Полосьмак, Богданов 2016.

² Литвинский 2002, 198.

парные пряжки из слоновой кости из Тилля-Булака – в Северной Бактрии тахтисангинские находки не были уникальными. Пряжки больших размеров (18-21 см в длину, 4.7-6.5 см в ширину), имевшие вытянутую трапецевидную форму, определённо были здесь популярны. Они имеют при этом очевидный этно-культурный контекст: два таких набора найдены в подбойных погребениях с северной ориентацией, третий – украшен гравировкой, в которой показаны персонажи юэчжийско-кушанского облика, а вооружение и конское убранство имеет многие параллели в кочевническом комплексе, известном по сакской, кангюйской, сарматской, юэчжийско-кушанской материальной культуре и иконографии (чехлы на хвостах коней; пряди на гривах коней; кисти, свисающие на ремне; сложносоставные асимметричные луки; гориты с двумя отделениями для стрел разной длины; облик и костюмы персонажей).

2. Датировка тахтисангинских поясных пластин, которую мы считаем приемлемой, лежит в пределах следующих дат: I в. до н.э. – I в. н.э. (датировка, предложенная первооткрывателем тахтисангинских материалов И.Р. Пичикином, а также М. Желен и А. Дружининой), рубеж новой эры или I-II вв. н.э. Новые материалы из Бактрии, надеемся, помогут сузить эти временные рамки.

Приведенные выше рассуждения не имеют целью поиск каких-то мелких ошибок и разбор второстепенных вопросов, как может показаться на первый взгляд. Стенка шкатулки и поясная пряжка – это слишком разнородные предметы, и несут совершенно разную семантическую нагрузку. Поэтому в проблему назначения тахтисангинских пластин необходимо внести ясность. Кроме того, предпочтение позднего варианта датировки привело к отказу от изначальных более ранних и более реальных дат. Юэчжийская (раннекушанская) датировка или отнесение предмета, по сходству с портретами «Герая/Санаба/Кушана», ко времени Куджулы Кадфиза (ок. 40-90 гг.), то есть к самому началу великокушанского периода, в результате поменялось на датировку так называемым позднекушанским, а точнее, кушано-сасанидским периодом. А это разница примерно в 150-200 лет, что обесценивает информативную ценность замечательных артефактов из Тахти-Сангин. И, конечно же, не облегчает решение и без того довольно запутанных проблем кушанской и посткушанской хронологии. Как всегда, надеемся на новые архео-

логические открытия, которые позволят нам укрепиться в нашем мнении, высказанном здесь в очередной раз.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берзина С.Я. Ахеменидские геммы в Хорезме // Российская археология, 2006, № 3. С. 85-94.

Зеймаль Е.В. (ред.) Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985.

Ильясов Дж. Я. Об изображении на роговом предмете с городища Калалы-гыр 2 // Российская археология. 2013, № 2. С. 96-104.

Ильясов Дж.Я., Каниут К., Грубер Тахтисангинские пластины – шкатулка или поясной набор? // Последний энциклопедист: к юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. Москва, 2013. С. 185-199.

Калалыгыр 2. Культурный центр в древнем Хорезме. Москва, 2004.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Москва, 2001.

Литвинский Б.А. Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 1 (26). Санкт-Петербург, 2002. С. 181-213.

Литвинский Б.А. Бактрийские шкатулки // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Р.Л. Кызласова. Москва, 2004. С. 23-37.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Новые открытия в Южном Таджикистане // Вестник АН СССР. № 7.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти Сангин – Каменное городище (1979 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIX (1979 г.). Душанбе, 1986. С. 104-135.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. Материалы и исследования по археологии СССР, 136. Москва–Ленинград, 1966.

Маслов В.Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. Москва, 1999. С. 219-236.

Маслов В.Е. Композиция с номадами из Калалы-гыр 2 и ее культурно-исторический фон // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды Государственного Эрмитажа, 77. Санкт-Петербург, 2015. С. 269-295.

Подушкин А.Н. Знатный кангюец на охоте // Stratum plus. № 4. Санкт-Петербург – Кишинёв – Одесса – Бухарест, 2022а. С. 183-208.

Подушкин А. Кангюй в свете новых палеолингвистических, нумизматических и археологических источников // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 42. Ташкент, 2022б. С. 90-115.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006-2012 гг. Новосибирск, 2016.

Пугаченкова Г.А. Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 96-110.

Рец К. И., 2004. Поясные пластины со сценой охоты на кабана из Сибирской коллекции Петра I: к вопросу о хронологической и культурной атрибуции // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. II. СПб.: ГЭ. С. 325–332.

Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана: Каталог выставки. Москва, 1983.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. Москва, 2006.

Cribb J. The 'Heraus' Coins: Their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises, c. AD 30-80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins. M.J. Price, A. Burnett, R. Bland (eds.). London, 1993. P. 107-134.

Gruber M., Il'aysov J., Kaniuth K. A Decorated Ivory Belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 18. Leiden, 2012. P. 339-375.

Ilyasov J. Covered Tail and «Flying» Tassels // Iranica Antiqua, 38. 2003. P. 259-236.

Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V. A Study on the Bone Plates from Orlat // Silk Road Art and Archaeology. 5 (1997/98). Kamakura, 1998. P. 107-159.

Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (North Bactria) // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XXVIII/1-4. Budapest, 1980. P. 25-83.

Litvinskij B.A., Pitchikyan I.R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // Revue archeologique. 1981a, Fasc. 2. P. 195-216.

Litvinskij B.A., Pichikijan I.R. The Temple of the Oxus // Journal of the Royal Asiatic Society. No. 2. 1981b. P. 133-167.

Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Zürich, 1989.

Pičikian I. Neue Entdeckungen in Baktrien und die hellenistische Kultur // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9.-14. März 1994 in Berlin. Hrsg. Bernd Funck. Tübingen, 1996. S. 77-89.

Tadjikistan. Au pays des fleuves d'or. Paris, 2021.

Tanabe K. Positive Examples of Sasanian Influence on Gandharan Art // Makaranda: Essays in honor of Dr. James C. Harle. Delhi, 1990. P. 51-62.

J.Ya. Ilyasov (Tashkent)

BONE PLATES FROM TAKHTI-SANGIN: PROBLEMS OF FUNCTION, DATING, HISTORICAL AND CULTURAL INTERPRETATION

The excavations of Takht-i Sangin ancient settlement and the publication of the materials obtained are a huge contribution to the knowledge of the material and spiritual culture of Central Asia of the ancient period. Among many thousands of unique finds from this monument, we have chosen ivory plates decorated with carved images of riders hunting herbivorous and predatory animals as an object of study. They have been repeatedly published by the authors of excavations, as well as attracted by other researchers as a source of certain data, as a comparative and even basic material. Nevertheless, debatable questions concerning these outstanding artifacts still remain. Taking into account the recent discoveries that allow confirming some considerations already expressed by the author of this article, we would like to discuss once again the problems of function, dating and interpretation of the Takhti-Sangin ivory plates. They served as paired buckles of a belt. As analogies, i.e. paired bone/horn buckles from the Tulkhar burial ground, as well as paired ivory buckles from Tillya-Bulak showing, the Takhti-Sangin finds were not unique in Northern Bactria. Large buckles with an elongated trapezoidal shape were definitely popular here. Our next conclusion: There is no reason to focus on the iconography of the Sassanid period when dating the Takhti-Sangin and Orlat belt plates. The dating that we consider acceptable lies within the following dates: 1st century BC. - I century A.D., the turn of the new era or I-II centuries A.D. New materials from Bactria, we hope, will help to narrow this time frame.

Keywords: Bactria, Takht-i Sangin, ivory, carved décor, meaning, dating

КОСТЯНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИИ, ДАТИРОВАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Раскопки городища Тахти-Сангин и публикация полученных материалов являются огромным вкладом в познание материальной и духовной культуры Центральной Азии древнего периода. Среди многочисленных уникальных находок из Тахти-Сангина объектом исследования мы выбрали пластины из слоновой кости, украшенные резными изображениями всадников, охотящихся на травоядных и хищных животных. Они неоднократно публиковались авторами раскопок, а также привлекались другими исследователями как источник тех или иных данных, как сравнительный и даже основной материал. Тем не менее до сих пор идут дискуссии относительно этих артефактов. Принимая во внимание открытия последних лет, позволяющие подтвердить некоторые соображения, уже высказанные автором данной статьи, нам хотелось бы еще раз обсудить проблемы функции, датировки и интерпретации костяных пластин Тахти-Сангина. Они служили парными пряжками ремня. По аналогиям, т.е. парным костяно-роговым пряжкам из могильника Тулхар, а также парным пряжкам из слоновой кости из Тилля-Булака, видно, что находки Тахти-Сангина не были уникальными в Северной Бактрии. Определенной популярностью здесь пользовались крупные пряжки вытянутой трапецевидной формы. Наш следующий вывод: при датировке поясных пластин Тахти-Сангина и Орлата нет оснований ориентироваться на иконографию периода Сасанидов. Датировка, которую мы считаем приемлемой, лежит в пределах следующих дат: I век до н. э. - I век н.э., рубеж новой эры или I-II вв. н.э. Новые материалы из Бактрии, мы надеемся, помогут сузить эти временные рамки.

Ключевые слова: *Бактрия, Тахти-Сангин, слоновая кость, резной декор, назначение, датировка.*

Иллюстрации



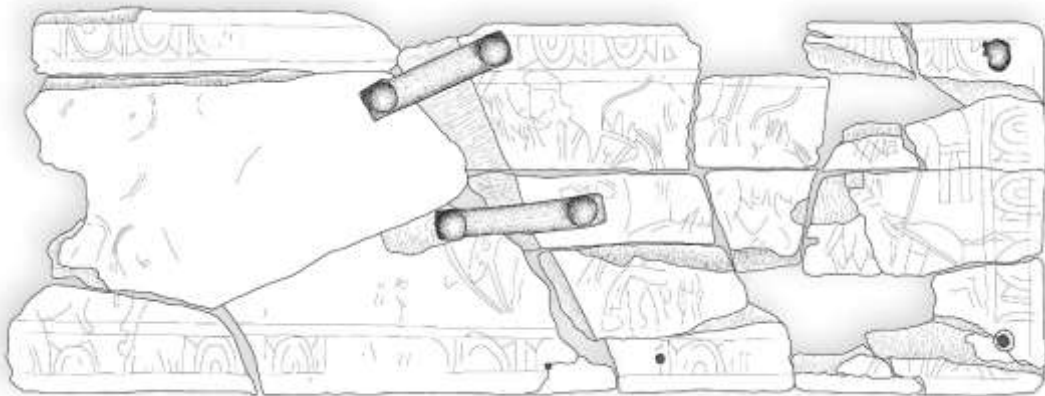
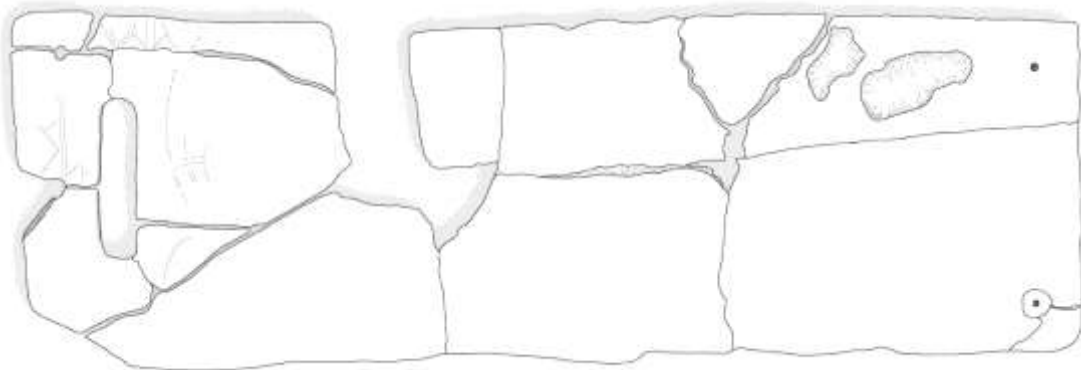
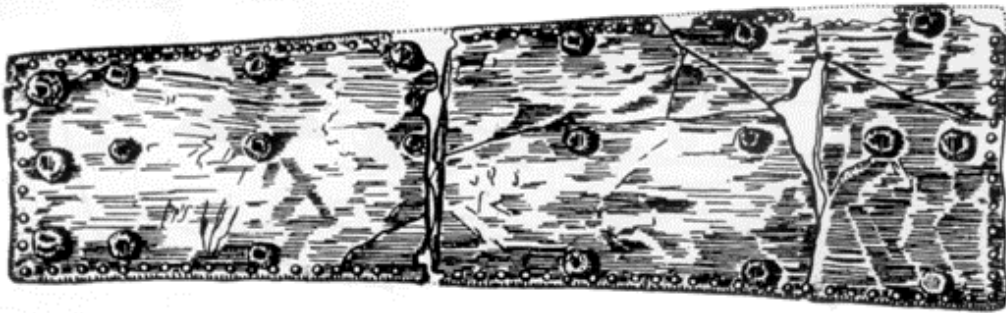
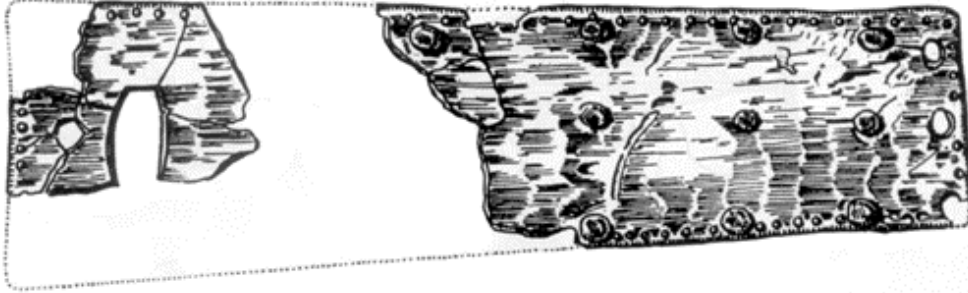




Fig. 4. Achaemenid amphora with zoomorphic handles from Iran. After Sideris 2016: 176.

Сведения об авторе: Ильясов Жангар Явдатович – кандидат искусствоведения, заведующий отделом истории искусств Института искусствоведения Академии наук Республики Узбекистан. Тел.: (+998)71 239177, 71 2568754. E-mail: jangar_61@mail.ru.

About the author: Pyasov Jangar Yavdatovich, Candidate of Art History, Head of the Art History Department of the Institute of Art Studies, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Tel.: (+998)71 239177, 71 2568754. E-mail: jangar_61@mail.ru.

К ВОПРОСУ ОБ АМФОРОВИДНОЙ СЕРЬГЕ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА

Олия Каландарова

(Душанбе, Таджикистан)

Среди археологических ценностей городища Тахти-Сангин IV в. до н.э. – III вв. до н. э. своей уникальностью выделяются золотые «амфоровидные» серьги¹, обнаруженные Тахтисангинским отрядом (начальник А. П. Дружинина) в 2007 и 2008 гг. Кольцо из тонкой проволоки. На дужке – «амфоровидная» подвеска. Средняя часть «амфоры» состояла из коралла, верхняя и нижняя жемчужина. Изогнутые ручки представлены в виде стилизованной рыбы. На конце стержня подвески – жемчужина и пирамидка из зерни² (рис.1.1).

Аналогичные серьги были обнаружены в женских погребениях Тулхарского могильника II в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 1.2) и Бешкентского могильника V I-II вв. н.э. (рис. 1.3). Серьги одинаковые по конструкции, но отличающиеся некоторыми деталями – вставками из драгоценных камней³.

Исследовавший Тулхарский могильник А.М. Мандельштам считает, на ручках сережек было изображение дельфинов⁴. Однако А.К. Мирбабаев, после консультации ихтиологов, приходит к выводу, что это изображение рыб той породы, которая в прошлом водилась

¹ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 111, рис.13.5; Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2009. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 197, рис. 9.1-3); Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 // Bulletin of Miho Museum. 2011. Vol. 3. P. 20, fig. 9.1a; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. Cat. 56.

² Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахтисангин в 2007г. Продолжение работ в раскопах Храма №17 и №18 // АРТ. 2008. Вып. XXXIII. С.111.

³ Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. / И.Н. Медведская // АРТ. Душанбе: Дониш, 1979. Вып. XIV (1974 г.). С.115.

⁴ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию / А.М. Мандельштам // МИА. М.-Л.: Наука, 1966. Вып. 136. С.123. (Тр. ТАЭ Ин-та археологии АН СССР Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. V).

в реках Вахша и Кафирнигана, а также в родниках Чилучорчашма. В древности в этих реках водились осётр и сом¹. Автор статьи поддерживает точку зрения А.К. Мирбабаева.

Изображения рыб встречаются в орнаментах ювелирных украшений различных областей Средней Азии, но в отличие от других зооморфных символов он встречается гораздо реже. Археологические материалы подтверждают, что этот образ был распространён в идеологической системе предков таджикского народа.

Культ рыбы перекликается с мотивами зороастрийских мифов и связан с царским тронem. В «Авесте» несколько раз упоминается рыба Кара. Из источника мы знаем, что она живет в водах Ранхи и обладает острым зрением («Видевдат» 19.42; «Яшт» 14.29). О рыбе Кара говорится также в «Бундахишне» и «Менoг-е Храде» («Бундахишн» 14. 12; 24. 13; «Менoг-и Храд» 62. 29-30), где она отмечена в единственном числе. В «Бундахишне» имеется отрывок, где этих рыб 10 и они плавают в океане Варкашвокруг острова и неусыпно стерегут Хаому. В пречистом океане нет никакой пищи, ничего съедобного – однако Каре пища и не нужна: жизненную силу в её теле поддерживают Атар и Аша – Истина, чей дух разлит по всему миру («Бундахишн» 18.3).

О том, насколько был развит культ рыбы у предков таджиков в доисламский период, свидетельствуют китайские источники. Так, в династийной хронике дома Бейши говорится, что во владении Цао «чтут нечестивый храм². В Луковых горах есть покорный небу дух. Комнаты из золотых и серебряных листов, пол серебряный. Число жертвующих ежедневно составляет до 1000 человек. Перед храмом есть позвоночная кость одной рыбы. Через отверстие этой кости проезжает всадник. Владелец носит шлем, представляющий голову золотой рыбы, сидит на престоле, представляющем золотого коня»³. А.К.Мирбабаев полагает, что область Цао соответствует территории раннесредневековой Уструшаны, а ландшафт и природная местность подходит к городищу Мунчак-тепа⁴.

¹Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката. Раскопки и исследования // Материальная и духовная культура. 2005. Вып. II. С. 267.

²Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. С. 246.

³Там же, с. 456.

⁴Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования. Материальная и духовная культура Уструшаны. С. 227.

Действительно, на городище Мунчак-тепа был обнаружен храм, который посвящён божееству рыбы. Среди находок обнаружена гигантская несоразмерная величина позвончика, которого в природе, конечно, быть не может. Упоминавшийся позвончик был вырезан из отдельных сложносоставных деревянных деталей, которые затем были подогнаны друг к другу. Расположение храма рыбы вблизи большой обильной рыбой реки, как Сырдарья, вполне допустимо. Это свидетельствует о том, что в экономике и в хозяйстве населения наряду с земледелием и животноводством большое место занимало рыболовство.

Интересные сведения о рыбе имеются в легендах и фольклоре таджиков. Так, с культом рыбы они связывают понятие о водяной фее «парии оби». Культ доброго божества Амударьи, Вахша связан с культом плодородия. В таджикских сказках «парии оби» помогает людям, выбрасывая на берег драгоценности с речного дна. С культом рыбы связано немало легенд и поверий, которые зафиксированы в «Шахнаме» Фирдоуси¹.

Реалистичные изображения рыб, а также их символику мы находим в орнаментах ювелирных изделий таджиков и узбеков. Ожерелье из серебряных пластин, соединённых цепочками, украшали подвесками, изображающим рыб, такие же подвески прикрепляли к диадемам и кокошникам. Позвонки рыбы (сазана) входили в состав ожерелий в качестве амулетов-оберегов².

Питаться рыбой у таджиков считалось очень благожелательным, она якобы очищает гортань человека. Н.С. Лыкошин пишет, что в дни новогоднего праздника Навруз на берегу реки Сайлгох устраивался так называемый «рыбный день», ритуальные поедания рыбы в первый день наступающего нового года. С этой целью на специально отведённых местах Сайлгоха в большие плетёные корзины рыбки кучей сваливали свежую рыбу. Специальные повара на больших медных плоских жаровнях жарили её. Посетители праздничного гуляния с охотой покупали и съедали рыбу³.

¹Фирдауси А. Шахнаме. Т. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. подг. Ц.Б. Бану, А. Лахути, А.А. Стариков. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 316.

²Борозна Н. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды Средней Азии. 1975. С. 58.

³Лыкошин Н.С. Встреча весны Сайл в Ходженте/ Н.С. Лыкошин // Туркестанские ведомости. 1903. 16 марта. №22.

Культ рыбы был распространён на всей территории Средней Азии. В Хорезме существовала легенда, согласно которой будущая гибель этого края связана с рыбой. Существовало поверье, что в Аральском море живут две огромные рыбы – осётр и щука. Настанет день, когда одна из этих рыб, преследуемая другой, пройдёт от низовьев Амударьи к её верховьям, вследствие чего дно реки опустится на сорок гязов. Когда рыба пройдёт обратно, оно опустится ещё на такую же глубину, уровень воды понизится, вода перестанет поступать в каналы и жизнь в оазисе прекратится¹.

В поверьях туркмен рыба занимала почетное место. По одной из легенд, рыба должна почитаться, так как была создана богом вместе с горным бараном в числе первых двух живых существ на земле после человека. Представления, связанные с рыбами, играли определённую роль и в бытовой религии туркмен. Рыба считалась оберегом не только от «дурного глаза», но и от воздействия нечистой силы. Существует такое поверье, что если во время еды положить кости рыбы не на скатерть, а прямо на кошму, то сон на такой кошме будет спокойным².

В хорезмийских пережиточных верованиях рыба считалась средством религиозного лечения болезней. Из рыб особенно сазан надеялся сверхъестественной силой. При заболевании туберкулёзом больного везли на Амударью, где, подплыв на лодке к местам, обильным сазанами, заставляли смотреть на стаи рыб. Интересны поверья, связанные с сомом. Если у человека долгое время были боли в животе, живого сома резали на куски, которые тряпками привязывали к телу больного. Позвонок сома вешали детям на головной убор от «сглаза»³.

Рыба в иранской мифологии – это священное существо. Таджики говорят: «Касе дар хоббинадмургмохи, намирад то набинадтахтишохи» («Кто увидит во сне птицу и рыбу – тот до самой смерти будет царём»). Ю. Якубов считает, что изображение рыбы связано с царским трон⁴.

¹Снесерев В.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С. 123.

²Демидов С.М. О пережитках, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен / С.М. Демидов // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР: серия этнографическая, т. VII. Ашхабад, 1963. С. 119-134.

³Там же, с. 47.

⁴Якубов Ю.Я. Религия Древнего Согда. Монография / Ю.Я. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1996. С.123..

Большую роль культ рыбы имел в магических поверьях таджиков, о чем свидетельствуют остатки многочисленных водоёмов с рыбами, расположенных на территории Таджикистана и Узбекистана: Лангари мохиён близ селения Чорку, Хавзиморон в Ура-Тюбе (совр. Истаравшан), Чилучорчашма в Шахритузском районе и другие. Вполне вероятно, что это пережитки домусульманского прошлого таджиков.

Культ рыбы был распространён и у народов Кавказа. Л.Люлье писал о черкесском морском божестве «Кодес», который имеет образ рыбы, имеющей силу удерживать море в пределах берегов. Кодес – покровитель рыб и морей. В древнее время ему молились перед рыбной ловлей, прося у него большого улова. У черкесов существовал зимний праздник Кодесах, когда люди берут в море воду и опрыскивают ею один другого»¹.

Таким образом, несмотря на то, что ювелирные украшения с изображением рыбы с археологических памятников Таджикистана немногочисленны, их достаточно, чтобы отметить, что их семантика имеет зороастрийское происхождение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авеста в русских переводах (1861-1996). Ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: «Журнал Нева», «Летний Сад», 1998. – 480 с.
2. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. – 352 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Монография / Н.Я. Бичурин. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т.1. – 327с.
4. Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии/ Н.Г. Борозна // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: ГРВЛ, 1975. – С.56-67.
5. Дружинина А.П., Худжагелдиев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахтисангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храма №17 и №18 // АРТ. – 2008. – Вып. XXXIII. – С.105-117.
6. Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIV (2008 г.). – С. 191-216.
7. Демидов С.М. О пережитках, связанных с водной стихией и рыболовством у туркмен / С.М. Демидов // ТрудыИн-та истории, археологии и этнографии АН ТССР: серия этнографическая, т. VII. – Ашхабад, 1963. – С. 119-134.

¹Серебрякова М.Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок / М.Н. Серебрякова // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: ГРВЛ, 1980. С. 167-204.

8. Лыкошин Н.С. Встреча весны Сайл в Ходженте/ Н.С. Лыкошин // Туркестанские ведомости. – 1903. – 16 марта. – №22.
9. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию / А.М. Мандельштам // МИА. – М.-Л.: Наука, 1966. – Вып. 136. – 256 с. (Тр. ТАЭ Ин-та археологии АН СССР Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, т. V).
10. Медведская И.Н. Раскопки в Шаартузе в 1974 г. / И.Н. Медведская // АРТ. – Душанбе: Дониш, 1979. – Вып. XIV (1974 г.). – С.115.
11. Мирбабаев А.К. ДахмакиКурката: раскопки и исследования. Материальная и духовная культура Уструшаны. – С. 227.
12. Снесерев В.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – С. 123.
13. Серебрякова М.Н. О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок / М.Н. Серебрякова // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М.: ГРВЛ, 1980. – С. 167-204.
14. Фирдауси А. Шахнаме. Т. 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. подг. Ц.Б. Бану, А. Лахути, А.А. Стариков. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 316.
15. Якубов Ю.Я. Религия Древнего Согда. Монография / Ю.Я. Якубов. – Душанбе: Дониш, 1996. – С.123.
16. Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 // Bulletin of Miho Museum. – 2011. – Vol. 3. – P. 13-30.
17. Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. – 285 p.

К ВОПРОСУ ОБ АМФОРОВИДНЫХ СЕРЬГАХ ИЗ ТАХТИ-САНГИНА

Автор статьи обращается к анализу семантики золотых амфоровидных серег, обнаруженных на Тахти-Сангине в 2007 и 2008 гг. Проведя сравнительный анализ «Авесты», этнографического материала и фолькла таджиков автор приходит к заключению, что одним из элементов серег является рыба, что связано с почитанием культа этого животного населением Тахти-Сангина. Автор отмечает также, что семантика тахтисангинских серег имеет зороастрийское происхождение.

Ключевые слова: Тахти-Сангин, амфоровидные серьги, семантика, «Авеста», зороастризм, культ, рыба,

ON THE QUESTION OF THE AMPHORA-SHAPED EARRING FROM TAKHT-I SANGIN

The author of the article refers to the analysis of the semantics of gold amphora-shaped earrings found on Takht-i Sangin in 2007 and 2008. After conducting a comparative analysis of the "Avesta", ethnographic material and the Tajik folk, the author comes to the conclusion that one of the elements of the earrings is a fish, which is associated with the veneration of the cult of this animal by the population of Takht-i Sangin. The author also notes that the semantics of these earrings is of Zoroastrian origin.

Keywords: Takht-i Sangin, amphora-shaped earrings, semantics, "Avesta", Zoroastrianism, cult, fish,

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис.1.1



Рис.1.2



Рис.1.3

Сведения об авторе: Каландарова Олия Искандаровна – к.и.н. научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им.А. Дониша, Национальная академия наук Таджикистана. Тел.:(+992) 93 462 94 21.

About the author: **Qalandarova Olya Iskandarovna** – Candidate of Historical Sciences Researcher of the Department of Archeology of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish, National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: (+992) 93 462 94 21.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА КОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ

Иброхимов М. Ф., Сохибназаров М. Д.

(Душанбе, Таджикистан)

Археологические материалы показывают широкое декоративно-прикладное применение в этот период в регионе костей различных животных. Из них изготовляли рукоять и ножны для колюще-режущего оружия, пластины-нашивки для украшения поясного ремня, кольчуги, обшивки шкатулок, ручек для написания чернилами, ритоны, скульптурные подвески, флейты, расчески, шахматные фигуры, кубики для игры в нарды, отдельные детали бытовых инструментов и др. Как правило, костяные изделия подвергали украшению, в том числе графировкой, фигурным вырезанием отдельных частей.

Особую ценность представляла слоновая кость, которая применялась для изготовления предметов, имеющих художественное значение, зачастую обладающих ритуальным значением. Данное явление имело место еще во времена Ахеменидов. Ряд произведений художественной обработки слоновой кости данной эпохи сохранился в составе Амударьинской кладки, еще некоторые найдены в храме Окса на Тахти Сангине. Среди них заслуживают особого внимания ножны с зооморфным орнаментом (изображения льва с олененком на руках, свернутой фигуры кабана и голова олены), ритон, слив которого вырезан в виде фигуры льва, рукоять махайры в форме протомы грифона.

У грифона, фигура которой украшает рукоять махайры VI - IV вв. до н.э. из храма Окса, сквозь полуоткрытый птичий клюв видны острые треугольные зубы. Художник-косторез показал зрачки глаз грифона инкрустациями (не сохранились). Реалистично изображены детали фигуры фантастического существа, не имеющие отношения к птице (витые рога архара,

львиная грива, которая постепенно переходит в рыбки чешуйки¹. Вместе с этим предметом был найден костяной ритон, нижний конец которого изображает протому льва с оскаленной пастью и высунутым языком².

Ножны акинака времен Ахеменидов из этого храма вырезаны из цельного куска слоновой кости. На ее лицевой стороне выгравированы две сцены охоты. Основное поле композиции заполняет фигура стоящего на задних лапах льва, который передними лапами держит олененка. Зрителя особо пленит выразительность изображения царя зверей. Его туловище показано в профиле, а голова направлена в сторону зрителя. Признаки морды показаны весьма точно и реалистически: вздутие щек и лба, очертания подбородка, особенности глаз и отверстий носа, а также складки над ним, направленные в стороны длинные усы. Выразительны открытая пасть и сведенные вместе зубы, а также очень длинные клыки. Олененок, показанный в профиль, смотрит льву в лицо. Его согнутые ноги и вся стойка указывает на полное смирение.

Нижняя часть ножен показывает другую сцену: здесь показана голова оленя и свившаяся фигура животного. Тело животного из отряда тигровых весьма стилизовано. Мастер-резчик основное внимание обратил на тонкости головы оленя, которая занимает основную площадь композиции. Эта сцена изображена и в нижней части ножен из Персеполя. Это значит, что ножны из Тахти Сангина оформлены согласно канонам ахеменидского дворцово-имперского искусства. Стойка и облик льва в определенной степени выражает человеческий облик и служит символом победоносного царя. По форме, а также длине (27,6 см) эти ножны имеют сходство с обкладками из Амударьинского клада и их использование было особенно свойственно сакам³.

Из числа предметов ахеменидского периода из кости других животных заслуживают внимания антропоморфная фигурная подвеска из Халчаяна, а также предметы из Куймазара и Калаи

¹ Литвинский Б. А. Рукоять с головой грифона из храма Окса. С. 364-385.

² Пичикян И. Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кабадианском районе). С. 266, рис. 2.

³ Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти Сангин – Каменное городище. 1979 г. С. 118-121, рис. 4

Мира с резным декором. Костяная подвеска V - IV вв. до н.э. размером 2,8 x 0,8 x 0,6 см из Халчаяна вырезана в виде фигуры полной женщины. Она стоит плотно сомкнув ноги, правая рука опущена вдоль тела, а кисть левой руки лежит на груди. Ее округлое лицо охвачено волосами. Толстые бедра и ноги, выпуклые ягодицы, а также подчеркнутый треугольником половой признак указывают на образ Праматери и символизируют плодovitость. Подвеска отражает образ Богини-Матери в его древнем понимании. Очевидно, в силу долгого применения, она отшлифована до блеска¹.

На костяных предметах из Куймазара (городище IV в. до н.э. на востоке Бухарского оазиса) и Калаи Мира (крупный город VI – IV вв. до н.э. в низовьях Кафирнигана) резьбой показаны человеческие облики. В изображении людей еще присутствует стилизация, хотя уже проявляются первые черты реализма².

В изделиях эллинистического периода из слоновой кости отразились, как греческое влияние, так и традиции, заложенные еще при Ахеминидах. Отдельные такие изделия найдены в Тахти Сангине (рукояти мечей и клинков, обкладки шкатульки, скульптурные головки и пр.). На двух пластинах, служивших обкладками шкатульки, изображены сцены охоты. На одной из них, лучше сохранившейся, два всадника повернувшись назад стреляют из лука. Их кони летят галопом. Поле охоты полно дичи, некоторые из которых уже поражены. Тигр в стремлении спасти двух детенышей, нападает на охотника, хотя уже ранен двумя стрелами. Зайцы и лиса удирают в панике, а архар уже пристрелен. В композиции произведения наблюдается совершенное мастерство художника. По мнению Б.А. Литвинского, композиции на этой и других пластинах из Тахти Сангина отражают реальную охотничью жизнь бактрийской аристократии³.

На вырезанной из слоновой кости бутероли меча в рельефе изображена гипокампесса - крылатая женщина с лошадиными ногами и змеино-рыбным чешуйчатым хвостом. С удивительным

¹ Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). С. 218, рис. 102

² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. С. 23.

³ Литвинский Б. А. Бактрийцы на охоте. С. 181-213

мастерством в этом произведении художник совместил черты человека, птицы, животного и рыбы, в чем получили отражение земной, небесной и водной стихии. Из слоновой кости также вырезана миниатюрная головка, показывающая образ Александра Македонца.

В храме Окса сохранились более 40 шт. костяных флейт, на каждом из которых имеется от одного до трех отверстий. Они вырезаны фигурно с утонением на одном конце. Некоторые образцы предназначены для соединения между собой с целью удлинения инструмента. Эти находки составляют крупнейшую в мире коллекцию античных флейт¹.

Из курганов около сел. Орлат (к востоку от г. Самарканд) происходят узорные костяные пластины, служившие декоративными нашивками для кольчуги. Считается, что они являются произведениями сакских племен. По форме они двух видов - прямоугольные и в форме шеврона. На каждой пластине исполнено от двух до четырех отверстий. На полированной лицевой поверхности пластин имеются рельефные композиции, показывающие сцены битвы и охоты. Изображения на прямоугольных пластинах (разные части фигур животных) простые и выполнены небрежно. В отличие от этого, на поверхности пластин в виде шеврона композиции являются сюжетными: битва двух воинов, одетых в кольчуги и шлемы и вооруженных копьями, противостояние пары двугорбых верблюдов, гриф, клюющий добычу. Каждый из верблюдов, стоя на полусогнутых ногах и вытянув шею, кусает другого за заднюю ногу.

Особенно выделяются две пластины с более сложными композициями. На одной из них показана сцена битвы четырех пар рыцарей. Некоторые рыцари воюют на конях, другие спешились, а один из них и вовсе продолжает воевать сидя на земле. У них самое разное вооружение: копье, меч, щит, лук, секира. Художнику-резчику удалось точно передать тончайшие детали воинского и конского снаряжения: кольчугу с высоким воротником, шаровары с узкими штанинами, шлем, узду, стриганную гриву коня, окровавленную рану. Более того, выраженные признаки лица (усы со свешивающимися концами, узкая борода с изогнутым концом и

¹ Линдстрём Г. Культовые подношения из храма Окса в Тахти-Сангине. С. 58-63.

др.) позволяют определить этническую принадлежность воинов. Можно полагать, что все они принадлежат одному и тому же племени, значить данная батальная сцена является внутриплеменным сражением.

На другой пластине выгравирована сцена охоты. Три знатных всадника заняты погоней за дикими животными. Дычью являются два архара, три кулана и три олени. Пейзаж условный: два горных пика и деревья с овальными кронами. Лошади несутся галопом, их передние и задние ноги вытянуты почти горизонтально¹.

Из числа других видов бактрийских костяных предметов отметим находки гребней из Тахти Сангина и Айханума².

Слоновая кость использована и в парфянских ритонах (роговидный сосуд), которые служат выдающимися произведениями древнего искусства. Более 50 шт. таких предметов середины II в. до н.э. найдены при раскопках ограбленной сокровищницы города Митридатокерт. Они относятся к типу ритонов, распространенных в Греции, Иране и в обществе саков. У них длинный изогнутый остов, расширяющийся кверху. Нижний конец ритонов имеет вид определенного животного. Эти предметы из Нисы по форме имеют естественный вид слоновьего клыка, хотя они сборные и собраны из отдельных костей. Для изготовления ритонов использована преимущественно слоновая кость, однако в качестве дополнительного материала использованы также деревянные планки, отдельные металлические детали, стеклянные и каменные инкрустации, золотые пластины и краски (красная, синяя). Таким образом, эти изделия являются составными и включают: протому животного, трубку, тело (резервуар), рельефный (узорный) фриз, карниз. Горловина ритона имеет вид карниза, украшенного изображениями головок. Ниже располагается фриз, на котором в высоком рельефе выполнена изобразительная композиция. Карниз от фриза разделяют рельефные полосы. В большинстве случаев на фризе показаны двенадцать олимпийских богов. Также

¹ Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. С. 146-152, рис. 69-72.

² Арипджанов О. Ю. Костяные гребни из Бактрии: новый взгляд на иконографию изображений и технику изготовления. С. 276-292.

встречаются сюжеты с сценами дионисийских торжеств, жертвенных ритуалов, мифологических легенд.

Протомы в нижнем конце ритонов созданы на синтезе греческого и восточного искусств. Стиль изображений эллинистический, отдельные темы имеют связь с греческим искусством, например, кентавр или богиня с амфорой. Однако некоторые образы имеют отношение к верованиям иранцев, например, Говподшо (существо с головой человека и телом быка) или грифон. Изображение грифона украшает более половины сохранившихся здесь ритонов¹.

На городище Старой Нисы также сохранились почти тридцать предметов из слоновой кости, которые служили, вероятно, деталями церемониальной мебели - трона, скамьи и топчана. Такие же детали были найдены и в Айхануме².

Среди археологических костяных предметов кушанской Бактрии фигурирует несколько расчесок. Слоновая кость использована для вырезания расчесок, найденных в Дальверзинтепе, Кампыртепе и Тиллятепе. На обеих сторонах образца из Кампыртепе имеются росписи, выполненные черной тушью. На одной поверхности показана женщина от головы до груди, а на противоположной - изображен петух. Женщина представлена в профиль и смотрит направо. Ее голова покрыта чадрой, выступающие из-под чадры волосы свешиваются на плечи, образуя на висках волнистые кудри. У нее округлое лицо, большие миндалевидные глаза, сходящиеся дугообразные брови. Нос прямой, чувственный рот полуоткрыт. В правой руке женщины имеется круглый предмет, возможно плод граната. Изображение реалистическое, можно полагать, что это портрет конкретной личности, а не обобщенный образ. Что касается рисунка петуха, он условный. Птица с длинным клювом и приподнятыми перьями хвоста³.

Обе стороны дальверзинтепинской находки украшены сюжетной резьбой, выполненной острием иглы. Представленные на них композиции являются составными частями одного и того же

¹ Мкртычев Т. К., Трейнер У. И. Нисийские ритоны: некоторые итоги многолетних исследований. С. 282-304.

² Пилипко В. Н., Кошеленко Г. А. Северная Парфия. С. 224, табл. 85.

³ Никаноров В. Уникальный гребень из Кампыртепа. С. 131-138.

произведения. Его участниками являются слон и восемь девушек, которые показаны обнаженными до пояса. Тематику составляет косметическая сцена. Основная героиня сидит на подушке и оценивающе всматривается в зеркало. Вокруг нее сидят еще три девушки, еще одна девушка держит в руке плоскую посуду с косметическими веществами и оказывает услуги. К ним подходят еще три девушки вместе со слоном. У всех девушек одинаковая прическа: волосы зачесаны назад и на затылке собраны в валик. Они босые, их икры ног украшают браслеты. Данная композиция стилистически приближает расческу к находкам из Баграма (Афганистан) и Гандхары (Индия), вместе с тем, степень реализма и представленные женские образы, а также оригинальность изображенной сцены, не имеющей аналогов, позволяют считать, что расческа из Дальверзина является местным (бактрийским) производением¹.

Для изготовления расчесок в это время использовалась не только слоновая кость, для этого применялись и дерево, а также кости других животных. Таковыми являются образцы из Хишттепы (городище у сел. Чепивол Ховалинского района Таджикистана) и Старого Термеза.

Среди находок из Дальверзинтепы числятся две шахматные фигуры из слоновой кости, которые датируются эпохой Хувишки. Одна из них изображает слона, сидящего на задних ногах. Опираясь на хобот, он пытается встать на передние ноги. Вторая фигура имеет вид лежащего быка. Обе фигурки расположены на постаментах в виде параллелипипеда².

Еще один костяной предмет из городища Дальверзинтепе имеет прямоугольную форму и квадратное поперечное сечение. На всех четырех его гранях вырезаны изображения птиц: походка длиннохвостого павлина, битва двух петухов, вылет трех голубей, то же, но уже четырех голубей. Сложно определить назначение этого предмета. Гипотеза о том, что он служил для игры в нарды, вызывает сомнения, так как к тому времени в кушанской Бактрии уже были известны ставшие обыденными игральные кости для нард

¹ Арипджанов О. Ю. Костяные гребни из Бактрии: новый взгляд на иконографию изображений и технику изготовления. С. 276-292.

² Беляева Т. В. Жилой дом богатого горожанина. С. 39-40.

(с вырезанными кружочками), о чем свидетельствуют образцы, найденные в Хайрабадтепе¹.

В Зартепе сохранились более 30 костяных палочек круглого поперечного сечения, у которых один конец утонен, а другому концу придана фигурная форма: плоская, в виде сжатого кулака, фигурка лошади, птицы и т.п.² Эти предметы могли иметь различное назначение: ручка для написания чернилами, инструмент для выцарапывания узора на поверхности глиняной посуды, булавка для сведения краев одежды или для использования в прическе и др. Более близкой к истине выглядит их назначение в качестве ручки.

Верхний конец одной такой ручки из Кампыртепе (длина 13,5 см) изображает фигуру петуха. Глаза выделены углубленным кружочком, зрачки показаны точками. Признаки гребешка, крыльев и хвоста птицы вырезаны реалистично³. Фигурные концы нескольких костяных ручек эпохи Васудевы из Дальверзинтепы⁴ и Актепе II⁵ изображают кисть руки. Ряд образцов костяных ручек III - V вв. с фигурными верхушками сохранились на Яванском городище⁶. Конец одной из них (из Гаравкалы) имеет вид плывущей утки. Признаки фигуры водоплавающей птицы показаны горизонтальными и наклонными рельефными ручейками. Здесь также сохранилась металлическая (из бронзы) ручка, верхний конец которой опять же изображают птицу. Клюв, гребешок и хвост показаны выпуклостями, глаза округлые⁷.

Из числа других костяных предметов были распространены кольца, которые воины и охотники надевали на указательный палец для натягивания тетивы лука. Костяные кольца найдены на бактрийских городищах Зартепе⁸ и Дальверзинтепе⁹, согдийском

¹ Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца. С. 60-61, рис. 36(9).

² Завьялов В. А. Раскопка квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975-1976 гг. С. 152, рис. 36(10)

³ Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа. С. 85, рис. 6.

⁴ Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус. С. 101, 108, рис. 36(8), 79 (10, 11).

⁵ Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. С. 70, рис. 29.

⁶ Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы). С. 15.

⁷ Древности Таджикистана (Каталог выставки). С. 138, №№ 368, 369.

⁸ Завьялов В. А. Раскопка квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975-1976 гг. С. 152, рис. 36(10).

⁹ Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус. С. 100, рис. 79(3).

Орлате¹ и в некоторых других местах. Поверхность некоторых колец украшена выскребленными крапинками.

В Дальверзинтепе сохранились два предмета из слоновой кости, которые служили, возможно, частями табуретки или скамьи. Мастер-резчику удалось весьма искусно придать им желаемую форму. Такие же предметы использовались в оформлении скамей, найденных на парфянском городище Ниса и бактрийском Айхануме².

В Калаи мире найдена игральная кость (астрагал), на поверхности которой выцарапан рисунок воина в полный рост. Изображение упрощенное, на голову воина надет шлем, украшение которого показано наклонными полосками. На одежде персонажа такие полоски, идущие в противоположные стороны, пересекаясь образуют ромбический узор³.

Зартепинская миниатюрная чаша диаметром всего 3,8 мм из слоновой кости для Тохаристана является уникальной находкой⁴.

В Халчаяне сохранилась деталь веретена из слоновой кости в форме человеческой кисти руки. Пальцы вырезаны в таком положении, что образуют отверстие для прохода нити. На ладони и указательном пальце можно отчетливо видеть след от движения нити⁵. Найденная здесь подвеска (2,8 x 0,8 см x 0,6 см) изображает обнаженную женщину с плотно сведенными ногами. Ее правая рука опущена вдоль тела, а левая прикрывает грудь. Лицо округлое и обрамленное пучками волос. Признаки этой фигуры (широкие бедра, толстые ноги, треугольный признак пола, выпуклые ягодицы) указывают на образ праматери, женщины, приносящей потомство. Безусловно, эта подвеска имеет мифологическую сущность и служила в качестве амулета. Она отполирована до блеска, что может быть следствием долгого ношения⁶.

¹ Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. С. 146-152, рис. 69-72.

² Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (Дт - 9). С. 132.

³ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. С. 224, рис. 38.

⁴ Пидаев Ш. Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зартепа. С. 42, рис. 3.

⁵ Лунева В. Пряслица Кампыртепа. С. 97.

⁶ Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). С. 218, рис. 102.

Две трапециевидные костяные пластины, выкопанные в Тулхаре, служили нашивками для кожанного ремня или одежды. На это указывает наличие на них многочисленных отверстий. Отдельные отверстия, возможно, использовались для прикрепления на пластинах предметов украшения. Так, недалеко от найденных пластин лежала серебряный крючок в виде маленькой фигурки птицы, сидящей на планке с заклепками на концах¹.

На Яванском городище сохранилась костяной кубик современного образца для игры в нарды. На его поверхностях выскоблено разное количество отверстий (от одного до шести)².

Таким образом, в рассматриваемый период в пределах Бактрии, Согда и Парфии кость разных животных находил широкое применение в производстве различных изделий, имеющих художественное и прикладное значения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арипджанов О. Ю. Костяные гребни из Бактрии: новый взгляд на иконографию изображений и технику изготовления // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. – Вып. 250. – М., 2018. – С. 276-292.
2. Беляева Т. В. Жилой дом богатого горожанина // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. – С. 33-47.
3. Древности Таджикистана (Каталог выставки). – Душанбе: Дониш, 1985. – 343 с.
4. Завьялов В. А. Раскопка квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 гг. // Советская археология. – М., 1979. – № 3. – С. 141-154.
5. Линдстрём Г. Культовые подношения из храма Окса в Тахти-Сангине // Археологические исследования в Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане (рус., англ.). – Берлин, 2010. – С. 58-63.
6. Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 10 (1970 г.). – М.: ГРВЛ, 1973. – С. 3-41.
7. Литвинский Б. А. Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. – Т. 1(26). – СПб., 2002. – С. 181-213.
8. Литвинский Б. А. Рукоять с головой грифона из храма Окса // На пути открытия цивилизаций. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Международной археологической экспедиции. – СПб, Алетейя, 2010. – С. 364-385.
9. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти Сангин – Каменное городище – 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 19. – Душанбе: Дониш, 1986. – С. 104-135.

¹ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. С. 114-115, рис. 46.

² Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы). С. 15.

10. Лунева В. Пряслица Кампыртепа // Материалы Термезской экспедиции. – Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. – Ташкент, 2002. – С. 91-100.
11. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. - М.-Л.: Наука, 1966. - (МИА СССР, № 136). - 230 с.
12. Мкртычев Т. К., Трейнер У. И. Нисийские ритоны: некоторые итоги многолетних исследований // Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. - С. 282-304.
13. Никаноров В. Уникальный гребень из Кампыртепа // Материалы Термезской экспедиции. – Вып. 1. – Ташкент, 2000. - С. 131-138.
14. Пидаев Ш. Р. Раскопки жилого комплекса в северо-западной части городища Зартепа // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 22. – Ташкент: Фан, 1988. – С. 34-44.
15. Пилипко В. Н., Кошеленко Г. А. Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. - С. 209-224.
16. Пичикян И. Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кабадианском районе) // Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 21 (1981 г.). – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 264-276.
17. Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекстанской искусствоведаческой экспедиции. - Ташкент: Фан, 1989. - 204 с.
18. Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (Дт - 9) // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. - 115-143.
19. Пугаченкова Г. А. Халчаян (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). - Ташкент: Фан, 1966. - 285 с.
20. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. – М.: Искусство, 1965. – 688 с.
21. Ртвеладзе Э. В. Дальверзинский наус // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. - С. 97-115.
22. Седов А. В. Кобадан на пороге раннего средневековья. - М.: Наука, 1987. - 198 с.
23. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. - М.: Наука, 1977. - 285 с.
24. Тургунов Б. А. Дом богатого домовладельца // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. - С. 47-62.
25. Шейко К. Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа // Материалы Термезской экспедиции. - Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. - Ташкент, 2000. - С. 75-98.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА КОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ДРЕВНОСТИ

В статье на основе археологических материалов исследуется вопрос, связанный с художественной обработкой кости различных животных. Названы основные виды производимых из кости изделий, указаны их основные конструктивные и декоративные особенности. Описываемые артефакты имеют отношение к периоду сакско-ахеменидскому, эллинистическому и кушанскому периодам и представляют искусство Бактрии, Согда и Парфии.

Авторы заключают, что в рассматриваемый период в Центральной Азии кость разных животных находил широкое применение в производстве различных изделий, имеющих художественное и прикладное значения.

Ключевые слова: Бактрия, Согд, Парфия, материальная культура, ремесло, художественная резьба, кость, орнамент.

Сведения об авторах: Иброхимов Муродали Файзалиевич – доктор исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии имени А. До-ниша Национальной академии наук Таджикистана. Тел.: (+992) 987384876. E-mail: murodali_f@list.ru

Сохибназаров Мавлонназар Давлатович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой дизайна костюма и искусства моды Технологического университета Таджикистана. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru

ARTISTIC PROCESSING OF THE BONE IN THE CENTRAL ASIA IN ANCIENT TIMES

This article explores the artistic processing of bone from various animals based on archaeological materials. It identifies the primary types of bone artifacts produced and describes their main structural and decorative features. The artifacts discussed in the article belong to the Saka-Achaemenid, Hellenistic, and Kushan periods, representing the art of Bactria, Sogdiana, and Parthia.

The authors conclude that during the examined period in Central Asia, bone from different animals was widely used in the production of various items with artistic and practical value.

Keywords: *Bactria, Sogdiana, Parthia, material culture, craftsmanship, artistic carving, bone, ornament.*

About the Authors: Murodali Faizalievich Ibrohimov, Doctor of History, Deputy Director of the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: (+992) 987384876. E-mail: murodali_f@list.ru

Mirzonazar Davlatovich Sohibnazarov, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Costume Design and Fashion Art, Technological University of Tajikistan. E-mail: mirzozonazar.1970@mail.ru

АНДРАГОР И СОФИТ: МЕЖДУ ИНДИЕЙ И ПАРФИЕЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Арчил Балахванцев

(Москва, Россия)

В 2000-2017 гг. мною было опубликовано несколько работ, в которых рассматривались различные аспекты проблемы Андратора. Анализ письменных, нумизматических и археологических источников привёл меня к следующим выводам: в истории эллинистического Востока оставили свой след два Андратора – один стоял во главе селевкидской сатрапии Парфии (Парфиены) в 40-30 гг. III в. до н.э., а другой, младший сын царя кипрского города Аमतунта Андрокла, на несколько лет захватил власть над частью Бактрии в самом конце IV в. до н.э. Монеты с легендой ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ не имеют никакого отношения к Парфии и были отчеканены в Бактрии¹. Вышедшие в свет до 2010 г. публикации были отмечены Б.А. Литвинским, почитавшим высказанную в них идею очень привлекательной².

В конце 2017–2018 гг. на антикварном рынке появилось большое количество имитаций афинских сов, монет с орлом на оборотной стороне, а также монет Андратора и Софита, который, как мне приходилось отмечать, действовал в Бактрии и был современником старшего Андратора³. Естественно, что расширение круга источников требует ещё раз рассмотреть проблему в целом и дать ответ на вопрос, как новые данные соотносятся со сделанными до их публи-

¹ Балахванцев А.С. Монеты Андратора: кто, где, когда? // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / А.С. Беляков (ред.). М., 2000. С. 11–12; он же. Загадка Андратора // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 52–54; он же. Приложение VI. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. III. М., 2010. С. 538–541; он же. Аршак I или Андратор: кто был основателем Парфянского государства? // *Восток (Orient)*. 2013. № 3. С. 16–17; он же. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 132–133. Последняя статья (Balakhvantsev A.S. Stasanor and Andragoras: two Cypriot princes at the Hellenistic Far East // *Marburger Beiträge zur Archäologie*. 2020. Bd. 6. Pp. 107–112) была отправлена издателю практически одновременно с выходом монографии.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. III. М., 2010. С. 267–268.

³ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 133, прим. 443; Balakhvantsev A.S. Stasanor and Andragoras: two Cypriot princes at the Hellenistic Far East // *Marburger Beiträge zur Archäologie*. 2020. Bd. 6. P. 110.

кации выводами. Это представляется тем более необходимым, что в одной из посвящённых Софиту и Андрагору недавних статей содержится малообоснованная критика моей идеи о чеканке монет с легендой ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ в Бактрии¹.

Начнём с того, как современные нумизматы определяют место и время выпуска монет Софита и Андрагора. В статье С. Джансари предпринимается попытка оживить сформулированное ещё в XIX в. мнение, что эмитентом монет с легендой ΣΩΦΥΤΟΥ был современник Александра Македонского, мелкий индийский царёк в Пенджабе Софит, упоминающийся в трудах Диодора Сицилийского (Diod. XVII. 91. 4, 7, 8; 92. 3: Σωλείθης), Курция Руфа (Curt. IX. 1. 24, 27, 35: Sopites) и Юстина (Iust. XII. 8. 10: Sophithes). При этом он сомневается в существовании связи между чеканкой Софита и Андрагора². О. Бордо также не склонен сближать монеты Софита и Андрагора, считая первого бактрийским сатрапом, добившемся автономии в 303–294 гг. до н.э., а второго – в соответствии с установленным в историографии мнением – независимым правителем Парфии в 247/245–239/238 гг. до н.э.³ Л. Тейлор, напротив, энергично отстаивает существование такой связи, но находясь в плену традиционного взгляда на Андрагора как на мятежного селевкидского сатрапа Парфии, пытается сделать Софита его наследником и непосредственным предшественником Аршака⁴.

Прежде чем перейти к анализу содержащихся в публикациях С. Джансари, Л. Тейлор и О. Бордо новых данных и сделанных ими выводов, необходимо заметить, что работы наших зарубежных коллег производят двойственное впечатление. С одной стороны, перед нами – добротные нумизматические публикации, в которых вводит-

¹ Bordeaux O. Sôphytes et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. Т. 99. P. 100, 110. Следует заметить, что автор (Ibid. P. 78) допускает ошибку, объединяя наши с Г.А. Кошеленко взгляды на время и место выпуска монет Андрагора. Покойный исследователь всегда приписывал их селевкидскому сатрапу Парфии.

² Jansari S. The Sophytes coins: from the Punjab to Bactria and back again // *Numismatic Chronicle*. 2019. Vol. 178. Pp. 86–87.

³ Bordeaux O. Sôphytes et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. Т. 99. P. 96–97, 99.

⁴ Taylor L.W.H. Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes // *American Journal of Numismatics*. 2019. Vol. 31. Pp. 77–78; Taylor L.W.H. A Newly Identified Mint Control Link in the Coinage of Andragoras and Sophytes // *KOINON. The International Journal of Classical Numismatics*. 2022. Vol. V. Pp. 46–48.

ся в научный оборот обширный и крайне ценный монетный материал, а также рассматриваются вопросы его типологии, метрологии и поштемпельного анализа. С другой стороны, когда речь заходит о реконструкции той исторической реальности, частью которой были исследуемые монеты, вышеперечисленные авторы – да и не только они – демонстрируют поразительное неумение работать с письменными источниками и часто оказываются не в ладах со здравым смыслом. Между тем, изучение эллинистического Востока абсолютно невозможно без комплексного анализа имеющихся в нашем распоряжении обрывков античной нарративной традиции и постоянно растущего массива нумизматических данных.

Если при решении вопроса о времени и месте чеканки монет Софита исходить из сформулированного выше принципа, то возникают большие сомнения в возможности отнесения их к Индии. Всё – монетный тип в целом и его отдельные элементы, иконография, греческий язык легенды – свидетельствует против того, чтобы считать их эмитентом правителя-индийца. Не только при Александре, но даже двести лет спустя, несмотря на достаточно далеко зашедшие процессы эллинизации, среди монетной продукции индийских династий так и не появилось ни одной монеты с греческой легендой и монетным типом.

Столь же ошибочной представляется мне версия о Софите – автономном сатрапе Бактрии при Селевке I. Получается, что основатель династии Селевкидов, который, по данным Аппиана (App. Syr. 55) и Юстина (Iust. XV. 4. 10–11), с большими усилиями подчинил к 303 г. до н.э. Бактрию и закрепил её вхождение в состав своей державы договором с Чандрагуптой, тут же потерял к одной из богатейших сатрапий Востока всякий интерес и почти десять лет терпел в ней власть Софита. Также непонятно, почему тогда Бактрия, фактически вышедшая из-под селевкидского суверенитета, не была захвачена Маурьями?

Что же касается теории, относящей Софита и Андрагора к Парфии, то её просто нельзя воспринимать всерьёз. Сторонники существования независимой Парфии до Аршака пытаются опереться на эпитому Помпея Трога и монетный материал. Между тем, анализ текста Юстина (Iust. XLI. 4. 3-4, 6-7) показывает, что наместник Парфии Андрагор до самого конца сохранял верность Селевкидам. Во-первых, в эпитоме Помпея Трога Андрагор носит

титул *praefectus*, который никогда не употреблялся по отношению к независимым правителям. Во-вторых, указание Юстина на то, что Аршак вторгся в Парфию, «освободившись от страха перед царём» [Селевком II – А.Б.], имеет смысл лишь в том случае, если Андрагор был лояльным селевкидским сатрапом. Только тогда поражение Селевка II в битве при Анкире ок. 239 г. до н.э. лишало наместника надежды на помощь со стороны своего суверена, а вождь парнов мог, действительно, не боясь более царя, вторгнуться в беззащитную сатрапию¹. Излишне прибавлять, что попытка втиснуть между Андрагором и свергнувшим его Аршаком ещё одного правителя Парфии в лице Софита² является ничем не оправданным игнорированием нашего единственного письменного источника – эпитомы Помпея Трога.

Иногда высказывается мнение, что отсутствие на монетах Андрагора титула может свидетельствовать о сохранении им номинальной вассальной зависимости от Селевкидов. Однако в эллинистическую эпоху чекан золотой и серебряной монеты был исключительной прерогативой независимых правителей: законных царей, а также более или менее удачливых узурпаторов. Попытку опровергнуть этот тезис ссылкой на серебряный чекан фратараков Персии вряд ли можно признать удачной. Хотя одни исследователи датируют возникновение монетной чеканки в Парсе началом III в. до н.э., а другие – на сто лет позже, все они, за немногими исключениями, связывают этот процесс с отпадением Персиды от державы Селевкидов³.

Сами монеты Андрагора и Софита также не дают никаких оснований для выдвижения предположений об их связи с Парфией. Во-первых, решающее значение для определения места чеканки и обращения монет имеет сфера их распространения. Из всех известных на сегодняшний день монет с легендами *ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ* и *ΣΩΦΥΤΟΥ* нет ни одной, происходящей с территории исторической

¹ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 64.

² Не лишним будет заметить, что, судя по нумизматическим данным, правление Софита длилось гораздо дольше, чем правление Андрагора. Подробнее этот вопрос рассматривается ниже.

³ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 63, прим. 189 (с предшествующей литературой).

Парфии (Северного Хорасана)¹. Раньше этот аргумент можно было ослабить указанием на то, что Парфия в нумизматическом плане практически не исследована, и монеты Андрагора или Софита могут быть найдены там в будущем. Но после опубликования Боджнурдского клада, сокрытого ок. 209 г. до н.э. и насчитывавшего в своем составе более 1500 монет различных эллинистических и аршакидских правителей, настаивать на принадлежности монет Андрагора и Софита к чекану Парфии становится крайне сложным².

Во-вторых, если монеты Андрагора и, особенно, Софита всё-таки чеканились в Парфии, то между ними и последующими раннеаршакидскими эмиссиями должны быть обнаружены черты определенного сходства. Однако монеты Андрагора и Софита не имеют ничего общего с чеканом Аршака I и Аршака II. Действительно, чекан Андрагора представлен статерами, тетрадрахмами и оболами³, чекан Софита – статерами, тетрадрахмами, дидрахмами, драхмами, полудрахмами, диоболами и оболами⁴ а чекан ранних Аршакидов – драхмами и дихалками. Далее, у всех монет Андрагора⁵ соотношение осей аверса и реверса – 6. Практически также обстоит дело и с Софитом: только у 1 статера, 1 драхмы и 2 полудрахм с/о – 12. У раннеаршакидских драхм с/о всегда $12 \pm 15^\circ$. Монеты Андрагора отличаются от эмиссий ранних Аршакидов и в иконографическом плане, и по манере исполнения⁶. Последнее с полным правом можно повторить

¹ Попытка отделаться от этого «неудобного» факта путём выдвижения предположения о том, что разрыв связей с селевкидским Западом привёл к оттоку этих монет на Восток, в долину Окса (Taylor L.W.H. *Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes* // *American Journal of Numismatics*. 2019. Vol. 31. P. 76), выглядит до крайности наивной.

² Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 63.



³ Обола не несут на себе легенды или монограммы и включаются в корпус монет Андрагора только из-за общего с его тетрадрахмами типа лицевой стороны – головы богини в *corona muralis*.

⁴ Bordeaux O. *Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides* // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. T. 99. P. 81.

⁵ В отличие от О. Бордо (Bordeaux O. *Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides* // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. T. 99. P. 136, n° 339–340) я не включаю в чеканку Андрагора статеры Вахшувара. См.: Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 131, прим. 434.

⁶ О. Бордо пытается парировать этот аргумент ссылкой на близость бородатого портрета Андрагора к выпускам Митридата I (Bordeaux O. *Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides* // *Monuments et mémoires de la Fon-*

и о монетах Софита. Все это, естественно, свидетельствует против возможности отнесения чекана Андрагора и Софита к Парфии второй половины III в. до н.э.

Для решения вопроса о месте и времени выпуска монет Андрагора и Софита необходимо прежде всего определить тот нумизматический круг, к которому они относятся. С одной стороны, это – имитации афинских сов и монеты с орлом на оборотной стороне, происходящие с территории нынешнего Афганистана и Узбекистана и датирующиеся последней четвертью IV в. до н.э.¹ В самом деле, монограмма  объединяет статеры Андрагора серии 1А и его же тетрадрахмы серии 4А с дидрахмами группы 11I (Афина/сова)². Монограмма  встречается как на тетрадрахмах Андрагора серии 4В, так и на драхмах групп 12С и 12D (Афина/орёл)³. Монограмма MNA устанавливает связь между статером (группа 17А), дидрахмами (группа 19А), драхмами (группа 20А) и полудрахмами (группа 21А) Софита и тетрадрахмами групп 1Е и 6С (Афина/сова), дидрахмами группы 7D (Афина/сова) и драхмами группы 8А (Афина/сова)⁴. Если же учесть использование на тетрадрахмах (группа 18А), драхмах (группы 20В и 20С) и оболых (группа 22А) Софита дериватов этой монограммы (MN и M)⁵, то связь выглядит ещё более тесной. Ещё одной общей чертой является помещение кадуцея

dation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 100, not. 126), странным образом забывая о том факте, что между гибелью сатрапа Парфии и появлением бородатых изображений Митридата I прошло почти 100 лет.

¹ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 131 (с предшествующей литературой); Taylor L.W.H. Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes // American Journal of Numismatics. 2019. Vol. 31. P. 75; Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 95.

² Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 137. Pls. 4, 40; 7, 69, 72.

³ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 137. Pl. 5, 43, 44.

⁴ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 112, 115, 118, 130, 131, 133. Pls. 1, 5; 2, 14; 3, 21, 22; 6, 54, 57, 58, 62.

⁵ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. Т. 99. P. 130, 131, 132, 133.

на оборотной стороне имитаций афинских сов, монет с орлом, Андрагора и Софита¹.

Монетный тип оборотной стороны статеров Андрагора² – мчащая квадрига – находит, по мнению всех занимавшихся этой проблемой исследователей, наиболее близкую аналогию на реверсе статера³ Вахшувара / Оксиарта⁴. Поскольку сходство между двумя квадригами проявляется не только на уровне иконографической схемы, но и в манере изображения, можно с высокой долей уверенности предположить здесь работу одного и того же резчика. Это ещё раз доказывает, что Андрагор действовал именно в Бактрии.

Последней – по счёту, но не по важности – общей чертой, объединяющей имитации афинских сов и монеты Софита, является то, что хотя при чеканке тетрадрахм и дидрахм использовался аттический стандарт с драхмой в 4,20 г, практически все дидрахмы отличаются пониженным по сравнению с нормой весом⁵.

С другой стороны, соотношение осей лицевой и оборотной стороны у монет Андрагора и Софита совпадает с бактрийскими монетами селевкидского времени (с/о – б)⁶. Кроме того, монетный тип оборотной стороны тетрадрахм Андрагора (стоящая Афина с копьём и щитом) очень близок к тому, что мы видим на реверсе одного из бронзовых выпусков основателя Греко-Бактрийского царства Диодота I⁷.

¹ Taylor L.W.H. A Newly Identified Mint Control Link in the Coinage of Andragoras and Sophytes // KOINON. The International Journal of Classical Numismatics. 2022. Vol. V. Pp. 46–47. Fig. 2.

² Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. T. 99. P. 135–136. Pl. 7, 69.

³ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. T. 99. P. 136, n° 339. Pl. 7, 70.

⁴ Даже те авторы, которые не склонны отождествлять Вахшувара и Оксиарта, не могут при этом отрицать, что область распространения имён, связанных с культом локального иранского речного божества Вахшу, охватывает только бассейн р. Окс.

⁵ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. T. 99. P. 85. Fig. 5.

⁶ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 131 (с предшествующей литеатурой).

⁷ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 132 (с предшествующей литеатурой).

Таким образом, несмотря на сомнения О. Бордо¹, можно с полным основанием считать, что монеты Андрагора и Софита были отчеканены именно в Бактрии, причём до её завоевания Селевком I.

В заключение попробуем реконструировать события, происходившие в восточных сатрапиях бывшей империи Александра Македонского в последние два десятилетия IV в. до н.э. С 321 г. до н.э. и, как минимум, до 316 г. до н.э. во главе Бактрии и Согды находился киприот Стасанор (Diod. XVIII. 39. 6; XIX. 48. 1), влияние которого распространялось и на Арейю с Дрангианой, где правил его земляк Стасандр (Diod. XVIII. 39. 6, XIX. 14. 7). Сатрапом Парапамисад в 323–316 гг. до н.э. являлся бактриец Оксиарт (Diod. XVIII. 3. 3, 39. 6; XIX. 14. 6, 48. 2; Iust. XIII. 4. 21), который был тестем Александра Македонского и дедом номинального царя Александра IV. Именно с их деятельностью связано появление первых местных монетных выпусков. Чеканка Вахшувара / Оксиарта состояла из двух серий золотых статеров с именем правителя (WḤŠW / WḤŠWWR)² на реверсе и носила исключительно прокламативный характер. Бактрийский чекан Стасанора³ был гораздо более обилен в отношении, как количества монет, так и использованных номиналов и типов (имитации афинских сов, монеты с орлом), причём только на части его тетрадрахм можно обнаружить начальные буквы имени сатрапа ΣΤΑ⁴.

Однако после смерти Стасанора происходит дробление единой прежде Бактрии, о чём свидетельствует появление монет с легендами ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ и ΣΩΦΥΤΟΥ. Выпуски обоих эмитентов демонстрируют очевидную преемственность с чеканкой Стасанора, но при этом тип оборотной стороны статеров Андрагора испытал явное

¹ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. Т. 99. P. 97, 100.

² Из-за теофорного характера имени Вахшувар нельзя исключать, что первый вариант легенды (Вахшу) представлял собой его редуцированную запись. Чтение легенды NRGWR, размещенной рядом с бюстом правителя на аверсе статера, как Андрагор, до сих пор является дискуссионным. См.: Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 132.

³ Вопрос о том, можно ли включать в него двойные дарики с монограммами (?) ΣΤΑ, ΜΝΑ, ΦΛ, остаётся открытым. См.: Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. Т. 99. P. 92–93, fig. 9.

⁴ Bordeaux O. Sôphytos et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // *Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot*. 2021. Т. 99. P. 112.

влияние квадриги Вахшувара¹. Локализация монетных дворов² Андрагора и Софита вызывает серьёзные затруднения. Можно лишь предположить, что поскольку в монетной продукции с именем Андрагора отсутствуют выпуски по местному весовому стандарту, его монеты, скорее всего, чеканились к северу от Гиндукуша. Судя по тому, что по объёму отчеканенной монеты и количеству номиналов Андрагор³ значительно уступает Софиту, правление первого было короче и, возможно, завершилось ещё до вхождения Бактрии в состав державы Селевкидов. Чеканка Софита прекратилась ок. 303 г. до н.э. в результате завоевания восточных сатрапий Селевком I. Нумизматическим отражением этой победы стал выпуск в Сузах ок. 305/304–294 гг. до н.э. серии тетрадрахм⁴, тип лицевой стороны которых (голова Селевка в аттическом шлеме) явно вдохновлён монетами Софита.

БИБЛИОГРАФИЯ

Балахванцев А.С. Монеты Андрагора: кто, где, когда? // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений / А.С. Беляков (ред.). М., 2000. С. 10–12.

Балахванцев А.С. Загадка Андрагора // *Antiquitas aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. С. 50–58.

Балахванцев А.С. Приложение VI. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. III. М.: Восточная литература, 2010. С. 531–544.

Балахванцев А.С. Аршак I или Андрагор: кто был основателем Парфянского государства? // *Восток (Oriens)*. 2013. № 3. С. 15–21.

Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. – М.: ИВ РАН, 2017. – 192 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. III. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.

¹ Балахванцев А.С. Политическая история ранней Парфии. М., 2017. С. 131, прим. 433.

² Предположение о выпуске большинства монет Андрагора и Софита на одном монетном дворе (Taylor L.W.H. *Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes* // *American Journal of Numismatics*. 2019. Vol. 31. P. 76) не кажется мне обоснованным. Схожие черты в чеканке обоих правителей легко объясняются их общим происхождением. Между тем монограммы ΑΡ и ΑΡ , свойственные монетам Андрагора, никогда не появляются на выпусках Софита. Точно также монограммы Софита (MNA, MN и M) абсолютно чужды чекану Андрагора.

³ На сегодняшний день корпус монет Андрагора состоит из 6 статеров, 15 тетрадрахм, одна из которых, хранящаяся в Эрмитаже, не была учтена О. Бордо, и, со знаком вопроса, 3 оболы.

⁴ Jansari S. *The Sophytes coins: from the Punjab to Bactria and back again* // *Numismatic Chronicle*. 2019. Vol. 178. P. 75, fig. 3.

Balakhvantsev A.S. Stasanor and Andragoras: two Cypriot princes at the Hellenistic Far East // Marburger Beiträge zur Archäologie. 2020. Bd. 6. Pp. 107–112.

Bordeaux O. Sôphytes et Andragoras. Deux cas de monnayages autonomistes entre Bactriane et Parthie séleucides // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 2021. T. 99. P. 77–154.

Jansari S. The Sophytes coins: from the Punjab to Bactria and back again // Numismatic Chronicle. 2019. Vol. 178. Pp. 71–98.

Taylor L.W.H. Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes // American Journal of Numismatics. 2019. Vol. 31. Pp. 21–79.

Taylor L.W.H. A Newly Identified Mint Control Link in the Coinage of Andragoras and Sophytes // KOINON. The International Journal of Classical Numismatics. 2022. Vol. V. Pp. 46–53.

АНДРАГОРЫ И СОФИТЫ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И ПАРФИЕЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В статье автор вновь обращается к обсуждению вопроса о месте и времени выпуска монет Андрагора и Софита в свете нового нумизматического материала, появившегося в 2017–2018 гг. на антикварном рынке. Автор приходит к выводу, что монеты Андрагора и Софита не имели никакого отношения ни к Индии, ни к Парфии, а чеканились в Бактрии, причём до ее завоевания Селевком I.

Ключевые слова: Андрагора, Софиты, Бактрия, Парфия, монеты, чеканка.

ANDRAGORAS AND SOPHYTES BETWEEN INDIA AND PARTHIA (PRELIMINARY COMMUNICATION)

In the article, the author again turns to the discussion of the place and time of issue of Andragoras and Sophytes coins in the light of new numismatic material that appeared in 2017–2018 on the antique market. It is concluded that the coins of Andragoras and Sophytes had nothing to do with either India or Parthia, but were minted in Bactria, and before its conquest by Seleucus I.

***Keywords:** Andragoras, Sophytes, Bactria, Parthia, coins, coinage.*

Сведения об авторе: Арчил Савелич Балахванцев – доктор исторических наук, заведующий Центром археологии доисламского Востока Институт востоковедения Российской академии наук. Тел.: (+7) 916 272 61 5. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Author Information: Archil Savelich Balakhvantsev, Doctor of History, Head of the Center for Archaeology of the Pre-Islamic East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Tel.: +7 916 272 61 53. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРАМА ОКСА НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ САНГИН В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ: ПОСТАНОВКА, ЗАДАЧИ, МЕТОДИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ

Альберт Голод

(Иерусалим, Израиль)

Памяти Игоря Рубеновича Пичикяна

Постановка и задачи исследования

Последние четыре полевых сезона работы Южно-Таджикской археологической экспедиции (1988-1991 гг.) автор работал в отряде Игоря Рубеновича Пичикяна на раскопках археологического памятника Храм Окса на городище Тахти-Сангин. В 2007 году получив известие о возобновлении раскопок на Храме Окса, вновь перечитал монографию Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна «Эллинистический Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь»¹.

Святынище (священное здание – ныне археологический памятник Храм Окса) атрибутировано как «храм огня»². Как ответ на вопрос «... почему столь значительное сооружение, вероятно входившее в число общebakтрийских святынищ, было создано именно в этой, достаточно изолированной местности с непростыми природными условиями...»³ в монографии представлена гипотеза о том, «... что здесь ... располагалось ... более раннее святынище, построенное в ахеменидское время и посвященное великой реке Оксу ...»⁴.

«Многочисленность вотивов ахеменидского времени в хранилищах храма Окса, который там датируется эллинистическим вре-

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Эллинистический Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.

² Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Эллинистический Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 179.

³ Там же, с. 368.

⁴ Там же.

менем, скорее всего, указывает на то, что эта группа вотивов накапливалась в более раннем храме»¹ – научная база этой гипотезы.

Автор обращался к вопросу о причине строительства храма Окса именно в этом месте². Представленное астроархеологическое исследование посвящено ответу на тот же вопрос. Автор исследовал не изменившиеся со времени строительства священного сооружения образования ландшафта местности и их связь с астрономически значимыми событиями, наблюдаемыми с территории святилища и в текущую эпоху памятника Храм Окса.

Методика исследования

Методическим руководством исследования послужили работы Дж. Хопкинса³, Т.М. Потёмкиной и В.А. Юревича⁴ и В.А. Юревича⁵.

Автор исследовал памятник Храм Окса и окружающий природный ландшафт по изображениям земной поверхности радиолокаторов бокового обзора, установленных на ИСЗ, предоставляемых программой Google Earth и данные археологических обмеров архитектуры самого памятника.

Восход и заход Солнца в дни равноденствий

1. Восход солнца с территории святилища в дни равноденствий

Поставим в кадрах программы Google Earth на изображении памятника в центре пропилей (Рис.1.) метку М1 (37°5'56"С, 68°17'6.09"В, 335 м.) и метки К1 ... К6 на изображении каньона реки Пяндж (Рис. 2.) по линии географической параллели 37°5'56"С. В

¹ Там же.

² Голод А.А. Храм Окса на городище Тахти-Сангин - обсерватория // <http://archaeol.narod.ru/literature/golod02/golod02.html> (2010); Он же. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса // Мероси ниёгон (Наследие предков) № 15, Душанбе, 2012, с.139-159; Он же. Храм Окса на городище Тахти - Сангин в Южном Таджикистане. Гипотеза о выборе места возведения храма // Восток (Oriens) № 5, М.: ИА РАН, 2013, с. 100-113; Он же Гипотеза о выборе места возведения древнего святилища (астроархеологическое исследование памятника храм Окса) // *Bulletin of Mixo Museum*. 2021. Vol. 21. P. 71-100.

³ Хокинс Дж. Приложение. Астроархеология // Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М.: Мир, 1977. С. 239-267.

⁴ Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археоастрономического исследования Археологических памятников (методический аспект). М.: ИА РАН, 1998.

⁵ Юревич В.А. Астрономия Доколумбовой Америки. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Кадре GE_8.01 км. (Рис. 2.) метка К6 ($37^{\circ}5'56''\text{C}$, $68^{\circ}23'6.09''\text{B}$, 330 м.) – в центре Восточного створа каньона.

Кадры (Рис. 1. и 2.) иллюстрируют: наблюдатель, находившийся в центре кровли пропилей святилища, видел восход солнца в дни равноденствий в центре Восточного створа каньона – природного ориентира (визира) восхода солнца в дни равноденствий.



Рис. 1. Кадр GE с высоты обзора 514 м. Храм Окса с меткой М1.



Рис. 2. Кадр GE_с высоты обзора 8.01 км. Метка М1 и каньон с метками К.

2. Заход солнца с территории святилища в дни равноденствия.

На Рис. 3 и 4 кадры телерепортажей о Тахти-Сангине. Видео 2004 года не сохранилось в Интернете, но в архиве автора сохранился кадр 0 мин. 31 сек.; видео 2010 года доступно <http://www.youtube.com/watch?v=HObjEsjhwBk>



Рис. Кадр телерепортажа 2004 г. Рис. 4. Кадр телерепортажа 2010 г.

В кадрах телерепортажей на видимой линии горизонта ясно очерчен перевал в хребте Тешик-Таш, образованный пересечением понижающихся с севера и юга горных склонов складок хребта. Будем называть нижнюю точку на видимой линии горизонта «Засечка». В кадре 2004 г. ориентация линий фасов стен и кладок памятника показывает, что азимут «Засечки» близок к 270° .

Детальная оценка осложняется неизвестностью координат и азимутальной ориентации телекамеры в момент съемки. По кадрам программы Google Earth оценка азимута также затруднительна, так как синтезированный аналог горной местности нестабилен и в большой степени зависит от параметров кадра программы (азимута, угла наклона и высоты обзора). Возможны

даже изменения «рисунка» горных складок и значения координат центра кадра. По указанным причинам аналитический расчет азимута «Засечки» не производился.

«Засечка» формируется (в идеале) двумя – левым и правым склонами, находящимися на различном расстоянии от места наблюдателя. Легко проверить, что изменение высоты места наблюдателя приводит к изменению азимута «Засечки». Например, если левый склон расположен ближе правого к месту наблюдателя, то при увеличении высоты места наблюдателя азимут «Засечки» уменьшается. Так азимут «Засечки» может быть «установлен» равным 270° (строго на запад). Этим достигается возможность вести наблюдение восхода и захода Солнца в день равноденствия из одного места наблюдателя, например, с кровли пропилей святилища. Таким

образом, природный визир наблюдения захода Солнца «Засечка» на перевале хребта Тешик-Таш дополняет природный визир наблюдения восхода Солнца в дни равноденствия - центр Восточного створа каньона реки Пяндж.

Уникальная возможность встроить святилище в «работающие» природные визиры наблюдения восхода и захода Солнца в дни равноденствия определила выбор места для возведения святилища. Об этом астрономо-географическом феномене территории между каньоном реки Пяндж и перевалом через хребет Тешик-Таш архитекторы – жрецы святилища, несомненно, знали, приступая к его возведению. Это знание отражено в местоположении и в архитектуре храма.

Расчет ориентации святилища

Поставим в кадре GE в центре прохода между Центральным залом и Колонным айваном метку M2 ($37^{\circ}5'56.19''\text{С}$, $68^{\circ}17'4.22''\text{В}$, 337 м.). Линия, соединяющая метки M2 и M1 в идеале - Центральная ось святилища. По Кадру GE_с высоты обзора 514 м. (Рис.1) визуально можно отметить, что угол от направления на север по часовой стрелке до Центральной оси больше 90° на некий угол Δ . Величина угла Δ зависит от многих факторов: например, перспективных искажений при визировании земной поверхности радиолокационной станцией бокового обзора с ИСЗ, искажений при наземной обработке информации РЛС, при постановке меток в кадр GE.

Поскольку меридианы пересекаются с параллелями под прямым углом, задача измерения угла Δ сводится к измерению угла при вершине M2 прямоугольного треугольника, в котором отрезок M2M1 является гипотенузой.



Рис. 5. Кадр GE_с высоты обзора 548 м. Храм Окса с метками М1 и М2.

Поскольку меридианы пересекаются с параллелями под прямым углом, задача измерения угла Δ сводится к измерению угла при вершине М2 прямоугольного треугольника, в котором отрезок М2М1 является гипотенузой.

Длина дуги 1» меридиана = 31 м. Длина дуги 1» параллели на широте $37^{\circ}5'56''$ = 24,396 м.

[<https://www.kakras.ru/mobile/book/dlina-dugi.html#dlinadugi-paralleli>]

Разность значений координат точек М1 и М2: по широте = 1,47» , по долготе = 0,19». $\text{Tg } \Delta^1 = (31 \times 0,19) : (24,396 \times 1,47) = 5,89 : 35,862 = 0,1642$. $\text{Tg } \Delta^1 = 0,1642$; $\Delta^1 = 9^{\circ}19'$.

Гипотенуза этого прямоугольного треугольника $\sqrt{5,89^2 + 35,862^2} = 36,33$ [м].

Измеренная инструментально длина отрезка М2М1 равна 40,07 м. [с. 51].

$\text{Sin } \Delta^2 = 5,89 : 40,07 = 0,14699$; $\Delta^2 = 8^{\circ}27'$.

Данные об азимутальной ориентации Центральной оси Храма Окса (и святилища), проходящей через середины пропилей и прохода между Центральным залом и Колонным айваном, в монографии представлены в Таблице 11 (рисунок) – «Цитадель городища Тахти Сангин (без восточной части) с храмом Окса (по состоянию на 1983 г.). Инструментальная съемка».

Полагаем, рисунок содержит информацию об ориентации Цитадели и памятника Храм Окса: направление на север (по стрелке С), определённое по магнитному компасу.

$\Delta = 4^{\circ}39'$ - определено программно в САП Autodesk Autocad 1.18.0.0. по геометрии линий О_С, О_В и О_М2_М1.

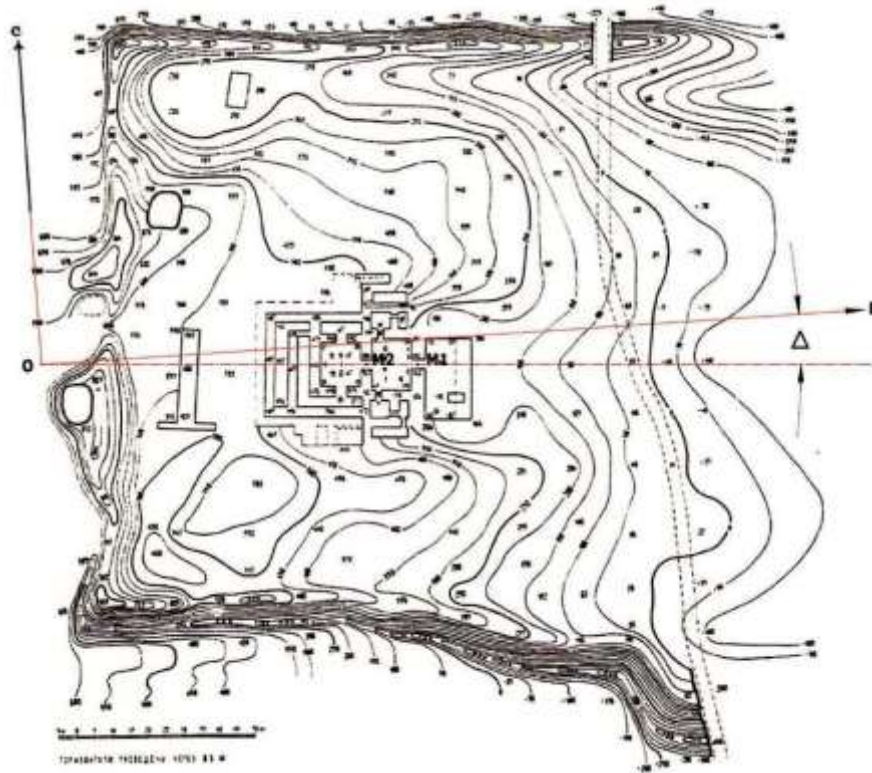


Рис. 6. Копия Таблицы 11 с встроенными в САП Autodesk Autocad 1.18.0.0 магнитным меридианом О_В и линией симметрии святилища О_М2_М1.



Рис. 7. Бланк калькулятора определения магнитного склонения

Магнитное склонение на территории Храма Окса определено в калькуляторе <https://www.ngdc.noaa.gov/geomag/calculators/magcalc.shtml> ;

13.09.1963 оно было равно $3^{\circ}2'$. С учётом магнитного склонения $\Delta^3 = 7^{\circ}41'$.

Для дальнейших расчётов принимаем $\Delta = \Delta_{\text{ср.}} = 8^{\circ}27'$ ($8,45^{\circ}$).

Наблюдение восхода Солнца с места у западной стены центрального зала святилища

Центральная ось сооружения (святилища) не совпадает с направлением на восток на угол Δ . Рациональным объяснением «странной» ориентации древнего святилища (несовпадением Центральной оси сооружения с направлением на восток) является возможность определения даты весеннего равноденствия (даты праздника Навруз) за несколько дней до его наступления (для оповещения правителя, религиозного центра государства, для подготовки к празднованию Навруз в самом святилище). Для оповещения мог использоваться световой «телеграф» (например, костры на угловых башнях Теменоса).

В Таблице 33 монографии – «Храм Окса. Разрез по оси Центрального зала по линии Д - Д» полы помещений святилища Белый (Центральный) зал, дверной проём, (Колонный) айван и Большая площадь (Теменос) понижающимся каскадом спускаются к воротам святилища.

Лучи восходящего Солнца в азимутальном секторе α при открытых створах ворот освещают западную стену Центрального зала.

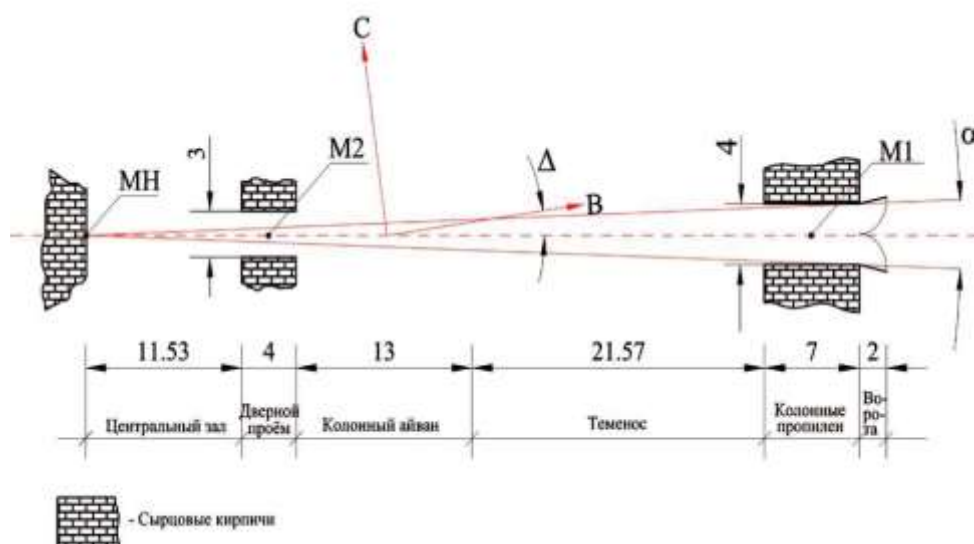


Рис. 8. Схема визирования восхода Солнца из Центрального зала святилища. [цифры] - метры, [Δ , α] - угловые градусы. α - сектор обзора по азимуту наблюдателем МН линии видимого горизонта (на Рис. 7. $\alpha = 4^{\circ}$).

Состояние каждого створа ворот («открыт» – «не полностью открыт» – «закрыт») изменяет значения границ сектора обзора по азимуту α и азимут центра самого сектора обзора.

Значения α и границ сектора обзора по азимуту для двух состояний створов:

При открытых створах: $\alpha = 4^\circ$, от $(90^\circ + \Delta + 2^\circ)$ до $(90^\circ + \Delta - 2^\circ)$.

Открыт южный и закрыт северный: $\alpha = 2^\circ$, от $(90^\circ + \Delta + 2^\circ)$ до $(90^\circ + \Delta)$.

Закрыт южный и открыт северный: $\alpha = 2^\circ$, (от $90^\circ + \Delta$) до $(90^\circ + \Delta - 2^\circ)$.

Азимутальные суточные интервалы восходов Солнца в годичном цикле неравномерны: вблизи дат солнцестояния - незначительны, в течение месяца до и после даты равноденствия азимут изменяется примерно на $0,5^\circ$ в сутки.

Программа Satellite Antenna Alignment 3.5.0.0 для 2021 года в секторе обзора от $96,45^\circ$ до $100,45^\circ$ ($\Delta = 8,45^\circ$, створы ворот открыты) выдала ряд дат и азимутов восходов солнца [месяц: день (азимут восхода в градусах)], визируемых с места наблюдателя МН (Рис. 8).

Февраль: 26 (100,27), 27 (99,80), 28(99,33);

Март: 2021 01 (98,85), 02 (98,37), 03(97,89), 04 (97,41), 05 (96,92), 06 (96,44).

Проверка возможности определения с места наблюдателя МН даты предстоящего весеннего равноденствия до его наступления может быть включена в программу натуральных наблюдений (измерений) на памятнике Храм Окса. Предварительно должны быть выполнена реконструкция архитектурных элементов памятника, инструментально измерен географический азимут центральной оси памятника (Дизм.) и проведена геодезическая съёмка линии видимого горизонта в секторе $(90^\circ + \Delta_{\text{Дизм.}} + 2^\circ)$ до $(90^\circ + \Delta_{\text{Дизм.}} - 2^\circ)$.

Заключение

Гипотеза осознанного избрания места возведения святилища, ныне археологического памятника Храм Окса – продукт подтверждённого расчётами теоретического анализа возможности на избранной территории определять даты равноденствия. В дни равноденствия с территории памятника восход Солнца наблюдается в

центре Восточного створа каньона реки Пяндж и заход – в нижней точке перевала через хребет Тешик-Таш. Этот астрономо-географический феномен участка территории на возвышенном западном берегу Окса был, возможно, известен «архитекторам святилища» или открыт ими при поисках места для круглогодичного наблюдения восхода и захода Солнца. Уникальная возможность встроить святилище в природные визиры наблюдения восхода и захода Солнца в дни равноденствия определила место его строительства. Для подтверждения природной уникальности места, избранного для возведения древнего святилища необходимо и достаточно в день равноденствия измерить с территории памятника Храм Окса азимуты восхода и захода Солнца за видимую линию горизонта.

Доказательством или опровержением этой научной гипотезы станут результаты натуральных наблюдений (измерений) с территории археологического памятника Храм Окса в дни равноденствий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Голод А.А. Храм Окса на городище Тахти-Сангин - обсерватория // <http://archaeol.narod.ru/literature/golod02/golod02.html> (2010)
2. Голод А.А. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса // Мероси ниёгон (Наследие предков). – Душанбе, 2012. – № 15. – С. 139-159.
3. Голод А.А. Храм Окса на городище Тахти - Сангин в Южном Таджикистане. Гипотеза о выборе места возведения храма // Восток (Oriens). – 2013. – № 5. – С. 100-113.
4. Голод А.А. Гипотеза о выборе места возведения древнего святилища (астроархеологическое исследование памятника храм Окса) // Bulletin of Mixo Museum. – 2021. – Vol. 21. – P. 71-100.
5. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Вост. лит., 2000. – 503 с.
6. Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования Археологических памятников (методический аспект). – М.: ИА РАН, 1998
7. Хокинс Дж. Приложение. Астроархеология // Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. – М.: Мир, 1977. – С. 239 - 267.
8. Юревич В.А. Астрономия Доколумбовой Америки. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Световой день на территории древнего святилища

Территория древнего святилища круглогодично освещается восходящим солнцем и световой день длится до захода солнца за хребет Тешик-Таш.

Результаты расчета в программе Satellite Antenna Alignment времени захода Солнца за хребет Тешик-Таш, наблюдаемые с кровли храма Окса ($37^{\circ}5'56''\text{С}$, $68^{\circ}17'.04''\text{В}$). [Голод А.А. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса//Мероси ниёгон (Наследие предков) №15, Душанбе, 2012, с. 150].

Дата Азимут Высота Время захода
за хребта за хребет линию истинного

Тешик-Таш Тешик-Таш горизонта

[угл. град] [угл. град] [ч:м:с] [ч:м:с]

20.03.2013 264,29 7,32 17:57:10 18:38:38

21.06.2013 286,96 16,77 18:14:45 19:52:39

22.09.2013 264,42 7,32 17:42:42 18:24:05

21.12.2013 220,45 16,77 15:15:31 17:10:53

Световой день на территории святилища укорочен из-за близости с запада хребта Тешик-Таш. Знания границы светлого времени суток необходимы обитателям святилища в быту и для хозяйственной деятельности.

В дни равноденствий и, возможно, в дни солнцестояний, когда для «посвященных» солнце заходит за известную точку очерчивающей хребет Тешик-Таш линии, время событий, полагаю, фиксировалось.

АСТРОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРАМА ОКСА НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ-САНГИН В ЮЖНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ, МЕТОДИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ

Статья представляет авторскую гипотезу о выборе места для возведения древнего святилища, ныне известного как храм Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане.

Автор исследовал окружающий памятник ландшафт и возможные астрономические измерения с территории древнего святилища. Расчетами установлено: с территории здания святилища в дни равноденствий можно наблюдать восход Солнца сквозь световой коридор каньона реки Пяндж и заход Солнца в определённой (нижней) точке перевала через хребет Тешик-Таш. Нам неизвестно, когда, кем и при каких обстоятельствах было открыто, что Восточный створ каньона реки (нынешнее название Пяндж) световое окно и нижняя точка видимой линии перевала через хребет находятся на одной географической параллели. Представляется, что об этом астрономо-географическом феномене в «до-

статочной изолированной местности с непростыми природными условиями» знали жрецы – «архитекторы храма».

Уникальная возможность встроить святилище Окса в природные ориентиры (визеры наблюдения восхода и захода солнца в дни равноденствий), по мнению автора, определила выбор места для его строительства.

Доказательством или опровержением этой научной гипотезы станут результаты натурных наблюдений (измерений) с территории археологического памятника Храм Окса в дни равноденствий.

Ключевые слова: Тахти- Сангин, Южный Таджикистан, Храм Окса, астроархеология.

ASTROARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE TEMPLE OF THE OXUS AT THE SITE OF TAKHT-I SANGIN IN SOUTHERN TAJIKISTAN: OBJECTIVE, METHODOLOGY, RESULTS

The article presents the author's hypothesis about the choice of a site for the construction of an ancient sanctuary, now known as the temple of the Oxus at the site of Takht-i Sangin in Southern Tajikistan.

The author explored the landscape surrounding the monument and possible astronomical measurements from the territory of the ancient sanctuary. It has been established by calculations: on the equinox days, from the territory of the sanctuary building, one can observe the sunrise through the light corridor of the canyon and the sunset at a certain (lower) point of the pass through the Teshik-Tash ridge. We do not know when, by whom and under what circumstances it was discovered that the Eastern section of the river canyon (the current name Pyanj), the light window and the lower point of the visible line of the pass through the ridge are on the same geographical parallel. It seems that about this astronomical-geographical phenomenon in «a fairly isolated area with difficult natural conditions» knew the priests - «architects of the temple».

The unique opportunity to build the Oxus sanctuary into natural landmarks (visors for observing the sunrise and sunset on the days of the equinoxes), according to the author, determined the choice of a place for its construction.

The proof or refutation of this scientific hypothesis will be results of field observations (measurements) from the territory of the temple of the Oxus during the equinoxes.

Сведение об авторе: Голод Альберт Александрович. Независимый исследователь. Тел.: +972 545 330 583; E-mail: goalbert@yandex.ru

About the author: Independent Researcher, **Golod Alber Alexandrovich.** Тел.: +972 545 330 583; E-mail: goalbert@yandex.ru

ГРЕЧЕСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (АВЛОСЫ) ИЗ ХРАМА ОКСА НА ГОРОДИЩЕ ТАХТИ- САНГИН¹

Гунвор Линдстроем
(Берлин, Германия)

Хагель Штефан
(Вена, Австрия)

Среди более 5000 находок из храма Окса в Тахти-Сангине, 44 фрагмента музыкальных инструментов (рис. 1 и 2) особенно подчеркивают тесные культурные связи между античной Бактрией и Греческим Средиземноморьем. Речь идёт, по большей части, об *авлосах* – древних духовых инструментах, состоящих из двух цилиндрических полых трубок, удерживаемых при игре в V-образной позиции (рис. 3 и 4) (24,81-107; 21,76-79). Фрагменты авлосов из храма Окса хорошо сохранились. Они выполнены из кости и некоторые из них оснащены бронзовыми кольцами и клапанами, служившими для соединения отдельных элементов и перекрытия определённых игральных отверстий. «Авлосы Окса» были обнаружены в 1983 и 1984 годах во время советских раскопок в одном из дальних коридоров храма, в слое, датируемым приблизительно 140 г. до н.э. перекрытым более поздними конструкциями. Таким образом, можно датировать рассматриваемые в статье инструменты III – первой половиной II века до н.э.

Храм Окса

Храм Окса находится на территории городища Тахти-Сангин, который как город функционировал по последним данным таджикских археологов в ахеменидский, эллинистический и кушанский периоды. Храм Окса был построен в начале эллинистического периода – в конце IV – начале III века до н.э. и прослужил до III века н.э. Он находится в непосредственной близости от реки Окс, под именем которой в древности был известен современный Вахш, а после слияния с р. Пяндж, как Амударья. Храм был действительно посвящён богу реки Оксу, что подтверждается некоторыми надписями, среди которых текст на постаменте небольшой бронзовой статуэтки Силена, играющего на авлосе (рис. 4). В ней сказано Εὐχὴν ἀνέθηκεν

Ἀτροσωκῆς Ὀξῶι, что можно перевести как «По обету посвятил Атросок Оксу» (5,94; 6,305) или «Соблюдая обет, Атросокес посвятил (это) Оксу».

Храм Окса был, вероятно, главным храмом региона, привлекавшим паломников со всех концов Древней Бактрии. С его подобной крепостной оградительной стеной (100 на 80 метров), и самим храмом, размером 60 на 50 метров, он был, без сомнения, самым большим храмом в Бактрии и определённо не мог быть построен без финансовой поддержки Селевкидов. (17,281-310).

Храм был раскопан Игорем Пичикяном в период с 1976 по 1991 год в рамках Южно-Таджикской археологической экспедиции под руководством Бориса Анатольевича Литвинского (19; 6; 2; 18; 4). Внутри храма было найдено около 5000 объектов, которые – подобно маленькой бронзовой статуэтке Силенна – интерпретируются, как приношения верующих богу Оксу. Эти votivные объекты или подношения были изготовлены из материалов, отличавшихся необычайно широкой вариативностью, среди которых золото, серебро, бронза и железо, а также камень, терракота, гипс, стекло, слоновая кость, дерево и даже текстиль. Предметы, дошедшие до нас в виде фрагментов, могут быть реконструированы в объекты со множеством различных функций.

Оружие и доспехи составляют большую часть, но встречаются также скульптуры, сосуды и приборы, грузики, монеты, туалетные принадлежности, украшения и элементы костюмов, мебель и, учитывая авлосы, музыкальные инструменты. Несмотря на то, что многие находки выполнены в греческом стиле, ни один из них нельзя идентифицировать как импорт из Средиземноморья. Исходя из этого, можно предположить, что большинство объектов было изготовлено в греческом стиле из местных материалов мастерами из Бактрии.

Археологические исследования музыкальных инструментов в период ограничений на поездки

Существование более 40 фрагментов авлосов было уже известно научному сообществу, в том числе благодаря публикациям Б.А. Литвинского (1,517-543; 3,444-495; 4,424-453). Первые же детальные технические изображения были Гунвор Линдстрём в 2004 го-

ду.³ На основе публикаций Б.А.Литвинского и этих рисунков авло-сы из храма Окса были изучены с точки зрения археологии музыкальных инструментов в рамках австрийского проекта «Ancient Music Beyond Hellenisation», финансируемого ERC (European Research Council). Этот проект комбинирует филологические и музыкально-археологические исследования и служит изучению античных музыкальных культур за пределами Римской Империи. При этом учитывается как музыкальное искусство доисламского, так и раннеисламского времени, в которой продолжились традиции азиатской и греческой музыки.⁴ Инструменты из храма Окса особо интересны в этом контексте, так как они, к тому же, происходят из эпохи интенсивного музыкально-технического развития. Хотя некоторые мелодии этого времени известны с территории Средиземноморья, находки инструментов очень редки. Таким образом, если можно было бы восстановить, хотя бы некоторые части инструментов из фрагментов, из расположения игральных отверстий можно было бы надеяться сделать выводы о музыке, которую слушали в античной Бактрии.

Так как исследовательская поездка с целью получения более точных данных была отменена по причине пандемии коронавируса, фрагменты были изучены венскими археологами, исследующими музыкальные инструменты, на основе имеющихся рисунков. Изображения были виртуально анализированы и воспроизведены на 3D-принтере, кроме того, при помощи компьютерного анализа были предложены гипотетические реконструкции инструментов (рис. 5). При этом были выделены две части инструмента, поставившие исследователей перед особой проблемой (рис. 6). В то время, как у всех остальных фрагментов на концах присутствуют цилиндрические выступы и раструбы, с помощью которых они соединялись (наподобие современной блокфлейты), выше приведённые части были изготовлены в форме простых, особенно тонкостенных трубок с игральными отверстиями, кроме того, одна из них была гораздо тоньше всех остальных частей. Выяснилось, что изначально эти трубки были вставлены одна в другую. При прокручивании их друг против друга можно было менять ширину игральных отверстий и, таким образом, эффективно увеличивать и уменьшать их. Так, можно было изменять звучание некоторых нот, что, по-видимому, служило для перемены между различными тональностями (рис. 7). Компьютерная симуляция показала, что извлекаемые таким образом

звучи хорошо соотносятся с нотными системами позднего греческого классического периода, как они были реконструированы из других источников (14,403-421).

Подобная техника вставленных одна в другую вращаемых конических трубок была до сих пор неизвестна; была ли она распространена или же являлась локальным решением инструментально-технической проблемы – в данный момент этот вопрос остаётся нерешённым. Как бы то ни было, ремесленное мастерство исполнителя поразительно – части должны так плотно примыкать друг к другу, чтобы воздух не попадал между ними, и в то же время оставаться подвижными.

В любом случае, мы узнаем здесь праобраз техники, широко распространённой во времена римской империи и археологически хорошо прослеживаемой от Африки до Британии. Первая подобная находка из четырёх музыкальных трубок была сделана в Помпеях в 1867 году (15,1-60; 11,103-114; 12,84-85). Самая богатая находка происходит из Мероэ (7,217-240; 10,381-388; 13,177-197). К материальным свидетельствам подобных механизмов для перемены между различными тональностями подробный обзор был сделан О.Сутковской (20,412-422; 22). Вместо подвижных костяных трубок, костяное ядро здесь было обернуто тонкими металлическими слоями, наружную часть которых можно было вращать вокруг внутренней разной длины «кольцами». Это позволяло создать гораздо более приспособляемый дизайн инструмента – тем не менее, благодаря находкам их храма Окса, мы можем датировать основную идею несколькими веками ранее.

Археологические исследования оригиналов музыкальных инструментов в г. Душанбе

После ослабления ограничений на перемещения в апреле 2022 года, стало, наконец, возможным исследовать оригиналы фрагментов авлосов из храма Окса на месте. Эти исследования были проведены по договорённости с министерством иностранных дел Республики Таджикистан и в рамках договора о научном сотрудничестве между Евразийским отделом Германского Института Археологии и Институтом истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной Академии Наук Таджикистана от 11 ноября 1996 го-

да, переработанном и подтвержденном 8 июня 2012 и 14 июня 2017 года. Главными целями исследования были, наряду с осмотром, углубление и расширение приведённых в публикациях Б.А. Литвинского и документации Г. Линдстрём сведений о размерах фрагментов и полная фото- и, возможно, фотограмметрическая документация материалов (рис. 8).

Фрагменты авлосов хранятся в двух коллекциях. Одна из них в количестве 39 фрагментов принадлежит Институту истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной Академии Наук Таджикистана, вторая, включающая 5 фрагментов находятся в Национальном Музее Таджикистана.

На момент нашего прибытия, 23 фрагмента из первой коллекции были выставлены в постоянной экспозиции Национального Музея Древностей Таджикистана (далее: Музей Древностей), относящегося к Академии Наук, а 16 находились в хранилище отдела археологии Института им. Ахмада Дониша. Для дальнейшего комплексного исследования они были сведены в одну коллекцию, изучены в одном контексте и сравнены между собой напрямую. При этом стало возможно, с разной степенью уверенности, собрать из 31 фрагмента элементы 6 игральные трубок (рис. 9).

Важное соединение двух фрагментов авлоса (рис. 10) было обнаружено благодаря реставратору Рустаму Бурханову, который профессионально удалил небольшой обломок раструба, случайно добавленный туда при реставрации в 1980х годах, с одного из цилиндрических выступов и заменил его на другой, подходящий.

Кроме того, удалось идентифицировать продолговатую бронзовую деталь, ошибочно интерпретируемую как «лопаточка» и выставляемую отдельно от инструментов (рис. 11). Речь идёт о заслонке для закрытия глубоких игральные отверстия, известных в такой форме, как в Греции периода эллинизма, так и из Малой Азии и, таким образом, представляющей собой ещё одно свидетельство близких связей между музыкальными технологиями на значительных географических дистанциях (9,7-8; 8,367-373; 16,329-332; 23,15-77).

Ввиду удивительно большого числа единичных сегментов, собранных в более полные части инструментов, было решено передать все фрагменты из коллекции отдела археологии Института им.

Ахмада Дониша Музею Древности, чтобы выставить в экспозиции музыкальные инструменты в собранном виде.

Из-за соображений сохранности не представлялось возможным временно передать пять фрагментов из Национального музея Таджикистана Музею Древности Таджикистана, поэтому, к сожалению, не удалось изучить все фрагменты в одном месте. По этой причине возможные связи между инструментами из обоих собраний не могли быть прямо идентифицированы; на данный момент для этого были использованы напечатанные 3D-модели упомянутых 5 фрагментов.

Наконец, все имеющиеся части – 39 оригинальных фрагментов из коллекции Института им. Ахмада Дониша и напечатанные 3D-модели пяти фрагментов из Национального Музея Таджикистана были прикреплены к специально подготовленной, обтянутой чёрной тканью основе и затем размещены в одной из витрин зала, посвященному Тахти-Сангину в Музее Древностей (рис. 12).

Несколько небольших бронзовых фрагментов, относящихся, очевидно, к кольцам-обоймам, и два очень маленьких обломка костяных трубок, которые не могли быть ассоциированы с большими фрагментами, остались в фонде Музея Древностей. Они могут служить источником проб для будущих научных анализов материала.

Без научного анализа кости, из которой сделаны авлосы, невозможно точно сказать, были ли они вырезаны в Бактрии или привезены из Греции. Однако более вероятно, что они были изготовлены в Бактрии. Фрагменты авлосов могут быть реконструированы, как минимум в 6 игральные трубки. Но они не образуют пар. Таким образом, в храме Окса одновременно должно было находиться более 10 таких инструментов, и маловероятно, что такое количество было импортировано, с одной стороны, авлосы - греческие, потому что их форма и тональность, которую они могли производить, основаны на греческих моделях. С другой стороны, они также являются бактрийскими, потому что, скорее всего, были изготовлены в Бактрии, ремесленниками, которые обладали высоким уровнем мастерства.

БИБЛИОГРАФИЯ

. Acta Iranica 34 – Leuven, 1999 – С. 517–543.

2. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте – Москва, 2001 – 528 с.

3. Литвинский Б.А. Эллинические мелодии на берегах Окса. Греческие флейты (авлосы) в Глубинной Азии // В.П. Никоноров (ed.), Петербургское востоковедение – Санкт-Петербург, 06 – С. 444–495.
4. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты – Москва, 2010 – 664 с.
5. Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. ВотивАтросока из храма Окса в северной Бактрии // Вестник древней истории 1985, № 4 – С. 84–110.
6. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь – Москва, 2000 – 503 с.
7. Bodley N.B. The Auloi of Meroë: A Study of the Greek-Egyptian Auloi Found at Meroë, Egypt // American Journal of Archaeology 50, 1946 – С. 217–240.
8. Byrne M. Understanding the aulos II. Extended pipes and drone // Studien zur Musikarchäologie 3. Orient-Archäologie 10 – Rahden, 2002 – С. 367–373.
9. Conze A. Die Kleinfunde aus Pergamon – Berlin, 1903 – 28 p.
10. Gänsicke S., Hagel S. The auloi from Meroë: Preliminary notes on the conservation, technical examination, and interpretation of a cache of ancient musical instruments // J.M. Daehner, K. Lapatin, A. Spinelli (eds.), Artistry in Bronze: The Greeks and their Legacy. XIXth International Congress on Ancient Bronzes – Los Angeles, 2017 – С. 381–388.
11. Hagel S. The Pompeii auloi: Improved data and a hitherto unknown mechanism // Studien zur Musikarchäologie 8. Orient-Archäologie 27 – Rahden, 2012 – С. 103–114.
12. Hagel S. Double Pipes from Pompeii // S. De Angeli et al. (eds.), Music and sounds in Ancient Europe – Rome, 2018 – С. 84–85.
13. Hagel S. Reconstructing the Auloi from Queen Amanishakheto's Pyramid // Studien zur Musikarchäologie 11. Orient-Archäologie 40 – Rahden, 2019 – С. 177–197.
14. Hagel S. Assessing unknown parameters of instrument finds by writing software // Archeologia e Calcolatori 32, 2021 – С. 403–421.
15. Howard A.A. The Αὐλός or Tibia // Harvard Studies in Classical Philology 4, 1893 – С. 1–60.
16. Kostoglou K. Ανασκαφικὰ Ἐργασία. Καρυῶτες // Αρχαιολογικὸν Δελτίον 25, 1970 – С. 329–332.
17. Lindström G. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivpraxis // S. Hansen, D. Neumann, T. Vachta (eds.), Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften – Berlin, 2016 – С. 281–310.
18. Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangīn. Der Oxos-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur. Archäologie in Iran und Turan 4 – Mainz, 2002 – 124 p.
19. Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien – Berlin, 1992 – 155 p.
20. Sutkowska O. Archäologische Auloi/Tibia Funde mit Mechanismen // Die Tonkunst 9, 2015 – С. 412–422.
21. Sutkowska O. Breathing Harmony: The Art of the Ancient Doublepipe // S. De Angeli et al. (eds.), Music and sounds in Ancient Europe – Rome, 2018 – С. 76–79.
22. Sutkowska O. Antike Doppelschalmeien mit Mechanismen. Eine musikarchäologische Studie kaiserzeitlicher Auloi/Tibiae – Mainz, 2023.
23. Terzēs C., Hagel, S. Two auloi from Megara // Greek and Roman Musical Studies 10, 2022 – С. 15–77.
24. West, M.L. Ancient Greek Music – Oxford, 1992 – 410 p.

ГРЕЧЕСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ (АВЛОСЫ) ИЗ ХРАМА ОКСА С ГОРОДИЩА ТАХТИ-САНГИН

Данная статья посвящена изучению и реконструкции греческих музыкальных инструментов – авлосов, найденных при раскопках храма Окса на городище Тахти-Сангин. Фрагменты этих инструментов хранятся в фондах отдела археологии Института истории, археологии и этнографии НАНТ и Музее древностей Таджикистана. В результате проведенной реставрации обеих коллекций, их сопоставления, а также воспроизведенным на 3D-принтере пяти фрагментов, удалось воссоздать несколько инструментов почти в их первоначальном виде. Кроме того, компьютерная симуляция показала, что звуки, извлекаемые из этих музыкальных инструментов, хорошо соотносятся с нотными системами позднего греческого классического периода. Эти работы были финансировались Европейским исследовательским советом (ERC) в рамках программы Horizon 2020 (номер гранта 787522 – AMBH) и была выполнена группой исследователей из Австрийского археологического института Австрийской академии наук и отдела Евразии Немецкого археологического института.

Ключевые слова: Тахти-Сангин, храм Окса, музыкальные инструменты, авлосы, изучение предметов, реставрация, реконструкция.

GREEK MUSICAL INSTRUMENTS (AULOI) FROM THE OXUS TEMPLE IN TAKHT-I SANGIN

This article is devoted to the study and reconstruction of Greek musical instruments – auloi – found during the excavations of the Oxus temple in Takht-i Sangin in the 1980s. Fragments of these instruments are kept in the collections of the Archaeological Department of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan and the Museum of Antiquities of Tajikistan. By restoring both collections, comparing and reproducing five fragments with a 3D printer, several instruments could be reconstructed almost faithfully. Furthermore, computer simulations have shown that the sounds that could have been produced with these musical instruments correlate well with the notational systems of the Greek late classical period. This work was funded by the European Research Council (ERC) under the Horizon 2020 programme (grant number 787522 – AMBH) and carried out by a team of researchers from the Austrian Archaeological Institute of the Austrian Academy of Sciences and the Eurasia Department of the German Archaeological Institute.

Keywords: Takht-i Sangin, Oxus Temple, musical instruments, auloi, object studies, restoration, reconstruction.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Рис. 1 Избранные фрагменты авлосов из Храма Окса.



Рис. 2 Все фрагменты авлосов из храма Окса, апрель 2022: Оригиналы из собрания Академии Наук Таджикистана и все распечатанные 3D-репродукции фрагментов из собрания Национального Музея Таджикистана.

Авторские права: Штефан Хагель - Австрийский Археологический Институт.



Рис. 3 Женщина, играющая на авлосе, изображённая на аттическом краснофигурном сосуде (Лекитос), прибл. 480 г. до н. э., Metropolitan Museum of Art, инв. 24.97.28. За исполнительницей висит футляр для инструмента.



Рис. 4 Сатир, играющий на авлосе из храма Окса, помещённый на подставку с надписью на греческом языке.



Рис. 5 Функциональные 3D-реплики фрагментов авлосов из храма Окса. В середине — экземпляры, соединённые в гипотетическую реконструкцию трубы авлоса.

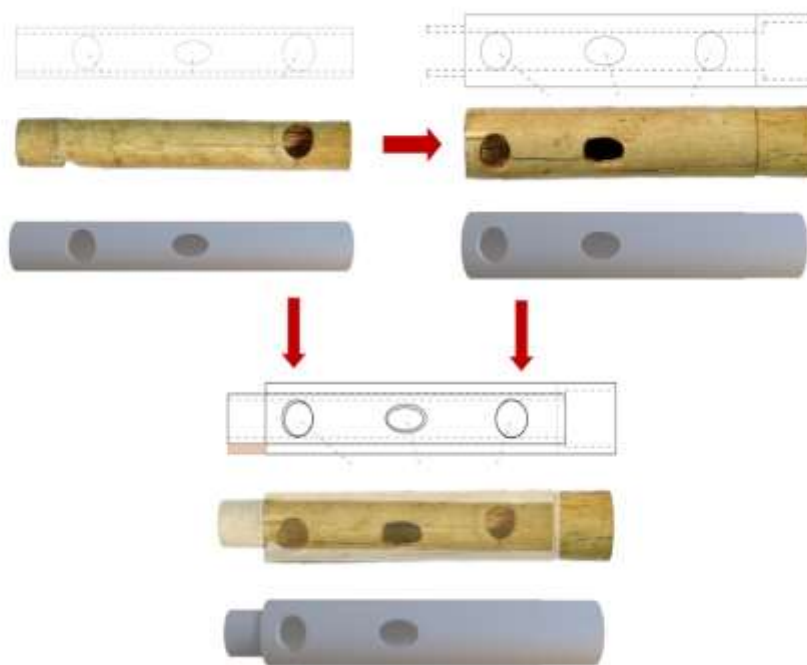


Рис. 6 Два выделяющихся фрагмента, которые можно идентифицировать как части игровой трубки с неизвестным до сегодняшнего дня механизмом из двух вставленных одна в другую вращаемых костяных трубок (сравн. рис. 7). Реконструкция Ольги Сутковска, Австрийский Археологический Институт



Рис. 7 3D-реплика механизма из вставленных одна в другую вращаемых костяных трубок (сравн. рис. 6). При прокручивании внутренней трубки, размер игральных отверстий изменяется и, таким образом, меняется и звуковая гамма.



Рис. 8 Изучение фрагментов авлосов в апреле 2022 года, фотография рабочего процесса.



Рис. 9 Частичная гипотетическая реконструкция 31 фрагмента в *большие* части 6 иг-
ральных трубок как результат исследования в апреле 2022 года.



Рис. 10. Вновь идентифицированное соединение двух фрагментов авлоса.



Рис. 11 Клапан для перекрытия игральных отверстий.



Рис. 12 Национальный музей античности Таджикистана (Музей Античности), экспозиция объектов в завершение исследования в апреле 2022 года (пять фрагментов из Национального Музея Таджикистана представлены белыми 3D-репликами).

Сведения об авторах: **Линдстром Гунвор** – Доктор наук, ведущий научный сотрудник отдела Евразии Германского археологического института. E-Mail: gunvor.lindstroem@dainst.de

Хагель Штефан – Доктор наук, ведущий исследователь проекта «Ancient Music Beyond Hellenisation», Австрийский археологический институт, Австрийская академия. E-Mail: Stefan.Hagel@oeaw.ac.at

About the authors: **Lindström Gunvor**, PhD., Researcher, Eurasia Department of the German Archaeological Institute. E-Mail: gunvor.lindstroem@dainst.de

Hagel Stefan, PhD., Principal Investigator of the project «Ancient Music Beyond Hellenisation», Austrian Archaeological Institute, Austrian Academy of Sciences (Vienna, Austria). E-Mail: Stefan.Hagel@oeaw.ac.at

GREEKS OR BACTRIANS? THE TAKHT-I SANGĪN INSCRIPTION OF IRŌMOIS BETWEEN HELLENISM AND LOCAL IDENTITY

Michetti Francesca
(Rome, Italy)

Topic of the report: Intercultural connections in Bactria and Sogdiana during the Achaemenian, Hellenistic and Kushan periods.

Among the most interesting findings of the 2007 Takht-i Sangĭn expedition, which focused on the excavation of the bronze workshop in front of the Oxus temple (pit VIa, cf. Družinina 2008, p. 125), is the so-called inscription of Irōmois (*IGIAC* 96bis). This inscription in Greek language is engraved on the rim of a clay mold designed as a cast for a bronze cauldron. The rim was broken into 13 fragments which, once assembled, formed a 73-letters long complete inscription. The letters are carefully inscribed in a squared, regular script with no word division, so that the reading presents almost no difficulties. Since the first publication of the inscription by Družinina 2008, the inscription could be read in full as follows:

ΕΙΣ ΟΞΟΝ ΚΑΤΑ ΦΡΑΖΥΜΕΝΑ ΑΝΕΘΕΣΕ ΙΡΩΜΟΙΣ
ΝΕΜΙΣΚΟΥ ΜΟΛΡΠΑΛΡΗΣ ΧΑΛΚΙΟΝ ΕΓ ΤΑΛΑΝΤΩΝ ΕΠΤΑ

By and large, all the editors agree that the content of the inscription is the dedication of a bronze cauldron of the weight of 7 talents to the river-god Oxus, but the translations differ slightly depending on how some peculiarities of the text were understood.¹ The dedicant bears a non-Greek name, Irōmois son of Nemiskos (or Nemiskēs), who was most likely a Bactrian official. This is suggested by its title ΜΟΛΡΠΑΛΡΗΣ, which has been interpreted as a Greek transcription of a Bactrian word meaning ‘seal-keeper’ (cf. below).

¹ English translation (according to the interpretation that will be provided in the following pages): «Irōmois, son of Nemiskos, the seal-keeper (*molrpalrēs*), dedicated to (the god) Oxus according to the vow (?) a bronze cauldron of seven talents». Previous translations are: «In den Tempel des neu erstandenen Oxos hat Seiromios (irrtümlich Seiromois), Sohn des Nemiskos, aus Molrpalres, den Bronzenkessel aus (im Gewicht von) sieben Talenten als Weihgabe gestellt» (Družinina 2008, p. 129), «À l’Oxus (...) Iromois fils de Nemiskos (ou Nemiskès), *molrpalrès*, a consacré un vase de bronze de 7 talents» (Rougemont 2012, p. 274); «Iromois, Sohn des Nemiskos, der Siegelhüter (oder ähnlich), weihte dem Oxos einen Kessel aus sieben Talenten (Bronze) gemäß dem Gelübde» (Ivantchik 2013, p. 130).

At a first glance, the text of the inscription strikes as a standard votive dedication written in a very non-standard Greek language. This is particularly clear when one looks at the other votive inscription by an Iranian dedicant found at Takht-i Sangīn, famously engraved on the stone stand of a bronze statuette of Marsia, which reads εὐχὴν ἀνέθηκεν Ἀτροσώκης Ὅξωι «Atrosōkēs dedicated as an offering to (the god) Oxus» (IGIAC 95). The inscription of Atrosōkēs fits perfectly into the standardized wording of Greek votive inscription and meets our expectations regarding the Greek epigraphy of Iran and Central Asia, which always respects the Hellenistic canon (cf. Rougemont 2012b, p. 19ff; 2013, p. 798ff). On the other hand, the text of the inscription of Irōmois presents a number of linguistic peculiarities which have been interpreted by the previous commentators as features of colloquial Greek (Umgangssprache) or of ‘Bactrian’ Greek, i.e. a variety of Greek which would have been developed in Bactria by the Greek colonists. The assumption that underlies these interpretations is that Greeks of Bactria were somehow more open to let sub-standard traits of their language emerge due to the distance from their homeland. However, this would be the only example in the whole Greek epigraphy of Iran and Central Asia of ‘dialectal’ or ‘colloquial’ Greek.

One aspect that has not been enough investigated is the possible impact of the local Iranian language on the text of the inscription. The aim of this paper is to re-evaluate the non-standard features in the language of the inscription of Irōmois in order to assess the influence of the Bactrian language on the composition of the text. It will be argued that the non-standard features of the text can be better understood as foreign traits ascribable to a writer who was not confident with the Greek language, rather than as instances of the Greek Umgangssprache or of ‘Bactrian’ Greek. Moreover, the implications that this change of perspective entail on the way we understand the impact of Greek culture on the local population will be discussed in relation with the vexed question of the dating of this inscription.

The first non-standard trait we encounter in the text is the use of the analytical construct εἰς Ὅξωι instead of the expected dative Ὅξωι «to (the god) Oxus». In Greek epigraphy, the addressee of a votive inscription is always expressed with the dative. This can be verified by looking at the inscription of Atrosōkēs, whose text faithfully follows the typical Greek formulaic pattern: dat(ive) of the divine addressee + verb of the dedica-

tion (most commonly ἀνατιθέναι) + nom(inative) of the dedicant + acc(usative) of the object dedicated.¹ The use of the construct εἰς + acc. is so unexpected that some commentators tried to interpret Ὀξόν as a metonymic expression to indicate the temple dedicated to the river-god (Družinina 2008, p. 129, Veksina 2014, pp. 220ff). Such synthetical expressions are indeed attested in Greek, but rather as elliptical constructions with εἰς + gen., where the word for «house, dwelling» or «temple» is implicit, cf. εἰς Ἄιδος «to (the house of) Ades», ἐν Πυθίου «in (the temple of) Apollo Pythius» etc. (Schwyzer *et al.* 1939-1971, I, p. 120). A step forward has been made by Ivančik (2013, p. 126), who proposed to interpret the use of the analytical construction as a sign of the impending extinction of the dative in the Greek language, which ultimately led to the Modern Greek use, i.e. gen. or acc. introduced by στόν, στήν, στό (i.e. the preposition derived from the Ancient Greek preposition εἰς followed by the article).

The tendency of replacing the dat. with the gen. or other constructs is already attested in some 3rd cent. BCE papyri found in Egypt and are thought to have become a feature of the Umgangssprache in Anatolian territories by the 1st cent. CE (Brixhe 1984, pp. 95–100). This explanation, however plausible, requires the assumption that the Greeks that settled in Bactria and Sogdiana came from Asia Minor or another area where the case-syncretism had progressed enough to make the use of dative residual or absent altogether. This is however not supported by any other piece of evidence of the Greek language found in Eastern or even Western Iran. On the contrary, as noticed by Rougemont (2013, p. 798ff), Greek inscriptions of the Seleucid and Arsacid period tend to display (if not to boast) the characteristic features of Hellenism both in the content and in the language. It is thus impossible to detect the regional provenance of any of the newcomers, let alone assume that they would promote the use of regional Greek in the newly acquired lands.

Moreover, while it is true that in the history of the Greek language the role of the dative case underwent a progressive restriction of the range of uses, the process that led to the genitive case undertaking the old functions of the dative (locative, instrumental and indirect object) spanned over several centuries and can be considered complete only in medieval times. In this development, the ‘dative proper’ (i.e. the one indicating the

¹ Among the countless examples, one can cite this dedication to the god Asclepius found in Attica: Φιλιστείδης εὐχὴν ἀνέθηκεν Ἀσκληπι[ι]ῷ Σωτήρ[ι] (IG II² 4516).

beneficent) was the last one to be lost. In fact, it remained in use until the 7th-8th cent. CE, whereas the more ‘concrete’ functions (the locative and the instrumental) were substituted quite early on by prepositional constructs such as εἰς + acc. to express the location (clearly attested from the 1st cent. CE onward, e.g. in the Gospels) and διά or μετά + gen. to express the instrument. From the 10th cent. CE, it is the genitive that has the function of the ancient dative, i.e. indicating the beneficent.

The use of εἰς + acc. in our inscription is thus hardly an early sign of the disappearance of the dative, which was not only still resistant at this point, but it was also destined to be substituted by the genitive. It is perhaps more fruitful to look at the linguistic and cultural context in which our inscription was composed. In Bactrian, as in most Middle Iranian languages, the case-system was radically simplified with respect to Old Iranian phase. In the language of the Bactrian Documents published by Sims-Williams 2007, 2012 the direct case in -o (pronounced /-ə/ or lost altogether) is opposed to a marked plural case in -avo (cf. Middle Persian -ān). Kushan Bactrian still retains an ending -i/-ε for the genitive singular (from OIr. *-ahya) and traces of an ablative-instrumental singular case in -a.¹ Therefore, the indirect object could not but be expressed through a prepositional construct, as is demonstrated by the following sentence in the Rabatak inscription (l. 22): [καν]η[ρκε] ραι μα λιζγα αβο βαγανο λαδο «Kanishka the king gave the fortress to the gods» (Sims-Williams 2004, p. 57). It is likely that a writer that was unskilled in the Greek language would be influenced by the structures of his own mother tongue when in need. Thus, the writer of the inscription of Irōmois may have simply tried to replicate the structure αβο ‘to’ + noun (as in αβο βαγανο) in the Greek text he was composing.

After the addressee, the inscription reads ΚΑΤΑ ΦΡΑΖΥΜΕΝΑ, a construct with the preposition κατά + acc. pl(ural) n(euter) of the present participle of the verb φράζομαι (middle voice of φράζω) ‘to consider, ponder, observe, watch’. The meaning of this syntagm has often puzzled the editors and is still unclear. The first editor interpreted the sequence as a single word, i.e. a present participle ΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑ (acc.pl.n.), but this would give no meaning to the text, as the object of the verb is already expressed by χαλκίον ‘bronze vessel’.² The comparison with the

¹ Cf. Sims-Williams 1989, p. 234 on Kushan Bactrian and Sims-Williams 2015, p. 258 for the reconstruction of a third case in the singular.

² Družinina 2008, p. 131, cf. the remarks in Ivančik 2013, p. 128.

frequent Greek votive expression κατ'ἐὐχὴν 'according to the vote, as promised', suggested by Ivančik (2013, p. 128) and Bernard (*apud* Rougemont 2012, p. 247), has the disadvantage of implying a meaning 'to promise', which is not attested for the verb φράζομαι.

What is interesting for the present purpose is however the spelling of the word ΦΡΑΖΥΜΕΝΑ, that has an *ypsilon* <υ> instead of the expected *omicron* <ο> (φραζόμενα). This mistake can only be induced by the fact that the writer was not confident with the spelling rules of Greek and associated the sound of the Greek short vowel /o/ with the wrong sign. For a Bactrian speaker (as we are assuming the writer of the text was), the short vowel /o/ was not a familiar sound. In Bactrian phonology, the repertoire of back vowels included the close back vowels *u* /u/ and *ū* /u:/, and a long open-mid back vowel *ō* /ɔ:/, but not a short close-mid back vowel *o* /o/.¹ This last sound could however be easily associated with the close back vowel /u/, as is demonstrated, for example, by the Gāndhārī transcriptions of the names of Indo-Greek kings such as Ἀγαθοκλέους (gen.) = Khar(oṣṭhī) *Akathukreyasa*, Ἴπποστράτου = Khar. *Hipustratasa* etc.² Gāndhārī, like Bactrian, has no short *o* (cf. fn. 5). Thus, the lack of a sound /o/ in his phonological repertoire may have led the writer to assimilate it to /u/, which he represented with the letter *ypsilon* <υ>.³

It may be argued that the letter *ypsilon* was pronounced as a palatal *ü* /y/ in Hellenistic Greek, according to the Attic-Ionic pronunciation (Allen 1987, p. 66). However, this would not have hindered the association between the sign <υ> and the sound /u/ that the writer wanted to represent. As was pointed out by Ivančik (2013, p. 128f), in Greek transcription of Iranian words the signs <υ> and <ο> are often interchangeably used to represent an Iranian /u/, cf. Μαρδόνιος for O(ld) P(ersian) *Marduniya*, Κῦρος for OP *Kuruš* etc.⁴ Moreover, the palatal *ü* was another

¹ This is a common feature of Middle Iranian languages, where the short vowel **o* of Proto-Indo-European origin has been changed to **a* in the Indo-Iranian phase. In both Middle Indian and Middle Iranian, the only mid-close back vowel is the long *ō*, i.e. the result of the monophthongization of OIr. **au*.

² Cf. Mitchiner 1975, pp. I, 83; III, 264.

³ This is probably also the reason why the Graeco-Bactrian alphabet adopted the *omicron* as the letter representing the close back vowels /u/ and /u:/, alongside the semi-vowel /w/ (and /ə/ in final position), while the long /ɔ:/ was represented, as in Greek, by the sign <ω>. The sign <υ> was thus initially 'superfluous' for writing Bactrian and was in fact only revived to represent the glottal fricative /h/ (first in the Surkh Kotal inscriptions, in the late 2nd cent. CE).

⁴ Cf. Schmitt 1967, p. 121ff. Of course, *ypsilon* is also sometimes used to represent a palatal sound, as in Ὑδάρνης for *Vidarna*.

sound which was most likely foreign to Bactrian ears, and could be easily associated with the non-palatal *u*, in the same way Italian speakers have adapted French words such as *menu* /mə.ny/ changing the final vowel into a non-palatal /u/, i.e. /me'nu/.

Thus, it is likely that the Bactrian writer, wanting to reproduce a Greek word that he pronounced as /frazumena/, ended up writing ΦΡΑΖΥΜΕΝΑ instead of ΦΡΑΖΟΜΕΝΑ. As Ivančik (2013, p. 128) put it, this spelling mistake «spiegelt offensichtlich die Besonderheit der Aussprache griechischer Wörter durch Baktrier wider».

An additional element that reveals the linguistic background of the writer is the spelling of the verb ΑΝΕΘΕΣΕ. This is clearly an aoristic form of the verb ἀνατιθέναι ‘to dedicate’, as is expected in a votive inscription (cf. the Atrosōkēs inscription). In Ancient Greek, verbs like τίθημι and δίδωμι follow the athematic inflection with κ-suffix, therefore the expected form would be ἀνέθηκε. Instead, depending on the segmentation of the text, our inscription has ΑΝΕΘΕ or ΑΝΕΘΕΣΕ. The reasons why the reading ΑΝΕΘΕΣΕ should be preferred have been thoroughly discussed by Veksina (2014, pp. 227ff), who considers it as an example of the overextension of the sigmatic aorist over the athematic (non-sigmatic) inflection. Indeed, the sigmatic aorist became the normal type of aorist in Modern Greek, where forms like ἔθεσα (1sg., instead of ἔθηκα) are generalized.¹ The same idea is expressed by Ivančik (2013, p. 129), who observed that ΑΝΕΘΕΣΕ may have been modelled on the form of the 3rd pl. ἀνέθεσαν.

Thus, ΑΝΕΘΕΣΕ would be either an early emergence of this late phenomenon (Ivančik 2013, p. 129) or a dialectal feature of ‘Bactrian’ Greek, where the introduction of the sigmatic form of τίθημι would have happened independently from (and earlier than) the rest of the Greek speaking world (Veksina 2014, p. 231). However, as also Veksina (2014, p. 227) has to admit, the generalization of sigmatic forms began to take hold in Greek only at a much later date. Sigmatic forms of the verbs δίδωμι, τίθημι and ἵημι are not attested earlier than the 3rd cent. CE, and no examples of this phenomenon are known from inscriptions or informal writings before the Common Era.² If the secondary sigmatic forms were a feature of the Greek *Umgangssprache* at this point in time, as Ivančik seems to suggest, we would have found other examples in the

¹ Cf. Chantraine 1984, p. 181.

² Cf. Chantraine 1984, p. 163.

rest of the Greek speaking world. On the other hand, ascribing this phenomenon to ‘Bactrian’ Greek, as proposed by Veksina, means postulating an independent development of which we have no other parallel. Moreover, as pointed out above, Greek inscriptions from Iran and Central Asia are generally written in standard Koine Greek, hence we would be postulating the existence of dialectal features based solely on this inscription.

Once again, it seems more economic to look for an explanation outside of the linguistic history of Greek and take in greater consideration the context in which the inscription was engraved. The analogical leveling of rarer forms of aorist on the more common sigmatic formations is a process of simplification typical of language learning. The substitution of the expected ἀνέθηκε with the ἀνέθεσε can thus be understood as a mistake of a writer who had an imperfect knowledge of the Greek language. As pointed out by Ivančik (2013, p. 129), the form of the 3rd pl. ἀνέθεσαν could be easily reanalysed as a sigmatic form ἀνέθεσ-, from which to extract the relative 3rd sg. form by adding the -ε ending.

The next element in the inscription is the name of the dedicant, which, with this segmentation of the text, can be read as IPΩMOIΣ NEMIΣKOY. The second element is inflected in the genitive case as expected for a patronymic in Greek onomastic. That this name is not of Greek origin there is little doubt (cf. Družinina 2008, pp. 131f; Ivančik 2013, p. 128; Rougemont 2012a, p. 247; 2014, p. 16), but it is not as easy to identify its Iranian etymology. For some suggestions cf. Ivančik 2013, p. 129 and Rougemont 2012, p. 247.

The name of the dedicant is followed by its Bactrian title, ΜΟΛΡΠΙΑΛΡΗΣ. This is clearly a determinative compound, with a first nominal constituent (modifier) governed by the following verbal element (head). The modifier can be easily identified as the Bactrian word μολρο ‘seal’ (< OP *mudrā*-).¹ Interestingly, to represent the vowel /u/ we find here the letter *omicron*, again confirming the similarity between the close back vowel *u* and the short close-mid back vowel *o* for a Bactrian speaker (cf. above, it is of course relevant that /u/ is exactly the phonological value that will be attributed to the letter *omicron* in the Bactrian orthography). As for the head of the compound, the most likely interpretation has been suggested by Pavel Lur’e (*apud* Ivančik 2013, p. 130). In this

¹ With regular development **d* > Bactr. *l* (lambdacism) as is expected for Old Persian borrowings, cf. De Blois 2013, 269. The word for ‘seal’ (originally Akkadian, cf. Mayrhofer 1956, pp. 653f) entered most Iranian languages through this Old Persian form.

opinion, °ΠΑΛΡ- can be traced back to the Old Iranian verb **dar-* ‘to hold, to keep’ (again with lambdacism **dar-* > Bactr. λρ-), prefixed with the common preverb **pati-* (probably in its vrddhi-form **pāti-* because from **pati* we would expect Bactr. πιδο).¹ Parallel formations are attested in Old Khotanese (*pader-* ‘to maintain’) and Sogdian (MSogd. *pδδ’r* ‘to keep’). The meaning of the whole compound ΜΟΛΡΠΑΛΡΗΣ < OIr. **mudrā-pāti-dar-* was thus probably ‘seal-keeper’. Note that the Bactrian word has been adapted to Greek morphology by adding the nominative ending -ης.

The last linguistic anomaly of the inscription is the spelling ΕΓ of the Greek preposition ἐκ ‘from, of (in this case, indicating the weight)’. The spelling ἐγ is not unknown to Greek epigraphy, for it occurs before voiced consonants such as β, γ, δ, λ, μ, ν by effect of assimilation with the following sound.² Here, however, we find γ in front of a voiceless consonant, i.e. the τ- of ταλάντων. Moreover, in Bactrian a cluster such as /gt/ is impossible, as already in Old Iranian the first element in a sequence of two stops underwent spirantization, therefore only sequences like *γd* or *xt* are admitted in Bactrian. In other words, if the use of the letter γ was connected to the following consonant, we would have expected writing such as ΕΧ instead of ΕΓ.

The commentators have drawn attention to the fact that intervocalic stops are always voiced in Bactrian (Ivančik 2013, p. 128; Veksina 2014, p. 235). For the reasons just discussed, for ΕΓ to be voiced we need to assume that the writer pronounced this word with a final vowel, e.g. a centralized vowel ə, in his inner speech. This is likely in light of the fact that most of Bactrian words were pronounced with a final ə by that time.

Now, Veksina rightly defines this spelling mistake as an «Interferenzphänomen», i.e. the application of linguistic features from one language to another. This phenomenon is typical of bilingual speakers, who often unintentionally transfer features of their first language (L1) to a second language (L2) or vice versa. As we have shown above, each of the supposed sub-standard traits of the inscription can be in fact interpreted as mistakes induced by the influence of the Bactrian language. All these elements corroborate the idea that the inscription does not attest a

¹ Cf. Sims-Williams 2007, p. 254.

² Some examples from the Attic region: ἐγ Βυζαντίο σίτο (*IG* I³ 61); ἐγ Γαργητίων (*IG* II² 5925 etc.); ἐγ δυοῖν (*IG* I³ 386); ἐγ Λέσβο (*IG* I³ 350 etc.); ἐγ Μακεδόνιας (*IG* I³ 117); ἐγ νεωρίων (*IG* II² 1673).

local variety of Greek or the *Umgangssprache*, but that the non-standard features can be interpreted as phenomena of language transfer.

This entails a change of perspective in the way we imagine the society in which this text was produced, also compared to the one that produced the inscription of Atrosōkēs. First of all, it must be remembered that both these inscriptions required a trained professional to be engraved, as they are not informal or spontaneous writings or graffiti. This means that the writers of these inscriptions received some form of education or apprenticeship in order to learn how to write with the Greek alphabet and how to compose a votive inscription in correct Koine Greek. In the case of the inscription of Atrosōkēs, the strict adherence to the canon of Greek epigraphy indicates that the writer of the inscription was skilled in his craft, i.e. knew how to compose an inscription in perfectly standard Greek, or was a Greek speaker himself. It can be assumed that, at the time this inscription was commissioned and manufactured, either the Greek language was still spoken in Bactrian or there existed in Bactria functioning institutions, maybe connected to the workshops that produced the votive inscriptions for the temple, that taught local people how to write (and possibly speak) Koine Greek.

On the other hand, the inscription of Irōmois can be described as a conscious attempt at writing in a language that was not familiar to the writer. The struggle in reproducing the traditional wording of a votive inscription demonstrates that there was no one inside the bronze workshop that was able to phrase the text in the traditional manner. Also, since votive offerings were periodically buried, there were probably no more examples available such as the inscription of Atrosōkēs to copy from.¹ At the same time, the linguistic transfers present in the text do not seriously hinder the comprehension of the message, and it is actually quite impressive that grammatical features such as the case endings are always used correctly.

These remarks are of course relevant for the question of the dating of both inscriptions. According to Rougemont (2012a, p. 197), the inscription of Atrosōkēs can be dated at any point between the 3rd and the 1st cent. BCE. The position of the deposit in which the inscription was found indicates that it was buried towards the end of the 2nd cent. BCE (Lindström 2008, p. 107). As for the dating of the inscription of Irōmois,

¹ Cf. Lindström 2008 on the practice of burying votive deposits.

it oscillates greatly depending on whether the archaeological or the palaeographical aspects are privileged. Družinina (2008, p. 133) gave a preliminary dating to the second quarter of the 2nd cent. BCE. P. Bernard (*apud* Rougemont 2012a, p. 276) pointed out that the squared style adopted in the inscription of Irōmois has no parallel earlier than the beginning of the 1st cent. CE. Between these two extremes is the dating around the first half of the 1st cent. BCE proposed by Veksina 2012, who observed that some instances of squared letters are indeed attested in the Indo-Greek and Indo-Scythian coinage of this period. Veksina's dating agrees with the result of the radiocarbon analysis, which points to a dating earlier than the half of the 1st cent. BCE (Ivančik 2013, p. 135).

The *terminus ante quem* around the half of the 1st cent. BCE, i.e. after the fall of the Graeco-Bactrian kingdom (ca. 130 BCE), agrees quite well with the linguistic *facies* of the inscription of Irōmois. After less than a century from the first migratory wave that invested Bactria, the Greek language was still the only language with a writing tradition in that territory, and it was virtually the only option for someone who wished to make a written offering. Also, Greek was the language in which votive inscriptions had always been written in Bactria, and the Greek alphabet was the only writing system the engravers were trained to use. On the other hand, it is likely that by this time the social and economic motivations that encouraged local people to learn the language of the Greek colonists had ceased to exist. The only contexts where this language was still necessary were the ones in which the local language could not be employed, i.e. the contexts connected to literacy. This is probably the reason why the wording of the inscription appears quite 'artificial'.

The inscription of Irōmois is thus representative of a phase of the history of Bactria when the Greek-speaking population had probably radically decreased in number, but Greek still retained the status of prestige language. Moreover, the mention of the Bactrian title ΜΟΛΠΙΑΛΦΗΣ 'seal-keeper' gives us a rare glimpse into the political institutions of post-Greek Bactria. The fact that a Bactrian word was used to define the social status of the dedicant hints at a new form of political organization, where titles were assigned in the local language to local notables.

As for the inscription of Atrosōkēs, its normalized wording is clearly connected with the activity of a well-trained workshop, which had access to the sources of standard Koine Greek. These may have been Greek col-

onists, people of Greek descent or bilingual individuals that learned the language of the newcomers proficiently.

All in all, the inscription of Irōmois is a testimony of the enduring impact of the Greek culture, and in particular the Greek language, on the population of Bactrian. Even when the proficient Greek speakers were no longer easy to be found in Bactria, Greek still retained the status of the prestige language among the new notables. This enduring prestige of Greek will ultimately result in the adoption of the Greek alphabet to write the Bactrian language, which from then on will always bear the mark of the encounter with the Greeks.

BIBLIOGRAPHY

Allen, W.S. (1987) *Vox Graeca. A guide to the pronunciation of Classical Greek*. Cambridge: Cambridge University Press.

Brixhe, C. (1984) *Essai sur le grec anatolien au début de notre ère*. Nancy: Presses Universitaires.

Chantraine, P. (1984) *Morphologie historique du grec*, 2nd edition. Paris: Éditions Klincksieck.

De Blois, F. (2013) ‘Bactria, Βάχδῖ-, Balx’, in S.R. Tohtas’ev and P.B. Lur’e (eds) *Commentationes Iranicae. Sbornik statej k 90-letiju Vladimira Aronoviča Livšica*. Sankt-Peterburg: Rossijskaja Akademija nauk, pp. 268–271.

Družinina, A.P. (2008) ‘Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel’, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 40, pp. 121–135.

Ivančik, A.I. (2013) ‘Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit’, in G. Lindström et al. (eds) *Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium 30.9 - 2.10.2009 in Mannheim*. Darmstadt: Verlag Philipp Von Zabern, pp. 125–142.

Lindström, G. (2008) ‘Votivdeponierungen im Oxos-Tempel (Baktrien) – Tradierung griechischer Kulturpraxis?’, in A. Schäfer and M. Witteyer (eds) *Rituelle Deponierungen in Heiligtümern der hellenistisch-römischen Welt: Internationale Tagung Mainz 28.-30. April 2008*. Mainz: Generaldirektion Kulturelles Erbe, Direktion Landesarchäologie, pp. 97–114.

Mayrhofer, M. (1956) *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 4 vol. Heidelberg.

Mitchiner, M. (1975) *Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage*, 9 voll. London: Hawkins Publications.

Rougemont, G. (2012a) *Inscriptions grecques d’Iran et d’Asie centrale (Corpus Inscriptionum Iranicarum II, I, 1)*. London: School of Oriental and African Studies.

Rougemont, G. (2012b) ‘Les inscriptions grecques d’Iran et d’Asie Centrale. Bilinguismes, interférences culturelles, colonisation’, *Journal des savants*, (1), pp. 3–27.

Rougemont, G. (2013) ‘The Use of Greek in Pre-Sasanian Iran’, in D.T. Potts (ed.) *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Oxford: Oxford University Press, pp. 795–801.

Rougemont, G. (2014) ‘Grecs et non grecs dans les inscriptions grecques d’Iran et d’Asie Centrale’, *StIr*, 43, pp. 7–39.

Schmitt, R. (1967) ‘Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot’, *ZDMG*, pp. 119–145.

Schwyzler, E. et al. (1939-1971) Griechische Grammatik, 4 voll. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Sims-Williams, N. (1989) 'Bactrian', in Schmitt, R., *Compendium Linguarum Iranicarum*. Wiesbaden: Reichert Verlag, pp. 230–235.

Sims-Williams, N. (2004) 'The Bactrian Inscription of Rabatak: A New Reading', *BAI*, 18, pp. 53–68.

Sims-Williams, N. (2007) *Bactrian Documents from Northern Afghanistan, II: Letters and Buddhist Texts*. London: The Nour Foundation.

Sims-Williams, N. (2012) *Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents*. Revised Edition. London: The Nour Foundation.

Sims-Williams, N. (2015) 'A new Bactrian inscription from the time of Kanishka', in H. Falk (ed.) *Kushan Histories. Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Bremen: Hempen Verlag, pp. 255–264.

Veksina, M. (2012) 'Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel', *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, pp. 108–116.

Veksina, M. (2014) 'Sprachliche Untersuchungen zur neuen griechischen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel', *Glotta*, 90, pp. 216–240.

GREEKS OR BACTRIANS? THE TAKHT-I SANGĪN INSCRIPTION OF IRŌMOIS BETWEEN HELLENISM AND LOCAL IDENTITY

The Takht-i Sangīn inscription of Irōmois has attracted the interest of the scholars for its non-canonical use of the Greek language, a unique case in the rather homogeneous Hellenistic epigraphy of Iran and Central Asia. The aim of this paper is to re-examine the language of this inscription in order to assess the influence of the Bactrian language on the wording of the text. The peculiarities of this text have either been explained as traits of colloquial Greek or have been attributed to a regional variety of the Greek language. These interpretations imply a Greek writer that let sub-standard traits of his language emerge due to the distance from their homeland. Through an analysis of the non-standard features of the text, it will be argued that the writer behind this remarkable inscription was in fact a Bactrian speaker, who was only partially confident in the language he was writing in. Moreover, the socio-political context that produced this inscription is discussed in relation with the question of its dating, which is most likely to be placed in the first half of the 1st century BCE. This provides an interesting insight in the cultural milieu of a lesser-known phase of Bactrian history, i.e. the period between the fall of the Graeco-Bactrian reign and the rise of the Kushan dynasty.

Keywords: *inscription of Irōmois, Hellenism in Bactria, language transfer, Greek epigraphy in Central Asia, history of post-Greek Bactria*

ГРЕКИ ИЛИ БАКТРИЙЦЫ? НАДПИСЬ ИРОМОИСА ИЗ ТАХТИ-САНГИНА: МЕЖДУ ЭЛЛИНИЗМОМ И МЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Надпись Иромоиса из Тахти-Сангина привлекла интерес ученых из-за неканонического использования греческого языка, что является уникальным случаем в довольно однородной эллинистической эпиграфике Ирана и Центральной Азии. Целью данной статьи является повторное исследование языка этой надписи, чтобы оценить влияние бактрийского языка на формулировку текста. Особенности этого текста либо объяснялись выражениями, свойственными разговорному греческому языку, либо приписывались региональной разновидности греческого языка. Эти интерпретации подразумевают, что греческий писатель позволил проявиться нестандартным свойствам своего языка из-за удаленности от своей родины. Путем анализа нестандартных особенностей текста можно утверждать, что автор этой замечательной надписи на самом деле был бактрийцем, который был уверен в знании языка, на котором писал. Контекст, в котором возникла эта надпись, обсужда-

ется в связи с вопросом о ее датировке, которая, скорее всего, относится к первой половине I века до н.э. Это дает интересное представление о культурной среде менее известного этапа бактрийской истории, то есть периода между падением греко-бактрийского правления и возвышением Кушанской династии.

Ключевые слова: *надпись Иромоиса, эллинизм в Бактрии, языковой перенос, греческая эпиграфика в Средней Азии, история постгреческой Бактрии*

Информация об авторе: Микетти Франческа, докторант Римского университета «Сапьенца. Tel.: (+39) 3468469583. E-mail: fran.michetti@ gmail.com

Information about the author: Michetti Francesca, graduate student, PhD candidate, «Sapienza» University of Rome. Tel.: (+39) 3468469583. E-mail: fran.michetti@gmail.com

КАШФИ НАВИ СИККАҲОИ БОСТОНӢ АЗ ТОЧИКИСТОН

Абдувалӣ Шарифзода, Муҳаммад Сафоев, Фаррух Сафоев

(Душанбе, Тоҷикистон)

Яке аз масъалаҳои рӯзмарраи таърихи Осиёи Миёна аниқ намудани замони пайдоиши сикказанӣ ва муомилоти пулӣ дар ҳудуди он мебошад. Барои таҳқиқи ин мавзӯ сиккаҳои қадим сарчашмаи ягонаи илмӣ мебошанд. Сиккаҳои қадими Тоҷикистон ҳануз аз асри XIX диққати олимони соҳаро ба худ ҷалб намуда буд. Профессор А.А. Семенов дар рафти экспедитсияи таҳқиқотии соли 1898 дар Кӯлоб бо як сиккаи Искандари Мақдунӣ ва сиккаҳои сершумори ӯнону бохтарӣ аз наздик шинос шуда, доир ба гардиши онҳо иттилои муҳим медиҳад^{1*}. Дар замони шӯравӣ сиккашиносии Тоҷикистон ба авҷи аълои рушд расида, олимони шуҳрати ҷаҳонидошта чун М.Е.Массон (1897-1986)², О. Смирнова (1910-1982), Е. Зеймал (1932-1998)³ ва Е. Давидович (1922-2013)⁴ дар асоси таҳқиқи сиккаҳои Тоҷикистон беҳтарин осори илмии хешро таълиф намуданд. Забелина Н.Н. дар асоси таҳқиқи сиккаҳои фонди нумизматики Осорхонаи таърихӣ-кишваршиносӣ дар шаҳри Душанбе, ки соли 1999 ба Осорхонаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба номи Камолиддин Беҳзод табдил дода шуд, дар Тоҷикистон доир ба сиккаҳои қадимаи осорхонаи мазкур аввалин

¹ Семеновъ А.А. По границамъ Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 г.). Кулябъ// Исторический вестникъ – С.- Петербургъ, 1902 – С. 982

* Ин иттилои пурарзиши академик А.А. Семёновро Е. Зеймал ба эътибор намегирад ва устод Д. Довудӣ низ аз он беҳабар монда, онро барои рисолаи докториаш, ки як бахши муҳимаш ба сиккаҳои қадими Хатлон бахшида шуда буд, истифода намебарад.

² Массон М.Е. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 г. // Сообщение Таджикского филиала АН СССР – Сталинабад, вып. 6. 1948 – С. 42-44., Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным// Вестник древней истории – Москва, 2 (52), 1955 – С. 37-84

³ Зеймаль Е.В. Клад римских денариев из Таджикистана // Нумизматик и эпиграфика – Москва, Вып. III. 1962- С. 141-146., Еще раз о месте находки Амударьинского клада// Изв. Отдел. общественных наук АН Таджикской ССР – Душанбе. Вып. 1 (28), 1962 – С. 40-45, Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье – Ленинград, 1978 – С. 192-214., Древние монеты Таджикистана - Душанбе, 1983 - 344 с.

⁴ Е.А. Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана – Москва, 1979 – 462 с.

мақолаи нумизматиро чоп менамояд¹. Минбаъд дар таҳқиқи сиккаҳои қадимаи Тоҷикистон сиккашиносии шинохтаи тоҷик устод Давлтаҳоҷа Довудӣ низ саҳми назаррас гузошт².

Яке аз шоҳкориҳои сиккашиносии шӯравӣ китоби «Сиккаҳои қадими Тоҷикистон» - и Зеймал Е.В. мебошад, ки онро соли 1983 нашриёти «Дониш»-и Душанбе ба нашр мерасонад³. Муаллиф дар асоси таҳқиқи сиккаҳои ҳахоманишӣ ва юнонии дар таркиби Ганҷинаи Амударё буда ва дигар сиккаҳо, ки аз Тоҷикистон то соли 1981 ёфт шуда буданд, ба хулосае меояд, ки сиккаҳои ҳахоманишии дар таркиби ин ганҷина буда, дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода нашуда, чун сарват чамъоварӣ шудаанд. Тибқи навиштаи Евгений Зеймал қадимтарин сиккаҳои Ганҷинаи Амударё, ки соли 1877/78 аз Тахти Қубоди Тоҷикистон ёфт шуда буданд, дар асрҳои V-IV пеш аз милоди Масеҳ берун аз ҳудуди Осиёи Миёна зарб шуда, ба ташаққули муомилоти пулии маҳаллӣ таъсиргузор намебошанд ва онҳоро дар чоряки охири асри III пеш аз милоди Масеҳ зери хок пинҳон намуданд.⁴ Дар муомилоти пулии Осиёи Миёна истифода нашудани сиккаҳои қадимаи Ганҷинаи Амударёро олимони дигар низ тасдиқ менамоянд⁵. Академик Б. Гафуров ба ҳайати империяи Ҳахоманишиҳо ворид шудани Осиёи Миёнаро мусбат арзёбӣ намуда, таъкид менамояд, ки Ҳахоманишиҳо аввалин шуда сокинони Осиёи Миёнаро бо сикка шинос намуданд⁶. Доир ба шиносшавии сокинони Осиёи Миёна бо сикка ҳаминро ҳам бояд ба назар гирифт, ки бохтариҳо, суғдиҳо, хоразмиҳо ва сакҳо дар лашкаркашиҳои Ҳахоманишиҳо дар асри IV пеш аз милоди Масеҳ бар зидди Юнон иштирок менамуданд ва дар он ҷо бо сикка шинос шудани онҳо имконпазир буд. Массон В.М.

¹ Забелина Н.Н. Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР // Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР - Сталинабад, вып. I, 1952 – С. 73-85.

² Д. Довудӣ. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (Vв. до н.э.- нач. XX в.н.э) - Душанбе, 2006 – 347 с., Монетные клады Таджикистана - Душанбе, 2009 – 408 с., Новая находка монеты, чеканенной в подражание тетрадрахмам Евкратиды в Таджикистане // ВДИ - Москва, № 4. 1980 – С. 125-127, Драхма Селевки с городища Шахри Мунк//Нумизматика Центральной Азии – Ташкент, Вып. II, 1997 - С. 5-8.

³ Зеймал Е. В. Древние монеты Таджикистана – Душанбе, 1983 – 344 с.

⁴ Ҳамон асар – С.15.

⁵ Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана –Ташкент, Т.1, 2002 – С. 17.

⁶ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история – Москва, 1972 - С. 86

пахншавии васеи сиккаро дар Осиёи Миёна ба асри III пеш аз милоди Масеҳ мансуб меонад¹.

Дар замони шӯравӣ кашфи муътамади сиккаҳои дигари ҳахоманишӣ дар Осиёи Миёна ба қайд гирифта нашуда буд. Тибқи навиштаи академик Э. Ртвеладзе ба истисноӣ як дарики ҳахоманишии дар асри XIX дар шаҳри Каркӣ (Туркманистон) ба таври норавшан пайдошуда ва дар Узбекистон маҳфузбуда замони шӯравӣ аз Осиёи Миёна ягон сиккаи асрҳои VI-IV пеш аз милоди Масеҳ ба таври боэътимод кашф нашудааст². Аммо дар солҳои охир ин вазъият тағйир меёбад. Чунончи аз ҷануби Туркманистон ганҷинаи сиккаҳои ҳахоманишӣ кашф шуда, ду адад сиккаи ин ганҷинаро Д.Ю. Бирюков таҳқиқ намуда, ба хулосае меояд, ки ворид будани Осиёи Миёна дар муомилоти пулии Ҳахоманишиҳо аз имконият берун нест³. Аммо Д.В.Бирюков ва Э.В. Ртвеладзе санаи аниқӣ кашфи ин ганҷинаро зикр накарданд.

Дар ду даҳсолаи аввали асри XXI аз Тоҷикистон сиккаҳои ҷудогона ва ганҷинаҳои муҳимми сиккаҳо ёфт шуданд, ки таҳқиқи онҳо дар равшаннамоии таърихи пайдоиши сикка ва муомилоти пулии Осиёи Миёна аҳамияти калон дорад. Соли 1996 аз Кӯлоб як ганҷинаи сиккаҳои қадим кашф мешавад. Ин ганҷина 800 адад сикка дошт. Сиккашиносии машҳур Осмунд Бопеарраҷи соли 1999 205 адад сиккаи ин ганҷинаро таҳқиқ намуда, аз таркиби он 4 драҳмаи Искандари Мақдунӣ ва дигар сиккаҳои селевкӣ ва юнону бохтариро ошкор менамояд⁴. Дигар сиккаҳои қадимаи тозокашфро Д.Довудӣ, А.Қ. Шарифзода, Ф. Сафоев, М. Сафоев, М. Каримдодов ва А.А. Шарифзода таҳқиқ ва ҷоп намуданд. Аммо то ҳол на ҳамаи сиккаҳои тозокашф мавриди таҳқиқу барасиӣ комил ва таъбу нашр қарор гирифтаанд. Аз ин рӯ, дар мақолаи мазкур мо 23 сиккаи қадимаи аз Тоҷикистон дар давоми солҳои 2010- 2021 ёфтшударо мавриди баррасӣ қарор медиҳем.

¹ Массон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным// Вестник древней истории – Москва, 2 (52), 1955 – С. 38 (37-47)

² Ртвеладзе Э. Древние монеты Средней Азии – Тошкент, 1987 – С.28

³ Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии//Нумизматика Центральной Азии – Ташкент, I, 1995 – С.5-17, Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана –Ташкент, Т.1, 2002 – С. 16

⁴ Каримдодов М. Ганҷинаи Кӯлоб// Аҳбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон – Душанбе, 1 (6), 2022- с. 59-67

1. Сиглос аз Кӯлоб



1

Соли 2020 сокини рустои Деҳи Қозии ноҳияи Шамсиддин Шоҳини Кӯлоб Зоҳир Раҷабов моро аз мавзеи Сари Банд хангоми тиллошӯӣ ёфт шудани сиккаи қадим огоҳ намуда буд. Бо мақсади таҳқиқи ҷои ёфти сиккаи мазкур 12 июни соли 2020 яке аз муаллифон (Шарифзода А.) ба ноҳияи Ш. Шоҳин сафар карда, бо роҳнамоии Зоҳир Раҷабов мавзеи Сари Бандро мавриди таҳқиқ қарор дод¹. Тибқи нақли Раҷабов З. дар атрофи ин мавзеъ гуристонии қадимае мавҷуд аст ва он ниёз ба таҳқиқи бостоншиносӣ дорад. Начандон дур аз ин мавзеъ деҳаи Бодомту ҷойгир аст, ки соли 2015 аз он ҷо дар дунё бузургтарин ганҷинаи дирҳамҳои сомони Хуттал - «Ганҷинаи Кӯлоб» кашф шуда буд.² Дар қисми шарқии мавзеи Сари Банд сангове мавҷуд мебошад ва Раҷабов З. сиккаи қадимаро аз ҷое ёфта будааст, ки он зиёда аз 100 метр жарфӣ дорад. Ҷои ёфти сикка дар ҳошияи сангов қарор дорад ва одамон ҳоло ҳам дар сангов ва ҳам дараҳои ин мавзеъ ба тилошӯӣ машғул мешаванд. Маълум аст, ки таърихшиносони Юнони қадим ва олимони асримиёнагӣ доир ба истехсоли тилло дар куҳистони Хатлон иттилоъ додаанд. Яъне тилошӯӣ дар ин мавзеъ аз гузаштаи хеле дур то имрӯз идома дорад.

Таҳқиқ нишон дод, ки сиккаи аз мавзеи Сари Банд ёфтаи Раҷабов З. Навъи сиккаи лидиягӣ буда, аз фулузи сафедранг ба шакли дароз-руя дар асри VI то милоди Масех дар меҳкадаи* Сарди Лидия зарб

¹ Шарифзода А. Кашфи яке аз сиккаҳои қадимтарини дунё аз Кӯлоб//Мероси ниёгон - Душанбе, №22, 2020 – С. 19-22

² Шарифзода А. Ганҷинаи Кӯлоб- Душанбе, 2019 – 631 с.

* Ҷои маҳсули зарби сиккаро «меҳкада» меноманд, ки муодили он дар забони форсӣ-тоҷикӣ «сиккаҳона», «сарои дирам» ва «заробхона» қабул шудааст. Дар забони форсӣ

шуда, 3,4 грамм вазн дорад ва тибқи нишондоди дастгоҳи иёрсанҷӣ 97,79%-и филизаш нукра ва 2,20 фисади филизаш тилло мебошад. Дар аверси сикка тасвири барҷастаи дар муқобили ҳам ба таври ҳамлавар будаи нимтанаи шер ва гови нар (букқа) мавҷуд буда, дар реверси он ду фурурафтагӣ бо андозаи гуногун мавҷуд аст. Барои бештар ошкор шудани аҳаммияти сиккаи мазкур зарур медонем, ки доир ба таърихи ихтирои сиккаҳои крезӣ иттилои мухтасаре диҳем. Маълум аст, ки Лидия дар асрҳои VII-VI пеш аз милоди Масеҳ яке аз бузургтарин марказҳои тичоратии замон дар Осиёи Сағир ба ҳисоб рафта, тичорат аз машғулиятҳои асосии мардумаш буд. Онҳо барои аз хориҷ ворид намудани тилло ва нукра эҳтиёҷ надоштанд ва аз соҳили дарёи Поктул (Ростол) тиллои зиёд ҷамъоварӣ карда, онро бо дигар маҳсулоти заруриашон иваз менамуданд. Аммо ин мубодилои молӣ мушкилоти зиёд дошт ва муайян набуд, ки як маҳсулот ба маҳсулоти дигар дар асоси кадом меъёр иваз карда шавад. Оқибат зарурати нигоҳдошти лашкари кироя барои ҳифзи шаҳр-давлат, забти заминҳои нав, танзим ва осоннамоии муомилоти тичоратӣ ба ихтирои сикка-фулузпораи арзиш ва шакли муайяношта оварда расонд.

Ҳеродот лидиягӣҳоро аввалин ихтироъкорони сикка♦ номидааст ва аксари олимони сиккашинос ин гуфтаи «падари таърих»-ро қабул доранд¹. Аввалин сиккаҳои лидиягӣ монанди сиккаи аз мазеи Сари Банд ёфтшуда вазну шакли муназзам надошта, аз омехтаи тилло ва нукра-электрум зарб мешуданд. Дар як тарафи чунин сиккаҳо аз зарби ҷакуш фурурафтагӣ ва дар тарафи дигарашон тасвири рӯбоҳ мавҷуд буд ва рӯбоҳ барои онҳо муқаддас буд. Зарби аввалин сиккаҳо, ки вазн, иёр, шакл, тасвир, фулуз ва арзиши муайян доштанд, ба охирин шоҳи Лидия – Крез (солҳои 561-546 пеш аз милоди Ма-

вожаи «мех» низ маънои фулузпораи меъёрии зарбшударо ифода менамояд, аммо маъмул нест. Бисёр хуб мешуд, ки вожаи мехкада дар забони муосири тоҷикӣ маъмулу машҳур шавад (Шарифзода А.Қ.).

♦ «Сикка» вожаи қадимаи арабишудаи порсист ва истифодаи он дар забонҳои тоҷикию дарию порсӣ, арабӣ, туркӣ барои ифода намудани маънои воҳиди пулӣ - фулузпораи меъёрии шакл, вазн, арзиш, катибаю тамға ва тасвири муайяношта маъмул шудааст. Сикка дар асл чикка аст. Арабҳо то интишори дини мубини ислом сикка намебароварданд ва дар муомилоти пулиашон сиккаҳои сосонӣ ва румиро аз рӯи вазнашон истифода мебарданд. Вожаҳои қадимаи порсии «парға», «праға» ва «пора» низ маънои пули фулузиро ифода мекунанд. Имрӯз ҳам дар забони тоҷикӣ «порахур», «пора» ва «пора додан» ба ҳамин мазмун истифода мешавад (Шарифзода А.Қ.).

¹ Геродот. История//Перевод и примечания Г.А. Стратаноского – Ленинград, 1972- С. 42

сеҳ) мансубанд ва бо ин сабаб онҳо крезӣ номида мешаванд. Крез бародари ҳамсари охирин шоҳи Мод – Астиаг (падарарӯси Куруши Кабир) ва сарватмандтарин шахси замони худ буда, аз ҳама тиллоӣ бисёр дошт. Крез аз тилло ва нукра сикка зарб мезад ва холисии ин сиккаҳо 98 фисадро ташкил намуда, меъёри муайян доштанд ва юнониёни қадим ин сиккаҳоро «статер» меномиданд, ки решаи вожаи «статер» бобулӣ буда, аз номи эзадбону Иштар гирифта шуда, маънои аслаш «меъёр», яъне сиккаи меъёрдошта мебошад¹. Сиккаҳои нукрагии Крезро сиглос меномиданд. Крез баъди ислоҳоти пулӣ барои сиккаҳои тиллоӣ вазни меъёрии аз 8,6 то 8,19 грамм ва барои сиккаҳои нукрагӣ вазни меъёриро аз 10.75 то 10.92грамм таъин менамояд. Машҳуртарин статерҳои крезӣ ҳамон статерҳои мебошанд, ки дар як тарафи онҳо нақши фурӯрафта ва дар тарафи дигарашон тасвири барҷастаи нимтанаи шеру букқа мавҷуд аст. Ташаббускори асосии зарби сиккаҳои лидиягӣ давлат-полис дар симои Крез буд ва ин сиккаҳои лидиягӣ пеш аз ҳама барои пардохти музди сарбозони лашкари кироии Лидия, ки онро Крез дар лашкаркашиҳои ишғолгаронаи худ истифода менамуд, зарб мешуданд. Минбаъд ҷаҳонкушоии Куруши Кабир ба тақдирӣ Крез ва Лидия бетаъсир намонад. Чунончи соли 546 пеш аз милоди Масеҳ Куруши Кабир пойтахти Лидия-шаҳри Сард, аз ҷумла меҳкадаи онро забт намуда, Крезро асир мегирад. То ин вақт Ҳахоманишиҳо сикка намебароварданд ва онҳо аз сиккаҳои лидиягӣ ва дигар сиккаҳои юнонӣ истифода менамуданд. Яъне онҳо аз аҳамияти сикка дар давлатдорӣ огоҳ буданд. Аммо сикка зарб задани Куруш ва писараш Камбуция мушаххас нест. Аксари муҳаққиқон бар ин назаранд, ки онҳо ба ишғоли давлатҳои дигар машғул буда, фурсати аз номи худ сикка бароварданро надошданд. Ба ин нигоҳ накарда Куруш зарб ва истифодаи минбаъдаи сиккаҳои лидиягиро дар қаламрави давлати ташкилкардаи худ иҷозат дод ва меҳкадаи Сардро вайрон накард. Писари ӯ – Камбуция низ бо ҳамин сабаб сикка зарб назад ва гардиши сиккаҳои лидиягӣ ва юнониро дар ҳудуди Ҳахоманишиҳо иҷозат дод. Аксари олимони сиккашинос бар ин ақидаанд, ки то замони зарби сиккаҳои ҳахоманишӣ ва ҳатто дар даврони ҳукумронии

¹. Боғбедӣ Ҳ.Р. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён-Техрон, 1393 – 745 с.

Дориюши бузург (солҳои 522-486 пеш аз милоди Масех) сиккаҳои лидиягӣ дар ҳудуди империяи Ҳахоманишиҳо истифода мешуданд. Аз ин ошкор мегардад, ки сиккаи лидиягӣ аз мавзеи Сари Банди Кӯлоб ёфтшуда аз ҷумлаи қадимтарин сиккаҳои ҷаҳон мебошад ва то ҷое, ки ба мо маълум аст, то соли 2020 аз ҳудуди Осиёи Миёна чунин сикка кашф нашуда буд.

2. Сикли ҳахоманишӣ аз Қубодиён. Сиккаи мазкурро бори нахуст соли 2018 устод Давлатхоча Довудӣ таҳқиқ ва чоп намуда, аҳамияти калони ин сиккаро барои пажӯҳиши таърихи сикказанӣ дар Бохтар таъкид карда, қайд менамояд, ки:

1. Сиккаи мазкур дарики мисии ҳахоманишист;
2. Онро тасодуфан аз ноҳияи Ёвони вилояти Хатлон ёфтаанд;
3. Дар рӯи ин сикка Куруши Кабир тасвир шудааст;
4. Нақши пушти сикка мазмуни кайҳонӣ дошта, се доираи он се қабати осмонро ифода мекунад¹.

Бинобар зарурти илмӣ мо 10 ноябри соли 2022 бо коллекционер Садриддин Муҳаммадов, ки соҳиби ин сикка аст, вохӯрда, бо иҷозати ӯ онро таҳқиқ намудем. Дар натиҷа маълум шуд, ки:

1. Сиккаи мазкур на аз мис, балки аз омехтаи тилло, нуқра ва мис зарб шуда, дар таркиби он 80,70% нуқра, 17,42% мис ва 1,87% тилло мавҷуд аст. Бинобар ҷисади зиёдро ташкил кардани нуқра он сиккаи нуқрагӣ ҳисобида мешавад. Аз ин рӯ, сиккаи мазкур на дарики мисӣ, балки сикли (шикли) ҳахоманишӣ буда, дар асри V пеш аз милоди Масех зарб шудааст;

2. Тибқи нақли Садриддин Муҳаммадов ин сиккаи ҳахоманишӣ на аз ноҳияи Ёвон, балки соли 2010 аз ноҳияи Қубодиён кашф шудааст;

3. Куруши Кабир будани камондори дар рӯи ин сикка тасвиршуда ва се қабати осмонро ифода кардани нақши пушти он хулосаи боварибахш ва бо далел нест.

4. Сиккаи мазкур 11.51 грамм вазн ва 17мм диаметр дошта, дар асри V пеш аз милоди Масех зарб шудааст.

3. Сикли ҳахоманишӣ аз водии Вахш.

1. Довудӣ Д. Сиккаи нодирӣ Ҳахоманишӣ аз Ёвон// Мероси ниёгон. – Душанбе, №20, 2018- С.35-36



Сикли тавсифшаванда аз вилояти Хатлон ёфт шуда, онро соли 2017 Осорхонаи миллии Тоҷикистон харидорӣ кард ва дар он ҷо таҳти рақами КВ-15560 қарор дорад. Ин сикка 5.08 грамм вазн ва 15/12 мм диаметр дорад. Чигунагӣ ва мавзеи аниқи ёфт шудани он маълум нашуд. Дар аверси он шоҳаншоҳи ҳахоманишӣ бо тоҷу камону найза тасвир шуда, камонаш дар муқоиса бо дударикаи аз Кӯлоб ва сикли аз Қубодиён ёфтшуда чандон хуб намоён нест. Сикли мазкур дар асри V пеш аз милоди Масех зарб шудааст.

4. Дударика аз Кӯлоб.



Ҳангоми сафари таҳқиқотии соли 2020 ба мавзеи Сари Банд ба мо маълум шуд, ки соли 2016 аз ин мавзеъ ҳангоми тиллошӯӣ як сиккаи зарини дигар ёфт шуда будааст. Яъне, сиккаи лидиягӣ дар ин мавзеъ сиккаи ягона нест. Мутаассифона мо сиккаро дида натавонистем ва онро аз рӯи аксаш ва нақли сокинони маҳаллӣ таҳқиқ намудем. Маълум шуд, ки ин сиккаи тавсифшаванда бар хилофи сиккаи лидиягӣ на дарозрӯя, балки гирд буда, 20 мм қутр ва 16,57 грамм вазн дошта, дар аверси он тарҳи пурраи шоҳи ҳахоманишӣ, ки дар китфи росташ тирдон, дар дасти росташ ханҷар ва дар дасти чапаш камон дорад, дар ҳолати пойи росташ ба зону қадгашта тасвир шуда, дар реверси он фурӯрафтагӣ ба назар мерасад. Чунин сиккаҳо дударика номида мешаванд ва онҳо баъд аз

шикасти Ҳахоманишиҳо бо амри Искандари Мақдунӣ ва ворисонаш дар асри IV пеш аз милоди Масеҳ на дар Осиёи Миёна, балки дар Бобул зарб мешуданд¹. Сиккаҳои зарини Ҳахоманишӣ дарик ва сиккаҳои нуқрагиашон сикл (шикл) ном дошт. Инчунин, юнониён сиккаҳои ҳахоманиширо камондор, дарикус ва сиглус низ меномиданд. Дар бораи аз ҷониби кадом шоҳаншоҳи ҳахоманишӣ, кай ва дар кучо бори нахуст зарб шудани дарикӯ сикл дар илм фикри ягона мавҷуд нест. Вобаста ба маъно ва хостгоҳи вожаи «дарик» низ хулосаи ягона вучуд надорад. Бархе олимон дар таъя ба гуфтаҳои Ҳеродот ба ин хулосаанд, ки номи ин навъи сиккаи тиллоии ҳахоманишӣ аз номи Дориюши бузург гирифта шудааст. Дар ҳақиқат Дориюши бузург дар таърих аввалин шуда, дар сикка тасвири шоҳро зарб мезанад ва то ӯ ягон шоҳи дигар ин корро анҷом надода буд. Ба ин нигоҳ накарда, гуруҳи дуҷумла олимон ба вижа донанда ва муҳаққиқи барҷастаи забонҳои бостонӣ – Доктор Ҳусейн Ризои Боғбедӣ чунин мешуморад, ки «Номи Дориюш» дар забони форсии бостон вучуд надорад, аз ин рӯ ин вожаро наметавон муштак (гирифта) аз номи Дориюш донист...» «Дарик» дар форсии бостон «дарӣ» ба маънои «заррин, тиллоӣ» будааст»².

Дар сиккаҳои ҳахоманишӣ ном, солу ҷои зарб ва номи шоҳаншоҳ зикр нашудаанд, ки ин муайян намудани таърихи дақиқи онҳоро мушкил мегардонад. Аммо илми бостоншиносӣ барои ҳалли ин мушкилӣ мусоидат менамояд. Чунончи, соли 1933 дар рафти ҳафриёти толори марказии Оподони Тахти Ҷамшед ду сандуқи сангӣ бо як лавҳаи заррин ва як лавҳаи симин кашф гардид, ки дар ин лавҳаҳо бо фармони Дориюши бузург ба забонҳои форсии бостон, эломӣ ва бобули катиба навишта шуда буд. Инчунин аз ҳар як сандуқ боз чор сиккаи тиллоии лидиягӣ ва ду сиккаи нуқрагии юнонӣ ба даст меояд. Аммо дар ин сандуқҳо ягон сиккаи порсӣ-ҳахоманишӣ (дарик ва сикл) набуд.

Маълум аст, ки бинои Оподон соли 516 пеш аз милоди Масеҳ бунёд шудааст. Агар Куруши Кабир ӯ дигар шоҳони ҳахоманишӣ, аз ҷумла Дориюши бузург то соли 516 пеш аз милоди Масеҳ сикка мезаданд, дар ин сандуқҳо сиккаҳои ҳахоманишӣ-дарикҳоро ҳатман мегузошанд. Чунончи аз Тахти Ҷамшед лавҳае ба забони эломӣ

¹ Е. В. Зеймал. Древние монеты Таджикистана – Душанбе, 1983 – с. 19

² Ҳ.Р. Боғбедӣ. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён-Техрон, 1393 – 745 с.

ёфт шудааст, ки он ба соли 22-юми ҳукумронии Дориюши бузург, яъне ба соли 500 пеш аз милоди Масеҳ мансуб аст ва дар он нақши ду дарик мавҷуд аст. Аз ин маълум мешавад, ки аввалин дарикҳо байни солҳои 516 ва 500 пеш аз милоди Масеҳ зарб шудаанд. Аксари сиккашиносон бар ин назаранд, ки зарби дарикҳо соли 515 пеш аз милоди Масеҳ оғоз меёбад. Хулосаи ин матлаб ҳамин, ки аз эронӣ нахустин шуда Дорой якум аз тилло ва нукра сикка зарб зад.



5. Статери Искандари Мақдунӣ (солҳои 356-323 то милоди Масеҳ).

Статери мазкур соли 2013 аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Осорхонаи миллии Тоҷикистон эҳдо шуда, мақону замони кашф шудани он маълум нест. Вазнаш 8,41 гр., диаметраш 19,26 мм ва иёраш 96,17 ва рақами осорхонавиаш KB-14177 аст. Зарби асри IV пеш аз милоди Масеҳ¹.

Дар рӯи сикка нимруҳи модархудои юнонӣ Афина тасвир шудааст. Тибқи устураи Юнони қадим Афина духтари Зевс буда, аз сари ӯ зода мешавад ва ин эзадбону рамзи ақлу хирад, адолат, ҳунар, ҷанги муташаккил ва стратегияи ҳарбӣ мебошад. Афина дар ин сикка хеле ҷавону бовиқор тасвир шуда, дар сар қулоҳи маъмули коринфӣ бо тасвири мор ва мӯйҳои дарози нобофта дошта, ӯ ба самти чап менигад.

Дар пушти сикка фариштаи пирӯзӣ - Ника дар ҳолати росто ва болқушода тасвир ёфта, ӯ дасти росташро ба таври нимқад ба пеш дароз карда, сарбанди шоҳиро (дайҳим-диадема) дар қабза дорад ва зери тасвири дайҳим тасвири уқобмонанд ҷойгир аст. Ника бо дасти чапаш ба таври росто стилусро медорад, ки баландии он баробари қадаш мебошад. Дар паҳлӯи боли чапи Ника бо хатти юнонӣ «Александр» навишта шудааст.

¹ Шарифзода А. Тухфаҳои нодир// Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон.- Душанбе, №1, 2014 – С. 5



6. Тетрадрахмаи Антиох I Сотер (солҳои 324 – 261 то милоди Масех).

Бо мақсади худдорӣ аз такрор пеш аз тавсифи сиккаи мазкур қайд кардан зарур аст, ки 17 сиккаи дар ин мақола таҳти рақамҳои 6-22 қарордошта соли 2021 аз ноҳияи Ёвон кашф шудаанд. Аз ин миқдор сиккаи №6 тетрадрахма буда, дар аверси он нимрухи шоҳи селевкӣ Антиох I Сотер (324-261 пеш аз милоди Масех), ки писари Апамаи духтари Спитамен мебошад, бо диадема дида мешавад. Нимрухи Антиох бисёр нозукона тасвир шудааст, инро дар ҷузъиёти тасвир метавон мушоҳида кард. Ба вижа танҳо дайҳими ӯро метавон мисол овард, мисли ин аст, ки моҳирона онро бо даст баста бошанд. Сиккаи мазкурро метавон қисман дузарба номид. Ин ҳолат дар баҳши манаҳи шоҳ хуб мушоҳида мешавад. Дар пушти сикка Зевс ба таври ростои дасти чапаш ба пеш бардошта ҳаққокӣ шудааст. Зевс урён ва дар ҳоли нимгашт аст. Дар дасти рости ӯ қабзаи раъд ва дасти чапаш моил ба пеш ва дар ҳоли бо ангушт ишора кардан аст. Дар пеши пой чапаш монограмма ва дар зери он тасвири уқоб дида мешавад. Дар ҳар ду самти тасвири Зевс унвон ва номи шоҳ бо хату забони юнонӣ-Басилевс Антиох яъне Шоҳ Антиох ҳаққ шудааст. Тасвири пушти сикка низ дар назокат камтар аз рӯи он нест. Зевс бисёр олій ба риштаи тасвир кашида шудааст. Ин ҳолатро дар тамоми ҷузъиёти бадани ӯ дидан мумкин аст, ки аз ҳунари волои муҳрсоз дарак медиҳад. Ҳунари баланди тасвиргарии юнониҳо аз замони пайдоиши аввалин пулҳои фулӯзӣ дар сиккаҳо дида мешавад ва дар сиккаи мазкур низ ин ҳунари ташаккулёфтaro ба ҳубӣ мушоҳида менамоем. Тетрадрахмаи мазкур 16,36 грамм вазн ва 26x28мм диаметр дошта, дар асри III пеш аз милоди Масех зарб шудааст.



7. Ҳемиоболи Деметрий I Сотер (солҳои 187 – 150 то милоди Масех).

Сиккаи мазкури селевкӣ вобаста ба вазнаш гемиобол номида мешавад. Дар рӯи он нимрухи шоҳ Деметрий I Сотер бо кулоҳи тарҳи филдор ва дар пушти сикка Ҳеракл тасвир ёфтааст. Дар самти пой рости ӯ монограмма ва дар ду тарафи Ҳеракл навиштаи унвон ва номи шоҳ- Басилевс Деметрой- Шоҳ Деметрий мавҷуд мебошад. Ин сикка дар асри II пеш аз милоди Масех зарб шуда, 0,64 грамм вазн ва 12,5x13,5мм диаметр дорад. Вақте ки ӯ бобулихоро аз зулми сатрап Тимарх озод намуд, ӯро «сотер»- наҷотбахш номиданд ва ин ба унвони ифтихориаш табдил ёфт.



8 - 13. Сиккаҳои Евтидеми I (ҳукмронӣ: солҳои 235-200 то милоди Масех)

Дар байни сиккаҳои соли 2021 аз Ёвон ёфтшуда 6 адад сиккаи мисии шоҳи Юнону Бохтарӣ – Евтидеми I мавҷуд аст. Аз ин миқдор 5 ададаш диҳалк ва як ададаш ҳалк мебошад. Дар рӯи сиккаҳо ба таври барҷаста нимрухи шоҳ, дар пушти сиккаҳо асп дар ҳоли давидан тасвир шуда, дар боло ва поини тасвири асп ба хатту забони

юнонӣ – шоҳ Евтидем зарб шудааст. Сиккаҳо аз 7 грамм то 10 грамм вазн доранд.

Яке аз роҳҳои шинохти сиккаҳои асил аз сиккаҳои тақаллубӣ ин мавҷудияти патина дар онҳо мебошад. Патина лояи бисёр тунук ва сиёҳфом мебошад, ки зери таъсири унсурҳои кимиёӣ бо гузашти замони зиёд дар сикка ба вучуд меояд. Лоя-патинаро дар сиккаи №8 метавон саҳеҳ мушоҳида кард. Сиккаҳои № 8, 9, 10, 11, 12-ро метавон навъи якум ва сиккаи №13-ро навъи дуюм номид. Ин сикка бо вазн, шакл ва тасовири рӯй ва пушт фарқунанда аст. Агар сиккаҳои №3 то №7 аз 6 грамм ба боло то 10 грамм ба боло вазн дошта бошанд, сиккаи №13 аз 4 грамм ба поён вазн дорад. Гузашта аз ин дар нигориши тасовир дигаргунӣҳо дида мешавад. Нимруҳи Евтидем дар аверси сиккаи №13 чавонтар ва аспӣ пушти сикка бо гардану пойҳои нисбатан дароз тасвир шудааст ва шояд ин тасвири аспӣ маҳаллӣ- бохтарӣ бошад.



14. Драҳмаи Антимах I Теос (солҳои 181/71-160/1 пеш аз милоди Масех).

Дар миёни сиккаҳои шоҳони юнонӣ- бохтарӣ ҳамчунин 2 адад сиккаи яке аз ҳукуматдорони юнонӣ- Антимах I Теос(181/71-160/1п.м.) шиносӣ шуд. Аз сиккаҳои мазкур як ададаш драхма ва дигарӣ ҳалқ мебошад. Дар рӯи сиккаи нукрай нимруҳи шоҳ бо кулоҳи нимаҳамвори юнонӣ- кауси ва дар пушти сикка худои юнонии обҳо ва рудхонаҳои бузург - Посейдон ҳаққокӣ шудааст. Посейдон найза ба дасти рост, бо мӯйҳои дарози алвонҷӯрда, бадани варзишдида ва дар дасти чапаш шоҳаи нахл ва зери тасвири даст монограмма дар шакли доира бо ҳарфи «N» тасвир ёфтааст. Дар самтҳои тасвири Посейдон бо равиши амудӣ ба таври маъмул навиштаи унвон ва номи шоҳ бо забон ва хатти юнонӣ, ки хуб хоно мебошанд «Басилевстео Антимах»- Шоҳхудо Антимах дида мешавад. Ӯ дар миёни шоҳони юнонӣ- бохтарӣ аввалин шоҳе буд, ки ба худ унвони «Теос» яъне Худо-ро бахшидааст.



15. Дихалки Антимах I Теос

Дихалки мазкур 7,11 грамм вазн ва 23x23,5мм диаметр дошта, дар руи он фил ва дар тарафи дигараш эзадбонуи пирӯзӣ- Ника мушоҳида мешавад. Никаи болдор дар дастон шоҳаи дарахти хурмо ва гулчанбар дорад. Дар самти чапи ӯ монограмма ба таври хира дида мешавад.

16. Тетрадрахмаи Евкратиди I (солҳои 170-145 то милоди Миср). Ин тетрадрахма 16,97 грамм вазн ва 34x31мм диаметр дошта, хуб боқӣ мондааст. Дар аверси он дар дохили доираи хатчаҳои арзанӣ нимтанаи урёни шоҳ аз тарафи пушташ намоён аст. Рӯяш ба самти чап нигаронида шуда, дар сар кулоҳи бохтарӣ, наворҳои дайҳим аз зери кулоҳ то поёни шонаҳо хамида аст, дар болои кулоҳ навор дар шакли ду хатти мавҷхурда дида мешавад. Ӯ дар дасти рост найзаро ба болои шонаҳо медорад, ки ин як ҳолати хосро нишон медиҳад. Чехраи шоҳ бисёр ҷавон ва бовиқор менамояд. Аз зери кулоҳ муйҳои чинчилаи у намоён аст. Чунонки гуфтем нимтанаи урёни шоҳ бо шонаҳои фароҳ ва мушакҳои аз варзиш обутобёфта ва барҷаста тасвир шудааст.

Дар реверси сикка тасвири худоёни юнонӣ бародарони дугоник-диоскурҳо Кастор ва Полукс савор бар аспҳо, ки дар ҳоли давидан мебошанд, дида мешаванд. Савораҳо дар сар кулоҳ, дар дастҳои чап шоҳаҳои нахл ва дар дасти рост найза доранд. Дар зери пойҳои аспҳо монограмма дар шакли ҳарфи «Ф» дида мешавад. Дар нимаи болоии сикка навиштаи юнонии «Базилевс Мегалой»- Шоҳи Бузург ва дар зери сикка навиштаи номи шоҳ Евкратид дар зери хатти уфуқӣ дида мешавад.

Евкратиди I дар сиккаҳояш маъмулан ба самти рост менигарад ва вобаста ба чунин тасвирёбии шоҳ ин сиккаро метавон сиккаи нодир

номид. Ин навъи истоди шохро метавон дар баъзе аз сиккаҳои давраи ҳелинӣ низ дид, ки худои олии юнонӣ- Зевс тасвир шудааст. Зевс барқад ва урёну нимгашт аст, найза ва ё дурусттараш скипетр бар болои шонаҳо дорад. Бе тардид ин навъи тасвирёбӣ баргирифта аз он ҷост, ки Зевс тасвир мешуд.

Евкратиди I бар зидди яке аз шоҳони хонадони Селевкиён- Деметрий I исён бардошта Бохтарро забт менамояд ва тибқи ахбори таърихнигори юнонӣ Юстин Евкратид Ҳиндро забт намуда, водихои самти ҷанубро аз Ҳиндукуш, ки зери ҳукумати Деметрии I буд ба тобеъияти худ медарорад. Ҳамзамон ӯ ба ҳукумати Менандр хотима медиҳад. Чунин навъи тасвири шоҳ дар сиккаҳо шояд ба хо-тири кишваркушоӣ ва пирузиҳои бошад.



17. Драҳмаи Евкратиди I.

Драҳмаи мазкур занг зада, тасовири рӯй ва пушти он хуб дида намешавад. Дар рӯи сикка нимруҳи Евкратид бо дайҳим дар дохили доираи арзанӣ ва дар пушти он шоҳ савори асп тасвир ёфтааст. Ин драҳма 4,13 грамм вазн ва 20x20 мм диаметр дорад. Катибаи сикка дар зери занг аст ва нимахоно ному унвони шоҳ нигошта шудааст, ки маъмулан навиштаи юнонии Басилевс Евкратид- Шоҳ Евкратид мехонанд. Аз ин лиҳоз маълумоти бештар касб намудан аз сиккаи мадди назар мушкил аст.

18 - 21. Оболҳои Евкратиди I

Аз 4 оболҳои тавсифшандаи Евкратиди I дар рӯи 2 адади он шоҳ бо кулоҳи бохтарӣ ва дар 2 оболҳои дигар ӯ бо дайҳим тасвир шудааст. Тасвири рӯи сиккаҳо дар дохили доираи нуқтаҳои холкубишуда гирифта шудаанд. Дар пушти сиккаҳо тасвири маъмулӣ- кулоҳи диоскурҳо бо 2 адад шоҳаи нахл, ки бештар ба хушаҳои гандум монандӣ доранд ва ному унвони шоҳ дар шакли амудӣ дида мешаванд. Дар зери ин кулоҳҳо монограмма тасвир ёфтааст. Танҳо сиккаи зери шумораи №21 аз дигар оболҳо бо он фарқ мекунад, ки шоҳаҳои нахл ва ё хушаҳои гандум ба самти рост моиланд, дар 3 оболҳои дигар

онҳо ба самти чап нигаронида шудаанд. Вазн ва диаметри ин оболҳо чунинанд:

- а) кулоҳдор, вазн- 0,65гр, қутр- 10,5x12мм;
- б) кулоҳдор, вазн- 0,70гр, қут- 10x10,5мм;
- в) дайҳимдор, вазн- 0,64гр, қутр- 12x12мм;
- г) дайҳимдор, вазн- 0,67гр, қутр- 11x11мм.



22. Драхмаи Евкратиди II (солҳои 145-140 то милоди Масех).

Драхмаи мазкур аз мавзеи Сурхдараи ноҳияи Ховалинг ҳангоми тилошӯӣ ёфт шуда, 4,08 грамм вазн ва 18,5x20мм диаметр дорад. Он аз ҷониби Наврӯзи Ҷумъамурод пешниҳод шуда буд. Дар рӯи ин сикка ба таври маъмулии сиккаҳои давраи атиқа ва ё худ пешиниёни ӯ нимруҳи шоҳ ва дар пушти он эзади юнонӣ Аполлон тасвир ёфтааст. Ӯ дар дасти рост тир (маъмулан дар сиккаҳое, ки ҳолаташон хуб аст) дорад ва дар дасти чапаш камон аст, ки зоҳиран ба он така намудааст. Дар ду самти тасвири эзад навиштаи ному унвони шоҳ- Шоҳ Евкратид дида мешавад.

23. Статери Антонинус Пий♦ (86-161)

Статери мазкур соли 2013 аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Осорхонаи миллии Тоҷикистон эҳдо шуда, мақону замони мушаххаси кашф шудани он маълум нест. Аммо аз Тоҷикистон ёфт шудани он аниқ аст. Вазнаш 7,31 гр., диаметраш 18,56 мм ва иёраш 96,50 ва рақами осохонавиаш КВ-14191 мебошад¹.

♦ Тит Аврелий Фулв Бойоний Аррий Антонин Пий (Titus Aurelius Fulvus Boionius Arrius Antoninus Pius) императори Рим, ки аз 10 июли соли 138 то 07 марти соли 161 ӯкумронӣ кардааст. Ӯ ӯайати Кушонийро қабул намуда буд.

¹ Шарифзода А. Тухфаҳои нодир// Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон. Душанбе, 2014. №1. С.5

Дар маркази рӯи сикка нимрухи Антонинус Пий тасвир ёфта, ӯ ба самти чап менигарад ва дар сар сарбанди шоҳӣ дорад. Дар атрофи симои вай бо хатти римӣ ANTONINVS PIVS AVG «Антонинус Пийа Авг» навишта шудааст. Катибаи руи сиккаро доираи нуқтагии барҷаста, ки қисман ба назар мерасад, ихота кардааст.

Дар маркази пушти сикка фариштаи пирӯзӣ-Ника савори шер тасвир ёфтааст. Шер дар ҳолати чаҳиш буда, савора болои он якта-рафа нишаста, ӯ бо дасти росташ тоҷ ва бо дасти чапаш ёли шерро гирифта, симои ороме дорад. Қисми савора ба тарафи бинанда тасвир ёфта, танҳо рӯяш ба самти ҳаракати шер - ба пеш, ба самти чап тасвир шудааст. Дар паҳлӯи чапи савора стилус ба таври амудӣ ба назар мерасад, ки нӯги он ба ҷониби замин аст. Ба равиши ҳаракати шер дар зери он роҳи ноҳамвор низ ба назар мерасад. Дар қисми болоии даври сикка ва дар зери роҳ катибаи NDVLGENTIA AVGG INCARTH ҳаққ шудааст.

Аз таҳқиқи сиккаҳои дар боло тавсифшуда маълум шуд, ки онҳо дар давоми асрҳои VI то милоди Масеҳ ва асри I масеҳӣ зарб шудаанд. Қадимтарин сиккаи тавсифшуда сиглоси лидиягӣ бо тасвири шеру букқа ва ҷавонтарини он статери римӣ мебошад. Бо доштани асолат ва маълум будани сана, ному насаби ёбандаи он, ҷой ва чигунагии кашф шуданаш (соли 2016, З. Раҷабов, мавзеи Сари банди Кӯлоб, ҳангоми тиллошӯӣ) мо бо боварии комил сиккаи лидиягиро аз ҷиҳати илмӣ сиккаи боэътимод гуфта метавонем. Сиккаҳои дигари тозакашф низ бо аниқ будани ҷой, чигунагии кашф ва асил буданашон сарчашмаи боэътимоди илмӣ мебошанд.

Аз таҳқиқи сиккаҳои дар боло тавсияшуда мо ба чунин хулоса расидем:

1. Қадимтарин сиккаи Осиёи Миёна сиккаи лидиягии аз мавзеи сари банди Кӯлоб ёфтшуда мебошад, ки он дар асри VI пеш аз милоди Масеҳ зарб шуда, тавассути бохтариҳо ё ҳахоманишиҳо ба ҳудуди Кӯлоб оварда шудааст. Ин сикка таърихи пайдоиши аввалин сиккаҳоро дар Осиёи Миёна ва аниқтараш дар ҳудуди Тоҷикистон аз асри V то милоди Масеҳ ба асри VI то милоди Масеҳ қадимтар мегардонад.

2. Кашфи чудоғонаи як сикли ҳахоманишӣ аз Қубодиён ва як сикли дигар аз водии Ваҳши Хатлон далели он аст, ки дар ин қисми Бохтар гардиши сиккаҳои ҳахоманиширо танҳо ба сиккаҳои таркиби Ганҷинаи Амударё маҳдуд кардан чандон саҳеҳ нест.

3. Кашфи дударика аз мавзеи Сари Банди Кӯлоб далели ин аст, ки баъди инқирози империяи Ҳахоманишиҳо дар Бохтар сиккаҳои дударикаи бо фармони Искандари Мақдунӣ ва ворисонаш берун аз ин сарзамин зарбшуда дар асри IV пеш аз милоди Масеҳ мавриди истифода қарор мегирифтанд.

4. Аз кашфи сиккаҳои ҳахоманишии солҳои охир дар Тоҷикистон ва Туркменистон кашфшуда эҳтимол қардан мумкин аст, ки Осиёи Миёна дар асри V пеш аз милоди Масеҳ ба шабакаи тичоратии Ҳахоманишиён ворид шуда буд;

5. Дар шиносоии Осиёи Миёна бо сикка ва ташаккули муомилоти пулии лн Ҳахоманишиҳо нақши аввалиндараҷа гузошта, дар асри IV пеш аз милоди Масеҳ юнониҳо ҷойгузини онҳо мешаванд;

6. Чи тавре ки Куруши Кабир баъди забти Лидия сикказании онро барҳам надод, Искандари Мақдунӣ ва ворисонаш баъди пирӯзиашон сиккаҳои ҳахоманиширо пурра нест накарданд ва дударикҳо далели ин аст;

7. Эҳтимол меравад, ки дар охири давраи ҳахоманишӣ ва замони юнону бохтарӣ дар шимоли Бохтар аз ҷумла, ҳудуди онвақтаи Тоҷикистони имрӯза бо мавҷуд будани захираи тилло ва нуқра меҳкадаҳои маҳаллӣ амал мекарданд. Ин эҳтимолро кашфи минбаъдаи сиккаҳои қадим тақвият хоҳад бахшид;

8. Кашфи сиккаҳои тавсифшуда ва инчунин кашфи 6 драхмаи Искандари Мақдунӣ, сиккаҳои селевкии ва юнону бохтарии аз Кӯлоб кашфшуда, ки онҳоро Осмунд Бопеаррачи таҳқиқ ва ҷоп намудааст, аз ҷиҳати илмӣ боътимод будани гуфтаҳои соли 1898-и академик А.А. Семеновро доир ба мавҷудияти сиккаҳои қадим дар Кӯлоб тасдиқ менамояд;

9. Дар давари юнону бохтарӣ дар шимоли Бохтар сикказании маҳаллӣ ташаккул ёфта, муомилоти пулӣ авҷ мегирад;

10. Дар оянда кашфи нави сиккаҳои қадим ва бақайдгирӣ, таҳқиқ ва ҳуҷҷатгузориҳои дурусти онҳо саҳифаҳои нави таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии ин баҳши Бохтарро равшантар хоҳад намуд.

АДАБИЁТИ ИСТИФОДАШУДА:

1. Бирюков Д.В. У истоков денежного обращения Средней Азии//Нумизматика Центральной Азии – Ташкент, I, 1995 – С.5-17

2. Боғбедӣ Ҳ.Р. Сиккаҳои Эрон дар давраи исломӣ. Аз оғоз то баромадани Салҷуқиён-Техрон, 1393 – 745 с.

3. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история – Москва, 1972 - 564 с.
4. Геродот. История//Перевод и примечания Г.А. Стратаноского – Ленинград, 1972-599 с.
5. Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана- Москва, 1979 – 462 с.
6. Давидович Е.А., Зеймаль Е. В. Денежное хозяйства Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма) // Ближний восток. Товарно – денежные отношения при феодализме Москва, 1980 - С. 70-80.
7. Довудӣ Д. Сиккаи нодирӣ ҳахоманишӣ аз Ёвон// Мероси ниёгон. – Душанбе, №20, 2018- С.35-36
8. Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (Vв. до н.э.-нач. XX в.н.э) - Душанбе, 2006- 347 с.
9. Довуди Д. Монетные клады Таджикистана. Душанбе, 2009 – 408 с.
10. Довутов Д. Новая находка монеты, чеканенной в подражание тетрадрахам Евкратиды в Таджикистане // ВДИ - Москва, № 4, 1980 - С. 125-127;
11. Довутов Д. Драхма Селевка с городища Шахри Мунк // Нумизматика Центральной Азии – Ташкент, Вып. II, 1997- С. 5-8.
12. Забелина Н.Н. Обзор древнейших монет из коллекций Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР //Сообщение Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР - Сталинабад, Вып. I (Археология), 1952 – С.- 73-85
13. Зеймаль Е.В. Клад римских денариев из Таджикистана// Нумизматика и эпиграфика –Москва, Вып. III. 1962 - С. 141-146.
14. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье- Ленинград, 1978 – С. 192-214.
15. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана - Душанбе, 1983- 344 с.
16. Каримдодов М. Ганчинаи Кӯлоб// Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон – Душанбе, 1 (6), 2022- с. 59-67
17. Массон В.М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным// Вестник древней истории – Москва, 2 (52), 1955 - с. 37- 47.
18. Ртвеладзе Э. Древние монеты Средней Азии - Ташкент, 1987- 182 с.
19. Ртвеладзе Э. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана –Ташкент, Т.1, 2002 -304 с.
- Шарифзода А. Тухфаҳои нодирӣ// Ахбори Осорхонаи миллии Тоҷикистон. – Душанбе, №1, 2014 – С. 5-19
20. Шарифзода А. Ганчинаи Кӯлоб – Душанбе, 2019 – 631 с.
21. Шарифзода А. Кашфи яке аз сиккаҳои қадимтарини дунё аз Кӯлоб//Мероси ниёгон – Душанбе, №20, 2020 – С. 19-22
22. Шарифзода А. Кӯлоб дар тасвири академик А.А. Семенов// Мероси ниёгон, № 25, 2023 – С. 52-56

КАШФИ НАВИ СИККАҲОИ БОСТОНӢ АЗ ТОҶИКИСТОН

Мақолаи мазкур ба таърихи пайдоиши қадимтарин сиккаҳо ва ташаккули муомилоти пулӣ дар Осиёи Миёна, аз ҷумла Тоҷикистон бахшида шудааст. Муаллифон 23 сиккаи қадими аз Тоҷикистон ёфтшударо таҳқиқ намуда, муайян намуданд, ки ин сиккаҳо дар солҳои 2010-2021 аз Кӯлоб, Ёвон ва Қубодиён кашф шуданд. Дар байни онҳо сиккаи лидиягӣ (асри VI пеш аз милоди Масеҳ), ду сиккаи ҳахоманишӣ (асри V пеш аз милоди Масеҳ), статери Искандари Мақдунӣ ва дударик (асри IV пеш аз милоди Масеҳ) аҳамияти вижа доранд. Илова бар ин, соли 1996 аз Кӯлоб ганчинаи калони сиккаҳои қадим кашф шуда буд, ки он 800 сиккаи аз ҷумла 4 драхмаи Искандари Мақдунӣ дошт. 205 сиккаи ин ганчинаро Осмунд Бопеаррачи таҳқиқ ва ҷоп менамояд.

Муаллифон ба ин хулоса расиданд, ки бохтариҳо нахустин бор дар асри VI пеш аз милоди Масеҳ бо сикка шинос шуданд. Сиккаи лидиягиро қадимтарин сиккаи Осиёи Миёна гуфтан мумкин аст. Сиккаҳои ҳахоманишии аз Тоҷикистон ва Туркмастон ёфтишуда далели ин аст, ки дар шимоли Бохтар ин сиккаҳо ҳамчун пул истифода мешуданд. Метавон тахмин кард, ки муомилоти пулӣ дар шимоли Бохтар дар асри V пеш аз милоди Масеҳ ташаккул ёфтааст. Дар охири давраи ҳахоманишӣ ва аниқтараи дар замони юнону бохтарӣ дар шимоли Бохтар аз ҷумла, дар ҳудуди онвақтаи Тоҷикистони имрӯза мехкадаҳои маҳаллӣ ба вуҷуд омада, сикказани маҳаллӣ рушд меёбад ва муомилоти пулӣ авҷ мегирад.

Дар оянда кашфи нави сиккаҳои қадим ва бақайдгирӣ, таҳқиқ ва ҳуҷҷатгузори дурусти онҳо саҳифаҳои нави таърихи сикказанӣ ва муомилоти пулии ин баҳши Бохтарро равшантар хоҳад намуд.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, сиккаҳои қадим, сиглос, дарик, сикл, обол, драхма, тетрадрахма, статер, сикказанӣ, муомилоти пулӣ, мехкада, шимоли Бохтар, Ҳахоманишиҳо, Кӯлоб.

NEW DISCOVERY OF ANCIENT COINS FROM TOJKISTON

This article is devoted to the history of ancient coins and the formation of monetary circulation in Central Asia, including Tojikiston. The authors examined 23 ancient coins found in Tojikiston and found that these coins were discovered in 2010-2021 from the Kulob region, Yovon and Qabodiyon regions. Among them, a Lydian coin (VIth century BC), two Akhamenid sikl (Vth century BC), a double daric and a stater of Alexander the Great (IVth century BC) are of particular importance. In addition, in 1996, a large hoard of ancient coins was discovered in Kulob, which contained 800 coins, including 4 drachmas of Alexander the Great. 205 coins from this hoard were examined and published by Osmund Vopearacci.

The authors came to the conclusion that for the first time the Bactrians got acquainted with the coin in the VI century BC. The Lydian coin can be called the oldest coin of Central Asia, minted in the 6th century BC. and brought to Kulob by the Bactrians or the Achaemenids.

Akhamenid coins found in Tajikistan and Turkmenistan prove that these coins were used as money in northern Bactria. It can be assumed that at the end of the Achaemenid period, or rather in the Greco-Bactrian era in northern Bactria, including the territory of modern Tajikistan, the first local mints appeared and coinage and money circulation developed.

In the future, a new discovery of ancient coins and their correct registration, research and documentation will open new pages in the history of minting and money circulation in this part of Bactria.

Key words: Tojikiston, ancient coins, siglos, darik, sikl, обол, drachma, tetradrachma, stater, coinage, money circulation, mint, Northern Bactria, Akhaemenids, Kulob.

Сведения об авторах:

Абдували Шарифзода – Номзади илмҳои таърихӣ. Мудир бахши таърихи илм ва техникаи Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш, АМИТ. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Сафоев Муҳаммад – Довталаби Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш, АМИТ. Tel.: 900-11-05-50. E-mail: safoev.1664@mail.ru

Сафоев Фаррух – муҳаққиқи мустақил, Tel.: 911-35-57-57

About the authors:

Abduvali Sharifzoda, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of Science and Technology of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel.: 900-55-75-75. E-mail: abduvali05@mail.ru

Safoev Muhammad, Applicant of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish NAST. Tel.: 900-11-05-50. E-mail: safoev.1664@mail.ru

Safoev Farrukh, independent researcher. Tel.: 911-35-57-57

COINS OF THE BACTRIAN AND INDO-GREEK RULERS ONLINE: A NEW TYPOLOGY

Simon Glenn

(Leeds/Oxford, UK)

The study of coinage has long been recognised as being of great importance for our understanding of the history of the Hellenistic period in Central Asia. While archaeological evidence is often relatively abundant, as demonstrated by the subject of this conference, direct testimony of the sovereigns of the various kingdoms which ruled the region during this period is often lacking. Unfortunately for historians, literary sources often only make the briefest of references to the kings of Bactria and were, in any case, written from a Graeco-Roman perspective by authors who often lived over a hundred years after the events and rulers they discussed. Likewise, epigraphic sources are few and far between.

In contrast, the coins produced for the Graeco-Bactrian, and later Indo-Greek, rulers survive in the many tens of thousands. Since the first rediscovery and publication of such a coin (a tetradrachm of Eucratides I) in 1738, scholars have made great use of the extant numismatic evidence in historical reconstructions.¹ Coins were produced in large numbers throughout the existence of the Graeco-Bactrian kingdom. Following independence from the Seleucid Empire in the mid third century BCE the first Graeco-Bactrian kings Diodotus I and II produced coins which continued very much in the system set out by the earlier Seleucid kings. The coinage was struck on the reduced Attic weight standard which had been introduced to the region by Alexander III of Macedon. Coins were produced in three metals: gold, silver, and bronze, with denominations which had also been used by the Seleucids. The location and method of production seem to have been continuations of those used when the region was under the control of the Seleucid Empire.² In particular, the location of a mint at Ai Khanoum seems likely from archaeological and coin circulation evidence, while the fabric of the coins, suggests a continuation of the approach to making the blanks between the

¹ Bayer 1738.

² Kriti 2001.

Seleucid and Graeco-Bactrian periods, most noticeably with the bevelled edges of bronze coins



Figure 1 - gold stater of Diodotus I or II (ANS 1944.100.74365): https://numismatics.org/bigr/id/bigr.diodotus_i_ii.1.2.

Following on from this early period of coinage, the issues of later kings began to diverge from the previous Seleucid and Diodotid model. The idealised portraiture of the first two kings was replaced with more naturalistic imagery, while the emission of gold coins stopped after Euthydemus I, with the famous exception of Eucratides I and the enormous, now unique, 20 stater gold coin struck under his authority.¹ Other kings as well, perhaps most notable among them, Agathocles, began to produce coins which were different from the previous established tradition. While Agathocles was responsible for highly unusual ‘pedigree’ silver coins which make direct reference to Alexander’s own coins, he also made bronze coins without any trace of Greek influence.² These issues are struck on irregularly shaped flans and feature a tree within a railing and a six arched hill surmounted by a star.³ The only script on the coin is Kharosthi and gives the king’s name as well as a word of uncertain meaning, which may indicate the place in which the coins were made. It is likely that these different features of the coins, which suggest a different cultural milieu, should be taken as indications that they were intended for another audience than the silver Attic weight coins which Agathocles also struck. Such an audience was presumably to be found south of the

¹ https://numismatics.org/bigr/id/bigr.eucratides_i.4

² <https://numismatics.org/bigr/id/bigr.agathocles.5>

³ <https://numismatics.org/bigr/id/bigr.agathocles.22>

Hindu Kush in the area which became part of the later Indo-Greek kingdom.

Production of Indo-Greek coins continued in what is now Pakistan until the early first century CE with the final examples being those struck by Strato II and his son. These coins are clearly very different from the initial issues of the Graeco-Bactrian kings 250 years earlier. They are bilingual, with Greek on the obverse and Kharosthi on the other, while they are struck on a different weight standard, making them much smaller. The style of the imagery is also clearly different with much less realistic depictions of, in this case, an obverse portrait of the king and Athena on the reverse (Figure 2).



Figure 2 - silver coin of Strato II and III (ANS 1993.29.264): https://numismatics.org/bigr/id/bigr.strato_ii_iii.1.3

With the limited nature of other forms of evidence, it is difficult to overstate the significance of the numismatic evidence of the Graeco-Bactrian and Indo-Greek kingdoms. The importance of these coins and the images on them have led to many attempts at historical reconstruction of the period which have relied heavily on the coins as a basis for the often-fantastical narrative they have created. The books of W.W. Tarn and A.K. Narain are famous examples.¹ Since these two influential works, the difficulty of such approaches to writing the history of the period, such as attempting to analyse the portraits on the coins to determine the ‘characters’ of the kings, have been highlighted.² Over the past decade new approaches have been taken to research on the coinage. One

¹ Tarn 1951; Narain 1957.

² Guillaume 1990; Holt 2012.

particular trend is the application of an objective numismatic methodology, that of the die study, to analyse the production process of the coins. Such die studies have long been practised by numismatists looking to understand better coinages in the ancient world. By undertaking a thorough analysis of as many extant coins as possible, scholars can deduce insights into the relative order in which the coins were made, different quirks of the production process (such as the recutting of dies), which may have important consequences for our understanding of history, as well as estimate the original size of a coinage. This last conclusion is of particular interest since it allows comparisons between kings (and kingdoms) on the basis of relative numismatic output, which can have important economic conclusions.

The first complete die study of Graeco-Bactrian coins was that of Kovalenko, who looked at the issues of the first kings Diodotus I and II, and which was published in 1996.¹ It took over twenty years for any further die studies to appear. The recent works of Bordeaux and Glenn demonstrate the huge potential for such an approach to the numismatic evidence, allowing historical theories to be tested against numismatic evidence which has been studied in a reproducible and objective way.² Both studies looked at the coinages of multiple kings (with totals of thousands of included coins) and came to important conclusions about the way in which the numismatic evidence might support (or not) existing historical reconstructions. However, the completion of such studies is very time consuming. In order to produce a study from which meaningful results might be achieved, it is important to gather as large a sample of images and measurements of the relevant coins as possible. The coins are spread across the globe in the collections of various cultural heritage institutions, and it is often simply impracticable to travel to study them all.

It is this problem which the OXUS-INDUS project was created to address. Funded jointly by the National Endowment for the Humanities in the United States of America and the Arts and Humanities Research Council in the United Kingdom through the New Directions in Digital Scholarship in Cultural Institutions programme, the OXUS-INDUS project is a collaboration between the American Numismatic Society (ANS) and the University of Oxford. The project team consists of Peter van Alfen, Ethan Gruber, and Gunnar Dumke at the ANS and Andrew

¹ Kovalenko 1996.

² Bordeaux 2018; Glenn 2020.

Meadows and Simon Glenn in Oxford. OXUS-INDUS has created a new online portal which allows the linking together of the relevant Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins in the online digital catalogues of cultural institutions worldwide. In order to do this, it was first necessary to create a new typology of the coins around which to organise the digital portal.

The first catalogues of Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins appeared in the mid and late 19th century and were usually based on the coins in the collections of an individual institution, for example that of the British Museum.¹ It took some time before a full typology of the coinages was attempted by Lahiri, who was particularly notable for his decision to acknowledge that the chronological and relative order of the rulers was uncertain by presenting the kings and queens in alphabetical order in his book.² Unfortunately Lahiri's work contained relatively few images of the coins which he included, therefore making his typology difficult to use and not particularly accessible for those who did not already have a considerable level of familiarity with the coins. This problem was addressed by the appearance of the nine-volume work of Mitchiner, whose ambitious typology stretched from pre-Seleucid coinage of Central Asia (e.g. imitation Athenian owl tetradrachms) to the Indo-Parthians and Western Satraps of the fourth century CE.³ Mitchiner included good quality photographs alongside his catalogue entries and, by taking such a broad approach to the material, his catalogue gives a very good overview of the coinage of Central Asia over a long period of time. It is not, however, complete in terms of the particular variations of different coinages which exist given its focus on coins in a small number of collections or examples which had already been published. The most recent catalogue, published by Bopearachchi in 1991 is the current standard reference work. It is based on the extensive collection of the Bibliothèque nationale de France and contains at least one illustrated example of all types known up to that point. The works of Bordeaux and Glenn have, however, shown that there are many new variations of coin types which have come to light since 1991 of which Bopearachchi was not aware. The OXUS-INDUS project has therefore taken the opportunity to create a new typology.

¹ Gardner 1886.

² Lahiri 1965.

³ Mitchiner 1975/1976.

Now available online at: <https://numismatics.org/bigr/>, *Coins of the Bactrian and Indo-Greek rulers* uses the framework of the new typology created by Gunnar Dumke and Simon Glenn as part of the OXUS-INDUS project to link digital collections of coins across the world



Figure 3 - Coins of the Bactrian and Indo-Greek rulers online (BIGR)

Recent years have seen the adoption of new linked open data methodologies for creating digital portals to present online typologies of coins which have been digitised at various institutions worldwide. For example, the Online Coins of the Roman Empire (OCRE) website provides this function for Roman Imperial coinage.¹ Hellenistic coinage is likewise covered by another American Numismatic Society project, Hellenistic Royal Coinage.² This latter portal provides a union catalogue of various typologies of Hellenistic coinage: Philip II and Alexander III of Macedon (PELLA), Seleucid (Seleucid Coins Online), Ptolemaic (Ptolemaic Coins Online), and coins of Demetrius Poliorcetes (Antigonid Coins Online).

All these portals provide a way of linking data together, improving visibility and accessibility for researchers. Instead of having to search across multiple online institutional coin databases, it is possible to search an online typology such as BIGR and then access all the included specimens of a particular type, whether they are in museum collections in New York, London, or Berlin. As part of the OXUS-INDUS project, several institutional collections of coins were digitised and made available online for the first time. In particular, the significant collections of over 1,000 coins each in the British Museum and Ashmolean Museum, Oxford were photographed, catalogued, and presented online. Likewise, the important collection of the American Numismatic Society was pho-

¹ <http://numismatics.org/ocre/>

² <http://numismatics.org/hrc/>

tographed digitally in its entirety for the first time, with the images available to download and use freely for non-commercial purposes. Just as importantly, the ability to link to online institutional collections also allows BGR to increase accessibility to coins which are in collections which are not widely known to include Graeco-Bactrian or Indo-Greek examples, such as the University of Leeds numismatic collection or that of the museum at Winterthur in Switzerland. The latter institution has contributed nine relevant coins to BGR, which would be unlikely to have been included in an offline typology because of the prohibitive nature of travel to Switzerland to include the coins. As a result of the collaborative work with these various institutions, BGR currently includes over 5,500 coins, although it is hoped that other collections can be added in the near future. Indeed, the project team are very keen to hear from any institutions which might like to collaborate and include their coins in the BGR portal.

BGR makes use of the Numishare framework for linked open data typologies developed by Ethan Gruber at the American Numismatic Society. The decision to use this specifically designed numismatic basis for the typology allows interoperability with other typologies. As such the coins of the Graeco-Bactrian and Indo-Greek rulers are now included in the Hellenistic Royal Coinages union catalogue, giving researchers the ability to pose questions of the numismatic evidence which would previously have required access to a large numismatic library as well as a significant amount of time to undertake the research. Now, however, it is possible to use the Hellenistic Royal Coinage search interface to quantify the appearance of particular deities across the Hellenistic world over different periods. For example, while the goddess Athena is known from over 1,200 coin types from across the Hellenistic world over several centuries, Hecate is found only on eight Graeco-Bactrian coin types issued under the kings Pantaleon and Agathocles in the early second century BCE.

BGR uses six criteria for dividing coins into different types: the issuing ruler, the denomination, any obverse image variation (e.g., king shown wearing a diadem, or Boeotian helmet), obverse or reverse monogram or other control mark or symbol, inscription on obverse or reverse, and the shape of the coins (round or rectangular). As such it provides a relatively high level of description, omitting many differences between coins which are often identified during die studies in which very small

details are observed. For example, differences in the style of the obverse portrait of various kings between coins are rarely represented by multiple types in BGR. One of the main concerns during the creation of BGR was to ensure that the new typology was one which was simple to use for those who are not familiar with Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins. The typology, wherever possible, therefore omits diagnostic features which might be considered subjective, such as obverse style or the relative age of the king on different coins as often identified for Euthydemus I. BGR is also designed to be accessible for those whose first language is not English, with the interface currently available in 18 different languages. This decision also echoes the hope of the project team that the creation of the typology will facilitate further research by bringing together data on coins from many international collections, not just those in Europe and North America.

It should be noted that while BGR is fully integrated into the Hellenistic Royal Coinages union catalogue, it has been constructed in a unique way, which was dictated by the limited understanding we have of the Graeco-Bactrian and Indo-Greek kingdoms. Throughout the creation of BGR and the new typology it presents, we have endeavoured to make clear the limits of our knowledge of the historical context and information the coins can provide. For example, while initially the bronze coins of the early Graeco-Bactrian kings seem to follow the denominations used by their Seleucid contemporaries as discussed above, later Graeco-Bactrian kings, as well as their Indo-Greek successors, adopted a different system. BGR therefore makes use of denominations from *Seleucid Coins* (and by extension URIs used in Seleucid Coins Online) for these early coins, while a range of new denominations was created in BGR for the later examples.¹ These denominations were not given names implying values and, following the example of *Seleucid Coins*, are labelled simply with letters (denomination A–N). This more detailed division of denominations is different from that which Bopearachchi adopted and has been made possible by the ability to query the weights of coins and easily calculate averages through the BGR website.

In other areas, BGR has taken a less detailed approach to that which has been adopted previously, wishing to remain clearly within the limits of our current state of knowledge. The difficult question of the location

¹ Houghton and Lorber 2002.

of mints has been avoided completely. Although attempts have been made in the past to identify mint cities by the apparent predominant find spots of coins featuring certain monograms, most notably by Mitchiner, BIGR does not offer any identifications of mints at all. The aim in not providing a location for the production of the coins is to make it clear that, while it may be possible to hypothesise that a certain series of coins were struck in a particular city, there is currently no evidence to prove this attribution conclusively. For similar reasons and, most importantly of all, BIGR does not include numerical dates for any of the types. By adding dates for particular issues, or, indeed, rulers, even when prefixed by *circa*, a false impression of certainty is conveyed. The first issues of the Graeco-Bactrian kingdom are a good example of this. While various dates of 255, 250, or later have been suggested by scholars for the beginning of minting in the newly independent kingdom under Diodotus I, there is no firm evidence to suggest one date is preferable to the others. BIGR therefore labels all of the types of Diodotus I and II as ‘mid third century BCE’, with the hope that such a vague date will highlight the limits of our knowledge of the period.

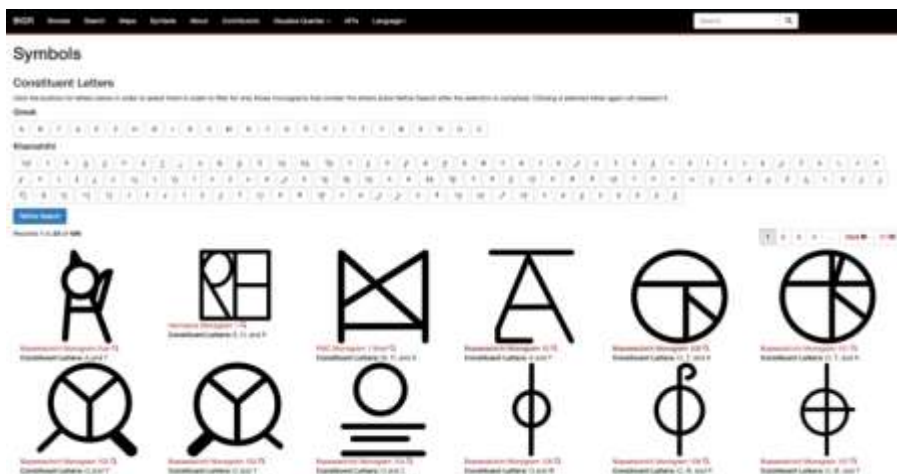


Figure 4 - BIGR symbols page showing search function.

Although some features of previous typologies have been omitted in BIGR, the creation of a digital typology allows other features which would not previously have been possible. For example, BIGR has created a new group of digital glyphs to represent the monograms which appear on the reverses of the majority of Graeco-Bactrian and Indo-Greek coinages. It is also possible to search the typology and the coins it includes by each of these symbols, allowing an easy way for non-specialists to identify coins.

Where they are known, the findspots of particular coins have been integrated into BGR. The potential for this information is illustrated by coins in the British Museum for which the findspots are recorded. In the example below (figure 5), a coin of Apollodotus I is known to have come from Begram in Afghanistan and was collected by Charles Masson. The important work of the Masson Project has identified this provenance and led to its inclusion on the coin’s record on the British Museum’s Collections Online site. This information is shown on a map on the page of this particular type. The potential for such information to improve our understanding of the circulation of coins in this region is clear and the project is very keen to integrate further findspot or hoard data into BGR.

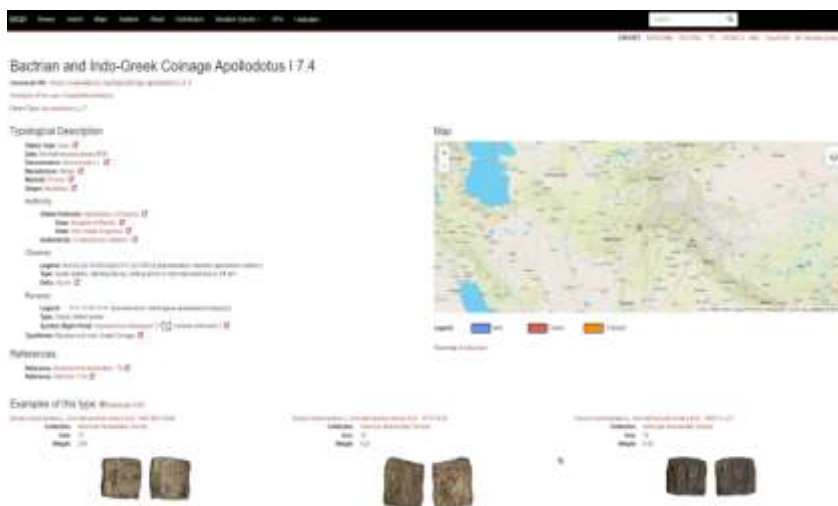


Figure 5 - BGR page for Apollodotus I 7.4 showing findspot at Begram, Afghanistan.

Although the inclusion and application of new digital features is desirable, the need for a new typology such as BGR might be questioned. In numismatic terms the publication of Bopearachchi’s monumental work in 1991 is not that long ago and many standard reference works used by numismatists are often many decades old. The following table illustrates the different total numbers of types and subtypes in BGR, Bopearachchi’s 1991 catalogue and that of Mitchiner in 1975/1976. The increased number is significant.

Ruler	BGR (2022)			Bopearachchi (1991)			Mitchiner (1975/1976)		
	<i>types</i>	<i>subtypes</i>	<i>combined</i>	<i>types</i>	<i>subtypes</i>	<i>combined</i>	<i>types</i>	<i>subtypes</i>	<i>combined</i>
All rulers	538	1508	2046	422	1105	1527	370	780	1150

Table 1. Comparison of total numbers of types and subtypes of three typologies of Graeco-Bactrian and Indo-Greek coinage.

Subtypes refer here to the differences between higher level types often decided by the different monograms or control marks which appear on the reverses of the coins. While the increased number of types is partly due to the tendency of BGR to define more divisions between coins of different types, as discussed above, it is also the result of the discovery of many variants which were not known to Bopearachchi. Likewise, the much higher number of subtypes is due to the appearance of new monograms which were not known when Bopearachchi was compiling his catalogue. Other research has shown that recent decades have witnessed a significant number of new coins being offered for sale by commercial numismatic operations, often likely as a result of illegal excavation and other forms of looting.¹ It is certain that all these newly discovered coins are the source of these many new types in BGR.

The creation of a new typology also allows the integration of new interpretations of existing coins. BGR therefore follows the suggestion of Jakobsson that coins previously thought to have been the first issues of the independent Graeco-Bactrian kingdom with an inscription naming ‘Antiochus’ as a reference to the Seleucid king Antiochus II should actually be attributed to a third Graeco-Bactrian king Antiochus Nicator.² Another example of a perceptive reattribution, also suggested by Jakobsson, is that of coins of the Indo-Greek king Theophilus.³ In this case, on the basis of the evidence of the coins, it is desirable to create an extra king called Theophilus. Two groups of coins which bear the name Theophilus are known. One group is struck on the Attic weight standard and gives Theophilus the epithet Autocrator, while the other group of coins are of the ‘Indian’ weight standard and are labelled as being of Theophilus Dikaios. In most cases, kings do not adopt different epithets on their coins. The control marks also suggest a distinct break between the two groups. BGR therefore adopts Jakobsson’s suggestion of a Theophilus I Autocrator and a different Theophilus II Dikaios. In a similar vein, the reattribution of the coins which feature Eucratides I on one side and two individuals in a double portrait named Heliocles and Laodice on the other away from Eucratides I to the otherwise unknown couple as suggested by Glenn is followed in BGR.⁴

¹ Carrier and Glenn 2018; Glenn 2020, 62–63.

² Jakobsson 2010a.

³ Jakobsson 2010b.

⁴ Glenn 2014.

The creation of BGR with the adoption of such recent reattributions is intended as a catalyst for further research. By digitising major collections of Graeco-Bactrian and Indo-Greek coins and making them available online for the first time, it is hoped that several barriers to numismatic study of the period have been removed. It is no longer necessary to undertake an extensive itinerary in order to visit various collections of coins. Equally as important, the new typology is designed to be accessible and usable by a broad audience with the ability to translate the interface of the website into multiple languages. The transcription of the inscriptions and the use of Unicode fonts for Greek, Brahmi, and Kharosthi scripts, which are viewable without the requirement to download further files will allow the wide use of the website. The potential for technical numismatic studies to transform our understanding of the Hellenistic period in Central Asia has been clearly demonstrated by recent work and it is hoped that the BGR website will allow others to continue such approaches and lead to significant advances in the field.

BIBLIOGRAPHY

- Bayer, T. S. 1738. *Historia regni Graecorum Bactriani, in qua simul Graecorum in India*, St Petersburg.
- Bernard, P. 1985. *Fouilles d’Ai Khanoum IV: les monnaies hors trésors. Questions d’histoire gréco-bactrienne. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan XXVIII* (Paris: Boccard)
- Bopearachchi, Osmund. 1991. *Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: catalogue raisonné* (Paris: Bibliothèque nationale)
- Bordeaux, Olivier. 2018. *Les Grecs en Inde: politiques et pratiques monétaires (IIIe s. a.C.. – Ier s. p.C.)* (Bordeaux: Ausonius Éditions)
- Carrier, Caroline and Glenn, Simon. 2018. ‘Looting and its impact: the case of Alexanders from Syria’ in *Alexander the Great. A Linked Open World*, ed. by Simon Glenn, Frédérique Duyrat, Andrew Meadows (Bordeaux: Ausonius Éditions), pp. 163–178
- Gardner, Percy. 1886. *The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum* (London: British Museum)
- Glenn, Simon. 2014. ‘Heliocles and Laodice of Bactria: a reconsideration’ *Numismatic Chronicle* 174, 45–59
- Glenn, Simon. 2020. *Money and Power in Hellenistic Bactria* (New York: The American Numismatic Society)
- Glenn, Simon. 2022. ‘Graeco-Bactrian and Indo-Greek kingdoms’, in *Survey of Numismatic Research 2014–2020*, ed. by Michael Alam, Jarosław Bodzek and Aleksander Bursche (Warsaw-Krakow-Winterthur: The International Numismatic Council), pp. 369–372
- Guillaume, Olivier. 1990. *An analysis of reasonings in archaeology: the case of Graeco-Bactrian and Indo-Greek numismatics*, translated by Osmund Bopearachchi (Delhi: Oxford University Press)
- Houghton, Arthur and Lorber, Catharine. 2002. *Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue*, 2 vols (Lancaster, P.A.: Classical Numismatic Group)
- Jakobsson, Jens. 2010a. ‘Antiochus Nicator, the third King of Bactria?’, *Numismatic Chronicle* 170, pp. 17–33

Jakobsson, Jens 2010b. 'Theophilos Autokrator, a last Bactrian king?', *Journal of the Oriental Numismatic Society* 202, pp. 24–25

Kritt, B. 2001. *Dynastic Traditions in the Coinage of Bactria: Antiochus, Diodotus, Euthydemus* (Lancaster, P.A.: Classical Numismatic Group)

Kovalenko, S. 1996. 'The coinage of Diodotus I and Diodotus II, Greek kings of Bactria', *Silk Road Art and Archaeology* 4, 17–74.

Lahiri, Amarendra Nath. 1965. *Corpus of Indo-Greek coins* (Calcutta: Poddar Publications)

Mitchiner, Michael. 1975/1976. *Indo-Greek and Indo-Scythian coinage* (London: Hawkins Publications)

Narain, Awadh Kishore. 1957. *The Indo-Greeks* (Oxford: Clarendon Press)

Tarn, William Woodthorpe. 1951. *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge: Cambridge University Press)

COINS OF THE BACTRIAN AND INDO-GREEK RULERS ONLINE: A NEW TYPOLOGY

The Coins of the Bactrian and Indo-Greek rulers (BIGR) website is a new digital typology of Graeco-Bactrian and Indo-Greek coinages covering the mid third century BCE to the early first century CE created as by a joint team of researchers from the University of Oxford and the American Numismatic Society. The online portal brings together coins from international institutional collections, many of which have been digitised for the first time, organised within the new typology, created by Gunnar Dumke and Simon Glenn. BIGR provides a new resource for the study of the coins and history of the Hellenistic period in Central Asia and is intended as the starting point for future research. This paper presents the main features of BIGR and highlights some new ways in which this tool can be used by those studying this period.

Keywords: *Hellenistic Central Asia, Graeco-Bactrian kingdom, numismatics, linked open data, typology, digital humanities, and economic history*

МОНЕТЫ БАКТРИЙСКИХ И ИНДО-ГРЕЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ ОНЛАЙН: НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ

Веб-сайт «Монеты бактрийских и индо-греческих правителей» (BIGR) представляет собой новую цифровую типологию греко-бактрийских и индо-греческих монет, охватывающий период с середины III в. до н.э. до начала I в.н.э., созданный совместной группой исследователей из Оксфордского университета и Американского общества. Онлайн-портал представляет монеты из международных институциональных коллекций, многие из которых были впервые оцифрованы и представлены согласно новой типологии, созданной Гуннаром Думке и Саймоном Гленном. BIGR предоставляет новый ресурс для изучения монет и истории эллинистического периода в Центральной Азии и задуман как отправная точка для будущих исследований. В этой статье представлены основные особенности BIGR и выделены некоторые новые способы использования этого инструмента теми, кто изучает этот период.

Ключевые слова: *эллинистическая Центральная Азия, Греко-Бактрийское царство, нумизматика, связанные открытые данные, типология, цифровые гуманитарные науки, экономическая история.*

About the author: Glenn Simon, DPhil Archaeology. Lecturer in Ancient History at the Faculty of Languages Cultures and Societies, University of Leeds/University of Oxford.

Name: Glenn, Simon; Degree: DPhil Archaeology; Title: Dr; University: University of Leeds/University of Oxford. E-mail: s.glenn@leeds.ac.uk

Сведения об авторе: Гленн Саймон, Доктор археологии. Преподаватель древней истории на факультете культур языков и обществ, Университет Лидса/Оксфордский университет. E-mail: s.glenn@leeds.ac.uk

GLOBALISATION IN THE BURIALS OF NORTHERN BACTRIA: THE CASE OF THE DOLPHIN-AMPHORA EARRINGS

Merlijn Veltman

(Leiden University, the Netherlands)

Introduction

Northern Bactria, in present day Tajikistan, contains numerous large burial landscapes, with multiple burial sites, located throughout the region's valleys and mountain slopes (see fig. 1). The Beshkent valley is well-known for numerous burial sites dating from the 1st century BCE - 1st century CE, the most famous of which are Tulkhar, Kokkum and Araktau. According to Mandel'stham, the excavator of the burial sites, they belonged to early Yuezhi pastoralists, which entered the area of Northern Bactria towards the end of the 2nd century BCE, after being pushed out of their original homelands in the Gansu province of China by the Xiongnu¹. Other sites include Ittifok in the Vaksh valley and Babashov, in the Zeravshan river valley².

In the burials, many finds, including personal adornments, golden jewellery, red-, white- and black-brown-glazed pottery in various forms, weapons and beads were encountered. The burials have served as a means for understanding larger migration patterns of the Yuezhi. The finds from the burials showcase an eclectic assemblage, including signet rings with Hellenistic imagery, dolphin-amphora earrings, and bracelets with serpentine terminals, mixed with iconographies stemming from the Eurasian steppe. However, with the focus on the burials as representations of migratory movements, this eclecticism has not been sufficiently dealt with. Burials are highly ambiguous structures, which played significant roles in dealing with death, and remembering (or forgetting) the de-

¹ Mandel'stham, A. 1966. Кочевники на Пути в Индию. [Nomads on their way to India] Izdatel'stvo Nauka.

² For the Vaksh valley, see: Litvinsky, B. A., and A. V. Sedov. 1984. 'Kul'ty i Ritualy Kushanskoy Bactrii'. [Cults and rituals of Kushan Bactria], Moscow. For Babashov, see Mandel'stham, A. 1975. Памятники Кочевников Кушанского Времени в Северной Бактрии [Monuments of the Nomads of the Kushan Time in Northern Bactria]. Izdatel'stvo Nauka.

ceased, i.e., burials functioned as important mnemonic devices¹. Why did the people, interring their dead, place such eclectic objects with their deceased? What can these burials tell us about the processes of connectivity in Bactria? What role did these eclectic objects play in mnemonic processes?

In this paper, I will address one particular type of object, the dolphin amphora earring, from the eclectic nature of the burial assemblage of the Northern Bactrian burials through a perspective utilising globalisation theory. This bottom-up approach advocates a novel way of dealing with ‘global’ objects and assemblages - i.e., objects and assemblages that contain cultural elements, materials and iconographies that are seemingly mixed, or even ‘hybrid’. It is a way of thinking about connectivity that moves beyond cultural containers, objects belonging to particular cultures, and ‘cultures’ as such, to understand the eclectic burials of Northern Bactria. Importantly, through globalisation theory, it is possible to focus on objects as being *more-than-representative*, with their material characteristics as potent catalysts of historical change². Connectivity as a form of globalisation in the ancient world has increasingly come to the forefront in studies on ancient civilisations, with many global histories written about Eurasia³. In this, Bactria often takes centre stage as a the ‘hub of half the world’ and as a ‘crossroads’ where many forms of cultural interaction took place⁴.

Works of scholarship using globalisation and the global as methodological frameworks have, by now, become commonplace in the study of the ancient world⁵. Adopting such an approach, based upon globalisation

¹ Inall Y. & Lillie, M. 2020. Meaning and mnemonic in archaeological studies of death, Mortality, 25:1, 7-24; Hamilakis, Yannis. 2014. Archaeology and the Senses: Human Experience, Memory, and Affect. Cambridge University Press.

² Kruijer, L. W. 2022. ‘The Assembled Palace of Samosata: Object Vibrancy in 1st C. BCE Commagene’. Leiden University. <https://hdl.handle.net/1887/3304326>.

³ See for example: Frankopan, P. 2015. The silk roads: A new history of the world. Bloomsbury Publishing. Cunliffe, B. W. 2015. By steppe, desert, and ocean: the birth of Eurasia. Oxford University Press, USA.

⁴ For ‘hub of half the world’ see, Holt, F.L., 2012. Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan. University of California Press, Berkeley, 3 and for ‘crossroads’, see Lerner, J.D., 2015. “Regional Study: Baktria – The Crossroads of Ancient Eurasia”, in: Benjamin, C. (Ed.), The Cambridge World History IV. A World with States, Empires and Networks 1200 BCE–900 CE. Cambridge University Press, Cambridge: 271–299.

⁵ Pitts, M., Versluys, M.J. (Eds.), 2015. Globalisation and the Roman World. Cambridge University Press, Cambridge.; Hodos, T. (Ed.), 2016. The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. Routledge, London/New York.; Versluys, M.J., 2017. Visual Style and Con-

theory, would certainly help us to better understand the eclectic assemblage of the burials of Northern Bactria. It is key, however, to show what I mean with ‘globalisation’ as a theoretical framework before utilising it for the Northern Bactrian burials, because, as Hoo shows, the terms globalisation and the global are often used as casual buzzwords and ‘while the words “globalization” and “the global” have entered ancient history and archaeology from the heavily theorized field of social sciences, it is remarkable how their suggestive usage in the study and narrativization of ancient (material) culture rarely includes adequate theoretization of, and engagement with the vast literature of globalization research”¹.

First, I give a short introduction to the history of globalisation theory and show why it is such a pivotal change in thinking with far-reaching consequences. To illustrate this, I turn to one particular set of objects found in the burials of Northern Bactria, the dolphin amphora earrings. Through this, I argue that, to gain a better understanding of the burials and their objects as mnemonic devices, globalisation theory allows us to move a step further, towards methodologies and theoretical frameworks that give objects a more potent role in shaping the 1st century BCE-3rd century CE Bactrian world.

Globalisation theory: a deep history

I will briefly sketch the history of thinking on globalisation to show how globalisation theory is different from what came before, and why it is such a significant pivot. There have been three paradigms before the advent of globalisation theory, respectively diffusion, resistance, and hybridity. I will discuss each in turn.

First, diffusion is the idea that a certain culture, through conquest, exchange, or overall domination, can forcibly, or passively, spread its culture around the globe. Globalisation therefore leads to uniformity. An example is the McDonaldisation of different regions in the world. In this thinking, we find the concept of bounded cultures - a culture is a limited

structuring Identity in the Hellenistic World. Nemrud Dağ and Commagene under Antiochos I. Cambridge University Press, Cambridge.

¹ Hoo, M. 2020. "Globalization and interpreting visual culture." *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek World*. Routledge, 554.

package of ideas, iconographies, objects and ethics (and potentially countless other categories) that can be spread and come into contact with other ‘cultural packages’. Diffusion is a top-down imposition of culture, in which the passive recipients have no other choice. Examples are ‘Hellenisation’ through the conquests of Alexander of Macedon, the spread of Roman culture (e.g. ‘Romanisation’) to the provinces, or the spread of Chinese culture (e.g. Sinicisation), in the sense of assimilation, in Asia¹. The role of objects in this diffusion is often representative: objects are cultural containers, holding the culture of the power that is spreading it, with their iconography and style holding in a sense an unchangeable, essential cultural denotation².

A reaction to this idea of ‘cultural imperialism’ was the postcolonial turn, in which local populations were given a larger role in resisting and dealing with cultural influence. Central in this is resistance by local populations, who forcibly ascertain their own cultural package vis-a-vis that of the conqueror/coloniser. Here the recipients are no longer passive and a dialectic between oppressor and oppressed emerges. This has been heavily discussed in the context of the Seleucid Empire, for example³. However, this in effect is still a paradigm in the same realm as diffusion, with theoretical models revolving around bounded cultures, the spread of a cohesive, essentialistic culture, and a movement of culture from a ‘centre’ to a periphery. Objects are still very much cultural containers, containing the essence of a nonpermutable culture.

The approach adopted by both the diffusion and differentiation model to cultural interaction created a problem: what to do with objects that (clearly) do not function as cultural containers of singular, cohesive, nonpermutable cultures, such as the warrior clasps of Tillya Tepe’s tomb 3 (see fig. 2). These clasps contained Hellenistic, Eurasian steppe, Indian and Iranian iconographic concepts mixed within one object⁴. What cul-

¹ For Hellenisation, see Bernard, P. 1982. An ancient Greek city in central Asia. *Scientific American*, 246(1), 148-159; For Romanisation, see Pitts and Versluys, 2015; for Sinicisation, see Cheng, F. 2021. The Evolution of “Sinicisation”. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 31(2), 321-342.

² Pieterse, Jan Nederveen. 1996. "Globalisation and culture: Three paradigms." *Economic and political weekly*: 1389-1393.

³ Sherwin-White, S. M., & Kuhrt, A. 1993. *From Samarkhand to Sardis: A new approach to the Seleucid empire* (Vol. 13). Univ of California Press.

⁴ Veltman, Merlijn. 2021. ‘Een Heuvel van Goud in Afghanistan. Tillya Tepe, de Strijdersgesp en Globalisering in de Oudheid’. *Tijdschrift Voor Mediterrane Archeologie* 65.

ture does this object belong to? An answer to this problem was the concept of hybridity, in which things, objects, ideas, architecture and other aspects of human society were seen as mixed, adopting multiple cultures, a path of thinking that led to the development of concepts such as creolisation, hybridisation and syncretism¹. In effect then, the essential nature of culture within objects becomes mixable. This is a significant pivot, because objects are now no longer seen as cultural containers from an essentialist point of view, but instead as capable of blending cultures.

The hybridity model, however, brought with it two significant issues. The first concerns the nature of culture. If two - or multiple - cultures are mixing within one object, there is still an essentialistic idea about culture at play. There remains a distinction between 'mixed' cultural objects, and 'pure' cultural objects. In short, therefore, hybridity maintains that there are objects that are utterly and completely 'pure', that pottery found in Rome, created by a Roman individual, for Roman purposes, for example, cannot be anything but purely 'Roman'. Cultural interaction, therefore, remains an abstract process, in which objects themselves are subservient to the 'culture' they are meant to represent. This is further complicated by the second significant issue the hybridity model raised. If there are objects of a 'pure' culture, they are deeply tied to a geographical location, where 'central' places such as Rome and Athens are purely Greek or Roman, while objects from (seemingly) peripheral places bordering other 'cultural zones', like Bactria, are hybrid and mixed in nature. Thus, we still talk about «cultures» interacting with each other, in which these abstract processes of interaction take place in contact zones (like Bactria is seen as) or Middle Grounds².

This does not, however, explain why this mixing, this hybridisation, takes place in central areas such as Italy itself. Take the 1st century BCE villa of Oplontis, near Pompeii, for example, and there will be countless different 'cultural packages' represented in the objects and lay out of the villa³. If even the arguable centre of the «Ancient World» is a Middle

¹ Nederveen Pieterse. 1996.

² White, R. 1991. *The middle ground: Indians, empires, and republics in the Great Lakes region, 1650-1815*. Cambridge University Press.

³ Bergmann, B., Barbet, A., & Verbanck-Piérard, A. 2013. *Realia: Portable and painted objects from the Villa of Boscoreale*. *La villa romaine de Boscoreale et ses fresques*, 2, 79-99.; Zarmakoupi, M. 2021. *The Intermediality of Landscape in the Decorum of Roman Villas*. *Principles of Decoration in the Roman World*, 184.

Ground or a contact zone, can we then not posit that everything is a Middle Ground, and every place that is connected to other places will have this mixing process in various scales and degrees? This is the starting point of globalisation theory. With these problems in mind, while having moved away from objects as cultural containers, the new way of thinking on globalisation developed over the last few decades¹.

Globalisation theory takes a radically different approach to culture as its starting point. Rather than starting from culture as the core denominator for the essential nature of an object, it starts from what the object does within its local context. Therefore, it posits that elements, be they iconographic, material, stylistic or objects themselves, are always ‘dis-embedded’ from their local context. Heraklean iconography, for example, can be pried loose from its mythological Hellenistic origins, and come to denote a local Gandharan or Hindu deity in the Indian subcontinent². Although the iconography remains basically the same, i.e., a bearded man with a club and a lion-skin, the semiotics surrounding the iconography can change completely and give the iconography a wholly different meaning. In this, therefore, the links between ‘cultural identity’ and objects loosen, showing that one does not need to be Greek, to use Heraklean iconography. Furthermore, it elucidates that objects featuring Heraklean iconography *are not necessarily essentially «Greek»*.

Such a framework has the potential to change the ‘culture history’ assumption that cultures and objects are interlinked, and that there are such things as bounded cultures that are separate from other cultures. Indeed, it shows that, as Bloch has put it,

¹ Appadurai, A. 1996. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization* (Vol. 1). U of Minnesota Press.; Miller, B. K., & Brosseder, U. 2016. 6: Global dynamics in local processes of Iron Age Inner Asia. In *The Routledge handbook of archaeology and globalization* (pp. 494-511). Routledge.; Brosseder, U., & Miller, B. K. 2018. Global networks and local agents in the Iron Age Eurasian steppe. *Globalization in prehistory: Contact, exchange and the ‘people without history*, 162-183.; Hoo, M. 2018. Ai Khanum in the face of Eurasian globalisation: A trans-local approach to a contested site in Hellenistic Bactria. *Ancient West & East*, 17, 161-186.; Hoo 2020; Hoo, Milinda. 2022. *Eurasian Localisms: Towards a Translocal Approach to Hellenism and Inbetweenness in Central Eurasia, Third to First Centuries BCE*. Steiner Franz Verlag.; Hodos 2016. Versluys, M.J., 2017. *Visual Style and Constructing Identity in the Hellenistic World. Nemrud Dağ and Commagene under Antiochos I*. Cambridge University Press, Cambridge; Pitts & Versluys 2015.

² Homrighausen, J. 2015. When Herakles followed the Buddha: power, protection, and patronage in Gandharan art. *The Silk Road*, 13, 26-35.

«The implications of focusing on the ability of humans to imitate and to borrow information and then to pass it on to another by non-genetic means is genuinely far-reaching. It is what makes culture possible. Since people borrow cultural traits from another, they can individually combine bits and pieces from different individuals. It follows that there are no cultural groups, tribes, peoples...»¹.

This approach allows for multifarious interaction betwixt material actants, such as objects, humans, and animals, rather than between abstract, essentialistic cultures. Therefore, the concept of cultures is, in effect, no longer utilised in globalisation theory. Instead, it has at its root, replacing the idea of cultures, the concept of ‘repertoire’². Repertoires are the amalgamation of objects, iconographies, materials, materialities and styles that can *potentially* be utilised, appropriated, transformed, de-contextualised and recontextualised in different contexts at distinct scales. Globalisation theory is a potent approach to cultural interaction - it focuses on objects, and on choices made by individuals, and even on the unintended consequences of those choices, rather than on abstracted processes of interaction. In effect, it makes global interactions much more local, and in that sense visible, rather than hiding it behind murky processes that argue for a top-down imposition of culture, diffusion, resistance, or hybridity. It loosens the link between cultural identity and objects, and instead allows for the utilisation of iconographic, material, or stylistic elements without the direct cultural connotation with varying impacts upon ancient societies. Most importantly, however, it encapsulates a deeply particularist view on history, where things, events, moments, people, animals, and everything else is historically contingent, and what they represent or appear to be can vary fundamentally throughout history³.

As I will argue that context is deeply significant for understanding processes of cultural interaction in burials, I will now first discuss the

¹ Bloch, M. E. F. 2005. *Essays in cultural transmission*. London School of Economics monographs on social anthropology, 7.

² Pitts, M and Versluys M.J. 2021. "Objectscales: a manifesto for investigating the impacts of object flows on past societies." *Antiquity* 95.380, 367-381.

³ Crellin, Rachel J., and Oliver J. T. Harris. 2021. 'What Difference Does Posthumanism Make?' *Cambridge Archaeological Journal* 31 (3): 469–75.; See also Hoo 2022 for the concept of trans-localism.

geographical location in which the burials of Northern Bactria - and the dolphin amphora earrings - were found.

The Northern Bactrian burial sites

A large number of burial sites were encountered in Northern Bactria. The site of Ittifok in the Vaksh valley is one of them, while the Zeravshan river valley contains the large site of Babashov¹. The main area with burials that has seen significant excavation is the Beshkent valley.

The Beshkent valley is located in the south-western section of Tajikistan, near the border with Afghanistan. On the north, the river Kofirnigan flows south into the Beshkent valley. On the south the Beshkent valley opens up into the Amu Darya (the former Oxus river) river valley, which flows from west to east. The west of the valley is bordered by lowland plateaus, and on the east by a large mountain ridge, deriving its name from its highest peak, the Araktau. Much of the valley is now irrigated, which is similar to the situation in the first century BCE - the northern part of the valley bears traces of a 15 km long canal. The southern part appears to not have been used for cultivation, as the area is rocky and unsuitable for agriculture.

The main burial sites discussed in this paper are situated in the western section of the Beshkent valley (Tulkhar and Kokkum burial ground), near the slopes of dry lowland plateaus, and near the mountain ridge of Araktau (Araktau burial ground). There are several smaller sites but these have been predominantly looted. The burials appear to be situated more along the edge of the valley, near the higher elevated land, and not in the centre. Mandel'stham noted this feature of the burial sites, which, according to him, indicated that their respective populations inhabited the steep mountainous grazing pastures, rather than the lower sections of the valley². Principal sites include the major burial sites of Tulkhar, Araktau and Kokkum, as well as smaller burial sites, BM-VI, BM-V and BM-VI, which have all been dated to the 1st century BCE - 3rd century CE. In the lower valley, on the confluence of the Kofirnigan and the Amu Darya rivers, the town of Takti-Sangin is located, which played a

¹ For the Vaksh valley, see: Litvinsky and Sedov. 1984.; For Babashov, see Mandel'stham 1975.

²Mandel'stham 1966.

major role in the area during the 3rd and 2nd century BCE and continued to be inhabited until the 2nd century CE. A major temple, the so-called ‘Oxus temple’, was situated there, which may have been a site of worship for the whole of Bactria¹. Major excavation works at the site have been continuously undertaken since 1976. The valley therefore appears to be home to an interplay between pastoralist and sedentary urban societies, although the dividing lines between these two ways of living are, with new research and understanding, becoming more porous and less distinctive.

Most of the burials in Tulkhar, Kokkum, Araktau and BM-V to BM-VIII have no burial inventory, and some have no interred person. Others have very little funerary inventory. For example, Tulkhar burial I-37 contains only a spherical pot, a bell-shaped goblet, and a loop for a bronze buckle. This is mostly due to looting, as well as the poor quality of the soil which led to significant disintegration of burial artefacts. Similarly, most burials have been looted or damaged over time, as the Beshkent valley is actively inhabited now, with construction works damaging significant numbers of mounds. We cannot ascertain for each burial how many goods there were due to these conditions. Several burials throughout Northern Bactria contained one set of objects, called dolphin-amphora earrings, that have been the subject of study in the past years². We will now turn to these objects to illustrate globalisation in practice.

Are the dolphin-amphora earrings ‘Greek’ or more complex?

In fig. 3 the dolphin amphora earrings found in northern Bactria are shown. There are several versions, but the most common version in the burials of the Beshkent valley is the one found in burial Tulkhar I-20. There are variations in the iconography, and particularly, there are significant differences in the age of these objects from different sites. The jewellery from 1st century BCE Tulkhar, for example, predates the earrings from the site of Ittifok by almost 200 years³. The distinct iconography of

¹ Lindström, Gunvor. 2020. "Southern Tajikistan." *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek World*. Routledge, 298.

² Rubinson, Karen S. 2020. ‘Why Wear Dolphins? Greek Imagery among the Pastoralists along the Ancient Oxus’. In *The Art and Archaeology of Bodily Adornment*, 101–18. Routledge.

³ Guerra, M. F., Demortier, G., Vitobello, M. L., Bobomulloev, S., Bagault, D., Borel, T., ... & Luisa Vitobello, M. 2009. Analytical study of the manufacturing techniques of Kushan gold jew-

the earrings contains an amphora-shaped bead/gemstone, flanked by fish-like creatures that have been likened to dolphins, hence the name of the earrings.

Previous research into the amphora-dolphin earrings considered these objects to be ‘Greek’¹. Therefore, it was argued that they are an attempt at creating a Greek identity through their particular Greek essence². According to Rubinson, these were similarly not «hybrid» objects, but derived from a ‘classical’ (i.e. Greek) source, embodying the ‘classical’ Hellenistic world. There is also nuance, where Lauren Morris argues that these objects are at least *in part derived* from Hellenistic origins³. Each of these positions, however, presumes that, due to the amphora and the dolphin iconography, the objects were seen as ‘Hellenistic’ or ‘Greek’ by the pastoralists interred with them and the wider community involved in the burials, which appears to come close to a form of historical universalism where there are essential qualities to objects that *anyone, at any time, would recognise*. When examining the dolphin-amphora earrings in this way, we remain stuck in older paradigms that equate objects with cultures, and that place objects in cultural containers. Yet, when viewed from globalisation theory, any iconography may have been disembedded and re-contextualised in a very different setting, with distinct meanings, as what happened with the Heraklean iconography. This could apply if these objects were obviously ‘Greek’, but there are reservations to be made about the ‘Greekness’ of both dolphin and amphora.

There have been many examples found of amphora earrings, for example the copper amphora earrings from Begram, an Augustan period tomb in Samothace, tombs at Bettona and Perugia and in a house in Delos, as well as the amphora earring from the National Archaeological

ellery (National Museum of Antiquities of Tajikistan). *ArcheoSciences*, 33, 177-185.; Rubinson 2020.

¹ Mandel'stham 1966; Neva, E. 2005. Types and Forms of Ancient Jewelry from Central Asia (IV BC-IV AD). *Journal Libre de Estudios Orientales*; Belaňová, P. 2016. Ancient adornments of Central Asia influenced by the Greek jewellery of the Classical and Hellenistic Period. *Studia Hercynia*, 20(1), 111-126.; Rubinson 2020.

² Rubinson 2020.

³ Morris, L. 2021. 4 Economic Actors under the Greek Kingdoms of Central Asia to the Kushan Empire. *Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies*, 2, 159-208.

Museum in Athens¹. Similarly, ringed earrings with the finials ending in dolphins have also been found². Yet, the particular iconography with dolphins-as-handles flanking amphorae in jewellery has only been encountered in Central Asia.

This fact, that there are no finds of dolphin-amphora earrings from the Mediterranean, bears consideration. Not one amphora earring bears the distinctive dolphins-as-handles iconography found in Bactria. While dolphin imagery is certainly known in the Mediterranean, dolphins are not unknown in Bactria either - one of the main architectural features of the city of Ai Khanoum is in fact a dolphin overlooking the Amu Darya river, which Litvinsky and Pichikiyan later posited was connected to the river Oxus³. Dolphins, therefore, need not be connected to the Hellenistic world, and can rather be a Bactrian iconographical iteration, making these objects certainly not *only* Hellenistic. Moreover, amphorae have been used, at this point, for several millennia. There are many examples of Achaemenid amphorae with zoomorphic handles (see fig. 4)⁴. Bactria was, for centuries, an Achaemenid province, and therefore it is plausible that the form of the amphora with zoomorphic handles was known to them and did not arrive with Alexander. The question is therefore: can we state that amphorae are always, indubitably, perceived as Greek? In a region as connected as Bactria, with such a deep history, certainly, we cannot. Therefore, we cannot truly know if such an object was perceived as Greek - and in semiotics, perception is everything. It is vital, therefore, that we consider the much more complicated picture that emerges from the dolphin amphora earrings, before using them as representative of 'status through Greekness'. Perhaps if we, instead of examining only the semiotic side of the dolphin amphora earrings, focus additionally on the material side of the dolphin amphora earrings, we may learn more

¹ Higgins, R. A. Greek and Roman jewellery. Univ of California Press, 1980.; Morris 2021 Marshall, F. H. 1911. Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan, and Roman: In the Departments of Antiquities, British Museum. Vol. 1. order of the Trustees.

² Higgins 1980: 161-162.

³ Litvinskiy, B. A., and I.R. Pichikiyan. "The temple of the Oxus." Journal of the Royal Asiatic Society 113.2 (1981): 135.

⁴ Sideris, A. (2016). A Lydian Silver Amphora with zoomorphic Handles. *Studia Hercynia*, 20(1), 19-26.; Amandry, P. 1959: *Toreutique ach. menide*. *Antike Kunst* 2, 38-56.; Ortiz, G. 1996: In *Pursuit of the Absolute. Art of the Ancient World. The George Ortiz Collection*. Bern. ; Pfrommer, M. 1990: Ein achaemenidisches Amphorenrhyton mit aegyptischem Dekor. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* 23, 191-209.; Boardman, J. 2000: *Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art*. London.

about how they might have been perceived by the communities interring them with their dead.

The material properties of the dolphin amphora earrings

The different pieces of jewellery consist of between 75 and 82 % gold, 24-17 % silver and 1% copper, and the amphora bead is usually made of glass paste, alabaster or pearl¹. It is most likely they would have to been made in Hellenistic Bactria, as there we find the only examples of this particular dolphin-amphora iconography. However, the only other similar find from the same region that has been XRF'd is the golden dragon master pendant from Tillya Tepe tomb 2, whose two golden parts (chain and pendant) have a very different material composition (96% gold, 3% silver, 1% copper)². The provenance of the gold used in the dolphin amphora earrings may therefore lie somewhere else.

Another large-scale study done by Radtke et al in 2013 investigated golden objects from tombs of the Xiongnu. One of the cemeteries furthest to the west, Shombuuzin Belchir, had two golden objects with an average composition of 79% gold, 20 % silver, 1% copper, which is comparable to the material used in the dolphin amphora earrings. This site is close to the region of Gansu, where the Yuezhi once had their ancestral homeland, before being migrating towards Bactria. As stated before, the burials where the dolphin amphora earrings originate from are presumably Yuezhi burials, who migrated to the region of Bactria in the 2nd-1st century BCE³. Potentially, the iconography of amphorae with zoomorphic handles was disembedded and recontextualised along trade networks in the region of Gansu, where it was adapted into an earring, rather than in Northern Bactria.

An important and often overlooked aspect of the earrings is that they clearly had a long lifespan, possible spanning multiple generations before placed in the burial. There is evidence of changes to the original morphology, with the addition of extra materials. Similarly, there is evidence that the earrings were mended when broken⁴. These were not ob-

¹ Guerra et al 2009.

² Guerra et al 2009

³ Mandel'stham 1966.

⁴ Guerra et al 2009; Rubinson 2021.

jects made for display in a burial, but to be actively used, worn, and perhaps, admired. Importantly, their material qualities show they may have been part of an assemblage of items moving along with the pastoralists on their migration, only to later be interred in burials.

Discussion: the question of weight

The question that the dolphin amphora earrings raise is: to what quality of the earrings should we give the most weight - and does that quality truly exist within the historical context of the burial in which these earrings were found? What can we truly know about the perception of these earrings? I venture that we need to be wary of historical universalism. I argue that historical context - and a material driven approach - matter more and are more efficient than applying certain culture historical labels to objects. Clearly, considering the above discussion of the earrings, the dolphin amphora earrings are not Hellenistic objects - or have an essence of 'Hellenism'. If we, instead of focusing on the essence of objects from a semiotic perspective, entertain the view of globalisation theory that any iconography can be disembedded from its context and re-embedded in a different locale to completely separate effects, and take into account the material qualities of the earrings, it is certainly possible that the dolphin amphora earrings were prized for their mnemonic qualities (the tangible memories attached to them), and their material properties, rather than their potentially Hellenistic iconography. Moreover, even that Hellenistic iconography is problematic, considering the usage of dolphins in Bactria and the existence of centuries of amphorae with zoomorphic handles in the Achaemenid Empire.

If we focus on prestige or status *through* the potential Hellenism of these objects, do we get closer to an emic understanding? Are semiotics the reason to presume such status? Or should we focus on what we do know, like material properties? Globalisation theory uproots the assumption that cultural identity is knowable through objects. So, the one question we need to ask is: are we asking the right questions by focusing on cultural identity and prestige through objects? Perhaps it is time to start focusing on what we do know and combine a semiotic and a material approach to understand objects *in their own right as well as their particular historical context*. To say something is Hellenistic and therefore has status does not do justice to the complicated picture that emerges from ex-

aming both the iconographic and material properties of objects, such as the dolphin-amphora earrings. Considering their constant amendments, adjustments, and careful restorations, I posit that these were heirlooms, which were significant enough to be placed in the burial assemblage of these individuals not because they were Hellenistic objects, but rather because they held potent memories, as only objects can do, through their material and sensorial properties.

Conclusion

Globalisation theory uproots many assumptions made about objects, and it shows that many of the questions focusing on identity that we have been asking must be re-evaluated. We cannot understand emic identities based on objects alone, precisely because these objects can be disembedded, removed from context, take on entirely new meanings, and develop deep genealogies of transmittance, de-contextualisation and re-contextualisation, such as the morphology of zoomorphic-handled amphorae. We need to combine both a material approach, focusing on the actual properties of objects, rather than their perceived semiotic properties, and a globalisation approach, focusing not on origins, but on impact within particular contexts.

If we continue to focus on the essentialistic nature of objects (i.e., their ‘Greekness’), we ignore the potential contextual meanings, as well as the material, sensorial and mnemonic properties of objects. A series of novel paradigms in archaeology, memory studies and heritage studies, formed of the manifold ‘New Materialisms’, could be the way forward¹. This paradigm focuses on the relational networks of objects and human beings, while simultaneously acknowledging the material, sensorial and mnemonic properties of objects. It might be a potential answer to the questions formed by globalisation theory, because it similarly moves away from cultural containers and instead examines the *impact of more-than-representational* objects in societies². The dolphin-amphora earrings, being adapted, changed and restored, probably contained powerful mnemonic qualities. As such, the inclusion of these valuable golden ob-

¹ Crellin, Rachel. 2020. *Change and Archaeology. Themes in Archaeology*. Abingdon, Oxon: Routledge.; Crellin and Harris 2021.

² Hamilakis 2014

jects in the burial may not have spoken to the wish to show a Greek identity or status, but rather to memorialising processes of remembering and forgetting through deposition, with mnemonic qualities imbued in the objects through their particular material and sensorial properties.

By taking this approach, we shift the focus from finding cultural identity (which can no longer be linked to objects) to questions of memory, of materiality, and of sensoriality. In short, a *more-than-representational* approach, bringing together both the semiotic and the material. If we examine burial goods this way, we could get much closer to a particular historical understanding of these objects, and their impact within mortuary contexts.

GLOBALISATION IN THE BURIALS OF NORTHERN BACTRIA: THE CASE OF THE DOLPHIN-AMPHORA EARRINGS

Hundreds of burial mounds from the 1st century BCE to the 3rd century CE have been uncovered in northern Bactria (modern Tajikistan). They have been linked to the migration of the Yuezhi, a pastoralist people that migrated to Bactria towards the end of the 2nd century BCE from the Chinese province of Gansu. In the tombs, several items were encountered that sparked discussions on Hellenisation, status and global interaction. One set of items were the so-called dolphin-amphora earrings. These earrings have recently been considered Greek objects that were meant to denote status for those interred with them. This paper posits instead that these dolphin-amphora earrings are more complex than they may seem at first glance. Using globalization theory, an exploration of the complex nature of the dolphin-amphora earrings is carried out, focusing on both the semiotic aspects and the material qualities of the dolphin-amphora earrings. The paper concludes that it is much more likely that the material qualities, and the deeper mnemonic history of the objects, were the main reason for their placement in the burials of northern Bactria.

Keywords: Northern Bactria, burial mounds, Beshkent valley, dolphin-amphora earrings, globalization theory, Yuezhi.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ: НА ПРИМЕРЕ АМФОРОВИДНЫХ СЕРЕГ В ВИДЕ ДЕЛЬФИНОВ

В северной Бактрии (современный Таджикистан) были обнаружены сотни курганов, датируемых I в. до н.э. – III в.н.э. Они были связаны с миграцией юэчжи, скотоводческого народа, который мигрировал в Бактрию в конце II в. до н.э. из китайской провинции Ганьсу. В гробницах было обнаружено несколько находок, которые вызвали дискуссии об эллинизации, статусе и глобальном взаимодействии. Одними из них являются так называемые амфоровидные серьги с дельфинами. До недавнего времени они считались греческими, что соответственн обозначает статус тех, кто был похоронен вместе с ними. Автор статьи утверждает, что амфоровидные серьги в виде дельфинов более сложны, чем может показаться на первый взгляд. Используя теорию глобализации, автор проводит исследование сложной природы этих украшений, уделяя особое внимание как семиотическим аспектам, так и их материальным качествам. В статье делается вывод о том, что гораздо более вероятно, что материальные качества и более глубокая мнемоническая история предметов были основной причиной их размещения в погребениях северной Бактрии.

Ключевые слова: Северная Бактрия, курганы, Беишентская долина, серьги-дельфины-амфоры, теория глобализации, Юэчжи.

Illustrations

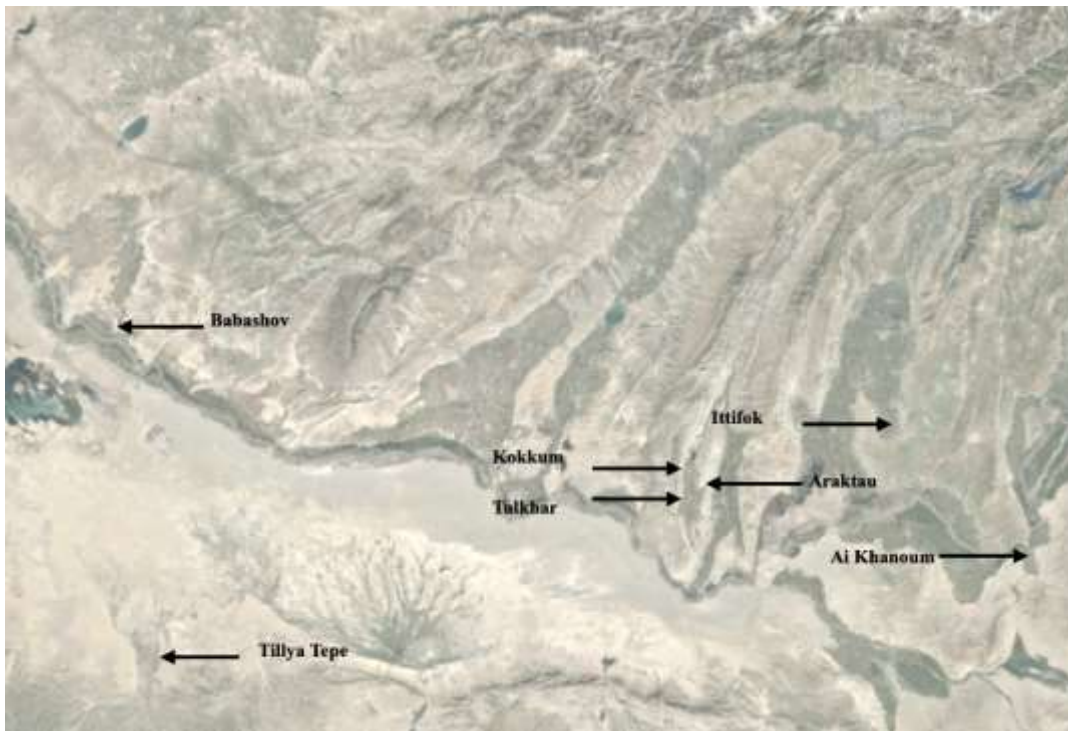


Fig. 1. Map of sites in Tajikistan used in the paper. Author.

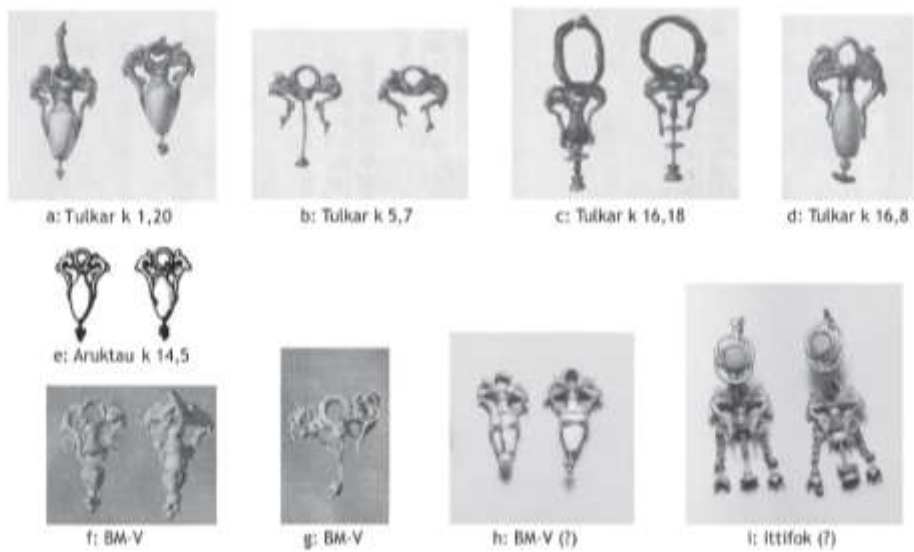


Fig. 2. Warrior clasps from tomb 3 of Tillya Tepe. Veltman 2021: 19.



Fig. 3. The different dolphin-amphora earrings from sites in Tajikistan. After Rubinson 2021: 106.

About the Author: Veltman Merlijn, PhD candidate. Leiden University, Faculty of Archaeology. E-mail: m.veltman@arch.leidenuniv.nl

Информация об авторе: Велтман Мерлейн. Доктор археологии. Факультет археологии, Леденский университет. E-mail: m.veltman@arch.leidenuniv.nl

ISSUES OF THE RECONSTRUCTION OF MONUMENTS OF THE KUSHAN PERIOD (EXAMPLE OF ZARTEPA)

Jakhonov Temurkhon

(Uzbekistan)

Nowadays, using of modern information technologies in various fields of science is being widely launched. Including a three-dimensional view (3D) of archaeological monuments the utilization of computer technologies in the implementation of reconstruction has being given positive effects. In world science from the 80s-90s of the 20th century in American and European countries, since 2000 three-dimensional in historical and archaeological research in the Russian Federation Research on the use of modeling has begun¹.

In Uzbekistan, after 2000, foreign researchers mainly conducted the research, and creating a three-dimensional reconstruction of the monuments was launched. Until then an axonometric view of monuments or a view of a monument from a particular side of the described reconstructions has been restored.

Originally, the reconstruction of the Kholchayan Palace which is one of the preserved monuments of the cultural layers of the Kushon period, located in Northern Bactria was made by G.A. Pugachenkova in the 1960s and in it, the general view of the palace and the location of the sculptures which were identified from the central room were described². This reconstruction is mainly based on hand drawings and only the view from a certain side of the monument was reflected. Later, F.G. Vupel in his research performed that visualization and three-dimensional reconstruction of the central hall of the Holchayan based on drawings and reconstructions which prepared by G.A. Pugachenkova. In this reconstruction, the place of the sculptures on the wall of the room and their appearance special attention is given. However, in this reconstruction, only the central hall of the monument is depicted and from it other rooms, the general view of the palace, the exterior are not described.

¹ Togaev, J. E., Usarov U. A. «Characteristics of architecture of ancient Bactria» In example Sarpallitepa and Jarkutan. ISJ Theoretical & Applied Science 10.54 (2017): 28-31.

² Пугаченкова, Г. А. Халчаян (к проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент: Фан, 1966. 125-144 с.

A three-dimensional virtual reconstruction of the Holchayan monument has been prepared by the author of this article based on the drawings of G.A. Pugachenkova.

Based on the study of the cultural layers of kushan period, the researcher I.Azimov made a view of the monument of Kampirtepa from the north (panoramic form) side, the general view of the citadel and the residential buildings¹. This reconstruction is mainly drawn by hand which is a panorama from a certain side of the monument and reflects the appearance of the axonometric form. The reconstruction of the southern part of Kampirtepa citadel was made by Sh.Nurmukhamedov and O.Khikmatullaev². This reconstruction shows the three-dimensional view of the monument. However, in this view, the monument is not fully visualized.

During the research conducted in Old Termiz, mainly virtual reconstruction of the religious and defense structures which belong to the Kushan period in the city was carried out. In particular, as a result of research conducted in Karatepa, which is considered a major Buddhist religious center in Old Termiz, reconstruction of the view from the central courtyard of Karatepa had been restored by Stavisky³. Also, based on the international studies carried out in the monument of Chingiz Tepa, J.B. Houl. and O. Perow showed in their virtual reconstruction the fortification system of the monument during the Kushan period⁴. In this work, the appearance of turrets and loopholes on the defense walls is reflected and gives an impression of the defense system of the monument. According to the latest work done in this regard, by researcher T. Mamatmusaev reconstruction of several monuments of Termiz from the Kushon period released. In this case, the defense walls of Chingiztepa and the view of the courtyard in the western part of the northern and northern parts of the Buddhist complex of Karatepa was restored based on hand drawings⁵.

¹ Азимов, И. К восстановлению архитектурного облика кушанской крепости Кампыртепа. Текст: непосредственный // Материалы Тохарстанской экспедиции. Ташкент: Санъат, 2000. С. 33-38.

² Ртвеладзе, Э. В. Кампыртепа - Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. - I в. до н.э.). Ташкент: Санъат, 2017. С. 24-25.

³ Ставиский, Б. Четверть века на Каратепе. Ташкент: Ўзбекистан, 1986. С. 55-56

⁴ Leriche, P., Pidaev Ch. Termez sur Oxus cite-capitale d'Asie Centrale. Paris: Maisonneuve & Larose, 2008. P. 49.

⁵ Mamatmusaev T. «CITY TARMITA (OLD TERMEZ) IN THE KUSHANS' PERIOD,» The Scientific Practice Journal of Architecture, Construction and Design: Vol.10:Issues.1,Article1. Available at: <https://uzjournals.edu.uz/taqi/vol1/iss1/1>

One of the biggest reconstructions which belong to the Kushans period monument is the virtual three-dimensional reconstruction of Chingiztepa's defensive structures which was made by J.B. Houle. In this reconstruction, the general view of Chingiztepa and Old Termiz citadel, their defensive walls and the location of the towers is reflected in it. At the same time, the border of the monument with the Amudarya is depicted in the three-dimensional reconstruction. In addition, the evolution of Chingiztepa's defensive wall up to the 5th century AD – changes in the towers, changes in the corridor inside the wall are also included in this reconstruction expressed. The researcher notes that this reconstruction was created on the basis of topographical research carried out in 2001-2003 with the help of topographers S. Reynard and T. Persons¹.

Researcher A. Ulmasov developed the reconstruction of the Zormala stupa which was a Buddhistic structure located in the area of Old Termiz based on the research conducted in this stupa. This reconstruction also shows the architectural decorations of the stupa, and these architectural decorations are mainly, restored on the basis of stupas identified from other regions (Pakistan, Afghanistan)². In addition, A. Ulmasov reconstructed the general view and the central hall of the Buddhistic (Dt-25) monument which were found sculpture and which is situated in Dalvarzintepa. In this reconstruction are also shown the location of sculptures which were found there³.

In general, the three-dimensional reconstruction of monuments is carried out in four stages: 1) data collection and analysis; 2) three of the monument based on the collected data drawing dimensional (3D) drawing (SketchUp, AutoCAD, or others); 3) review of estimated reconstruction of the parts of monuments that have not yet been opened; 4) creating the three-dimensional drawing visualization.

On the basis of these stages and research conducted so far in Zartepa which has cultural layers of the Kushon period and is located in Northern Bactria an attempt was made to create its three-dimensional reconstruction.

Zartepa - (coordinates: 37°24'34.59"S 67° 9'14.91"W) is square (400×400 meters) is a city that flourished during the Kushon era, with an

¹ Houal, J. B. Restitution des fortifications antiques de Tchingiz Tepe (Termez, Ouzbékistan) // Virtual Retrospect . 2007. № Session 5. C. 195-202. // www.archeo.ens.fr

² Ulmasov, A. Reconstruction of the Zormala Buddhist Stupa in Termez, Uzbekistan // IJISSET. 2018. № Vol. 5, Issue 5. P. 92-97.

³ Ulmasov, A. News from Uzbekistan on Cultural Heritage Preservation // ACCU Nara International Correspondent. 2010. Vol. 5. P. 36-38.

area of 16.9 hectares. The territory of this monument is among the city-type monuments which have cultural layers of the Kushan period in North-West Bactria after Old Termiz and Dalvarzintepa ranks third. The Zartepa monument is located about 100 km from the Dalvarzantepa monument, which flourished during the Kushan period, and 15 km from the Old Termiz monument. The city consists of two parts - the citadel and the shakhristan. Citadel - northeast of the city located in the corner and surrounded by a separate defensive wall. In addition to the wall, the city's defense is strengthened by a moat. If the terrain is carefully observed around the citadel, it is possible that the citadel was also probably defended by a separate moat.

Research has been done over the past period on the various components of Zartepa which gives preliminary conclusions about it, but the monument in general or its specific part none of the depicted virtual or drawing reconstructions have yet been performed.

In the process of the virtual reconstruction of the Zartepa should be reflected the following characteristics and appearance of the structures of the city: 1) the location of defensive structures – towers and loopholes; 2) the intersection of streets in a residential area; 3) the location of a citadel in the city.

For the preparation of a three-dimensional virtual reconstruction of Zartepa based on plans which made by researchers and explorations of defensive structures which did by K. Sabirov should be formed. By comparing these analyses with the data obtained through «GoogleEarth» summarized.

Research of the eastern defensive wall of the Zartepa monument which has cultural layers of the Kushans was determined four periods of its construction, the first period is the 1st century BC and the last one is dated to the IV century AD¹.

The defensive wall thickens from top to bottom, and the thickness of its lower part is 8 meters and the thickness in the upper part was 4 meters. In the upper part of the wall there is also a circular path, the width of which was up to 1.4-1.7 meters. In the last periods of the city's life, this corridor was covered with bricks².

¹ Собиров К. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии (VI тыс. до н.э. – IV в. н.э): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979, С. 11-12.

² Собиров К. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии (VI тыс. до н.э. – IV в. н.э): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979, С. 11-12.

In total, the 250-meter-long part of the eastern defensive wall of the city is being excavated was studied on the basis of, seven in a semicircular shape towers were identified in this area. The average distance between the towers is 34 meters. The diameter of the circular tower reaches 8.5 meters. The towers protruded 5.2-5.7 meters from the city wall. At the same time, between the 1st and 5th towers, 21 loopholes were identified, and the distance between the loopholes is 3.4-3.6 meters. Some of the loopholes are for direct fighting and some for shooting from the side intended¹.

The above-mentioned aspects in the defense (fortification) of Zartepa are taken into account was taken, and a three-dimensional virtual view of the monument was restored in the «SketchUp» program. First, the defensive structures - the reconstruction of the eastern wall - were raised, and then the rest of the city the walls were designed based on the characteristics of this wall. Some of the loopholes are for direct fighting and some for shooting from the side intended.

After the fortification, the location of 13 objects (2 in the citadel area) in the city was studied in different areas of the monument which have conducted research in Zartepa until now excavated by L.I. Albaum, A. Ya. Shetenko, K. S. Sobirov, V. N. Pilipko, V. A. Zavyalov, V. I. Osipov, SH. R. Pidaev, T. Annaev. A three-dimensional virtual view of Zartepa's clear plan design reflected in the drawing.

In addition, in the area without construction in the southwest corner of the city studies hypothesize that it may have been a trading post was also reflected in the reconstruction. A three-dimensional virtual view of the Zartepa monument created in the SketchUp program after recovery, this drawing is visualized using the Lumion software landscape decoration of the monument was given.

This work is a preliminary study on the reconstruction of Zartepa and research will be perfected in future.

BIBLIOGRAPHY

1. Togaev J. E., and U. A. Usarov. «Characteristics of architecture of ancient Bactria» In example Sapallitepa and Jarkutan. ISJ Theoretical & Applied Science 10.54 (2017): 28-31
2. Пугаченкова Г. А. Халчаян (к проблеме художественной культуры Северной Бактрии) / Г. А. Пугаченкова. – Ташкент: Фан, 1966. – 125-144 с.

¹ Собиров К. Там же, с. 11-12.

3. Азимов И. К. Восстановлению архитектурного облика кушанской крепости Кампыртепа / И. Азимов. – Текст : непосредственный // Материалы Тохарстанской экспедиции. – Ташкент: Санъат, 2000. – С. 33-38.
4. Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа – Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. - I в. до н.э.) / Ташкент: Санъат, 2017. С. 24-25.
5. Ставиский Б. Четверть века на Каратепе / Б. Ставиский. – Ташкент: Ўзбекистан, 1986. – С. 55-56
6. Leriche P. Termez sur Oxus cite-capitale d'Asie Centrale / P. Leriche, Ch Pidaev. – Paris: Maisonneuve & Larose, 2008. P. 49.
7. Mamatmusaev T. «CITY TARMITA (OLD TERMEZ) IN THE KUSHANS' PERIOD» The Scientific Practice Journal of Architecture, Construction and Design: Vol.1: Issues.1, Article 1. Available at: <https://uzjournals.edu.uz/taqi/vol1/iss1/1>
8. Houal, J. B. Restitution des fortifications antiques de Tchingiz Tepe (Termez, Ouzbékistan) // Virtual Retrospect. – 2007. – № Session 5. – С. 195-202. // www.archeo.ens.fr
9. Ulmasov A. Reconstruction of the Zurmala Buddhist Stupa in Termez, Uzbekistan // IJISSET. – 2018. – № Vol. 5 Issue 5. – P. 92-97.
10. Ulmasov A. News from Uzbekistan on Cultural Heritage Preservation // ACCU Nara International Correspondent. – 2010. – № volume 5. – 3. 36-38.
11. Собиоров К. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии (VI тыс. до н.э. – IV в. н.э.): Автореф. Дис. ... канд. ист. Наук. М., 1979, С. 11-12.

ISSUES OF THE RECONSTRUCTION OF MONUMENTS OF THE KUSHAN PERIOD (EXAMPLE OF ZARTEPA)

This article analyzes research on the reconstruction of monuments from the Kushan era. At the same time, the process of developing a three-dimensional virtual reconstruction of the Zartepa monument was noted. The reconstruction of the Zartepa fortification was prepared based on the information of K. Sabirov.

Key words: *monument, reconstruction, virtual, three-dimensional, drawing, Kushan, towers, citadel, loopholes, excavation.*

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАМЯТНИКОВ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ ЗАРТЕПЫ)

В данной статье анализируются исследования по реконструкции памятников Кушанской эпохи. При этом был отмечен процесс разработки трехмерной виртуальной реконструкции памятника Зартепе. Реконструкция Зартепинского укрепления подготовлена на основе информации К. Сабирова.

Ключевые слова: *памятник, реконструкция, виртуальный, трехмерный, рисунок, Кушан, башни, цитадель, бойницы, раскопки.*

Справка об авторе: **Жахонов Темурхон Хаким ўғли** – младший научный сотрудник, Института искусствознания Академия наук Республики Узбекистан. Тел: (+998) 937666969. E-mail: ksenipa6969@mail.ru

Information about the author: **Zhakhonov Temurkhon Hakim ўғли**, Junior Researcher, Institute of Art Studies, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Tel: +998937666969. E-mail: ksenipa6969@mail.ru

АРХАИЧЕСКИЙ ХУДЖАНД: ГОРОД ПЕРИОДА АХЕМЕНИДОВ

Н.Т.Рахимов, М.Бободжонова

(Худжанд, Таджикистан)

Пределы Ахеменидов на северо-востоке. Древняя история Центральной Азии первой половины и середины I тыс. до н.э. тесно связана с Ахеменидским государством. Эта империя, одна из крупнейших государств Древнего Востока, сумела распространить свою власть почти на всю территорию Средней Азии, вплоть до присырдарьинских саков («Саков, которые за Согдом»). Северо-восточные границы Согда в районе среднего течения Сырдарьи стали пределами империи Ахеменидов. Это подтверждают и источники, отражающие административно-податную систему ахеменидского государства. По сообщениям античных историков, саки входили в XV сатрапию, а Согд (вместе Хорезм и Парфия) - в XVI сатрапию (платили 300 талантов), а Бактрия, составлявшая XII сатрапию Ахеменидского государства, платила 360 талантов. Есть сведения и о градостроительной деятельности Ахеменидов: в источниках есть указание, что Куруш (Кир II) Великий основал на северо-восточных пределах государства несколько опорных пунктов – крепостей, крупнейший из которых назван Кирополем (Куру(ш)када-Куркат).¹ Вопрос о локализации этих городов-крепостей и Курукада - спорный, активно обсуждаемый и связанный с археологическими памятниками, изучаемыми в прибрежной полосе Сырдарьи.

В результате археологических исследований Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ) под руководством академика Н.Н.Негматова в 60-80 годы XX века на территории древней Уструшаны и левого побережья Сырдарьи были обнаружены и изучались несколько памятников с культурными слоями ахеменидского периода – городища Нуртепа, Мугтепа, Ширин, Чимбандтепа, Калахона и др.² Три из 7 крепостей

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2 книгах. Кн.1. Душанбе, 1989. С. 86, 100.

² Беляева Т.В. К исторической топографии древних городов Уструшаны//Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990. С.76-84; Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. Душанбе, 2003. С.46-56

ахеменидского периода, названия которых приведены в письменных источниках, локализованы: Курукада – современный Куркат, Газа – современный Газантарак, Бага – средневековый Багат-Вагат (совр. Истаравшан).¹ Исходя из полученных в ходе раскопок древних городских пунктов решался вопрос о начальном этапе урбанизации присырдарьинской зоны в первой половине 1 тыс. до н.э.² К числу ранних городов относится и Худжанд.

О древности Худжанда было известно давно. Более того, начиная с конца XVIII века большинство западноевропейских ученых, а в XIX-XX вв. – также российских и советских исследователей античности помещали известную по данным античных авторов Александрию Эсхату (IV в. до н.э.) на территории Худжанда-Ходжента – Ленинабада. Решение проблемы стало возможным с началом археологического исследования территории города и его окрестностей.

В археологическом отношении Худжанд является сложным для изучения памятником. Существование города на протяжении нескольких тысячелетий на одном месте, привело к тому, что нижние и ранние слои постоянно разрушались и уничтожались при строительной и иной хозяйственной деятельности населения последующих периодов. Археологическое изучение этой территории проводилось в условиях современного, активно строящегося и обновляющегося города методом небольших шурфов на малых, свободных от застроек участках. В ходе археологического изучения Худжанда в 50-60-ые годы в нескольких пунктах были обнаружены следы и остатки культурных слоев и остатков античного периода. Так, в 1954-1955 гг. в шурфах 5 и 6 под западной частью средневековой городской цитадели были зафиксированы уже мощные слои античного периода.³ По результатам шурфовок установлено, что наиболее древней частью города является территория Худжандской кре-

¹ Негматов Н.Н. Историко-культурная область Уструшана. Материальная культура Уструшаны. Вып.5.//Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. Душанбе, 2003. С.56.

² Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Проблема начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа) //Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Ташкент, 1983. С.74-77.

³ Негматов Н.Н. Предварительный отчет о работах Ходжентского отряда в 1954 г.//Археологические работы в Таджикистане в 1954 г./ Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. XXXVII. – Сталинабад, 1956. – С.33-35; Его же. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г. // АРТ в 1955 г./Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. т. XIII. – Сталинабад, 1956. – С.61-63

пости, расположенной в центре Худжанда, близко к левому берегу Сырдарьи.

Уже в начале 70-х годов XX века, подсчитав расстояния между крайними точками находок античной керамики в шурфах, была рассчитана примерная площадь древнейшего поселения под нынешней крепостью. Тогда, по расчетам учёных, было установлено, что древнее городище занимала площадь не менее 4 га.¹ Последующие раскопки позволили значительно расширить площадь древнего поселения.

В середине 70-х гг. XX века была завершена более чем 200-летняя дискуссия по локализации легендарного города – Александрии Эсхаты, построенного, согласно письменным источникам, самим правителем греко-македонян.²

В нижних ярусах 8 шурфов (из 29 шурфов в общем на территории Худжанда) были отмечены культурные слои, соответствующие времени основания и существования Александрии Эсхаты.³ Это, в основном, обломки станковой выделки тонкостенной посуды (миски, кубковидные сосуды, котлы, кувшины), покрытой красным и белым ангобом. В шурфе №21 было вскрыто целое зернохранилище с крупными архаичными хумами, из которых расчищено и вынуто 11 штук. Эти шурфы были заложены внутри городской цитадели (1, 5, 6, 27, 28) и вне цитадели, к западу от нее (№20, 21, 22, 24).⁴

В то же время, под слоями античного периода были выявлены и получены археологические материалы финальной стадии бронзового и начала раннежелезного века.

По результатам изучения материалов шурфов было определено, что на месте и рядом с Александрией Эсхатой существовал городок более раннего времени. Название этого населенного пункта неизвестно, в связи с чем городище, как самое раннее, было обозначено

¹ Негматов Н.Н. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1971 г. // АРТ. Вып. XI (1971) . Душанбе. 1973. С.156.

² Negmatov N.N., Belyaeva T.V. Archaic Khojent-Alexandria Eskhata: (To the problem of the Syr-Darya basin urbanization) // Journal of Central Asia (Islamabad). 1986. Vol. 9. № 2, pp.41-54.

³ Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ. Вып.15 (1975 г.). С.265 С.279-280; Билалов А.И., Беляева Т.В. Исследования цитадели Ходжента в 1975 г. // АРТ. Вып.15 (1975 г.). С.284-286; Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 569

⁴ Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г. // АРТ. Вып.15 (1975 г.). С. 265, 279-280; Билалов А.И., Беляева Т.В. Исследования цитадели Ходжента в 1975 г. // АРТ. Вып.15 (1975 г.). С. 284-286

как Архаический Худжанд, предшествующий античному городу – Александрии Эсхате. Тем самым получили подтверждение сведения античных авторов об градостроительной традиции середины 1 тыс. до н.э. и более раннего времени. В культурных слоях получены комплексы керамики VIII-VII вв. до н.э. и VI-V вв. до н.э. При этом в трёх пунктах (шурфы №№ 28, 29 и 1/20) выявлены и расчищены остатки архитектуры – отдельные участки древней стены, позволяющие характеризовать древнейшую фортификацию Архаического Худжанда. Так, в нижних слоях шурфа №28, заложенного у восточной стены крепости, обнаружен естественный песчано-лёссовый вал, достигающий почти двухметровой высоты. Этот вал стал естественным основанием для возведения древнейшей стены. Поверхность вала была выравнена засыпкой мелкого гравия с песком. Это заполнение покрыто одним ровным слоем выкладки галечника среднего размера. На образованную таким образом горизонтальную площадку накладывались сырцовые прямоугольные кирпичи, сформованные из песчаного лёсса с небольшой примесью самана. Размеры кирпичей – 46x26-28x13,5; 43x32x13-15; 42x32x15 см. Ширина неполных кирпичей – 30,34 см при толщине 14 см. Почти на всех кирпичиках клеймо в виде нескольких параллельных линий, проведённых поперек, вдоль или по диагонали кирпича. Кладка довольно регулярная, вперевязку с широкими промежутками – 6-7 см, заполненными глиной. Промазка между рядами тоже толстая – до 10 см. Всего от этой кладки сохранились 6 рядов высотой 1,3 м. Выше в более позднее время после разрушения верхней части ранней, стена была наращена пахсовыми блоками. Высота этой части 1,5 м.

Из промазки нижней кладки было получено несколько фрагментов керамики: стенка толстостенного белоангобированного сосуда, 4 фрагмента толстостенной керамики с беловатым ангобом, донце чашки со следами ремонта (просверлённые дырочки).

Определяющим фактором для датировки времени возведения ранней стены стал формат кирпича. По результатам раскопок многих археологических памятников Средней Азии, установлено, что прямоугольный сырец был характерен для VI-V вв. до н.э.¹, что поз-

¹ Толстов С.П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1953 //ВДИ, 1955. № 3. С.186-193; Воробьёва М.Г. Раскопки архаического поселения близ Джингильдже//Материалы ХАЭЭ. Вып.1. М., 1959. – С.84; Массон В.М. Древнеземледель-

волило Т.В.Беляевой датировать зачищенную в шурфе стену VI-IV вв. до н.э.

Другой участок древнейшей стены Худжанда был зафиксирован в самых нижних слоях стратиграфического шурфа №29 в северо-западной части Арка Худжандской крепости. В 1980 году шурф был доведён до материковой поверхности, достигнутой на глубине 27 м. Здесь, на небольшой естественной возвышенности была возведена самая ранняя стена, сохранившаяся на более чем полутораметровую высоту. Стена выложена прямоугольными сырцовыми кирпичами размером 43x30(?)x14 см. С южной стороны стены небольшой слой иловых отложений, перекрытых культурным слоем с керамикой VI-V вв. до н.э.¹

Третий участок древнейшей стены Архаического Худжанда раскопан в 2020-2022 годах, в шурфе 1/20. Шурф заложен на северной части крепости, в 7 м к югу от северной крепостной стены, в 15 м к западу от основания Арка. Размеры разведочного шурфа 1/20 - 8x8 м. На общей схеме расположения шурфов и раскопов на территории крепости шурф №1/20 располагается точно между шурфами №33 и №34. При раскопках этих шурфов Т.В.Беляева получила интересные материалы, относящиеся к ранней истории Худжандской крепости и Худжанда в целом. Так, в нижних слоях шурфа №33 были получены материалы середины I тыс. до н.э. - остатки кирпичной стены, возведенной в V-IV вв. до н.э., и керамика VI-IV вв.²

Т.В. Беляева в отчете о результатах раскопок в этом шурфе отмечает фиксацию отрезка древней стены V-IV вв. до н.э., построенной из прямоугольных кирпичей форматом 50x39x13 см и пахсы (зачищены два ряда по 80 см) над культурным слоем VI-V вв. до н.э. Материалы шурфа №33 показали, что древняя северная оборонительная стена городища находилась южнее современной.³

Шурф 1/20 дал новые материалы, дополняющие понимание содержания культурных слоев, полученного Т.В. Беляевой по полосе

ческая культура Маргианы//МИА, 1973. М.-Л., 1959. С.48, 163; Оболдуева Т.Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан // КСИА, вып.91. М., 1962. С. 39.

¹ Беляева Т.В. О работах Ходжентского отряда в 1980 году // АРТ. Вып. XX (1980 г.). Душанбе, 1987. С. 355.

² Беляева Т.В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 году // АРТ. Вып.16 (1976). Душанбе, 1982. С. 270.

³ Там же, с.271-279

пространства, прилегающей к северной фортификационной стене крепости с внутренней стороны.

На глубине 1,2 м от нижнего уровня средневековой крепостной стены начинается очень плотный слой, занимающий почти все пространство шурфа 1/20. Зачистка производилась по всей площади шурфа. Плотный грунт залегал послойно.

В слоях встречаются небольшие фрагменты красноангобированной керамики античного периода. Форму и функциональное назначение не удастся определить из-за малых размеров находок. Большое количество мелких фрагментов керамики свидетельствует о том, что они попали в толщу стены при замесе глины и возведении стены. Однако, исходя из структуры и ангоба находок, можно говорить, что все они являются фрагментами тонкостенных керамических изделий, сделанных из хорошо отмученной глины. В юго-восточном квадрате шурфа найден крупный фрагмент ладье-видной зернотерки из серого песчаника. Западнее от первого обнаружен еще один обломок такой же зернотерки. В квадрате 9 шурфа 1/20 найдена стенка (верхняя часть) красноангобированной чашки. Черепок очень плотный, венчик заострен и слегка выгнут наружу. В этом же квадрате, в 46 см севернее от стенки чаши, найдены еще два фрагмента античной керамики: стенка чаши цилиндроконической формы и т.н. — «рыбницы». Фрагменты аналогичны керамике античного периода из раскопок других памятников Средней Азии.¹

Плотный слой, занимающий почти всю площадь шурфа 1/20, имеет толщину 40-50 см. Ниже зачищен культурный слой предшествующего периода. Найдены фрагменты красной и белоангобированной керамики хорошего качества. Представляет интерес горловина горшка с отогнутым венчиком, имеющим в разрезе подтреугольную форму. Изделие выполнено из хорошо отмученной глины. В целом, учитывая все находки, включая маленькие фрагменты, можно констатировать, что в комплексе находок много фрагментов тонкостенной красноангобированной и лощеной керамики (чаши, кубки, тарелки и др.), аналогичной комплексам керамики соответ-

¹ Исомиддинов М. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода // Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010. С.131-140; Рахимов Н.Т., Бободжонова М. К истории водоснабжения Худжандской крепости// Вестник Исторического музея Согдийской области. Вып. 5. Худжанд, 2019. С.23-32.

ствующего периода из других памятников региона. В северной части шурфа, в квадрате 2, отмечено скопление камней среднего размера. Характер скопления камней и его назначение не выяснены. Среди камней найдено несколько фрагментов керамики, покрытой плотным белым ангобом. По стратиграфическому положению и фрагментам керамики этот слой можно датировать VI-IV вв. до н.э.¹

В восточной половине шурфа под слоем античного периода зачищен отрезок древней стены по линии север-юг. Стена шириной до 4 м возведена на лессовом материковом слое прямоугольного формата сырцовыми кирпичами. Размер кирпичей 42x30-32x10-12 см. Стена сохранилась на высоту 1,2 м. В срезе хорошо видно, что для возведения стены удачно использован рельеф. Возвышенная в середине стены является естественной. Пониженная западная часть укреплена регулярной кладкой, которая обложена рядом крупных камней, как бы подпирающей с запада стену. Этот ряд состоит из крупных камней. На одном участке, в северной части раскопа использованы крупные зернотерки, вероятно, вышедшие из употребления. Здесь, на сравнительно небольшом участке были сложены 6 зернотёрок. Они представлены целыми или в обломках. Основная часть их выявлена в северо-западной части шурфа, у основания стены. Отдельные экземпляры найдены в других частях раскопа, но всегда у основания стены. Для изготовления зернотерок использованы местные виды камня и твёрдые песчаники. На всех зернотерках отмечены следы использования.

По форме зернотёрки делятся на три группы 1) овальные, 2) прямоугольные, 3) ладьевидные.

Зернотёрки первого вида найдены в незначительном количестве. Рабочая часть их плоская, без каких-либо прогибов, но со следами проработанности.

Зернотерки второго вида выделяются своей массивностью. Они изготовлены из больших плит твердого песчаника.

Третий вид – ладьевидные зернотерки составляют основную часть всех найденных зернотёрок.

Зернотерки служили для измельчения пшеницы, ячменя и других зерновых растений. Пшеницу клали на вогнутую гладкую поверхность и растирали продолговатой круглой галькой или плоскими

¹ Рахимов Н.Т. Археологические раскопки в Худжандской крепости// Вестник ТГУПБП. №2 (87). Худжанд, 2021. С.41-48

небольшими зернотерками. Такие гальки-каталки также были найдены в раскопах и шурфах Худжандской крепости, они не обработаны. Возможно, зернотерки использовались и для изготовления муки. На это указывает отсутствие ручных каменных мельниц. Зернотерки могли использовать и для измельчения зерновых и естественных съедобных трав с применением пестиков. Нужно полагать, что плоские дисковидные необработанные гальки, найденные на городище, тоже использовались в хозяйственных работах. Находки зернотерок свидетельствуют о том, что жители древнего худжандского поселения широко использовали в пищу зерновые злаки. К юго-западу от Худжанда, в пойме реки Сырдарьи есть большая территория, благоприятная для земледелия. Сейчас здесь возделанные рисовые поля жителей пригородного селения Ява. Нет сомнения, что жители поселения и в древности выращивали на этих землях пшеницу и другие злаки. По ряду показателей, зернотёрки характерны для древнеземледельческих памятников VIII-VII вв. до н.э.¹ Видно, что зернотёрки долгое время использовались по своему прямому назначению, но после выхода из употребления, отработанные зернотёрки были уложены в подпорочный для стены ряд крупных камней.

Над кладкой кирпичей - засыпка из мелких камней. С восточной стороны стена полностью выложена из кирпичей, каменный ряд отсутствует. Вместо камней - выложенный из прямоугольных кирпичей пол помещения, вероятно, межстенного помещения или здания, пристроенного к внутренней стороне стены. В глиняных прослойках между кирпичами очень много фрагментов керамики. Однако, все они небольших размеров и, вероятно, попала в стену с замешанной глиной. Вся керамика – битая и нет ни одного фрагмента, дающего форму изделия. Однако, среди них много с бело-розоватым покрытием. Среди них два фрагмента расписной керамики – красно-коричневые штрихи в сеточку. Обнаруженные в кладке фрагменты керамики относятся к VII-V вв. до н.э.

Данные материалы согласуются с архаическим и античным слоями в стратиграфии Худжанда. Если соединить линией отрезок самой древней стены под восточной стеной крепости (шурф №28),

¹ Напр. См: Наджафов Ш. Каменные орудия древнего поселения Ястытепе//Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Алматы-Туркестан, 2022. С. 260-266.

участок стены на северной стороне Арка (стратиграфический шурф №29) и участок стены, лежащей на материке (шурф 1/20), то получается прямоугольная площадь, окруженная мощной фортификационной стеной. Это была цитадель Архаического Худжанда. Судя по всему, в шурф 1/20 попал северо-западный угол и западный участок стены первичной цитадели архаичного Худжанда. Если это так, то длина восточной стены равна примерно 200, а северной – около 100 м, то есть площадь древнейшей цитадели равнялась 2 га.

Материалы Архаического Худжанда обнаружены и изучены и в других частях Худжандской крепости (1986 г.), где при изучении культурных слоёв нижних ярусов шурфов и раскопов получены комплексы ранней керамики. Так, в слое, подстилающем средневековую оборонительную стену крепости получены фрагменты лепного, орнаментированного налепом хума со светло-серой поверхностью, кубковидного сосуда, изготовленного на гончарном круге, лепного сосуда, расписанного штрихами буро-фиолетового цвета. Комплекс датирован VI-IV вв. до н.э.

Интересные образцы ранней керамики получены и при зондажных и очистительных работах вдоль основания восточной крепостной стены, где основание раннесредневековой стены было раскопано до материковой поверхности.

Материк представляет собой образованную террасу из нескольких слоев тёмно-коричневого и желтоватого грунта. На этой терраске и располагалось древнее городище. Самый ранний слой, лежащий на материковой поверхности, представлял собой тёмно-серый грунт, содержащий фрагменты керамики, обломки сырцовых кирпичей и костей животных. Кирпичи, по всей вероятности прямоугольные, размером 32-33x10-12.

Край террасы имеет наклон к востоку. На этой наклонной поверхности лежат два слоя осыпей, различающийся по цвету и плотности структуры. Между слоями осыпей встречаются обломки сырцовых кирпичей размером по сохранившимся краям 32-33 см, толщиной 10-12 см. Оба слоя осыпей содержат керамический и остеологический материал. Керамический материал из нижнего слоя осыпей состоит из тарной, кухонной и столовой посуды. В группе тарной посуды в основном фрагменты хумов и хумча. Хумы, в основном, лепные, покрытые светло-серым ангобом. Хумча, по разме-

ру, меньше хума, изготовлен на гончарном круге. Как и хумы, покрыт светло-серым ангобом.

В группе кухонных изделий представлены фрагменты жаровень круглой и прямоугольной форм и лепных котлов сферической формы. Столовая посуда представлена фрагментами лепных мисок, чаш, кубковидных сосудов. Этот комплекс с образцами изделий баночной (цилиндроконической) формы и кубковидных сосудов изготовленных на гончарном круге датирована П.Т.Самойликом VII-V вв. до н.э.¹ Другая группа керамики из слоя осыпей, содержит фрагменты кубковидных сосудов, поверхность которых покрыта красновато-коричневым ангобом, с полосчатым, вертикальным лощением и фрагменты верхних и донных частей кувшинов станковой выделки. Здесь же фрагменты расписной керамики, гончарных сосудов баночной формы кубковидные сосуды, изготовленные на гончарном круге. Комплекс датирован VIII-V вв. до н.э.² Другой, важный для характеристики Архаического Худжанда материал был получен в северо-западной части городища. Здесь ещё в 1972 году был заложен шурф №21, в котором были обнаружены 10 хумов. Таким образом, в шурфе №21 была зачищена часть древнего зернохранилища. В 1986 годы шурф был расширен в восточном направлении. При раскопках нижних уровней прирезанных участков было доисследовано зернохранилище – зафиксированы ещё 5 лепных хумов различного размера. Крупные, круглодонные хумы были частично вкопаны в материк, а хумы меньшего размера с плоским дном стояли на материковой поверхности. Все хумы имеют на плечиках жгутовой налеп с пальцевым тиснением. В культурном слое зернохранилища была получена большая группа фрагментов керамики. В комплексе есть фрагменты хумча, кувшинов станковой выделки, лепные котлы, горшки со сферическим корпусом, чашки, миски, тарелки, кубковидны сосуды и др. В нижней части заполнения зернохранилища найдено более 2-х десятков зернотёрок и тёрочников. Весь комплекс керамики и зернохранилище датированы VIII-V вв. до н.э.³ В 2020 г. в центральной части Худжанской крепости, под разрушенным зданием казармы воинской части, на глубине 3 м от

¹ Самойлик П.Т. Археологические работы в зоне Худжандской цитадели // АРТ. Вып. XXVI (1986 г.). Душанбе-Худжанд, 2005. С.68.

² Там же, с. 69.

³ Там же, с. 73-78.

дневной поверхности было раскопано ещё одно зернохранилище с 13 хумами разных размеров. Здесь тоже большеёмкие хумы с яйцевидным туловом были на треть своей высоты врыты в материк, а хумы поменьше с плоским дном стояли на материковой поверхности.

Вышеприведённые археологические материалы свидетельствуют, что древнейший Худжанд возник в месте впадения горной речки Ходжа-Бакирган (Такоб) в Сырдарью, то есть Архаический Худжанд сложился на одном из конусов-выносов горной речки Такоб в районе её слияния с античной рекой Яксарт (Сырдарья). Между Сырдарьёй и ветвистым рукавом Ходжа-Бакиргана образовался мыс, очень удобный для проживания. Эта трапецевидная площадь первой и второй надпойменных террас Сырдарьи, прорезанная мелкими отводными рукавами Ходжа-Бакиргана с лёссовыми наносами, была выбрана для создания здесь в конце VIII(VII) в. до н.э. поселения, которое к VI-IV в. до н.э. оформилось в город. Культурные слои VI-IV вв. до н.э. зафиксированы во многих местах.¹ Площадь города с цитаделью – около 5 га. Фортификационное строение создано с использованием лёссового вала, достигающее двухметровой высоты. Его подравнивали и местами закрепляли по вертикали одним рядом сырцового кирпича, переходы вверху также выравнивались сырцовым кирпичом. С внешней стороны оборонительную линию города защищали подведённые водные протоки.

Эти исторические процессы освоения прибрежной части Сырдарьи отмечены во многих шурфах и раскопах на территории Худжанда. По результатам археологических изысканий, разработана хронология генезиса и развития Древнего Худжанда.

Согласно этой хронологии появление населения и начало обживания дельтового веера речки Ходжабакирган у впадения в Сырдарью относится к X-VIII вв. до н.э., в VIII-VII вв. до н.э. завершается формирование «города Архаический Худжанд с его полной фортификацией, архитектурой, топографической и ремесленно-хозяйственной структурой общей площадью в 20 га, VI-IV вв. до н.э. – Архаический Худжанд – ахеменидский городской центр с полностью процветающей социально-экономической и культурной

¹ Беляева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада//История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С.41-46.

структурой».¹ Город был двухчастным: восточную часть городища занимала цитадель, укрепленная мощными стенами (в раскопах зафиксированы участки западной, северной и восточной стен). К западу от цитадели располагался сам город. Первичное городище (VIII-VII вв. до н.э.) занимало площадь около 5 га, а позднее - в VI-IV вв. до н.э. Архаический Худжанд уже расширился до 20 га.

Судя по раскопкам, жилища для первого периода обживания были заглублены в материк и были в виде полуземлянок, что сближало их с жилищами соседних культур эпохи поздней бронзы и раннего железа (Бургулюкская, Чустская и др.). При этом находки фрагментов сырцовых кирпичей указывают, что были и наземные постройки.

Многообразие и высокое качество керамических изделий свидетельствуют о развитом ремесленном производстве, в частности гончарном.

Основным занятием населения было земледелие, чему благоприятствовали условия приречной части Сырдарьи и дельты Хожабакыргана. Убедительным подтверждением этому являются раскопки крупных зернохранилищ в большеёмкими хумами, большое количество зерноотёрок и терочников. Другим видом занятий было скотоводство, охота. Об этом свидетельствуют обнаруженные в ходе раскопок кости домашних животных (коровы, овцы, лошади) и диких водоплавающих птиц.

Первичное городище (VIII-VII вв. до н.э.), затем крепость и город ахеменидского периода (VI-IV вв. до н.э.) стали основой для Александрии Эсхаты.²

Подтверждением древности Худжанда являются фольклор и мифология об основании Худжанда. Согласно высказываниям безымянного автора рукописи «Горихи Худжанд», жившем в XIX в. и фрагменту русского перевода этой рукописи (Государственный архив Республики Таджикистан), основателями и правителями города Худжанда выступают Каюмарс, Хушанг, Тахмурас, Джамшид, Фаридун, Тур, Кайкубад, Тахмасп и другие мифические герои Авесты. Этот симбиоз мифических царей не случаен. Нам представляется,

¹Негматов Н.Н. Полевые исследования СТАКЭ и торжества, посвященные 2500-летию г. Худжанда в 1986 г. О новых этапах формирования Архаического Худжанда // АРТ. Вып. XXVI (1986 г.); Душанбе-Худжанд, 2005. С. 33.

²История таджикского народа. Т.1. Душанбе, 1996. С. 281.

что легенда отражает культуру и духовное воззрение сако-согдийского субстрата населения Худжанда.

Об основании Худжанда древними иранскими мифическими героями и царями пишут и многие другие авторы средневековых словарей. Например, автор словаря «Анджуманорои Носири», сообщает, что город Худжанд якобы был основан Кейхусравом. Но когда город был разрушен (водой), то его вновь восстановил Дарий. По словам Бируни, Кайхусрав являлся третьим по числу царей из династии Кеянидов и правил он приблизительно в 2944 г. до н.э.

Датский востоковед А.Кристенсен полагал, что цари династии Кеянидов были не мифическими персонажами, а реальными царями. Аналогичного мнения придерживалась и Е.Е.Кузьмина относительно царствования Хушанга.

Таким образом, археологические и лингвистические материалы указывают, что Худжанд возник три тысячи лет назад, в авестийский период. По материалам раскопок архаический город начал формироваться на плодородном треугольнике, образовавшемся издревле на месте впадения крупных рукавов горной речки Такоб в древнюю Сырдарью - Яксарт. Основателями и первыми насельниками города стали оседающие присырдарьинские сакские племена, являющиеся ветвью древнейших арийцев, создателей Авесты.

Датировка слоев архаического Худжанда совпадает с хронологическими раскладками Беруни, Фирдоуси, других средневековых авторов, востоковеда А Кристенсена и других исследователей. К этому же времени относится начало складывания образов культурных героев среди скотоводческих и земледельческих ираноязычных племён Сырдарьинского бассейна. Легенда о первых царях Худжанда также является свидетельством уже сформировавшегося исторического сознания населения Худжанда, считавшегося себя неотделимой частью общеиранского культурного и этнического мира на протяжении 3 тысяч лет. Во все времена Худжанд был крупным городом, упоминается во всех географических трактатах по Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2 книгах. Кн.1. – Душанбе, 1989. – С.86, 100.
2. Беляева Т.В. К исторической топографии древних городов Уструшаны//Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). – Ташкент, 1990.

- С.76-84; Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. – Душанбе, 2003. – С.46-56

3. Негматов Н.Н. Историко-культурная область Уструшана. Материальная культура Уструшаны. Вып.5 //Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. – Душанбе, 2003. – С.56.

4. Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Проблема начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа)//Археология Средней Азии и Ближнего Востока. – Ташкент, 1983. – С.74-77.

5. Негматов Н.Н. Предварительный отчёт о работах Ходжентского отряда в 1954 г.//Археологические работы в Таджикистане в 1954 г./Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. XXXVII. – Сталинабад, 1956. – С.33-35; Его же. О работах Ходжентско-Уструшанского отряда в 1955 г.//АРТ в 1955 г./Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, т. XIII. – Сталинабад, 1956. – С.61-63

6. Негматов Н.Н. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1971 г.//АРТ, вып. XI (1971). – Душанбе, 1973. – С.156.

7. Negmatov N.N., Belyaeva T.V. Archaic Khojent-Alexandria Eskhata: (To the problem of the Syr-Darya basin urbanization)//Jornal of Central Asia (Islamabad). - 1986. - Vol.9. #2, pp.41-54.

8. Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.//АРТ, вып.15 (1975 г.). – С.265 С.279-280; Билалов А.И., Беляева Т.В. Исследования цитадели Ходжента в 1975 г.//АРТ, вып.15 (1975 г.). – С.284-286; Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Раскопки на цитадели Ленинабада и локализация Александрии Эсхаты//Археологические открытия 1976 года. – М., 1977. – С.569

9. Негматов Н.Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.//АРТ, вып.15 (1975 г.). – С.265 С.279-280; Билалов А.И., Беляева Т.В. Исследования цитадели Ходжента в 1975 г.//АРТ, вып.15 (1975 г.). – С.284-286

10. Толстов С.П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1953 //ВДИ, 1955. – № 3. – С.186-193; Воробьёва М.Г. Раскопки архаического поселения близ Джингильдже //Материалы ХАЭЭ. – Вып.1. – М., 1959. – С.84; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы//МИА, 1973. – М.-Л., 1959. – С.48, 163; Оболюева Т.Г. Раскопки 1960 года на городище Эйлтан//КСИА, вып.91. – М., 1962. – С.39;

11. Беляева Т.В. О работах Ходжентского отряда в 1980 году//АРТ, вып. XX (1980 г.). – Душанбе, 1987. – С.355.

12. Беляева Т.В. О работе Ленинабадского отряда в 1976 году//Археологические работы в 1976 году. – Вып.16 (1976). – Душанбе, 1982. – С. 270.

13. Там же. – С.271-279

14. Исомиддинов М. Стратиграфия городища Коктепа и некоторые вопросы истории и культуры Согдианы эллинистического периода //Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. – Ташкент, 2010. – С.131-140; Рахимов Н.Т., Бободжоновна М. К истории водоснабжения Худжандской крепости// Вестник Исторического музея Согдийской области. Вып.5. – Худжанд, 2019. – С. 23-32.

15. Рахимов Н.Т. Археологические раскопки в Худжандской крепости// Вестник ТГУПБП. – №2 (87). – Худжанд, 2021. – С.41-48

16. Напр. См: Наджафов Ш. Каменные орудия древнего поселения Ястытепе//Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. – Алматы-Туркестан, 2022. – С. 260-266.

17. Самойлик П.Т. Археологические работы в зоне Худжандской цитадели//АРТ. – Вып. XXVI (1986 г.). – Душанбе-Худжанд, 2005. – С.68.

18. Там же. – С.69.

19. Там же. – С.73-78.

20. Беляева Т. В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. – Ашхабад, 1978. – С. 41-46.

21. Негматов Н. Н. Полевые исследования СТАКЭ и торжества, посвященные 2500-летию г. Худжанда в 1986 г. О новых этапах формирования Архаического Худжанда // АРТ. – Вып. XXVI (1986 г.). – Душанбе-Худжанд, 2005. – С. 33.

22. История таджикского народа. Т. 1. – Душанбе, 1996. – С. 281.

АРХАИЧЕСКИЙ ХУДЖАНД: ГОРОД ПЕРИОДА АХЕМЕНИДОВ

Согласно древним письменным источникам, власть Ахеменидов (VI-IV вв. до н. э.) распространялась на берега реки Сырдарья. Традиционно начало урбанизации в бассейне Сырдарьи связывают с градостроительной деятельностью Кира II Великого. Археологические раскопки позволили изучить генезис и развитие древних городов этого региона. Архаический Худжанд – самое раннее поселение на территории Худжанда.

Археологические материалы показывают, что древний Худжанд возник при впадении горной реки Ходжа-Бакирган (Такоб) в Сырдарью в конце VIII века до нашей эры. Это поселение датируется VI-IV вв. н.э. оформился в городе.

Культурные слои VI-IV веков до нашей эры зафиксированы во многих местах. Город состоял из двух частей: цитадели и крепости. Восточную часть городища занимала цитадель, укрепленная мощными стенами (в раскопках зафиксированы участки западной, северной и восточной стен). К западу от цитадели находился сам город. Первоначальное поселение (VIII-VII вв. до н.э.) занимало площадь около 5 га, позднее – в VI-IV вв. до н.э. Архаичный Худжанд уже расширился до 20 гектаров.

Эти части были окружены толстой стеной. Первая стена стоит на поверхности материка. Фортификационное сооружение создано с использованием лессового вала (высота – 2 м). Естественный вал закреплен вертикально одним рядом сырцового кирпича. С внешней стороны оборонительную линию города защищали водные каналы.

По результатам раскопок можно охарактеризовать фортификацию, архитектуру, топографию и экономическую структуру городища. В ямах обнаружен богатый комплекс находок. Основное занятие населения – земледелие и скотоводство. Ремесло было развито. Архаичный Худжанд – ахеменидский городской центр с вполне процветающей социально-экономической и культурной структурой.

Ключевые слова: Ахемениды, сатрапии, урбанизация, архаическое поселение Худжанд, Александрия Эсхата, стратиграфический ям, древняя архитектура, фортификация, топография.

ARCHAIC KHUJAND: A CITY OF THE ACHAEMENID PERIOD

According to ancient written sources, the power of the Achaemenids (6th-4th centuries BC) extended to the banks of the Syrdarya River. By tradition, the beginning of urbanization in the Syrdarya basin is associated with the urban planning activities of Cyrus II the Great. Archaeological excavations made it possible to study the genesis and development of the ancient cities of this region. Archaic Khujand is the earliest settlement on the territory of Khujand.

Archaeological materials show that the ancient Khujand arose at the confluence of the mountain river Khodja-Bakirgan (Takob) into the Syr Darya at the end of the 8th century BC. This settlement dates back to the 6th-4th centuries BC. took shape in the city.

Cultural layers of the 6th-4th centuries BC recorded in many places. The city consisted of two parts: the citadel and the fortress. The eastern part of the settlement was occupied by a citadel, fortified with powerful walls (sections of the western, northern and eastern walls were recorded in the excavations). To the west of the citadel was the city itself. The primary settlement

(8th-7th centuries BC) occupied an area of about 5 hectares, and later - in the 6th-4th centuries. BC. Archaic Khujand has already expanded to 20 hectares.

These parts were surrounded by a thick wall. The first wall stands on the mainland surface. The fortification structure was created using a loess shaft (height - 2 m). The natural shaft is fixed vertically with one row of raw bricks. From the outside, the defensive line of the city was protected by water channels.

According to the results of excavations, it is possible to characterize the fortification, architecture, topography and economic structure of the ancient settlement. A rich complex of finds was found in the pits. The main occupation of the population is agriculture and cattle breeding. The craft was developed. Archaic Khujand is an Achaemenid urban center with a fully flourishing socio-economic and cultural structure.

Keywords: *Achaemenids, satrapies, urbanization, archaic settlement Khujand, Alexandria Eshkata, stratigraphic pit, ancient architecture, fortification, topography.*

Сведения об авторах:

Рахимов Набиджон Турдалиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и религиоведения, Худжандский государственный университет имени академика Б.Г.Гафурова. Тел.: (+992) 92 730 51 94. E-mail: nabir@mail.ru

Бободжонова Муаззема, преподаватель, кафедра археологии, этнографии и религиоведения, Худжандский государственный университет имени академика Б.Г.Гафурова. E-mail: muazzama_1990@mail.ru

About the authors:

Rakhimov Nabijon Turdialievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Religious Studies, Khujand State University named after Academician B.G. Gafurov. Tel.: (+992) 92 730 51 94. E-mail: nabir@mail.ru

Bobodzhonova Muazzama, teacher, Department of Archeology, Ethnography and Religious Studies, Khujand State University named after Academician B.G. Gafurov. E-mail: muazzama_1990@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ХАРАКТЕР КУЛЬТУРЫ ЛЕПНОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Одилжон Хамидов

(Термез, Узбекистан)

Период, именуемый в археологической науке «культура лепной расписной керамики» (КЛРК)¹, изучается под названиями: в Ферганской долине - Чустская, в Ташкентском оазисе – Бургулюкская, в Сурхандарье – Кучук I, Кизил I, в Кашкадарье – Еркурган I, в Самаркандском Согде – Коктепа I, в Афганистане – Тилла I, в Южном Туркменистане – Яз I. Как свидетельствуют эти исследования, в период культуры лепной расписной керамики, в частности в Бактрии, происходит сокращение общей площади поселений, угасание традиций монументальной архитектуры, резкое уменьшение предметов искусства и, даже, предание полному забвению некоторых отраслей (сфрагистики, глиптики), наблюдаются случаи неприменения гончарных станков, в частности, гончарного круга. К тому же, несмотря на ряд исследований учёными зарождения этих культур в Центральной Азии, географии их распространения, традиций архитектуры, религиозного мировоззрения населения, обрядов захоронения, до настоящего времени в этих вопросах между ними не существует единого мнения.

Историография КЛРК получила достаточно широкое освещение в исследованиях В.М. Массона², Ю.А. Заднепровского³, А.А. Аска-

¹ Lhuillier J. A synthetic note about the phenomenon of the Central Asian Early Iron Age «painted ware cultures» (2nd – 1st milleneum B.C.) // Bulletin of ICAS. Volume 13. 2011. P. 9-20. Это понятие введено в научный оборот многими исследователями: Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie Centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500-1000 av. n.è.), Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Tome XIII. Paris, 2013.

² Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. №73. М.; Л., 1959; Массон В.М. Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад, 1984. С. 5–12.

³ Заднепровская Т.Н., Заднепровский Ю.А. Основная современная литература по археологии эпохи раннего железа Средней Азии и Казахстана (1959–1982 гг.) // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ответственные редакторы В.М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад, 1984. С. 97–122; Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997. 172 с.

рова¹, Х. Дуке², Г.А. Пугаченковой³, Б.Х. Матбобоева⁴, Ш.Б. Шайдуллаева⁵, М. Исомиддинова⁶, Ж. Люилье⁷, С. Страйда⁸, А. Курбанова⁹. Согласно данным за 2019 год общая численность памятников этой культуры в Центральной Азии достигло цифры 300¹⁰. Из них около 30 памятников расположены на территории Северной Бактрии.

¹Аскарлов А.А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 34-37.

²Дуке Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.

³Pougatchenkova G. Histoire des recherches archéologiques en Bactriane septentrionale. Region du Sourkhan Darya, Ouzbekistan (jusqu'à la création de la MAFOUZB) // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale, Actes du colloque de Termez 1997. 2001. P. 23-34.

⁴Матбабаев Б.Х. Локальные варианты чувствской культуры Ферганы. АКД. Л., 1985.

⁵Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000; Šajdullaev Š.B. Untersuchungen zur frühen Eisenzeit in Nordbaktrien // AMIT. Band 34. Berlin, 2002.

⁶Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.

⁷Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500–1000 av. n.è.), Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Tome XIII. Paris, 2013; Lhuillier J. Le phénomène des «cultures à céramique modelée peinte» en Asie centrale dans l'évolution et la transformation des sociétés de la fin de l'âge du Bronze et du début de l'âge du Fer (II^e-I^{er} millénaire avant n. è.). Une synthèse comparative et régionale de la culture matérielle, Thèse de Doctorat de l'Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. 2010. Volume I: Texte; Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale: un aperçu de l'assemblage céramique de la deuxième moitié du II^e millénaire av. J.-C. *IA*, 48. 2013. P. 103-146

⁸Stride S. Géographie archéologique de la province du Surkhan Darya (Bactriane du Nord, Ouzbékistan du Sud). Paris, 2004. Vol. I-V.

⁹Kurbanov A. History of research of Early Iron Age sites in southern Turkmenistan during the Soviet period // A Millennium of History. The Iron Age in southern Central Asia (2nd and 1st Millennia BC). Proceedings of the conference held in Berlin (June 23–25, 2014). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi. Edited by Johanna Lhuillier, Nikolaus Boroffka. Dietrich Reimer Verlag, Berlin, 2018[AIT, 17 & MDFAFA, XXXV]. P. 7–15.

¹⁰ Lhuillier J. The Settlement Patterns in Central Asia during the Early Iron Age // Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids. Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4-6 February 2016. Edited by Christoph Baumer and Mirko Novak. Harrossowitz Verlag-Wiesbaden, 2019. 115-128. См.: По данным 2013 года было 257 таких памятников. См.: Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale. Dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500-1000 av. n.è.), Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale XIII. Paris. 2013. P. 260.

Р.Х. Сулайманов, анализируя религиозные воззрения жителей КЛРК, которые получили распространение на территории Бактрии, Маргианы и Согдианы в эпоху поздней бронзы и раннего железного века, приводит три основных признака, связанных с верованиями этого периода: хотя и в редких случаях, но встречается выставление трупов на открытой местности без строительства специальных сооружений, культ огня и аниконизм. Также, одной из особенностей археологического комплекса этого периода являются обнаружение миниатюрных ступок и пестиков, что указывает на их связь с культом хаомы¹.

В процессе изучения памятников эпохи Кучук I, расположенных в Пашхурд-Зарабагской котловине, было обнаружено множество предметов материальной культуры, характеризующих раннезороастрийскую религию. Среди них встречаются присущие зороастрийским традициям, используемые при приготовлении священного напитка хаома, каменная ступка и пестик. Пестик был найден в 3-раскопе Бургуттепа, а ступка была обнаружена при проведении разведочно-исследовательских работ вокруг этого памятника.

Ступка изготовлена из местного тёмного гранитного камня, напоминающего катушку, на которую наматывают моток ниток (рис. 1). В результате ударов пестиком на её поверхности произошли сколы и образовалось углубление. Её высота – 6,6 см., диаметр основания – 5 см. А пестик изготовлен из чёрного хлоритного камня в форме буквы «Т» (рис. 2-3). Его высота – 7,2 см., а диаметр – 2,4-3,4 см.²

Миниатюрная форма находок свидетельствует о том, что они использовались в религиозно-ритуальных целях. Разумеется, при определении функции этих находок целесообразно проанализировать их аналоги и географию распространения изготовленных из хлорита предметов.

¹ Сулайманов Р.Х. Проблемы родины Заратуштры и этнокультурная ситуация в Средней Азии начала I тысячелетия // Новое о древней и средневековой Кыргызстан. Выпуск II. Серия «Ош – 3000 и культурное наследия народов Кыргызстана». – Б.: 1999. – С. 85–87; Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребальных обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа. – Древняя и средневековая археология Средней Азии. Т., 1990. С. 29–38; Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. С.-Т., 2000. С. 235.

² Хамидов О.А. Шимолий Бактриянинг Кучук I даврига оид митти ўғирча ва ўғирдасталари // Ўзбекистон археологияси, 3(18), 2019. С., 2019. Б. 71-81.

Такие археологические артефакты миниатюрной формы, как бургуттепинские ступка и пестик, отмечены во многих памятниках периода Кучук I в Бактрии. Одним из таких памятников является Миршади, где зафиксированы четыре темно-серых ступки, три из которых отполированы до черного глянцевого блеска (рис. 4,1–5). Ступки имеют биконическую форму, в верхней части которых образована неглубокая площадка. Их высота - 5-6,5 см., диаметр основания - 3,5-7 см.¹ Исследователи отмечают, что эти находки были сделаны из местных камней².

На правом берегу реки Ургулсай (Бандихансай), которая берёт начало от Байсунтага и впадает в Сурхандарью, расположена Майдатепа (Бандихан I). На данном памятнике также найдены изготовленные из камня предметы, схожие со ступкой и пестиком из Бургуттепа (рис. 5)³. По мнению исследователей, наиболее близкие по форме и материалу, обнаруженным в Майдатепе ступкам, были найдены на месте памятника Тиллатепа в Афганистане, вышеупомянутых памятниках Миршоди, Чуст в Ферганской долине⁴ и памятниках периода Яз I в Южном Туркменистане. Также авторы, расширив географию аналогии, указывают и на археологические находки, обнаруженные в Восточной Европе, подчеркивают их сходство по форме и признают наличие связи этого региона со степняками⁵.

¹ Пугаченкова Г.А. Археологические исследования Узбекостанской искусствоведческой экспедиции // Археологические открытия 1970 года. М., 1971. С. 421; Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийский памятники Миршаде. Из истории античной культуры Узбекистана. Т., 1973. С. 35–51; Pugachenkova, G. A., Rtveldze, E. V., Kato, K., Turgunov, B. A. and P'yasov, J. Ya. (eds.), *Antiquities of southern Uzbekistan* / Пугаченкова, Г. А., Ртвеладзе, Э. В., Като, К., Тургунов, Б. А. and Ильясов, Дж. Я. (eds), Древности южного Узбекистана, Nachioji: Soka University Press. 1991, fig. 7-8.

² Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Т., 1973. С. 78–80.

³ Boroffka N. *Bandihkan, Surkhandarya, Uzbekistan* // *Current Research in Eurasia*. Issued by Svend Hansen. Berlin, 2017. P. 99, fig. 5.

⁴ Спришевский В.И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Академия Наук Узбекской ССР, Музей Истории Народов Узбекистана им. М. Т. Айбека, Т.: Фан. 1974. Рис. 16,1; 17,1-2.

⁵ Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской Научной Экспедиции. Выпуск №3. Т., 2007. С. 111. Фото 11, 1-2; Бороффка Н., Сверчков Л. Культура Яз: новые исследования в Узбекистане. Наследие. Научно-популярный журнал. 1/2007. С. 86-96. Рис. 4-5; Boroffka N. *Siedlungsgeschichte in Nordbaktrien – Bandichan zwischen Spätbronzezeit und Frühmittelalter*. In S. Hansen, A. Wiczorek et M. Tellenbach (dir.), *Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt*. Asiens

В своих исследованиях К. Абдуллаев приводит описание ступок, обнаруженных в культурных слоях периода Кучук I Джондавлаттепа. Ступка изготовлена из хлорита, внешняя сторона отполирована, в некоторых местах из-з долгого использования имеются зазубрины и выдолбы. Рост ступки - 18 см¹.

Ступки были зафиксированы и в изученном А.С. Сагдуллаевым памятнике Кызылча VI².

На памятнике Кучуктепа также обнаружена находка, похожая на ступку, и она признаётся исследователями в качестве навершия булавы³. Находка изготовлена из камня и гладко отполирована. Её высота составляет 4,3 см., диаметр - 4,7-5,5 см.⁴. Также, на памятнике Кучуктепа выявлены два пестообразных сосуда, на одной стороне которого имеется углубление, а другая сторона – фалломорфной формы, которые описываются исследователями как ритуальные чаши для употребления священного напитка⁵.

В последние годы в культурных слоях эпохи поздней бронзы и раннего железного века Средней Азии обнаружены также ступки, изготовленные из хлоритных камней чёрного цвета. На памятнике Таллашкон I обнаружена ступка цилиндрической формы на трёх ножках, высота и диаметр которой 22 см., глубина чаши -15,5 см, длина ножек - 6 см. Найденная на Таллашкон I вторая ступка не со-

Kulturen im Wandel, Catalogue de l'exposition «Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt - Asiens Kulturen im Wandel», Reiss- 268 Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale Engelhorn-Museen Mannheim, Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen 36, Regensburg, Verlag Schnell & Steiner CmbH, 2009. p. 135-143. Abb. 7; Boroffka N., Sverchkov L. Painted pottery of the Late Bronze Age – Early Iron Age in Central Asia: New data from southern Uzbekistan // From Cattle to Camel Trains. The development of the Silk Roads Edited by Alison V.G. Betts and Peter Jia. in print. Fig. 9.

¹ Abdullaev K., Stanço L. Jandavlattepa 2006: Preliminary excavation report // Studia Hercynia, XI. Prague, 2007. P. 158, pl. 49, fig. 2; Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009. Рис. 40; Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические раскопки Джандавляттепа. Сезон 2006 года, сентябрь-октябрь // Археологические исследования в Узбекистане 2006-2007 года. №6. Т., 2009. С. 20.

² Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Т., 1987. С. 30.

³ Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Т., 1979. С. 42. Рис. 13; табл. 21, 9.

⁴ Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan. The State Museum of History of Uzbekistan. Т., 2018 [O'zbekiston madaniy yodgorliklari hazinasi [Matn]: albom/katalog. O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. Toshkent: San'at jurnali nashriyot, 2018. 298 b. Matn o'zbek, rus, ingliz, yapon tillarida.], fig. 32 on page 31, fig. 32 on page 232.

⁵ Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Т., 1979 С. 43; Рис. 13; табл. 21, 7,8.

хранилась в целом виде, она изготовлена из черного камня и с внешней стороны подвергнута тщательной полировке¹.

При проведении разведочных исследований в кишлаке Гоз Шерабадского района была обнаружена ступка из серого гранита высотой 22 см., шириной - 20 см. и глубиной - 12 см., на стенках которой с внешней стороны отмечено 13 пиктографических знаков².

Хранящаяся в Государственном музее истории Узбекистана находка также похожа на ступку и представлена исследователями как навершие булавы. Эта находка также изготовлена из камня и отполирована. Её высота – 5 см., диаметр - 8-8,3 см.³

В нижних слоях памятника Тахти-Сангин ахеменидского периода также обнаружена миниатюрная ступка⁴, которая сейчас хранится в Национальном музее Таджикистана⁵. Ступка зеленовато-серого цвета, полированная. Диаметр его основания - 11,8 см., диаметр обода - 12 см., высота - 15,5 см. Ву Ксин связывает эту находку с культом хаомы⁶.

Также ступки и пестики, изготовленные из разных видов камней, встречаются в культурных слоях бронзового века на памятнике Саразм⁷, на памятниках культуры Джаркутан¹, Тиллатепа² и Чуст³.

¹ Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Т., 2000. С. 64, рис. 42, 43.

² Чориев З.У., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж. Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва тараққиёти. Тошкент: Янги аср авлоди, 2007. Б. 33-34, 19-расм; Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009. Рис. 41.

³ Инвентарный номер находки: № 184/161. Treasures of ancient cultural monuments of Uzbekistan. The State Museum of History of Uzbekistan. Т., 2018 [O'zbekiston madaniy yodgorliklari hazinasini [Matn]: albom/katalog. O'zbekiston tarixi davlat muzeyi. Toshkent: San'at jurnali nashriyot, 2018. 298 b. Matn o'zbek, rus, ingliz, yapon tillarida.], fig. 33 on page 31, fig. 33 on page 232.

⁴ Wu X. «Central Asia in the context of the Achaemenid Persian Empire (6th to 4th century B.C.)». PhD thesis, Department of the History of Art, University of Pennsylvania. Philadelphia. 2005. Dissertations available from ProQuest. AAI3179838. <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI3179838> P. 195, 438, fig.47.

⁵ Инвентарный номер находки: TS-88 7218/1097. Источник: Wu X. «Central Asia in the context of the Achaemenid Persian Empire (6th to 4th century B.C.)». PhD thesis, Department of the History of Art, University of Pennsylvania. Philadelphia. 2005. Dissertations available from ProQuest. AAI3179838. <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI3179838> P. 195.

⁶ Wu X. «Central Asia in the context of the Achaemenid Persian Empire (6th to 4th century B.C.)». PhD thesis, Department of the History of Art, University of Pennsylvania. Philadelphia. 2005. Dissertations available from Pro Quest. AAI3179838. <https://repository.upenn.edu/dissertations/AAI3179838> P. 195.

⁷ Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991; Бобомуллоев С. Верховья Зарафшана во II тысячелетия до н.э. Душанбе, 1998. С. 47.

Они также выполнены с особым усердием, со вкусом, хорошо отполированы. Из аналогий, проводимых с бургуттепинскими ступкой и пестиком, стало известно, что традиции изготовления и использования такого вида предметов продолжалась и в период Кучука I.

Н.Бороффка и Э.Саввой составили каталог находок такого типа и провели их типологический и хронологический анализ⁴. Однако ступка из Бургуттепа не похожа ни на одну из пяти предложенных групп, по форме она образует новую группу.

Миниатюрная форма находок этого типа объясняется их ритуальным характером. Г.А. Пугаченкова комментирует описанные находки как носящие ритуальный характер и подчёркивает, что найденные в Миршоди ступка и пестик связаны с представлениями о плодородии. Также, ступка и пестик использовались для того, чтобы размельчить и истолочь стебли и листья хаомы, а топорчик – для того, чтобы разрубить их на куски. Этот набор каменных орудий связан с культом плодородия, таким как приготовление священных напитков, подобных иранской хаоме или индийской соме, которые были распространены среди оседло-земледельческого населения. Она также упоминает, что такого рода каменные орудия известны по находкам археологических памятников Мохенджо-Даро и Хараппа и приводит для сведения информацию об их использовании в культурах Шивы и Вишну и о том, что они многие века сохранялись в Индии⁵.

Ш.Б. Шайдуллаев подчёркивает, что в задачу ступки, найденной в кишлаке Гоз Шерабадского района, с пиктографическими симво-

¹ Шайдуллаев Ш.Б., Хуфф Д. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ, Вып.30. Самарканд, 1999. С. 31–42.

² Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг., – М., 1977; Francfort, H.-P. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2nd – early 1st millennium BC). in RicardoEichmann, Hermann Parzinger (eds), Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6, Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2001. P. 227, fig. 2.

³ Ширинов Т.Ш. Орудия производства и оружие эпохи бронзы среднеазиатского междуречья (по данным экспериментально-трассологического изучения). Т., 1986.

⁴ Boroffka, N., Sava, E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern», «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens. In: AMIT, Band 30, 1998. P. 112.

⁵ Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии. – Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 78–80.

лами на поверхности, входило приготовление священных соков в зороастризме и они имели религиозный характер¹.

Обнаруженные в Саразме пестики фалломорфной формы исследователи связывают не только с культом, но и с магией².

В историографии превалирует традиция связывать роль ступок и пестиков с культом хаомы в Авесте и сомы в Ригведе³. Ступка («ӯғир», «кели») по-персидски называется «хована» и считается одним из самых важных предметов аташкадех – храма огня иранских зороастрийцев, поклоняющихся Мазде. Растение хавм (хаома) растерали при помощи зернотёрки и делали из нее соки, используемые в ритуале хавм. В зороастризме молитвы, читаемые за время от рассвета до заката, называются «ховангох». Термин «хована» также связан с религиозной группой, предводителями духовенства в зороастризме — «хованами». Хованы считались ответственными за проведение священной церемонии язишна и в их обязанности входило приготовление сока хавм. По обычаю сок хавма следовало готовить в первой половине дня, преимущественно утром⁴.

В толковом словаре таджикского языка терминам «ступка» и «пестик» дано определение, как «*ҳован*» *هاون* — каменная или металлическая емкость, в которой что-то измельчается, а «*ҳовандаста*» *هاون دسته* — пестик, которым что-то измельчают и раздавливают⁵. В персидско-таджикском языке термины «ступка» и «пестик» прямо называются «*ҳован*» и «*ҳовандаста*», что указывает на происхождение названий этих предметов непосредственно с напитком хаома.

Как мы уже упоминали, священные ветви хаома измельчались пестиком в ступке. Растение хаома, стоящее выше всех растений, почиталось как третье творение Ахурамазды⁶.

¹ Чориев З.У., Шайдуллаев Ш.Б., Аннаев Т.Ж. Ўзбекистон худудида ёзувнинг пайдо бўлиши ва таракқиёти. Тошкент: Янги аср авлоди, 2007. Б. 34.

² Каримова Г. Таджикистан // В сб. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том I. Традиционные верования и шаманизм. Самарканд: МИЦАИ, 2016. С. 173.

³ Сотникова С.В. К вопросу о возможных истоках индоиранского культа священного напитка сомы/хаомы (по материалам памятников синташтинского типа) // Теория и практика археологических исследований Т. 9(1). Барнаул, 2014. С. 74–86; Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.

⁴ Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: «Восточная литература», 2004. С. 236.

⁵ Фарҳанги тафсирии забони тоҷики (ибораат аз 2 ҷилд). Ҷилди 2 (О – Я). Душанбе, 2008. С. 508.

⁶ Крюкова В.Ю. Жертвоприношение в традиционной культуре ираноязычных народов Центральной Азии // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 1. СПб., 2007. С. 16.

Мы можем также встретить изображение божественных ступок в образцах древнего изобразительного искусства. Так, на оссуарии, найденном в Биянаймане, мы можем видеть Амрдада, держащего в руках пестик¹.

В своих исследованиях К. Абдуллаев приводит сведения о найденной в Персеполе ступке, изготовленной из серого и зелёного камня, и упоминает, что она относится к периоду Артаксеркса I. На навершии пестика есть арамейская надпись, которая гласит: «Этот пестик использовался [вместе с] Мазда-фарнах [в] один [год]» в религиозной церемонии. По предположению исследователей это соответствует первому году правления ахеменидского царя Артаксеркса (464/3 гг. до н.э.)². Безусловно, связь обсуждаемых археологических предметов с культом хаома подтверждается и находками в Персеполе. Под дном чашки, изготовленного из зеленого кремнистого сланца, найденной в Зале со 100 колоннами (комната 38), имеется арамейская надпись чернилами. На нем написана фраза, что на «церемонии измельчения (хаома) ... использовался этот сосуд»³. Также, изображение печати цилиндрической формы, хранящееся в Британском музее, подтверждает, что ступка и пестик имеют божественный характер⁴.

Основными источниками культа хаомы являются «Авеста» и «Ригведа», части которых также содержат гимны, посвященные божееству хаома. В источниках культ хаомы предстает в трёх ипостасях – растения, священного напитка и их персонифицированной

¹ Pugatchenkova G.A. Les ostoteques de Miankal. In: Mesopotamia XX. Firenze, 1985. P. 29-65; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Т., 1989. С. 163; Grenet F. Zoroastrianism in Central Asia // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Edited by Michael Stausberg and Yuhon Sohrab-Dinshaw Vevaina. Wiley Blackwell. 2015. P. 136-137, fig. 8.3; Грене Ф. Интерпретация декора оссуариев из Биянаймана и Мианкаля. В сб.: Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы Советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Т., 1987.; Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World. Leiden - Boston, 2014. P. 170–174., fig. 169, 172, 176, 178 on P. 353-357.

² Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. – Самарканд, 2009. С. 7; Bowman R.A. Aramaic Ritual Texts from Persepolis. Oriental Institute Publications 91, Chicago, 1970. no. 43, pl. 11; Sami A. Persepolis, Shiraz, 6th ed., 1970. P. 98-99, pl. on P. 105.

³ Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.

⁴ Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009. Рис. 39.

формы, то есть в виде божества¹. Также проводится анализ параллелей хаомы и сомы в текстах «Ригведы» и «Авесты»².

Известно, что девятая «Ясна» «Авесты» называется «Хом яшт». В нём приводится разговор между Заратуштрой и хаомой. Во время приготовления хаомы священник обходил ступу и читал «Хом-яшт». Хаома воспевается в источнике как «дураоша», то есть как сила, «прогоняющая смерть». Кроме того, в «Михр-яште» Митра упоминается как первый жрец³.

На памятниках цивилизации Окса также выявлены архитектурные памятники и находки, связанные с культом хаома. Например, в сооружении памятника Джаркутан было выявлено помещение, принадлежащее хаоме, где был найден сосуд в форме птицы Хумо. Т. Ширинов пишет, что этот сосуд связан с таким напитком, как хаома⁴. Аналогичный сосуд также был обнаружен В. И. Сарианиди в Южной Бактрии. В.И. Сарианиди на памятниках Туголок 21, Гонур в Маргиане изучал храм, возведённый в честь хаомы⁵.

На основе археологических данных доказано, что в Средней Азии хаома был одним из широко распространенных культов ещё до учения Заратуштры. Основатель зороастризма Заратуштра был вынужден включить культ хаомы в свои учения и религиозные традиции, потому введение хаомы в своё учение, несмотря на критику её опьяняющих негативных качеств, позволит сделать такие выводы⁶.

В Средней Азии издревле обожествлялся присущий для зороастризма культ огня или хаомы. В частности, алтари известны с эпохи

¹ Shenkar M. *Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World*. Leiden - Boston, 2014. P. 167–168.

² Skjærvø P.O. *Early India and Iran // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism / Edited by Michael Stausberg and Yuhan Sohrab-Dinshaw Vevaina*. Wiley Blackwell. 2015. P. 409–421.

³ Дрезден М. Мифология древнего Ирана // В кн. Мифология древнего мира / Пер. с англ. Предисл. И.М. Дьяконова. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1977. С. 337–365.

⁴ Ширинов Т. «Винодельная» Джаркутана – памятник эпохи бронзы Юга Узбекистана // ИМКУ. Вып. 24. Т., 1990. С. 18–28; Ширинов Т. Религиозное среда Средней Азии во II тыс. до н.э. // В кн. Тарихимиз этюдлари – Этюды нашей истории. Т., 2011. С. 197.

⁵ Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ, № 1. М., 1989. С. 152; Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001; Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.

⁶ Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009. С. 56; Топоров В.Н. Хаома // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 578–579.

энеолита¹, а хаома с бронзового века². Это не должно означать, что ранний зороастризм стал формироваться в эпоху энеолита или бронзы.

В литературе монументальные сооружения, изученные на месте памятников Бактрии и Маргианы бронзового века, также называются ранними зороастрийскими храмами³. Действительно, в эпоху бронзы в Бактрии и Маргиане были сильны такие традиции, как воспевание хаомы, почитание огня, но трупы умерших они предавали земле. На наш взгляд, будет неверным говорить о том, что ранние зороастрийские верования формировались в общине, где предавали трупы земле.

Также, проведение связи между памятниками бронзового века с ранними зороастрийскими традициями не подходит ни в хронологическом, ни в этническом отношении. Культуры Сапалли и Даштлы являются составной частью цивилизации Древнего Востока и этнически не связаны с индоиранскими народами⁴.

Проведенные в Бургуттепе археологические исследования и найденные там миниатюрные ступка и пестик имели ритуальный характер, указывающее на то, что его жители почитали хаому, приняли зороастрийское учение, а ранние зороастрийские традиции формировались в Бактрии с периода Кучук I.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ХАРАКТЕР КУЛЬТУРЫ ЛЕПНОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В данной статье приводится описание и интерпретация пестики и ступки, которые были найдены в Зарабагском ирригационном районе. На основе археологических и письменных данных приводятся аналогии миниатюрных пестиков и ступков Северной Бактрии. Анализируются хлоритовые изделия Средней Азии и Ирана. Комплексное исследова-

¹ Ширинов Т. «Винодельная» Джаркутана – памятник эпохи бронзы Юга Узбекистана // ИМКУ. Вып. 24. Т., 1990. С.18–28.

² Ширинов Т. Религиозное среда Средней Азии во II тыс. до н.э. // В кн. Тарихимиз этюдлари – Этюды нашей истории. Т., 2011; Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд, 2009.

³ Сарияниди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ, № 1. М., 1989. С. 152 – 170; Сарияниди В.И. Сельский храм Тоголок I в Маргиане // ВДИ. М., 1990, №2. С. 10–13; Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Древнебактрийский храм огня в Южном Узбекистане // Градостроительство и архитектура. Т., 1989. С. 23–42; Аскарлов А.А, Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

⁴ Грантовский Э.А. Иран и иранцы до ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 115.

ние миниатюрных пестика и ступки Северной Бактрии периода Кучук I интерпретирует их как один из артефактов культа авестийской «хаомы».

Ключевые слова: Бактрия, Кучук I, пестик, ступка, хлорит, хаома, «Авеста», зороастризм.

RELIGIOUS CHARACTER OF THE STUCCO PAINTED CULTURE CERAMICS OF CENTRAL ASIA

This article describes and interprets the pestles and mortars that were found in the Zarabagh irrigation district. On the basis of archaeological and written data, analogies of miniature pestles and mortars of Northern Bactria are given. The chlorite products of Central Asia and Iran are analyzed. A comprehensive study of the miniature pestle and mortar of Northern Bactria of the Kuchuk I period interprets them as one of the artifacts of the cult of the Avestan "haoma".

Keywords: Bactria, Kuchuk I, pestle, mortar, chlorite, haoma, "Avesta", Zoroastrianism.

Иллюстрации







Сведения об авторе: Хамидов Одилжон Абдувохидович – доктор археологии (PhD), доцент кафедры Истории Узбекистана и археологии, Термезский государственный университет. Тел.: (+998)996711028. E-mail: odiljon-21@mail.ru

About the author: Khamidov Odilzhon Abduvokhidovich, PhD in Archaeology, Associate Professor of the Department of History of Uzbekistan and Archeology. Tel.: (+998)996711028. E-mail: odiljon-21@mail.ru

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ИЗ МИКРОГЕРИОНА ДАРБАНДСКОЙ СТЕНЫ, ЮЖНЫЙ УЗБЕКИСТАН: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ян Кисела, Ладислав Станчо

(Карлов университет, Прага, Чехия)

Введение

Деятельность Чешско-Узбекистанской археологической экспедиции за последние несколько лет, сосредоточенная на объектах эллинистического и переходного («юэчжийского») периода в подгорных районах Кугитанг и Байсунтау, позволила обнаружить значительное количество металлических находок, в основном благодаря систематическому использованию металлоискателей как во время раскопок, так и, главным образом, во время обширных исследований поверхности.

Среди артефактов немонетарного характера наконечники стрел представляют собой наиболее многочисленную и в то же время наиболее типологически разнообразную и распространенную категорию с наибольшим интерпретационным потенциалом.

Несмотря на то, что полная оценка возможна только на основе всей совокупности материалов, наконечники стрел – многочисленные и разнообразные – сами по себе дают ценное представление об истории этих памятников. По этой причине мы представляем здесь некоторые первые идеи, основанные на этой конкретной группе материалов. Полная публикация всего фонда находок с пространственным анализом и анализом элементного состава будет опубликована в отдельной статье в ближайшее время.

Материал

В результате исследования поверхности и раскопок, проведенных в 2016-2022 годах, было обнаружено 139 артефактов, интерпретированных как наконечники стрел или их фрагменты. 115 из них изготовлены из медных сплавов (далее упрощается до термина бронза), 24 - из железа. Одиннадцати железным наконечникам стрел, датируемым средневековым периодом, здесь будет уделено лишь ограниченное внимание. Остальная часть коллекции, то есть

128 наконечников стрел из медных сплавов, а также из железа, относятся к античному периоду, начиная с ахеменидского, эллинистического и юэчжийского периодов и заканчивая началом кушанской эпохи.

Находки происходят из 10 памятников или их ближайших окрестностей и из четырех мест за пределами известных поселений, и датируются преимущественно эллинистическим/переходным периодом или средними веками. Самым богатым из всех мест находок является комплекс укреплений так называемой Дарбандской стены с 87 находками (75 из бронзы, 12 из железа). За ним следуют поселение Искандар Тепа (17 наконечников стрел из бронзы), крепость Курганзол (8 наконечников стрел из бронзы) и склоны Кетмен Чапты над селом Капчигай, небольшое поселение Даганаджам (оба с 6 наконечниками стрел). Во всех этих случаях мы имеем дело с объектами, датируемыми эллинистическим или переходным периодом. На городище Кала-и-Гиссор в Сайробе найдено 4 наконечника стрел, все они, однако, относятся к средневековому периоду. Только по одному или двум наконечникам стрел происходят из других памятников, включая как поселения эллинистического периода (Пайонкуртан, Капчигай), так и находки вне памятников, обычно на дорогах через открытый ландшафт (тропа из Дарбанда в Сарымас; грунтовая дорога через Сусизтаг вдоль Узундары, Зиндон Тепа).

Методология сбора материала

Методы обследования поверхности с использованием металлоискателей, которые мы применили для получения представленного здесь набора находок, уже были описаны в первом обзоре проекта¹ и в публикации, посвященной монетам (Stančo et al. готовится). Однако необходимо подчеркнуть тот факт, что частью стратегии отбора проб была попытка точного пространственного определения местонахождения отдельных находок, включая наконечники стрел. Для этой цели был использован ручной gps-приемник и геолокационные приложения на мобильных телефонах. Эти устройства обычно достигают низкой точности с погрешностью 3-7 м, но мы сочли ее достаточной для наших нужд. Таким образом, регистриро-

¹ Stančo, L. 2021: In the shadow of the Wall: Hellenistic settlement in the Baysun and Kugitang piedmonts. *Studia Hercynia*, 25/2, 67–68.

вались данные о широте, долготе, высоте над уровнем моря, а также глубине под поверхностью.

Частью используемого метода была также попытка точно задокументировать положение обнаруженных нами наконечников стрел, то есть их ориентацию относительно кардинальных точек и самого укрепления. Опыт аналогичных проектов в окружении средневековых замков в Чехии показал, что при статистически значимой выборке и в подходящих условиях эти данные могут дать хорошее представление о конкретных - иногда даже исторически известных - боевых столкновениях, особенно о преобладающем направлении огня и, следовательно, о направлении основной атаки.

Памятники

Поскольку археологические памятники, из которых происходят находки, были подробно представлены в недавней публикации¹, мы ограничимся их очень кратким описанием выбранных.

Даганаджам Тепа (38.139941, 67.041210) небольшой холм, расположенный в одноименном селе Байсунского района на правом берегу Дарбанд/Шерабад-Дарьи. Нумизматические находки указывают на его датировку 3 в. и началом 2 в. до н.э. Размер и расположение участка указывают на сельскохозяйственную функцию этого поселения. Исследования здесь проводились в основном на склонах холма, так как вершина покрыта детскими могилами, а все окрестности состоят из садов, полностью покрытых растительностью, каналов и зданий, и поэтому не подходят для поверхностного исследования.

Дарбандская стена (38.208658, 66.973709), основной объект данного исследования, датируемая преимущественно эллинистическим и ранним кушанским периодом, представляет собой линейное укрепление, расположенное между селами Дарбанд и Шуроб в Байсунском районе, которое простирается примерно на 1-1,1 км от склонов горы Сарымас на севере через долину к левому берегу ущелья Шуробдарьи на юге. Помимо ближайших склонов, внимание было уделено и более широкому окружению стены. Этот уча-

¹ Stančo, L. 2021: In the shadow of the Wall: Hellenistic settlement in the Baysun and Kugitang piedmonts. 69–79.

сток неоднократно обследовался с помощью детекторов очень систематически, с попыткой охватить не только всю большую площадь, но и сбалансировать ее, то есть уделить одинаковое количество человеко-часов каждому участку. Наконечники стрел - это лишь небольшая часть найденного набора находок. В окончательной публикации различные типы находок будут соотнесены, а также будет проанализировано их пространственное распределение в различных частях памятника.

Искандар Тепа (37.920690, 66.973576), природный холм со скудными следами поселения на его вершине, расположен недалеко от долины Лойлаган в Шерабадском районе. Небольшое сельское поселение окружено рвом и рядом могил. На основании находок монет и керамики, поселение датируется III в. до н.э. - I в. н.э. Обследования металлоискателем проводились неоднократно в 2018 году (весной и осенью), а также систематически в 2019 и 2022 годах.

Наконечники стрел

Далее мы сосредоточимся на наконечниках стрел, датированных античностью.

Наконечники стрел определенно нельзя считать малоизученной категорией артефактов в археологии Евразии последнего тысячелетия до нашей эры/первых веков нашей эры. Большое внимание было уделено в основном раструбным бронзовым наконечникам стрел как в Восточной Европе «скифского» периода¹, так и в Греции², на Ближнем Востоке³, а также в Центральной Азии⁴. Более поздним

¹ Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: ан СССР. 162 с. (МИА; № 101.); Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: наука. 91 с. (Сай; вып. д1-4.).

² Baitinger, H. 2001: Die Angriffswaffen aus Olympia. Olympische Forschungen XXIX. Berlin – New York.

³ Cleuziou, Serge (1977) « Les pointes de flèches scythiques au Proche et Moyen Orient. » Paris, Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques, Paris 22-24 mars 1976, Paris 22-24 mars 1976, 348 pages ; pp. 187-199; Dugaw, S. – Lipschits, O. – Stiebel, G. 2020: A New Typology of Arrowheads from the Late Iron Age and Persian Period and Its Historical Implications. Israel Exploration Journal 70/1, 64–89.

⁴ Cleuziou, Serge (1977) « Les pointes de flèches scythiques au Proche et Moyen Orient. » Paris, Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques, Paris 22-24 mars 1976, Paris 22-24 mars 1976, 348 pages ; pp. 187-199; Ягодин В. Н., 1984; Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Юж-

наконечникам стрел последнего столетия до н.э. уделялось несколько меньше внимания, но и их солидные исследования не пропали даром¹

В данном исследовании мы примем типологическую классификацию (и обозначения), разработанную В.Н. Ягодиным² для двукрылых наконечников стрел и Б.А. Литвинским³ для трехкрылых и трехсторонних. На наш взгляд, из всех имеющихся типологий они лучше всего подходят для классификации центральноазиатского материала.

Многочисленные исследования евразийских наконечников стрел бронзового и железного веков, проведенные во второй половине XX и в начале XXI века, сходятся в определении основных линий их развития. За самой ранней фазой относительно крупных двукрылых листовидных наконечников бронзовых стрел, относящихся исключительно к бронзовому веку, следует появление бронзовых раструбных наконечников стрел - двукрылых, характерных в основном для раннего железного века (9/8 - 6 в. до н.э.), и трехкрылых, которые становятся обычными для всей Евразии, начиная с VII века. Традиционно или условно ассоциируемые со скифами или Ахеменидами, их расцвет относится в основном к 6-4 векам. Для нашего исследования ключевое значение имеет период с IV по I вв. до н.э., хотя ситуация далеко не ясна. В этот период бронзовые трехкрылые наконечники стрел с раструбом постепенно заменялись железными (лишь изредка бронзовыми) трехкрылыми наконечниками. Последние вначале имеют примерно те же размеры, что и их бронзовые собратья (h. собственно головки около 25-35 мм). Крупные экземпляры с головкой около 50 мм становятся обычными примерно со сменой эпох и нормой первых пяти веков нашей эры. Точная дата и, главным образом, динамика перехода между бронзовыми наконеч-

ной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: наука. С. 33-57.

¹ Хазанов А.М. 1971: Очерки военного дела сармат. М.; Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: наука. С. 33-57.

² Хазанов А.М. 1971: Очерки военного дела сармат. М.; Литвинский Б.А. 1984: Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: Наука. С. 33-57.

³ Литвинский Б.А. 1984: Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: Наука. С. 33-57.

никами стрел с раструбами и наконечниками с дужками до сих пор остается в определенной степени открытой для дискуссий. Если ограничиться только Центральной Азией, то оба типа явно присутствовали там в III-II вв до н.э. На наш взгляд, доказательства недостаточно ясны, чтобы поддерживать некоторые радикальные утверждения, согласно которым от наконечников стрел с раструбами отказались к началу III века, а их сохранение в более поздних контекстах объясняется только вторичным отложением (как утверждает, в частности, для нашего региона О.В. Двуреченский¹). Более постепенный переход, когда оба типа использовались наряду друг с другом, не менее вероятен, как мы увидим ниже.

Типологическое исследование: Бронзовые наконечники стрел с раструбом

Это исследование посвящено трем типам бронзовых наконечников стрел: двукрылые, трехкрылые с листовидным или угловатым профилем и трехкрылые с выступающим раструбом и дугообразной или треугольной головкой.

Двукрылые наконечники стрел:

Было найдено всего шесть двукрылых наконечников стрел, что составляет всего 5% от всех изделий из медного сплава. Все шесть наконечников стрел принадлежат к типам, задокументированным в других местах Центральной Азии. Четыре экземпляра имеют форму листа с выступающим раструбом, а два других относятся к разным типам. Наконечники стрел датируются в основном VIII-V вв. до н.э. на основе типологического анализа.

Трехкрылые наконечники стрел с листовидными или угловатыми профилями:

В эту группу входит наибольшее количество наконечников стрел в коллекции - 36 штук. Крылья наконечников стрел в основном имеют форму листьев, хотя некоторые из них имеют угловатую форму. Наконечники стрел имеют ровные лезвия, некоторые из них имеют небольшое усиление наконечника или поперечные ребра. Около 25% наконечников стрел имеют отверстия в гнезде или лезвии. Эти наконечники стрел были широко распространены в Цен-

¹ Двуреченский О.В. 2017: Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара // КСИА. № 248.

тральной Азии, евразийских степях и на Ближнем Востоке, особенно в период Ахеменидов (V-IV вв. до н.э.).

Трехкрылые наконечники стрел с выступающим гнездом и дугообразными или треугольными головками:

Эта группа включает несколько типов и вариантов, которые трудно отличить друг от друга. Всего к этой группе отнесено 32 наконечника стрел, из них два неопределенных. Основные варианты имеют дугообразный или прямой профиль, а некоторые наконечники имеют сильно укрепленные наконечники. Эти наконечники были найдены в различных местах, включая стену Дарбанд и Искандар Тепа. Они были широко распространены по всей Евразии, Центральной Азии, Ближнему Востоку и Греции и использовались с VI в. до н.э. по II в. до н.э.

Трехкрылые наконечники стрел с выступающим гнездом и треугольными головками:

В эту группу входят 24 наконечника стрел с внутренними раструбами и дугообразными или треугольными головками. Некоторые наконечники стрел имеют прямые стенки, а большинство - дугообразные профили. Наличие или отсутствие колючек отличает дальнейшие подтипы в этой группе. Эти наконечники стрел использовались в тот же период, что и предыдущая группа, и были найдены в различных местах.

В заключение следует отметить, что данное типологическое исследование дает представление о различных типах бронзовых наконечников стрел, найденных в коллекции, их распределении по регионам и их хронологическом значении. Ряд представленных здесь образцов наконечников стрел в целом датируется ахеменидским периодом, и остается решить вопрос о том, как эти явно ранние наконечники стрел соотносятся с фортификацией, датируемой III-II вв. до н.э. Предлагается объяснение, что эти типы все-таки имели более долгую жизнь, чем предполагается в более старой литературе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Двуреченский О.В. 2017: Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара // КСИА. № 248.

Литвинский Б.А. 1984: Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: Наука. С. 33-57.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: наука. 91 с. (Саи; вып. д1-4.).
Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: ан СССР. 162 с. (Миа; № 101.).
Хазанов А.М. 1971: Очерки военного дела сармат. М.

Ягодин В. Н., 1984. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // древняя Бактрия: материалы Советско-афганской археологической экспедиции. вып. 3. М.: наука. С. 33–57.

Baitinger, H. 2001: Die Angriffswaffen aus Olympia. Olympische Forschungen XXIX. Berlin – New York.

Cleuziou, Serge (1977) « Les pointes de flèches scythiques au Proche et Moyen Orient. » Paris, Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques, Paris 22-24 mars 1976, Paris 22-24 mars 1976, 348 pages; pp. 187-199.

Dugaw, S. – Lipschits, O. – Stiebel, G. 2020: A New Typology of Arrowheads from the Late Iron Age and Persian Period and Its Historical Implications. Israel Exploration Journal 70/1, 64–89.

Stančo, L. 2021: In the shadow of the Wall: Hellenistic settlement in the Baysun and Kugitang piedmonts. Studia Hercynia, 25/2, 64–95.

Stančo et al. forthcoming = Stančo, L. – Shaydullaev, L. – Militký, J. – Kmošek, M. – Bek, T.: New Hellenistic coin finds from the Baysun and Kugitang Piedmonts, southern Uzbekistan, season 2018. Submitted to Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА ИЗ МИКРОГЕРИОНА ДАРБАНДСКОЙ СТЕНЫ, ЮЖНЫЙ УЗБЕКИСТАН: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Деятельность чешско-узбекской археологической экспедиции последних нескольких лет, сосредоточенной на памятниках эллинистического и переходного (он же юэчжи) периода в предгорьях Кугитанга и Байсунтау, выявила значительное количество металлических находок, главным образом, благодаря систематическому использованию металлодетекторов как при раскопках, так и – главным образом – при масштабных исследованиях поверхности. Среди артефактов немонетарного характера наконечники стрел представляют собой наиболее многочисленную и в то же время наиболее типологически разнообразную и распространенную категорию, обладающую наибольшим интерпретативным потенциалом. Несмотря на то, что полная оценка будет возможна только на основе всего комплекса материалов, наконечники стрел, какими бы многочисленными и разнообразными они ни были, сами по себе дают ценную информацию об истории памятников. По этой причине мы представляем здесь некоторые первые мысли, основанные на этой конкретной группе материалов. Мы анализируем 129 наконечников стрел, в том числе 115 из медного сплава семи различных типов. Многие из них обычно относят к ранним (ахеменидским) типам.

Ключевые слова: Эллинизм; Центральная Азия; Бактрия; наконечники стрелы; Дарбандская стена; полевые работы

ARROWHEADS OF THE HELLENISTIC PERIOD FROM THE DARBAND WALL MICROREGION, SOUTHERN UZBEKISTAN: FIRST RESULTS

The activities of the Czech-Uzbek archaeological expedition of the last few years, focused on the monuments of the Hellenistic and transitional (Yuezhi) period in the foothills of Kugitang and Baysuntau, revealed a significant number of metal finds, mainly due to the systematic use of metal detectors both during excavations and – mainly – during large-scale surface studies. Among the artifacts of a non-monetary nature, arrowheads represent the most numerous and at the same time the most typologically diverse and widespread category with the greatest interpretive poten-

tial. Despite the fact that a full assessment will be possible only on the basis of the entire complex of materials, arrowheads, no matter how numerous and diverse they may be, in themselves provide valuable information about the history of monuments. For this reason, we present here some first thoughts based on this particular group of materials. We analyze 129 arrowheads, including 115 made of copper alloy of seven different types. Many of them are usually attributed to the early (Achaemenid) types.

Key words: *Hellenism; Central Asia; Bactria; arrowheads; Darband Wall; field work.*

Сведения об авторах:

Кусела Ян – доктор археологии (PhD), ассистент профессора, Институт классической археологии, Факультет искусств, Карлов университет (Прага). Тел.: +420737317779.

Станчо Ладислав – доктор археологии (PhD), доцент, Институт классической археологии, Факультет искусств, Карлов университет (Прага). E-mail: ladislav.stanco@ff.cuni.cz

About the authors:

Kusela Jan, PhD in Archaeology, Assistant professor, Institute of Classic Archaeology, Faculty of Arts, Charles University (Prague). Тел.: +420737317779.

Stanč Ladislav, PhD in Archaeology, Associate professor, Institute of Classic Archaeology, Faculty of Arts, Charles University (Prague). E-mail: ladislav.stanco@ff.cuni.cz

THE LAPIS LAZULI BEADS IN SAPALLI CULTURE AND CENTRAL ASIA

Gulmira Kattaeva

(Termez, Uzbekistan)

Most of researchers have repeatedly emphasized that the lapis lazuli is the main source in the determining the historical geography of the countries of The Ancient East, in the issue of localization of cities, in the determining of the directions of the ancient lazurite.

Today, the scientific and practical study of this gemstone has become a field of research by many researchers. Due to the lapis lazurite is unique and precious stone, it has been used since the Neolithic Era for the manufacturing of precious objects and jewels. The first jewelry which made out the lapis lazuli stone was found from the Neolithic and Bronze Age monuments of Ancient Egypt, Mesopotamia, India and Iran.

According to researches, The Badakhshan deposits in Afghanistan are commonly considered as the main source of lapis lazuli in ancient times. However, other quarries could have possibly been exploited since antiquity. The analysis of lazurite finds which was found from the monuments of Ancient Eastern civilization (IV millennium BC) and Sapalli culture (III-II millennium BC), helps to us to research the ancient cultural relations.

According to the latest information which was identified in the science of mineralogy, the lapis lazuli deposits are located in Afghanistan (Sar-e Sang, Badakhshan), in Lyadzhuar Dara (Pamir Mountains in present-day Tajikistan), in Swat Valley (present-day Pakistan), Malobistr, Slyudyan (Russia), Lake Harbor (Canada), Karen (Chile), as well as that in Irkutsk (near Lake Baikal, present-day Siberia) and in Mogok (Mandalay Region, present-day Myanmar).

In addition to the monuments of the Bronze Age of Ancient Eastern Civilizations, many types of the lapis lazuli jewelry have been identified in the sites of Sapalli culture, the researching of them has an important role in the studying of jewelry art and cultural relations.

Lapis lazuli is often described as a contact-altered limestone or calcareous rock having quite variable compositions, formed in very rare geological conditions and is one of the most attractive semi-precious

stones¹. Due to its peculiar blue colour and its rareness, It has been used since the Neolithic Era for the manufacturing of precious objects and jewels (beads, gems, seals, small decorative artworks, etc.)².

The first jewels which was made out of lapis lazuli which belongs to the Neolithic Period (VII-VI millennia BC) was found from Mehrgarh (Pakistan, VII-III millennia BC)³.

Due to the relative rarity of geological conditions in which it can be formed, only few sources of lapis lazuli exist in the world⁴. In his works, Beruni mentioned that there are the sources of lapis lazuli in Ceylon, Burma, Siam, the Pamirs, Badakhshan and Shughnan, due to the fact that Shughnan is located in Badakhshan, the lapis lazuli of this place is called «Lali Badakhshan»⁵. In many other foreign scientific researches, It was cited that the main deposits of this gemstone are located in Afghanistan (Sar-e Sang, Badakhshan), in Lyadzhuar Dara (Pamir Mountains in present-day Tajikistan), in Swat Valley (present-day Pakistan), Malobistr, Slyudyan (Russia), Lake Harbor (Canada), Karen (Chile)⁶, as well as that in Irkutsk (near Lake Baikal, present-day Siberia) and in Mogok (Mandalay Region, present-day Myanmar)⁷.

¹ Kulke H. Die Lapislazuli-Lagerstätte Sare Sang (Badakhshan). *Geologie, Entstehung, Kulturgeschichte und Bergbau. Afghanistan Journal I*, 1976. P.43-56.

² Giudice, Alessandro Lo; Debra Angelici, Alessandro Re, Gianluca Gariani, Alessandro Borghi, Silvia Calusi, Lorenzo Giuntini, Mirko Massi, Lisa Castelli, Francesco Taccetti, Thomas Calligaro, Claire Pacheco, Quentin Lemasson, Laurent Pichon, Brice Moignard, Giovanni Pratesi & Maria Cristina Guidotti Protocol for lapis lazuli provenance determination: evidence for an Afghan origin of the stones used for ancient carved artefacts kept at the Egyptian Museum of Florence (Italy). *Archaeological and Anthropological Sciences*, volume 9. 2017. P. 637-638; Беруний, Абу Райхон. Китоб ал-Жамохир фи-Маърифат ал-Жавохир. Тошкент, 2017. 290-бет.

³ Casanova M. «Lapis lazuli beads in Susa and Central Asia: a preliminary study», in: *South Asian Archaeology 1993*, (Annales Academiae Scientiarum Fennicae ser. B, vol. 271), A. Parpola et P. Koskikallio (Ed.), Helsinki, Suomalainen Tiedekatemia, 1994, p. 137; Barthelemy De Saizieu Blanche. Le Cimetière néolithique de Mehrgarh (Balouchistan pakistanais): apport de l'analyse factorielle. In: *Paléorient*, 1990, vol. 16, n.1. p. 34.

⁴ Vaggelli, G., Es Sebar, L., Borghi, A. *et al.* Improvements to the analytical protocol of lapis lazuli provenance: First study on Myanmar rock samples. *Eur. Phys. J. Plus* 134, 104 (2019). <https://doi.org/10.1140/epjp/i2019-12523-4>

⁵ Беруний, Абу Райхон. Китоб ал-Жамохир фи-Маърифат ал-Жавохир. Тошкент, 2017. 251-бет.

⁶ Солодова О.П., Андреев Э.Д., Гранадчиков Б.Г. *Определитель ювелирных и поделочных камней*. М., 1985. С.89.

⁷ Giudice, Alessandro Lo; Debra Angelici, Alessandro Re, Gianluca Gariani, Alessandro Borghi, Silvia Calusi, Lorenzo Giuntini, Mirko Massi, Lisa Castelli, Francesco Taccetti, Thomas Calligaro, Claire Pacheco, Quentin Lemasson, Laurent Pichon, Brice Moignard, Giovanni Pratesi & Maria Cristina Guidotti Protocol for lapis lazuli provenance determination: evidence for an Afghan origin of the stones used for ancient carved artefacts kept at the Egyptian Museum of Flor-

The lapis lazuli from Sar-e Sang, Badakshan appeared as the source of a long-standing, organized trade that immediately branched out in several directions: South, towards the sea, Dilmun and the Sumerian ports via Harappa and Mohenjo-Daro; South-West, towards the centers of the Helmand Civilization, the margins of the Lut, Tepe Yahya, Anshan and Susa; westward, towards the northern route of the Iranian Plateau (Tepe Hissar, Sialk, northern Mesopotamia and Anatolia); North-West, to the urban center of southern Turkmenia¹.

The earliest lapis lazuli finds in Central Asia were found from the archaeological sites of The Southern Turkmenistan which belongs to the IV millennium BC (Altyndepe) and they consist mainly of seals, beads and pendants².

In Iran, the lapis lazuli products were found from the sites which belongs to the second half of the IV millennium BC (Sialk III). At the end of the IV-III millennium BC, the settlement of Sialk was destroyed with the expansion of the Elamite tribes, they “play an important role in the trade route with the north for the managing of the trade in the lapis lazuli». The Lapis lazuli artifacts which were found from Elam (Susa) and Mesopotamia (Uruk, Ur, Jemdet Nasr) also belong to this period. However, the lapis lazuli artifacts which belong to the Ubaid culture (6500-3800 BC) cause to the assumption that this gemstone was taken to Mesopotamia even earlier. When excavating ancient royal Sumerian tombs of Ur monument which is one of the ancient cities of Mesopotamia. They were found more than 6000 beautifully executed lapis lazuli statuettes of birds, deer, and rodents as well as dishes, beads, and cylinder seals from this tomb. When the components of these items were chemically analyzed, it was discovered that the lapis lazuli which was used in the manufacture of these items was undoubtedly came from material mined in northern Afghani-

ence (Italy). *Archaeological and Anthropological Sciences*, volume 9. 2017. P. 638; Favaro, M., Guastoni, A., Marini, F. *et al.* Characterization of lapis lazuli and corresponding purified pigments for a provenance study of ultramarine pigments used in works of art // *Analytical and Bio-analytical Chemistry* 402, P. 2196. <https://doi.org/10.1007/s00216-011-5645-4>; Vaggelli, G., Es Sebar, L., Borghi, A. *et al.* Improvements to the analytical protocol of lapis lazuli provenance: First study on Myanmar rock samples. *Eur. Phys. J. Plus* 134, 104 (2019). <https://doi.org/10.1140/epjp/i2019-12523-4>.

¹ Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokhta. Interpreting craft production in a urban community of the 3rd millennium BC. Vidale, M., Lazzari A. (Eds.). ROMA. ISMEO. 2017.P.19.

² Массон В.М. Алтын-депе. (Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. XVIII). Л., 1981. С.64-65, табл. XX, XXI, XXII.

stan¹. As well as that They were found more than 108 items of the lapis lazuli from the Qatna cemetery in Ur. There are cylindrical and barrel-shaped beads in this finds².

Comparing the types of the lapis lazuli jewelry which were found from the sites in Mesopotami and Iran, ready-made jewelry which was made of this gemstone were rare in the archaeological sites of Iran. In particular, 45 types of lazurite jewelry are known in the monument of Ur, while only 3 types have been identified in monuments of Iran³.

Many of the oldest lapis lazuli artifacts which belong to the Harappa culture (second half of III millennium BC and first half of II millennium BC) have also been found in the Indus Valley and Balochistan⁴.

In Ancient Egypt, lapis lazuli has been used for scarabs, pendants, beads and inlaid jewels since IV millennium BC, in particular, many artefacts were found in Hierakonpolis and Abydos necropolis⁵(Giudice et al, 2017. P. 638).

Similar types of the lapis lazuli beads that were found from the Bronze Age sites of Ancient Eastern Civilizations have also been found in the sites of the Sapalli culture. In Central Asian archaeology, Sapalli is

¹ Bancroft P. Lapis Lazuli from Afghanistan. Sar-e Sang mine, Jurm, Afghanistan // Gem and Crystal Treasures. Western Enterprises/ Mineralogical Record, Fallbrook, CA. 1984. 488 p; Каттаева Г.Ч. Лазурит манзилгоҳлари ҳақида янги маълумотлар // «Биринчи Президент И.А. Каримов даврида Ўзбекистонда тарих фанининг юксалиши» ЎзР ФА Археологик тадқиқотлар институтида 2018 йил 25-26 январда ўтказилган Республика конференцияси материаллари. Самарқанд, 2018. 52-бет.

² Zoeldfoeldi J. Gemstones at Qatna Royal Tomb: Preliminary Report. Interdisziplinäre Studien zur Königsgruft in Qatna, Edition: 1, Publisher: Harrassowitz Verlag, Editors: P. Pfälzner, 2011. P. 242.

³ Potts D.T. Tepe Yahya and the End of the 4th Millenium on the Iranian Plateau – Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origins a ia conquete islamique. Paris, 1977. P. 56.

⁴ Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на древнем Востоке // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 3.

⁴ Giudice, Alessandro Lo; Debora Angelici, Alessandro Re, Gianluca Gariani, Alessandro Borghi, Silvia Calusi, Lorenzo Giuntini, Mirko Massi, Lisa Castelli, Francesco Taccetti, Thomas Calligaro, Claire Pacheco, Quentin Lemasson, Laurent Pichon, Brice Moignard, Giovanni Pratesi & Maria Cristina Guidotti Protocol for lapis lazuli provenance determination: evidence for an Afghan origin of the stones used for ancient carved artefacts kept at the Egyptian Museum of Florence (Italy). Archaeological and Anthropological Sciences, volume 9. 2017. P. 638.

⁵ Giudice, Alessandro Lo; Debora Angelici, Alessandro Re, Gianluca Gariani, Alessandro Borghi, Silvia Calusi, Lorenzo Giuntini, Mirko Massi, Lisa Castelli, Francesco Taccetti, Thomas Calligaro, Claire Pacheco, Quentin Lemasson, Laurent Pichon, Brice Moignard, Giovanni Pratesi & Maria Cristina Guidotti Protocol for lapis lazuli provenance determination: evidence for an Afghan origin of the stones used for ancient carved artefacts kept at the Egyptian Museum of Florence (Italy). Archaeological and Anthropological Sciences, volume 9. 2017. P. 638.

one of the best-studied cultures¹. It is located in Bactria (present-day Southern Uzbekistan) and Tadjikistan. It is similar to the Murgab cultures of southern Turkmenistan and the Dashtli cultures of northern Afghanistan and has been a common historical and cultural unity. In archaeological sciences, these cultures are also called «Oxus civilization», «Turan civilization» and «Bactria-Margiyana archeological complex» (BMAC), and it was recognized as a new hotbed of ancient Eastern civilization.

The Sapalli Culture has been studied since the late 1960s, mostly through the efforts of teams from the Institute of Archaeology of the Uzbek Academy of Sciences, headed by Ahmadali Askarov, who directed excavations at the major sites of Sapallitepe and Djarkutan². As a result of the Archaeological excavations in recent years, the following main sites of Sapalli culture have discovered and studied: Mulali, Bustan VI, VII³, Tilla Bulak⁴. The findings that were found from these monuments confirm that the population of the Sapalli culture is a generalized community that has developed equally all sectors of the economy. They have achieved great results in architecture, agriculture, handicrafts, especially in the field of jewelry.

Sapallitepa is situated on the left bank of Ulanbulaksay, Muzrabad district, Surkhandarya region. Sapallitepe dates to the 20th and 19th centuries BC. As a result of the archeological excavations during 1969-1974 years, a total of 8 necklaces and 15 individual beads were found from the site of Sapallitepe⁵. They are divided into the following types according

¹ Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993; Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Тарих фанлари доктори илмий даражасини олиш учун такдим этилган диссертация автореферати. Самарканд, 2009.

² Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977; Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983; Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

³ Avanesova N.A. Buston VI – the necropolis of fire - worshippers of preurban Bactria. Samarkand, 2016.

⁴ Kaniuth K. Tilla Bulak – 2007 Vorbericht zur dritten Kampagne» // AMIT. Band 39. Berlin, 2007. P. 31-47; Teufer M. Spätbronzezeitliche Grabfunde aus Nordbaktrien und benachbarten Regionen. Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. - P.685; Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация матни. Тошкент, 2017.

⁵ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973. С.6; Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С.13.

to the making of the shape: cylinder, ellipse, rhomb, disk, barrel-shaped, oval, rectangular, biconical, sphere also cross-shaped and shaped (sculpture, image and figure).

The inhabitants of the Sapalli culture used lapis lazuli for mainly bead making. The lapis lazuli beads make up the majority among the numerous beads that were found from Sapallitepa. The most of the beads in the shape of cylinder, rhomb, disk, barrel-shaped, oval, rectangular, biconical are made out the color of light blue lazurite¹.

There is a special group among the beads and pendants of the Sapalli culture, they were made in the form of two-sided cylindrical, rectangular, cross-shaped.

In particular, 5 round, flat cylindrical, double-faced beads were found from Sapallitepe. They are mainly made out lapis lazuli, carnelian, turquoise, chalcedony and stone. One of them is the black stone bead, there are six grooves along the flat cylindrical side, the lapis lazuli eyes are placed on the grooves of bead. It is painted a wheel image on the front of surface of the bead and a snake image on the back side of it with using a dot technique². As well as, a circular, double-faced, eagle-shaped lazurite amulet was also found at the site of Dashli III³.

In addition, 5 rectangular, embossed, double-faced pendants were found from Sapallitepe, one of them was made out the lapis lazuli. It is painted a spruce image on the front of the surface of the bead and a weeping willow image on the back side of it with using a dot technique⁴.

Four samples of the cross-shaped amulets with a staircase flange were found from the sites of the Bronze Age of Southern Uzbekistan, three of them were made out ordinary stone and one of them was made from the lapis lazuli stone. It is painted a spruce image on the front of the surface of the amulet and a dotted image of four spruce trees in different directions from a single root on the back side of it⁵. These types of amulets were found from the sites of southern agricultural cultures of the Bronze

¹ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.С.94; Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С.76.

² Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.С.96; Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация матни. Тошкент, 2017. 38 ва 70-бетлар.

³ Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско -Афганской экспедиции 1969—1974 гг. Москва,1977. С. 104. рис. 54,4.

⁴ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.С.96

⁵ Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973. С. 96. Рис. 47,9.

Age: Turkmenistan - Oltindepe¹, Parxay II², Bukhara -Zamanbaba³, Southern Tajikistan - Farkhor⁴.

The site of Djarkutan is situated on the left-side terrace above the flood plain of the dry Buston-sai River, Sherabad district and dating 1900-1500 BC. As a result of archaeological excavations in 1975-1993 years, a total of 12 necklaces; 4 beads⁵ and also 1 lapis lazuli beads with several drilled holes which has no a certain shape from room 4 were found from the monument⁶.

According to the making shape, these types of beads can be divided following types: cylindr, oval, rhomb, biconical, sphere, ellipse. Cylindrical shapes of the beads and small beads, all of oval beads that were found from Djarkutan are made out light blue color of the lapis lazurit⁷.

Numerous examples of beads were found from the 29th grave that belong to Djarkutan. There are 2 pendants among them. One of them are maked in a shape of rectangular, embossed, double-faced, it maked out the lapis lazuli. It is painted a spruce image on the front of the surface of the bead and a mountain goat dotted image on the back side of it⁸.

The most of beads in Kuzali stage of Djarkutan, were made out the light blue colour of the lapis lazuli. According to making shape, they can be divided three types: drop, cylindr, ellipse⁹. According to the form of production, the beads that belong to the Kuzali stage do not differ from

¹ Кирчо Л.Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. Москва, 2004. С. 156, рис.7; Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтындепе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы средней Азии (погребения Алтындепе). СПб., 2005. С. 391, рис. 22. (Тр. ИИМК РАН. Т. XVI); Массон В.М. Алтын-депе. (Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. XVIII). Л., 1981. С. 65. табл. 22,4.

² Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002. С. 63, табл. 94,4.

³ Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966. С. 154, рис. 48, табл. VIII, XX.

⁴ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 34. Рис. 5,3а.

⁵ Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 221. Табл. LVIII, 1,2; Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 120. Табл. LV, 3,4,5.

⁶ Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993. С.87. Рис. 24, II, 16.

⁷ Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С.20.

⁸ Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С.20; Teufer M. Spätbronzezeitliche Grabfunde aus Nordbaktrien und benachbarten Regionen. Archäologie in Iran und Turan. Band 13. - Berlin. 2014. P. 45.

⁹ Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 25. табл. XLV, 5, 6, 7, 11.

the beads of the early stages of the Sapalli culture, but in this period, large-scale beads had been appeared¹.

Mulalisitet is situated in Altynsay district of Surkhandarya region (9 km north-west from Shurchi district). This monument is considered a part of the cultural monuments of the Mirshodi oasis, 7 graves that belong to the same period with Mulali were first found in 1970 by member of the archeological expedition of The Art History Research Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan that led by GA Pugachenkova, archeologist B. Turgunov² and all remains here would appear to belong to the 17th -16th centuries BC. Numerous examples of jewelry were found from the monument. One of them is beads.

Numerous examples of gold beads were found from the 2nd grave that belong to Mulali. 7 drop shaped lapis lazuli beads were found from graves of Djarkutan monuments that belong to Mulali stage³, and also a total of 21 drop-shaped lazurite pendants, 12 rhombic, biconical, square biconical and cylindrical beads were found from the graves of the Molali stage of the Boston VI monument (№ 201, 325, 122, 365, 409, 285, 286, 36, 120, 396, 183, 26, 415, 333, 242) and studied⁴.

In 2012, as a result of archeological excavations that was carried out at Mulali (a joint international expedition of the German Archaeological Institute and the The Art History Research Institute of the Republic of Uzbekistan), about 50 beads and pendants were found, 3 of them were made out the lapis lazuli stone. These beads were made in shape of drop and barrel⁵.

The site of Bustan (Bustan I, II, III, IV, V, VI, VII) is situated on the right-side terrace above the flood plain of the dry Bustan-sai River, (Sherabad District Surkhandarya Province).

Bustan VI is a funeral and cultic complex consisting of a group of underground graves belonging to the Sapalli culture, and dating 1400-1300 BC. The complex functioned in the second half of the 2nd millennium BC. The site was explored from 1990 to 2008 as part of a field

¹ Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 113. табл. XLV. 5, 6, 7.

² Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 59; Сверчков Л.М., Бороффка Н. Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали. Археология Узбекистана 10, № 1, 2015. С.75.

³ Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 88. табл. LXVII.

⁴ Avanesova N.A. Bustan VI – the necropolis of fire - worshippers of preurban Bactria. Samarkand, 2016.

⁵ Сверчков М., Бороффка Н., Люне Э., Рахманов У.В. Отчет Байсунской археологической экспедиции о раскопках поселения Молали в Алтынсайском районе Сурхандарьинской области в 2012 году. Ташкент – 2013. С.25

study carried out by the students of the Historical Faculty of the Samarkand State University supervised by N. Avanesova. More than 500 different objects in various conditions were examined on the area of 6,176 m² in the course of 14 field seasons¹. One of the most popular finds is jewelry: necklaces, beads, pendants, pins, amulets, diadems, rings, earrings, and also bracelets.

The Boston VI site also differs from other sites of Sapalli culture by its richness in lazurite objects. More than 54 lapis lazuli finds were found from the monument of Bustan VI, 28 of them are pendants, 22 of them are simple beads, 4 of them are disc-shaped altar with lazurite linear. According to the making shape, the beads and pendants that were found from this site can be divided following types:

Table № 1. The types and amount of the lapis lazuli beads and pendants of Bustan VI

№	Types of Lapis Lazuli Pendants with Pearl	Amount	Beads Types	Types of Forms
1	Cylinder	3	3	
2	Barrel-shaped	8	8	
3	Rhomb	5	5	
4	Disk-shaped	1	1	
5	Tetrahedral biconical	2	2	
6	biconical	1	1	
7	drop-shaped	27		27
8	Figured	1	1	
9	rop-shaped	1		1
10	ring-shaped	1	1	
Total:		50	22	28

¹ Аванесова Н. А. Сакральный комплекс могильника Бустон VI // ОНУ. №6. Ташкент, 1994; Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ, № 4. Санкт-Петербург, 1995; Аванесова Н. А. Храмовые функции сакрализованных площадок некрополя доисторической Бактрии. — Бустон VI // Степи Евразии в древности и средневековье. ММНК, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Санкт-Петербург, 2002; Аванесова Н. А. Новые работы на некрополе Бустон VI // АИ-2002. Ташкент, 2003; Аванесова Н. А. Доурбанистическая Бактрия в материалах Бустон VI // Туркменская земля — колыбель древних культур и цивилизаций. Материалы ММНК. Ашхабад, 2008; Аванесова Н. А. Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. Вып. 1. Москва, 2009; Avanesova N.A. Buston VI – the necropolis of fire - worshippers of preurban Bactria. Samarkand, 2016.

The analogies of Boston VI beads are found from South Turkmenistan - Dashti-Kazi¹, Khujayli, Muminabad, Kumsay and Early Tulkhar, Early Aruktau, Kangurtut, Makoni -mor, Tigrovaya Balka, Dashti Qazi.

According to the form of production, in the Kuzali, Mulali, Buston stages of the Sapalli culture, in addition to the beads forms of the early period (Sapallitepe, Djarkutan), large drop-shaped pendants had been appeared. In particular, 27 drop-shaped pendants were found from Bustan VI and 8 drop-shaped pendants were found from Mulali². The analogies of these types of pendants were also found from such sites as Shahdad³, Hissar III⁴, Darnaychi⁵ and Nurek⁶.

One of the sites of Sapalli culture, Tilla Bulak is situated in a very favourable niche, commanding good views all the way to the Kugitangtau in the west, but also controlling a small valley eastwards, which is well watered by a perennial spring and constitutes one of the few ways of access (through small trails) from Pashkhurt down into the Surkhandarya plain⁷.

The site was discovered in 2006 by Sergej Bolelov, a member of the Tocharistan Expedition, who sounded the place and suggested a Late Bronze Age date. Since April 2007, Tilla Bulak is being investigated by a joint expedition of Ludwig-Maximilians-Universität, Munich (LMU), the Tocharistan Expedition of the National Institute for the Study of the History of Art (TE) and Termez University (UT).

As a result of archaeological excavations at the site, a variety of artifacts had been found. One of the objects of material culture is considered

¹ Потемкина.Т.М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. Москва, 2001. С. 66. Рис. 3,21; С.69

² Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 25. Табл. XLV, 3,5,6,7,11; Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 88. Табл. LXVII; Avanesova N.A. Buston VI – the necropolis of fire - worshippers of preurban Bactria. Samarkand, 2016. P. 48. Plate 19.

³ Nakemi, Ali Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Reports and memoirs. Volume XXVII. IsMEO-ROME. 1997.

⁴ Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar. Damgan. Philadelphia, 1937. Plate LXIX.

⁵ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 77. Рис 66,2.

⁶ Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993. С. 46.

⁷ Kaniuth K. Long distance imports in the Bronze Age of Southern Central Asia. Recent finds and their implications for chronology and trade // AMIT. Bd. 42. 2010. P. 3–22; Kaniuth K., Gruber M., Kurbangaliev A., Sachs F., Sajdullaev A., Makki M., Biro P. «Tilla Bulak – 2009 Vorbericht zur dritten Kampagne» // AMIT. Band 42. - Berlin. 2010; Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация матни. Тошкент, 2017.

jewelry. Very few specimens of this type of the handicraft production have been found from the site, which were mainly found in the cultural layer of the room walls, most of them have been preserved as a fragment. The main part of the jewelry that were found from the monument consists of beads, pins, amulets and fragments of rings, bracelets.

One of the popular and unique finds is considered the lapis lazuli beads. 2 lapis lazuli beads were found from Tilla Bulak, their long are 2 cm. One of them is rhomb – shaped, second is oval-shaped¹.

According to the researchs, the lapis lazuli beads in the early stages of the Sapalli culture were mainly made in the form of cylindr, ellipse, rhomb, disk, barrel-shaped, oval, rectangular, biconical, sphere also cross-shaped, but large-scale drop-shaped pendants had been appeared in the late stages. This is directly explained by the influence of nomadic tribes. The Srubna and Andronovo tribes influenced and transformed considerably the cultural values and general appearance of the Sapalli culture.

It is important to analyze their analogues and distribution geography in the deeper studying of the lapis lazuli beads of Sapalli culture. First of all, we analyze the lapis lazuli beads that were found from the Dashtli culture of Northern Afghanistan and the Murgab culture of Southern Turkmenistan, which are related to the Sapalli culture.

The Dashli culture is geographically closest to the Sapalli culture, and the finds that were from the graves of Dashli I and Dashli III are very similar to the finds of Sapallitepe. The main part of cylindr, rhomb, oval, ellipse, sphere, biconical shaped of the beads and pendants were made out the lapis lazuli and carnelian stones, according to bead making, they are the same with beads of Sapallitepe².

The New Bronze Age sites in the south part of Tajikistan has been studied in recent years, mostly through the efforts of teams from the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tadjikistan and The German Archaeological Institute, headed by N.M. Vinogradova, Yu.G. Kutimov, Mike Teufer who directed excavations at the major sites of Farkhor, Gelota, Darnaychi and

¹ Kaniuth K., Gruber M., Kurbangaliev A., Sachs F., Sajdullaev A., Makki M., Biro P. «Tilla Bulak – 2009 Vorbericht zur dritten Kampagne» // AMIT. Band 42. Berlin. 2010. P. 275. Abb. 15. TB10-KF-794; TB10-KF-880

² Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг. Москва, 1977. С. 59. табл. III, 7.

Kangurttut. As a result of archaeological excavations, the cylindrical, barrel-shaped, biconical, and also cross-shaped lapis lazuli beads and pendants were found from the graves of these sites¹.

In particular, 1 cross-shaped lazurite pendant was found from Far-khor², 3 barrel-shaped lazurite beads with a length of 8 mm, a diameter of 4 mm, a hole diameter of 1 mm were found from second grave of Gelota that was uncovered in 6 excavations³, 6 lapis lazuli beads were found from second grave of Darnaychi that was uncovered in 2 excavations (one of them is hexagonal shaped, its size - 9 mm; three of them are barrel-shaped, length-7 mm, diameter-6 mm; two of them are biconical-shaped, length-5 mm, diameter-3 mm), 2 drop-shaped lapis lazuli pendants were found from the third grave of Darnaychi⁴.

The sites of Murghab oasis are very closest to the Sapalli culture, and the artifacts that were from the graves of Gonurdepe, Namazgah V and Namazgah VI are very similar to the artifacts of Sapallitepe. A lot of types of lapis lazuli beads, pendants, amulets, seals, pins were found from these sites⁵. The lapis lazuli beads were found more from Gonurtepa than in other sites of BMAC and are divided into the following types in bead making: rhomb, circle, barrel, round and cylindrical. In the grave № 2900 of Gonur, on the neck of a buried warrior were found two strings of beads out of which 15 were made of carnelian, 31-of lazurite, 11 - of turquoise and 14 - of gypsum⁶. As well as that a total of 200 different forms

¹ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 34. рис. 5,3а; С. 50,62. рис. 37,2-4; С. 77. Рис. 65,4; 66,1.

² Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 34. рис. 5,3а.

³ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 50,62. рис. 37,2-4

⁴ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи. М., 2018. С. 77. Рис. 65,4; 66,1.

⁵ Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. English translation by Inna Sarianidi. 2007. P. 118; P. 115, fig. 207, 209-210; P. 118, fig. 222; P.120, fig. 227; P. 123, fig. 240; P. 151, fig. 29; Sarianidi V.I. Margush. Mystery and Truth of the Great Culture. Ashgabat, 2008. P. 203. fig. 112; Sarianidi Victor I., Dubova Nadezhda A., Samurskiy Kirill S. Treasures of ancient Margiana. Photoalbum. Second, corrected and supplemented edition. – M.: Staryi Sad, 2020. – 180; Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сариниди. Москва, 2004. С. 274.

⁶ Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. English translation by Inna Sarianidi. 2007. P. 118, fig. 222

of lazurite and carnelian beads were found in № 3200 tombs of Northern Gonur¹.

The findings show that the artifacts that were found from Gonurdepe are very similar to finds that were found from the Early Bronze Age sites of Southern Turkmenistan (Namazgah IV-V). However, almost all of them are radically different from the findings of Eastern Iran, Elam, Northern Mesopotamia, and Asia Minor. The similarity of the findings that were found from BMAc area indicates that a unique culture was formed in this area as early as the Bronze Age².

A multitude of the lapis lazuli beads that were specific to Sapalli culture were also found from the Bronze age sites of Zarafshan valley such as Siab, Zarcha Khalifa, Jam, Sazagansay, Aksay, Tusinsay, Tugay. In particular, a lot of samples of cylindrical, barrel, round, disk, rhomb, oval, square haped lazurite beads were found from the graves of Sazagansay³.

Due to the fact that the findings of the Bronze Age sites of the Zarafshan Valley are very similar to the findings in the territory of the BMAc, that is these sites are called the sites of the Zarafshan group of the BMAc⁴.

The lapis lazuli jewelry which was found in the Bronze Age sites of the Iranian region is important role in terms of number and type than other regions. The main reason for this is that in the Bronze Age, there had been separate workshop areas for making beads from lapis lazuli, turquoise, chalcedony and other precious stones in Tepe Hissar and Shahr-i Sokhta in the territory of Iran⁵. In the ancient East, the inhabitants of the Iranian Plateau had played two main roles. The first one is mediation role played a mediating role in the spread of the Badakhshan lazurite artifacts to Mesopotamia (Shahr-i Sokhta), the second one was an exporter of metal ingots and chlorite products (Тепе Yahya).

¹ Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. Москва, 2004. С. 274.

² Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. English translation by Inna Sarianidi. 2007. P. 124.

³ Аванесова Н.А. Зеравшанская группа памятников в контексте Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // Археология Узбекистана, №2(19). Самарканд, 2019. С. 45, рис. 4:8,10-12.

⁴ Аванесова Н.А. Зеравшанская группа памятников в контексте Бактрийско-Маргианского археологического комплекса // Археология Узбекистана, №2(19). Самарканд, 2019. С. 49.

⁵ Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokhta. Interpreting craft production in a urban community of the 3rd millennium BC. Vidale, M., Lazzari A. (Eds.). ROMA. ISMEO. 2017.

In their works, Massimo Vidale and Alessandra Lazzari [(Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokht, 2017)] have given information about new excavations in Shahr-i Sokhta which Bronze Age site of the Iranian Plateau, many tombs with lapis lazuli beads and indicators of handicraft in making of beads, the technology of bead making, as well as that technology and typology of the total 765 lapis lazuli beads which was found from Shahr-i Sokhta and is being housed in Centro Scavi e Ricerche Archeologiche of IsLAO, on the shelves and in the showcases of the National Museum of Oriental Art (MNAO). According to the form of making, these beads were designed types by researchers A. Lazzari and M. Vidale¹:

Table № 2. The types of the lapis lazuli beads in Shahr-i Sokhta and their amount.

№	TYPES OF THE LAPIS LAZULI BEADS	AMOUNT	PERCENTAGE
1	Cylindrical	531	69.2%
2	Barrel-shaped	30	3.9%
3	Lozenge-shaped	18	2.3%
4	Disk-shaped	9	1.3%
5	Rectangular	8	1.1%
6	Biconical	5	0.7%
7	Cross-shaped	3	0.4%
8	Pendants	3	0.4%
9	Crescent-shaped	1	0.1%
10	Shape not described	157	20.5%
Total:		765	99.9%

I.1. Table. The types of the lapis lazuli beads in Shahr-i Sokhta and their amount.

The researchers are highlighted that the range of bead types produced in Mundigak, similarly limited to disk and cylinder-like shapes, is likewise restricted, and the focus on simple shapes may be considered a trait of the Helmand Civilization².

¹ Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokhta. Interpreting craft production in a urban community of the 3rd millennium BC. Vidale, M., Lazzari A. (Eds.). ROMA. ISMEO. 2017. P.46.

² Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokhta. Interpreting craft production in a urban community of the 3rd millennium BC. Vidale, M., Lazzari A. (Eds.). ROMA. ISMEO. 2017. P.184.

In another site of Iran, Shahdad, also many types of lapis lazuli beads were found. Ali Hakemi explained that the similarity of the artifacts which was found in Shahdad to the artifacts of Bactria and Margiana were not only in terms of trade, but also in terms of economic, social and religious integration¹. The Dashti Lut Valley where the Shahdad is located is considered a geographical area that connects the western regions and Eastern Iran, Central Asia. That's why, Shahdad was recognized as the main border point of trade between Elam and Balochistan, Margiana and Bactria, as well as that it was the center of distribution of exported goods to other regions in the developed interregional system².

In his work, M. Casanova gave information about the lapis lazuli beads which were found in Susa and are being kept in the Louvre Museum in Paris. A total of 276 beads and pieces of pendant which were found from Susa were divided into 21 types depending on the bead making by this author and cited analogies with Shahr-i Sokhta, Mundigak, Sarazm and Altindepe³.

Conclusion

The aim of the present work was to determine the types and distribution geography of the lapis lazuli beads. Scientific analysis of the lapis lazuli beads can help to explore deeper cultural, economic, and political relations between the ancient oases of Central Asia and the Ancient Eastern civilizations. The similarity of the beads were found from Bactria, Margiana, Sogdiana with the beads that were found from the Bronze Age sites of Mesopotamia, India and Iran indicates that there had been extensive cultural relations between these regions as early as the Bronze Age, indicating the emergence of a unique integration environment. On top of that the above-mentioned scientific-comparative evidences are the basis for the firm conclusion that Sapalli culture also had its place in the Ancient Eastern civilizations.

¹ Hakemi, Ali Shahdad. *Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Reports and memoirs. Volume XXVII. ISMEO-ROME. 1997.P.123.*

² Hakemi, Ali Shahdad. *Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Reports and memoirs. Volume XXVII. ISMEO-ROME. 1997.P.659-660; Lapis lazuli bead making at Shahr-i Sokhta. Interpreting craft production in a urban community of the 3rd millennium BC. Vidale, M., Lazzari A. (Eds.). ROMA. ISMEO. 2017. P.49.*

³ Casanova M. «Lapis lazuli beads in Susa and Central Asia: a preliminary study», in: *South Asian Archaeology 1993, (Annales Academiae Scientiarum Fennicae ser. B, vol. 271), A. Parpola et P. Koskikallio (Ed.), Helsinki, Suomalainen Tiedekatemia, 1994, p. 137-145.*

THE LAPIS LAZULI BEADS IN SAPALLI CULTURE AND CENTRAL ASIA

Lapis lazuli is one of the most attractive semi-precious stones. Due to its peculiar blue colour and its rareness, it has been used since the Neolithic Period for the manufacturing of precious objects and jewels (beads, gems, seals, small decorative artworks, etc.). Scientific analysis of jewelry which was made of the lapis lazuli can help to explore deeper cultural, economic, and political relations between the ancient oases of Central Asia and the Ancient Eastern civilizations.

In this article, it is cited scientific evidences about the earliest and still existing deposits of lapis lazuli sources and the ancient lapis lazuli jewelry. On top of that it is given scientific informations about the types of the lapis lazuli beads which was found from the monuments of Sapalli culture in the part of the Ancient Eastern Civilization such as Sapallitepa, Djarkutan, Mulali, Bustan VI and also Central Asia.

Key words: *Lapis lazuli, ВМАС, Sapalli culture, Sapallitepa, Djarkutan, Mulali, Bustan VI, the lapis lazuli beads, Zarafshan oasis, Shahr-i Sokhta.*

ЛАЗУРИТОВЫЕ БУСЫ В КУЛЬТУРЕ САПАЛЛИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Лазурит – один из самых привлекательных полудрагоценных камней. Благодаря своему своеобразному синему цвету и редкости он использовался со времен неолита для изготовления драгоценных предметов и украшений (бус, драгоценных камней, печатей, небольших декоративных произведений и т. д.). Научный анализ украшений из лазурита может помочь глубже изучить культурные, экономические и политические связи между древними оазисами Центральной Азии и цивилизациями Древнего Востока.

В данной статье приводятся научные данные о самых ранних и существующих до сих пор месторождениях лазуритовых источников, и древних лазуритовых украшениях. Кроме того, приводятся научные сведения о типах бус из лазурита, обнаруженных в памятниках сапаллийской культуры на территории Древней восточной цивилизации, таких как Сапаллитепа, Джаркутан, Мулали, Бустан VI, а также во всей Центральной Азии.

Ключевые слова: лазурит, ВМАК, сапаллинская культура, Сапаллитепа, Джаркутан, Мулали, Бустан VI, лазуритовые бусы, Заравшанский оазис, Шахр-и Сохта.

Сведения об авторе: **Каттаева Гулмира Чориевна** – доктор археологии (PhD), Ст. Преподаватель кафедры Истории Узбекистана и археологии, Термезский государственный университет. Тел.: (+998) 97 806 37 30.

About the author: **Kattaeva Gulmira Chorievna**, PhD in Archaeology, Senior Lecturer of the Department of History of Uzbekistan and Archeology, Termez State University. Tel.: (+998) 97 806 37 30.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА ДЕТИНЦЕ НОВОГРУДСКОГО ЗАМКА В 2021 ГОДУ

Анастасия Костюкевич

(Минск, Беларусь)

Новогрудский замок является объектом первой категории Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь (код 411Г000404). Как следствие, любые земляные работы на территории данного объекта должны проводиться под наблюдением сотрудников Института истории НАН Беларуси.

В рамках данной работы нет необходимости рассматривать археологическое изучение всего Новогрудка, в т. ч. богатого своими находками Малого замка, ибо эта публикация не ставит своей целью повторение многочисленных обзоров, а призвана осветить ряд проблем, возникших в ходе проведения земляных работ на Замковой горе в 2021 г.

Поэтому я ограничусь лишь кратким обзором работ, проводившихся на протяжении всего прошлого столетия непосредственно на том месте, где в 2021 г. были проложены траншеи для дренажей и установлены распределительные колодцы.

В 1924 г. в Новогрудке на территории Малого замка неподалёку от Замковой горы были начаты земляные работы по сооружению памятного кургана А. Мицкевича. Часть земли для насыпки мемориала была привезена почитателями творчества поэта, но большую часть свезли с площадки Замковой горы¹. На фотографиях, хранящихся в Государственном архиве Литвы, можно видеть, что на территории детинца велись масштабные работы и даже были проложены рельсы для вагонеток, транспортирующих грунт (Рис. 2: 1,3).

По сведениям Ф. Д. Гуревич, в 1931 г. группа польских архитекторов – Ю. Ремер, А. Шишко-Богущ, Р. Гюртлер и др. воспользовалась «земляными работами для изучения и реставрации архитектурных памятников Замковой горы»². На площадке Замковой горы было заложено шесть раскопов, в которых были выявлены остатки

¹ Гурэвіч, Ф. Д. Летапісны Наваградак / Ф. Д. Гурэвіч. Санкт-Пецярбург; Наваградак: Агентство «РДК-принт», 2003., с. 43

² Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок / Ф. Д. Гуревич. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. с. 4

трёх башен и расчищена облицовка вала (там же). Общей особенностью всех траншей было то, что на глубину почти двух метров от дневной поверхности залегал слой песка и битого кирпича¹. В ходе описываемых работ были выявлены материалы XIV – XVII вв.²

Следующими работами на детинце стали разведки под руководством Ф. Д. Гуревич, которые имели место по прошествии двадцати лет после раскопок польских архитекторов-реставраторов. Эти мероприятия ограничились зачисткой ямы на детинце, в ходе чего были выявлены фрагменты керамики XII – XVI вв., золотоордынская монета XIV в. и широколезвийный топор³. Систематическое же археологическое изучение Новогрудка началось с 1957 г. Обстоятельства заставили российских археологов отказаться от полномасштабного изучения детинца, но два раскопа всё же были заложены.

В 1959 г. вблизи Южной башни был разбит раскоп площадью всего 24 м². До материка его удалось довести лишь к 1962 г. Благодаря данному раскопу исследователям удалось проследить стратиграфию этого участка детинца⁴. Согласно сведениям И. Д. Зильманович, весь верхний горизонт «представлял собою плотную забивку из камней, щебня, кирпича и другого строительного мусора из развалов средневековой крепости». Далее исследователь отмечает нахождение в этом слое многочисленных фрагментов керамической посуды, датированной XIV – XVI вв. На глубине 1,5 м были выявлены остатки домонгольских построек. Общая мощность культурного слоя в раскопе достигала 4,6 – 4,8 м⁵. Выявленный материал обширен и характерен для средневекового города – это фрагменты керамики, многочисленные стеклянные браслеты, фрагмент расписного стекла, металлические оковки, костяная накладка и железная пряжка с серебряными насечками⁶.

Следующий раскоп на детинце был заложен в 1968 г. под руководством начальника участка М. В. Малевской. В ходе исследова-

¹ Гурэвіч, Ф. Д. Летапісны Наваградак / Ф. Д. Гурэвіч. Санкт-Пецярбург; Наваградак: Агентство «РДК-принт», 2003., с. 44

² Гуревич, Ф. Д. Древний Новогрудок / Ф. Д. Гуревич. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981., с. 5

³ Там же, с. 5; Гуревич, Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка / Ф. Д. Гуревич // КСИА. Москва. Вып. 139. 1974., с. 93

⁴ Гуревич, Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка / Ф. Д. Гуревич // КСИА. Москва. Вып. 139. 1974., с. 93

⁵ Зильманович, И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. / И. Д. Зильманович // КСИА. Москва. Вып. 104. 1965., с. 93, 97.

⁶ Там же, с. 97

ний были выявлены остатки шести сооружений из камня и кирпича, залегающие на глубине 0,6 – 1,7 м от репера, установленного на дневной поверхности. Данные фрагменты фундаментов принадлежали церкви, постройке, возведённой над ней, вероятнее всего тоже церкви, и нескольким пристройкам. Фрагмент стены в северо-западном углу раскопа принадлежал, вероятнее всего, «гражданскому зданию». Указанные фрагменты фундаментов и кладок датированы исследователем XIV – XV вв.¹ М. А. Ткачёв отмечает, что вышеупомянутая каменная церковь первоначально была бесстолпной одноапсидной постройкой, впоследствии дополненной четырьмя подкупольными столбами крестовидной формы, а «гражданское здание» размерами 8×8 м, является каменным жилищем феодала, существовавшим до середины XVII в.²

Параллельно исследованиям площадки детинца проводилось изучение фортификации Замковой горы – в 1959 г. П. А. Раппопорт прорезал северный вал, а в 1969 – 1970 гг. исследования оборонительных конструкций Новогрудского замка проводились М. А. Ткачёвым, однако в рамках данной работы нет смысла заострять внимание на фортификационных сооружениях, когда в данном случае интерес представляет лишь площадка детинца, непосредственно на которой проводились земляные работы.

Ряд исследований непосредственно на детинце проводился отечественным археологом В. Е. Соболев в 1995, 2000, 2001 и 2002 гг. Данные работы представляли собой несколько раскопов и шурфов возле Костельной башни, Щитовки и Малых ворот. Также исследователем была осуществлена прорезка вала и оборонительного рва. В ходе раскопок 2000 г. были выявлены остатки стен ещё одного дома феодала, датированного XVI в. В. Е. Соболев отмечает, что в шурфах на глубине до 1,2 – 2 м прослеживается слой балласта, состоящего из битого кирпича. Всего за время работ исследователем была собрана обширная коллекция археологического материала XIII – XIX вв. Это фрагменты керамических изделий XV – XVI вв., изразцов XVII – XVIII вв., предметы вооружения, глиняные ядра и два пражских гроша³.

¹ Малевская, М. В. Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV – XV вв. (по раскопкам 1968 г.) / М. В. Малевская // КСИА. Москва. Вып. 135. 1973., с. 90–95

² Ткачёв, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачёв. Минск: Польша, 1987., с. 15

³ Соболев, В. Е. Некаторыя вынікі даследаванняў мураванага замка ў Навагрудку / В. Е. Соболев // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Вып. 22. 2006., с. 228 – 229

Таким образом, можно отметить следующее:

-на территории детинца Новогрудского замка на протяжении XX в. проводились неоднократные земляные работы различного объёма – от прокладки рельсов и вывоза грунта до плановых археологических раскопок;

-во всех траншеях и раскопах на детинце был обнаружен мощный слой балласта от развалов средневековых строений.

Учитывая это, а также то, что проектируемые траншеи должны были пройти на небольшой (0,6 м) глубине по фактическому перекопу и балласту, было принято решение использовать технику.

Описание работ

На момент проведения работ холм с руинами башен находился в критическом состоянии из-за воздействия грунтовых вод, в буквальном смысле размывавших Замковую гору. Наличие на территории новогрудского детинца многочисленных ключей упоминается еще в летописных источниках [12, стб. 873]. Кстати, во многом именно с воздействием родниковых жил связаны регулярные схождения грунта со стороны Костельной башни.

Главной задачей строителей было отведение при помощи дрен грунтовых вод с территории детинца с последующим сбросом их через систему колодцев в ручей, протекающий с южной стороны Замковой горы по территории частного сектора.

Работы на объекте «Реконструкция с консервацией и приспособлением историко-культурной ценности Новогрудского замка» начались еще в конце марта 2021 г. Согласно договору с Государственным областным унитарным предприятием «Управление капитального строительства Гродненского облисполкома» было проведено первичное обследование – был заложен диагностический шурф размерами 1,1×1,4 м и глубиной порядка 6,5 м. (координаты: 53.601233, 25.828467).

Из-за аварийного схода грунтов вследствие воздействия подземных ключей, подход и фиксация шурфа были существенно затруднены.

Стратиграфия шурфа являла собой следующую картину: от дневной поверхности шла каменная кладка из валунов диаметром 0,3 – 0,5 м мощностью 1,5 – 1,8 м, далее прослеживался темно-коричневый слой с остатками строительных конструкций из валу-

нов и битого кирпича мощностью 3 – 3,5 м. На глубине 5 м от дневной поверхности был выявлен слой угля, составляющий порядка 0,3 – 0,4 м. Далее шёл слой строительного раствора розоватого цвета с многочисленными включениями кирпича и мелких валунов (Рис. 1).

После завершения диагностических мероприятий шурф был сразу же засыпан, а справка-отчёт передана в Министерство культуры для корректировки проекта.

Основные работы на детинце были развёрнуты с конца мая 2021 г.

Согласно свидетельствам местных жителей, территория детинца несколько десятилетий XX в. использовалась как стихийная свалка бытового мусора. Кстати, мусор туда свозился на протяжении всего XIX в. и даже дольше¹. Вследствие этого вся площадка замка была покрыта слоем сора и балласта толщиной более двух метров. В 1906 г. обрушилась Костельная башня, а во время Первой мировой войны рухнула южная стена башни Щитовки, что добавило балласта на площадку, впоследствии заросшую толстым слоем дёрна. Также на фотографиях 20-х гг. XX в. видно, что на месте запланированных гродненским УКСом траншей уже проводились земляные работы, более того, были проложены рельсы для вагонеток. На фотоснимках того времени хорошо видны колеи, проходящие прямо под Щитовкой. В настоящее время уровень дневной поверхности выше за счёт подсыпки, произведённой уже в XX в. Эта разница хорошо видна при сравнении фото из Литовского государственного исторического архива и современных снимков (Рис. 2).

На объекте проводилось наблюдение за земляными работами во время прокладки траншеи по склону замкового вала, выемкой котлована под общий распределительный колодец, траншеей, соединяющей его с траншеей на валу, а также за шестью котлованами под распределительные колодцы на замковой площадке и соединяющими их траншеями.

Извлечённый грунт просматривался визуально и проверялся металлодетектором. Профили траншей фиксировались лишь фотографически, в силу отсутствия в них культурного слоя. Измерение глубины траншей и котлованов проводилось от уровня современной дневной поверхности. Наблюдение велось за:

¹ Гісторыя Навагрудка – з глыбінь вякоў да нашых дзён=История Новогрудка - из глубины веков до наших дней [М. П. Касцюк і інш.], рэд. кал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.). Мінск, Белстан, 2014, с. 84; Ткачоў, М. А. Замкі Беларусі / М. А. Ткачоў. Мінск: Польша, 1977., с. 21]

Траншеей 1, идущей по склону замкового вала от вершины к ручью. Длина данной траншеи составляла 20 м, глубина 1,7 – 0,3 м, ширина 1,2 м;

Траншеей 1.1, соединяющей Общий котлован и Траншеею 1, длиной 7 м, глубиной 1,8 – 2 м, шириной 1,1 м;

Общим котлованом размерами 1,3*1,3*2 м, глубиной 1,2 м;

Котлованом 1, размерами 2*2*1,2 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Котлованом 2, размерами 2*2*1 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Котлованом 3, размерами 2*2*1 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Котлованом 4, размерами 2*2*1 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Котлованом 5, размерами 2*2*1 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Котлованом 6, размерами 2,2*2*1,2 м, глубиной 1 – 1,2 м;

Траншеей 1.2, соединяющей Общий котлован с Котлованом 1, длиной 18 м, глубиной 0,8 м, шириной 0,9 м;

Траншеей 1.3, соединяющей Котлован 1 и Котлован 2, длиной 30 м, глубиной 0,9 м, шириной 0,9 м;

Траншеей 1.4, соединяющей Котлован 2 и Котлован 3, длиной 30 м, глубиной 0,6 – 0,9 м и шириной 0,9 м;

Траншеей 1.5, соединяющей Котлован 3 и Котлован 4, длиной 15 м, глубиной 0,2 – 0,6 м, шириной 0,9 м;

Траншеей 1.6, соединяющей Котлован 4 и Котлован 5, длиной 24 м, глубиной 0,7 м, шириной 0,9 м;

Траншеей 1.7, соединяющей Котлован 5 и Котлован 6, длиной 20 м, глубиной 0,4 м, шириной 0,9 м.

Работы на Траншее 1 велись вручную, все котлованы и траншеи 1.1 – 1.7 были заложены при помощи техники.

Итак, если принять к сведению архивные фотографии 20-х и 30-х гг., наложить схему, иллюстрирующую расположение обследованных траншей и котлованов на сводную схему раскопов, заложенных на детинце ранее, то получается следующая картина:

Траншея 1, имеющая относительно небольшую глубину (около полутора метров на гребне вала и не более 30 сантиметров у ручья), выбранная вручную, спускается по юго-восточному склону Замковой горы. Общий котлован находится на месте засыпанного раскопа 1974 и 1977 гг. На его же территории находится и часть Траншеи 1.1 и Траншеи 1.2. Котлован 1 и Траншея 1.3 заложены в толще балласта и строительного мусора, а Котлован 2 и Траншея 1.4 находятся на месте раскопа М. В. Маевской 1968 – 1973 гг. Глубина же Траншей 1.5 – 1.7 составляет всего 0,2 – 0,6 м. (Рис. 3).

Таким образом, о повреждении культурного слоя техникой в данном случае на исследуемом объекте не может идти никакой речи – одна часть земляных работ была проведена на месте старых засыпанных раскопов, другая – по дёрну и массивному балласту, оставшемуся от свалки двух прошлых веков и развалов рухнувших башен.

Траншея 1, спускающаяся по валу к ручью, имела следующую стратиграфию: зелёный слой порядка 0,1 м, далее – серый слой мощностью от 1,5 м на вершине холма и 0,1 м у подножия. Под серым слоем следовал глинистый слой коричневого цвета мощностью в 0,8 – 0,1 м. На вершине холма под коричневым слоем выявлен слой стерильного жёлтого песка общей толщиной в 0,1 – 0,15 м. Серый слой полностью лишён каких-либо находок. Лишь в самом конце траншеи 1, в дерновом слое у ручья был выявлен наконечник стрелы.

Стратиграфия в остальных траншеях и котлованах отсутствовала, как таковая. Сразу же под дёрном начинался массивный слой балласта, в котором были перемешаны как фрагменты керамики и изразцов, так и вполне современные пробки от ликёро-водочных изделий, фольга и жестяная тара от консервированных продуктов питания.

Описание материала ***Строительная керамика*** ***Изразцы***

Всего за время работ было найдено и передано в Новогрудский музей 26 фрагментов изразцов. Все они относятся к коробчатым изразцам, изготовлены их красножгущейся глины. Из них 6 экземпляров терракотовые, 19 – поливные. Цвет поливы колеблется от грязновато-зелёного до тёмно-зелёного. Все изразцы, кроме одного, украшены растительным орнаментом. Исключение составляет фрагмент поливного изразца с геометрическим орнаментом (Рис. 4: 1–5).

Все поливные изразцы, выявленные в ходе археологического наблюдения на Замковой горе, имеют зелёную глазурь и лишены ангоба под ней, используемого для достижения более яркого цвета на красножгущейся глине¹. Это свидетельствует о местном производстве изразцов, в отличие от русских, имевших ангобированную

¹ Баранова С. И. Москва изразцовая /С. И. Баранова. Москва: Московское общество историко-художественных исследований, 2006., с. 67;

основу и более яркий и чистый цвет. Данные изделия могут быть датированы XVII в.¹

Единственный выявленный изразец, имеющий геометрический орнамент, могут быть датированы XVII в. (Рис. 4:5) Самые близкие полные аналогии имеются в Лидском замке².

Выявленные в ходе археологического наблюдения терракотовые изразцы украшены стилизованными гвоздиками, или, как их ещё порой называют в литературе, «васильками» (Рис. 4: 1–2). Этот мотив широко распространён как на территории Беларуси, так и за её пределами. Эти изделия относятся к концу XVII – началу XVIII в.³

Фрагменты кирпича

Практически вся территория Новогрудского замка засыпана бесчисленными фрагментами битого каннелюрованного кирпича, в отечественной литературе именуемого пальчаткой, широко распространённого на территории Беларуси в XVI – XVIII вв. Целых фрагментов обнаружено не было (Рис. 4:6). О находках «пальчатки» XVII в. на территории детинца упоминает М. А. Ткачёв⁴. Эта датировка полностью коррелируется с остальным материалом, найденным на площадке замка.

Бытовая керамика

В ходе работ было собрано более 90 фрагментов керамических изделий, 14 из которых были покрыты поливой зелёного или коричневого цвета. Это фрагменты венчиков, ручек, стенок, и придонных частей.

Некоторые из этих изделий хорошо датируются в силу своих особенностей, характерных для определённого хронологического периода.

Кухонная посуда

Представлена многочисленными фрагментами горшков, имеющих ряд признаков, позволяющих отнести их к XVI – XVII вв. – от-

¹ Левко, О. Н. Витебские изразцы XIV – XVIII вв. / О. Н. Левко. Минск: Наука и техника, 1981., с. 6 – 7.

² Беларуская кафля = Белорусские изразцы / [аўтары тэксту і складальнікі: В. Е. Собаль і інш.] Мінск: Беларусь, 1989., с. 91, рис. 143

³ Пронин Г. Н. Смоленские изразцы XVI – XIX вв. / Г. Н. Пронин, В. Е. Соболев. Смоленск: Свиток, 2013, с. 33, с. 107, рис. 44; 3, с. 91, рис. 143; 17, с. 33, рис. 14:4

⁴ Ткачёв, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачёв. Минск: Полымя, 1987., с. 15.

сутствие шейки с венчиками различной формы, s-видный профиль, плавно изогнутая невысокая шейка (Рис. 4: 7–10)¹.

Фрагмент рынки в единственном экземпляре с остатками зеленоватой поливы. Подобные изделия отечественными исследователями относятся к XVII в. (Рис. 4:11)².

Столовая посуда

В эту группу могут быть отнесены 5 фрагментов неглубоких тарелок, покрытых поливой. Вероятнее всего они выполняли чисто утилитарную функцию – они практически не орнаментированы, а если орнамент и присутствует, то он ограничивается рядом волнистых полос. Указанные изделия могут быть датированы XVII – XVIII вв. (Рис. 4: 12–13)³.

К этому же времени относятся донца и придонные части пивных кружек – «куфлей» (4 экз.), имеющих многочисленные аналогии в Минске, Орше, Могилеве и Витебске (рис. 4:14–15)⁴.

Также в ходе охранных работ на детинце были выявлены 4 ручки от кувшинов (Рис. 4:16–17). Все они покрыты поливой, и крепились верхней частью прямо к венчику сосуда. Этот признак позволяет датировать их XVI – первой половиной XVII в⁵.

Хорошо поддаётся датировке и фрагмент венчика горшка, покрытого желтовато-коричневой глазурью и украшенного проштампованной зубчатой линией (Рис. 4:18). По сведениям И. В. Ганецкой подобный декор, нанесённый на поверхность при помощи колёсика-штампа, создающего сетчатый узор, характерен для поливных керамических сосудов XVI – XVII вв⁶.

Оружие

Стрелы

Единственный экземпляр стрелы, выявленный в ходе археологического надзора на Новогрудском замке, был найден в слое дёрна у подножия горы во время земляных работ на Траншее 1. Перо наконечника имеет ромбовидную расширяющуюся к середине форму с пропорциями 1:2. Данное изделие относится к гнёздовскому типу, датируемому IX – X вв. Подобные наконечники были широко рас-

¹ Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV – XVIII стст. / В. М. Ляўко, М. Ф. Гурын, Ю. А. Заяц і інш.; пад рэд. В. М. Ляўко і інш. Мн.: «Беларуская навука», 2001., с. 30

² Там же, с. 423, рис. 189:9,10

³ Там же, с. 300, рис. 187

⁴ Там же, с. 423, рис. 192

⁵ Там же, с. 305

⁶ Там же, с. 300

пространены в Восточной Европе и являются частой находкой в Гнёздово.

Выводы

Как и следовало ожидать, ни в траншеях, ни в котлованах, заложенных на месте многочисленных бывших земляных работ, культурный слой выявлен не был. В толще балласта было найдено порядка полутора сотен фрагментов керамической посуды и печных изразцов XVI – XVIII вв. Данные изделия подверглись камеральной обработке ещё в самом Новогрудке и были переданы в Новогрудский районный краеведческий музей сразу по окончании работ на детинце (Акт б/н от 04.11.2021).

Находки и профили траншей и котлованов только подтверждают выводы исследователей, работавших на данном объекте на протяжении XX в. о существовании застройки детинца до XVII в., о развалах зданий и о долгосрочной свалке на его территории.

Данные работы не выявили более ранних предметов (за исключением стрелы) и не затронули культурный слой Замковой горы, которая, несомненно, хранит ещё немало тайн для археологов будущего.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА О НОВОГРУДКОМ ЗАМКЕ В 2021 ГОДУ

В данной публикации представлены результаты археологических наблюдений на территории цитадели Новогрудского замка в апреле-августе 2021 года.

В статье содержится краткий обзор предыдущих земляных работ, проводившихся на этом объекте, описание охранных работ в 2021 году и их особенностей, а также обзор археологического материала, найденного в ходе надзора.

Ключевые слова: археологический надзор, спасательная археология, Новогрудский замок.

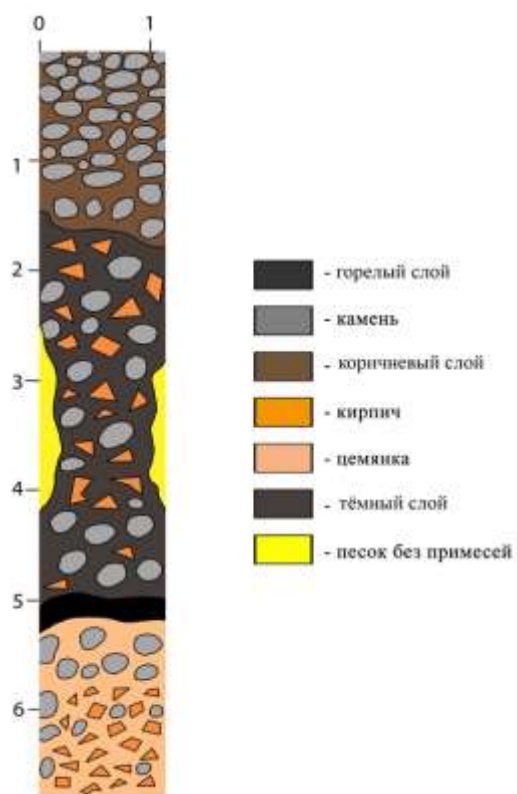
RESULTS OF ARCHEOLOGICAL SUPERVISION ON THE NOVOGRUDOK CASTLE IN 2021

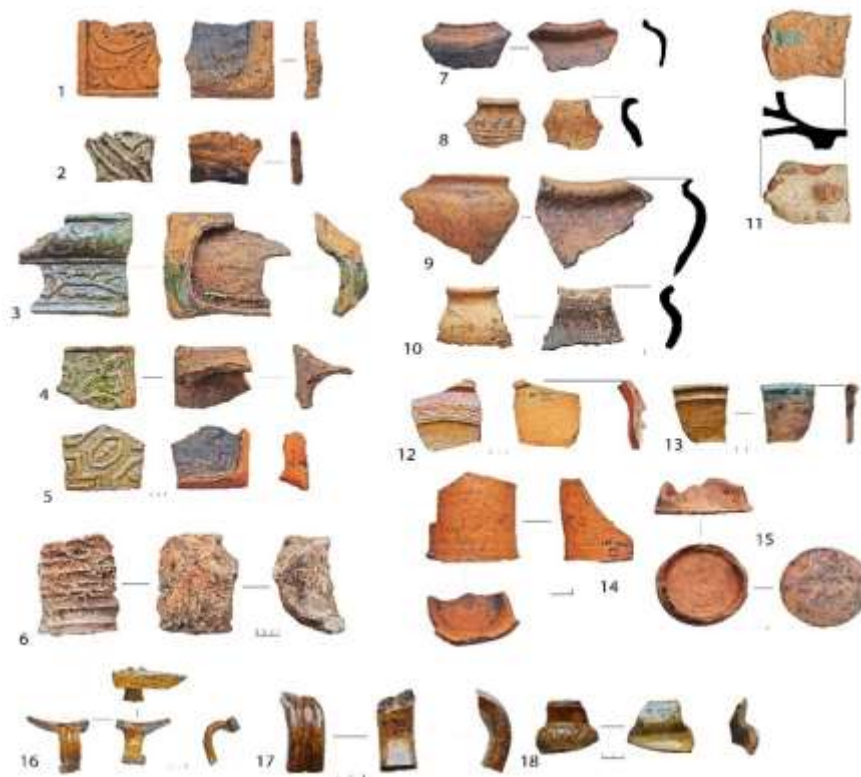
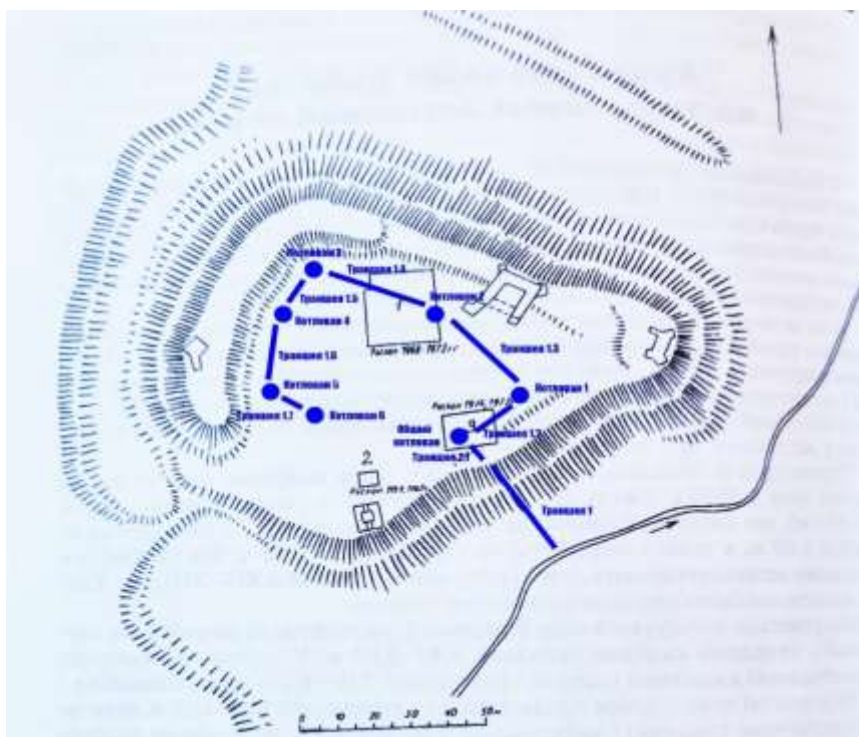
This publication presents the results of archaeological supervision on the territory of the citadel of the Novogradok castle during April-August 2021.

The paper contains a brief overview of the previous earthworks that took place at this site, a description of the security works in 2021 and their specifics, as well as an overview of archeological material found during the supervision.

Key words: archaeological supervision, rescue archeology, Novogradok castle.

Иллюстрации





Сведения об авторе: Костюкевич Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, заведующий отделом сохранения и использования археологического наследия, Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной Академии наук Беларуси».Тел.: + 375295970781. E-mail: kostukevith@yandex.ru

About the author: Kostyukevich Anastasia Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Preservation and Use of Archaeological Heritage, State Scientific Institution "Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus". Tel.: + 375295970781. E-mail: kostukevith@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Н.-Р. Francfort	
Takht-i Sangin: on the Pre-Hellenistic Finds.....	6
А. Дружинина	
Строительные элементы и объекты ахеменидского времени из храма Окса.....	23
Л. Додхудоева	
Тахти-Сангин: образ наследия и проблема культурной преемственности.....	46
Н. Ходжаева	
Новый взгляд на проблему датировки Тахти-Сангина...	64
П. Лурье	
Фрагмент кушанской монументальной надписи из Тахти-Сангина.....	83
М. Gelin	
The Defence of Takht-i sangin.....	92
С. Болелов	
К вопросу о классификации бактрийской керамики кушанского периода (история исследования и постановка проблемы).....	113
А. Низамов	
Силен Марсий – олицетворение культа флейты (най, дунай) в таджикской музыкальной культуре.....	134
А. Омельченко	
Храм в Пайкенде (Западный Согд) и Храм Окса (Северная Бактрия).....	145
Т. Филимонова	
Время происхождения культа и алтарей огня в Северной Бактрии и их эволюция.....	164
М. Шенкарь	
Новые открытия в Центральной Азии и происхождение храмов огня.....	183
Н. Inagaki	
Status and Issues of the Oxus Temple Excavation.....	199
М. Бобоев	
Особенности архитектуры и скульптуры Тахти-Сангина	214

(по материалам археологических раскопок).....	
Дж. Ильясов	
Костяные пластины из Тахти-Сангина: проблемы функции, датировки и историко-культурной интерпретации.....	223
О. Каландорова	
К вопросу об амфоровидных серьгах из Тахти-Сангина.	245
М. Иброгимов, М. Сохибназаров	
Художественная обработка кости в Центральной Азии..	248
А. Балахванцев	
Андрогор и Софит: между Индией и Парфией (предварительное сообщение).....	260
А. Голод	
Астроархеологические исследования храма Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане: постановка, задачи, методика, результаты.....	270
Г. Линдстром, Ш. Хагель	
Греческие музыкальные инструменты (авлосы) из храма Окса на городище Тахти-Сангин.....	282
F. Michetti	
Greeks or Bactrians? The Takht-i Sangin Inscription of Irōmois: Between Hellenism and Local Identity.....	296
А. Шарифзода, М. Сафоев, Ф. Сафоев	
Кашфи нави сиккаҳои бостонӣ аз Тоҷикистон.....	309
S. Glenn	
Coins of the Bactrian and Indo-Greek Rulers Online: A New Typology.....	329
M. Veltman	
Globalization in the Burials of Northern Bactria: The Case of Amphora-Shaped Earrings in the Form of Dolphins.....	342
T. Zhakhonov	
Issues of the Reconstruction of monuments of the Kushan Period (Example of Zartepa).....	359
Н. Рахимов, М. Бободжанова	
Архаический Худжанд: город периода Ахеменидов.....	365
О. Хамидов	
Религиозный характер культуры расписной религиозной керамики.....	181

Я. Кисела, В.Л. Станчо	
Наконечники стрел эллинистического периода из микрорегиона дарбандской стены, Южный Узбекистан: первые результаты.....	395
G. Kattaeva	
The Lapis Lazuli Beads in Sapalli Culture and Central Asia.	404
Ф. Костюкевич	
Результаты археологического надзора на детинце Ново- грудского замка в 2021 году.....	420

***Разрешено к печати 01.10.2023. Сдано в печать 02.10.2023.
Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Заказ №129. Тираж 150 экз.***



МН «Дониш»

***Издательское учреждение «Дониш» НАНТ:
734029, г. Душанбе, ул. С.Айни, 299/2.***